

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

НАНКЕВИЧ Алёна Анваровна

**КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЦВЕТА:
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата философских наук**

Специальность 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства
(философские науки)

Научный руководитель:
доктор культурологии,
профессор кафедры социологии и философии
Грибер Юлия Александровна

Смоленск
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЦВЕТОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	23
1.1. Предпосылки формирования понятия «категоризация цвета» в культурфилософском дискурсе	23
1.2. Экологическая мотивация культурфилософского осмысления категоризации цвета	52
1.3. Рецепция понятий «цвет» и «цветовая категоризация» в современной философии сознания	76
ГЛАВА 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЦВЕТА	104
2.1. Категоризация цвета как культурная схема	104
2.2. Категоризация цвета в естественном языке	128
2.3. Искусственные цветовые системы как способ репрезентации категорий цвета	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	180
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	184
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ЦВЕТОВЫЕ СХЕМЫ	230

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема категоризации цвета в культурфилософском дискурсе с середины прошлого века традиционно сводится к обсуждению общих (универсальных) и частных (специфичных для каждой культуры) способов упорядочивания оттенков в виде категорий. При этом накапливаемый эмпирический материал в гуманитарных и естественных науках не способствует решению проблемы, но предлагает новую пищу для размышления.

Сторонники лингвистической относительности и культурного релятивизма отрицают наличие каких-либо универсальных оснований категоризации цвета. Отдельная культура формирует свой уникальный набор категорий цвета, который отражается в языке в виде цветообозначений. Цветообозначения и их денотативное значение значительно варьируются в разных языках, поэтому, согласно релятивистам, категоризация цвета не может базироваться на каких-либо врожденных механизмах цветового зрения.

Представители цветового универсализма стремятся выявить общие принципы категоризации цвета исходя из того, что у человека как биологического существа необходимым образом присутствует общий механизм восприятия цвета, который не поддается влиянию культуры, но накладывает отпечаток на развитие цветообозначений в языке.

С развитием когнитивных наук обозначенная дискуссия получает новый импульс, который проявляется в акцентировании роли сознания и мышления в процессе категоризации цвета. В итоге становится нетривиальной проблема взаимодействия культуры, мышления и объективно существующего мира. В отношении цвета данная проблема напрямую связана с определением его онтологического статуса: цвет – это объективная характеристика предмета (цветовой реализм) или факт субъективного перцептивного опыта (цветовой антиреализм)?

В этой связи, возвращаясь к категоризации цвета, можно провести следующие параллели: цветовой универсализм – цветовой реализм и цветовой релятивизм – цветовой антиреализм (субъективизм). Однако редукция цвета к одной из сторон в оппозиции «объективный мир – субъективное сознание», во-первых, приводит к односторонним теориям, неспособным вынести критику сторонников противоположного направления. Во-вторых, такие теории концентрируются либо на физических процессах и объективных качествах предметов, либо на индивидуальных характеристиках цветового восприятия, не учитывая влияние культуры на мышление человека и окружающую среду. В-третьих, в подобных дебатах ускользает от внимания исследователей экологический аспект восприятия цвета, который указывает на вариативность устройства зрительной системы у разных живых организмов, не обладающих такой развитой психикой, как у человека.

Если в отношении онтологии цвета за последнее время появилось множество реляционных теорий, учитывающих амбивалентную природу цвета, то категоризация цвета по-прежнему нуждается в детальном философско-культурологическом анализе, в рамках которого будут раскрыты общие закономерности данного процесса и обозначены особенности его социокультурных репрезентаций с точки зрения современной теории культуры и философии сознания. Этим объясняется актуальность и важность настоящего исследования.

Степень разработанности проблемы. Исследование категоризации цвета имеет междисциплинарную направленность и освещается в рамках социальной и культурной антропологии, когнитивной антропологии, лингвистики, нейронауки, психологии, культурологии и философии. При этом понятия «категория» и «категоризация» с точки зрения разных дисциплин рассматриваются неодинаково. В академической среде наблюдается тенденция смещения акцента с процесса категоризации цвета на его результат – категории

цвета. Как следствие, термин «категоризация цвета» зачастую раскрывается через определение категории цвета¹ либо при помощи контекста.

Вне зависимости от способа экспликации понятия «категоризация цвета» следует отметить, что оно синонимично понятию «классификация», то есть способу упорядочивания объектов на основе их сходства или различия², или системе, состоящей из элементов, связанных определенными отношениями, которые задают ее структуру³. Применительно к цвету учитываются также ассоциативные связи и отношения гармонии⁴.

Что касается самого понятия «цвет», то, как и в случае с категоризацией цвета, имеет место некоторая гетерогенность его дефиниций. Во избежание разночтений в данной работе принимается определение М. Чиримууты. М. Чиримуута понимает цвет как модификатор перцептивных процессов, или взаимодействие между наблюдаемым и наблюдающим⁵. Вследствие этого восприятие цвета – комплексный процесс, в котором задействованы элементы окружающей среды, такие как свет, текстура, форма и движение, и когнитивное состояние субъекта⁶. Такой подход к восприятию цвета позволяет рассматривать сам цвет как биосоциальный конструкт, зависимый от влияния не только физической среды, но и культурной.

По этой причине в настоящем исследовании под категоризацией цвета понимается культурная классификация оттенков на отдельные разряды (категории цвета). В процессе такой классификации категории цвета как общие понятия, обозначающие классы оттенков, помимо денотативного значения приобретают также и наиболее культурно-специфичное коннотативное значение.

¹ См. напр.: *Paramei G. V. Color Categorization: Patterns and Mechanisms of Evolution // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by R. Shamey. Cham: Springer, 2023. P. 298–303.*

² *Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. С. 14.*

³ Там же. С. 8.

⁴ *Caivano J. L. Color Combination // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by R. Shamey. Cham: Springer, 2023. P. 298–303.*

⁵ *Chirimuuta M. Outside color: Perceptual science and the puzzle of color in philosophy. Cambridge; London: MIT press, 2017. P. 159.*

⁶ *Ibid. P. 168–169.*

Обозначенная трактовка понятия категоризации цвета существенным образом отличается от принятой традиции осмысления философских категорий и в большей степени апеллирует к работам А. Я. Гуревича¹ и В. С. Степина², посвященным проблемам категорий (универсалий) культуры. Понимание самой культуры в рамках данного исследования выстраивается с опорой на работы структуралистов Р. Барта³, К. Леви-Стросса⁴, М. Фуко⁵ и исследования К. Гирца⁶, М. С. Кагана⁷, Дж. Робертса⁸, Э. Б. Тайлора⁹, К. Уисслера¹⁰.

Проблема категоризации цвета как частный аспект макроанализа роли цвета в культуре представлена в работах таких исследователей, как К. П. Биггэм и К. Вольф¹¹, Дж. Гейдж¹², С. Дюпре и А. Буоно¹³, А. Лоске¹⁴, М. Росси¹⁵, Д. Уортон¹⁶, А. Файн¹⁷. Демонстрируя междисциплинарный подход к изучению цвета, авторы отразили историчность и изменчивость категорий цвета как продуктов культуры.

¹ Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 560 с.

² Степин В. С. Проблема системности и преемственности в развитии философского знания // Философские науки. 2014. № 12. С. 7–19.

³ Барт Р. Мифологии / пер. с фр. М.: Академический Проспект, 2023. 351 с.

⁴ Леви-Стросс К. Структурная антропология / под ред. А. М. Положенцева; пер. с фр. М.: Академический проект, 2008. 399 с.

⁵ Фуко М. Слова и вещи / под ред. Г. И. Семенова, О. И. Попова; пер. с фр. СПб.: А-сэд, 1994. 407 с.

⁶ Geertz C. The interpretation of culture. New York: Basic Books, 1973. 470 p.

⁷ Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. Второе издание. СПб.: Петрополис, 2003. 383 с.

⁸ Roberts J. The self-management of cultures // Explorations in Cultural Anthropology: Essays in Honor of George Peter Murdock / ed. by V. Goodenough. New York: McGraw-Hill Book Co, 1964. P. 433–454.

⁹ Tylor E. B. Primitive Culture. Vol. 1. New York: Henry Holt, 1920. 520 p.

¹⁰ Wissler C. Man and Culture. New York: Crowell, 1923. 388 p.

¹¹ A Cultural History of Color in the Age of Enlightenment / ed. by C. P. Biggam, K. Wolf. London: Bloomsbury Publishing, 2022. 264 p.

¹² Gage J. Color and culture: Practice and meaning from antiquity to abstraction. London: Thames & Hudson, 1999. 344 p.

¹³ A Cultural History of Color in the Renaissance / ed. by S. Dupré, A. Buono. London: Bloomsbury Publishing, 2022. 264 p.

¹⁴ Loske A. Colour: A Visual History. Lewes: Hachette, 2019. 240 p.

¹⁵ Rossi M. The republic of color: science, perception, and the making of modern America. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 330 p.

¹⁶ A Cultural History of Color in Antiquity / ed. by D. Wharton, K. Wolf, C. P. Biggam. London: Bloomsbury Publishing, 2022. 288 p.

¹⁷ Fine A. Color theory: A critical introduction. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2021. 377 p.

Ф. Боас¹, Р. У. Браун и Э. Х. Леннеберг², Л. Витгенштейн³, Д. Дедрик⁴, А. П. Забияко⁵, Г. К. Конклин⁶, А. Б. Рахманов⁷, Н. В. Серов⁸, Р. Финлей⁹ делали акцент в своих исследованиях на связи категоризации цвета с культурной и этнической идентичностью человека.

Источником объяснения отдельных социальных аспектов категоризации цвета стали работы К. А. Очеретяного¹⁰, В. М. Розина¹¹, В. М. Фриче¹², Л. И. Щербич¹³. Более комплексный анализ воздействия общества на формирование культурных смыслов категорий цвета представлен в работах Я. Балеки¹⁴, М. Пастуро¹⁵ и П. Симпсона¹⁶. Фокусируя свое внимание на одной из категорий цвета, исследователи подчеркнули ее взаимосвязь с другими цветами и сопоставили изменение коннотативного значения цветов с явлениями социального порядка, такими как классовая стратификация общества, развитие производственных и торговых отношений, эстетические потребности общества.

¹ Боас Ф. Ум первобытного человека / пер с англ. М.: Альма-Матер, 2023. 303 с.

² Brown R. W., Lenneberg E. H. A study in language and cognition // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1954. Vol. 49, No. 3. P. 454–462.

³ Витгенштейн Л. Заметки о цвете. М.: АСТ, 2022. 160 с.

⁴ Dedrick D. Colour language, thought, and culture // *The Routledge Handbook of Language and Culture* / ed. by F. Sharifian. London: Routledge, 2014. P. 270–293.

⁵ Забияко А. П. Мифогенез и антропогенез // *Вопросы философии*. 2021. № 3. С. 57–67.

⁶ Conklin H. C. Color categorization // *American Anthropologist*. 1973. Vol. 75. P. 931–942.

⁷ Рахманов А. Б. Лингвистический империализм, лингвистический субимпериализм и их необходимость: Россия и Испания // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 54. С. 188–203.

⁸ Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2004. 672 с.

⁹ Finlay R. Weaving the rainbow: visions of color in world history // *Journal of World History*. 2007. P. 383–431.

¹⁰ Очеретяный К. А. Цвет как форма власти: к социологии графического пользовательского интерфейса // *Социология науки и технологий*. 2023. Т. 14, № 4. С. 153–169.

¹¹ Розин В. М. Дорожная карта реконструкции становления античной культуры и социальности (период полисов, до образования империй) // *Культура и искусство*. 2018. № 3. С. 8–20.

¹² Фриче В. М. Социология искусства. М., Л.: Госиздат, 1930. 203 с.

¹³ Щербич Л. И. Культурные универсалии и социализация: гендерный аспект // *Система ценностей современного общества*. 2011. № 19. С. 150–157.

¹⁴ Балека Я. Синий – цвет жизни и смерти. Метафизика цвета. М.: Искусство–XXI век, 2023. 408 с.

¹⁵ Пастуро М. Белый. История цвета / пер. с фр. М.: Новое литературное образование, 2023. 144 с.

¹⁶ Симпсон П. Код цвета. Небесный голубой, газетный желтый, королевский фиолетовый и другие оттенки в культурной истории цвета. М.: Миф Арт, 2022. 410 с.

Категоризация цвета участвует в формировании языковой картины мира. Это находит отражение в семантике и структуре цветообозначений, анализ которых представлен в работах А. В. Вежбицкой¹, Ю. А. Грибер², Г. Дойчера³, В. Г. Кульпиной⁴, Дж. Р. Тейлора⁵. Исследования исторического развития языка (Н. Б. Бахилиной⁶, А. П. Василевича, С. Н. Кузнецовой, С. С. Мищенко⁷, Д. Г. Миллера⁸) и социальных особенностей функционирования языка (В. Лабова⁹, Дж. и Л. Милрой¹⁰, С. Пинкера¹¹) способствовали пониманию генезиса категорий цвета в культуре.

За последнее время накоплен определенный объем знаний о категоризации цвета в когнитивистике¹². Корреляция между нейробиологией головного мозга и процессом категоризации цвета описана М. Вебстером и П. Кеем¹³, М. Ливингстон¹⁴, Т. В. Черниговской¹⁵.

¹ Вежбицкая А. В. Язык. Культура. Познание / под ред. М. А. Кронгауза; пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 412 с.

² Грибер Ю. А. Картография цвета: диагностика развития цветоименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов. М.: Согласие, 2021. 152 с.

³ Deutscher G. Through the language glass: why the world looks different in other languages? New York: Metropolitan Books, 2010. 304 p.

⁴ Кульпина В. Г. Лингвистика цвета как ключ к пониманию и переводу образной структуры художественного текста // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2023. № 3. С. 52–71.

⁵ Taylor J. R. Linguistic categorization. Oxford: Oxford University Press, 2003. 326 p.

⁶ Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 287 с.

⁷ Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: ЛЕНАНД, 2022. 216 с.

⁸ Miller D. G. English lexicogenesis. Oxford: Oxford University Press, 2014. 320 p.

⁹ Labov W. The intersection of sex and social class in the course of linguistic change // Language variation and change. 1990. Vol. 2, No. 2. P. 205–254.

¹⁰ Milroy J., Milroy L. Mechanisms of change in urban dialects: the role of class, social network and gender // International Journal of Applied Linguistics. 1993. Vol. 3, No. 1. P. 57–77.

¹¹ Pinker S. The cognitive niche: Coevolution of intelligence, sociality, and language // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107, No. 2. P. 8993–8999.

¹² Cohen H., Lefebvre C. Handbook of categorization in cognitive science. Oxford: Elsevier, 2005. 1136 p.

¹³ Webster M., Kay P. Color categories and color appearance // Cognition. 2011. No. 122. С. 375–392.

¹⁴ Ливингстон М. Искусство и восприятие. Биология зрения / пер. с англ. М.: Издательская Группа Азбука-Аттикус, 2020. 240 с.

¹⁵ Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание. Litres, 2021. 450 с.

Дж. Т. Абботт, Т. Л. Гриффитс и Т. Реджиер¹, Н. Н. Болдырев², В. И. Заботкина³, Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков⁴ исследовали связь между ментальной структурой категорий цвета и лексическими средствами их репрезентации в языке. Определенным достижением когнитивной психологии в области категоризации цвета стали теория межточечного расстояния К. Джеймсон⁵ и теория когнитивной точки зрения Р. Э. Маклори⁶.

Психолингвистический аспект категоризации цвета представлен в работах Д. Х. Ракисона⁷, А. Сейсэни⁸, Р. М. Фрумкиной⁹, Н. Хомского¹⁰. В рамках психологии Б. А. Базыма¹¹ и П. В. Яньшин¹² рассмотрели воздействие разных цветов на психическое состояние человека.

Исследование профессиональной категоризации цвета как части визуальной организации пространства в архитектуре и дизайне представлено в работах Х. Брекулаки¹³, П. де Боллы¹⁴, М. М. Ли¹⁵, Х. С. Льюча¹⁶,

¹ Abbott J. T., Griffiths T. L., Regier T. Focal colors across languages are representative members of color categories // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113, No. 40. P. 11178–11183.

² Болдырев Н. Н. Когнитивная природа языка: сб. ст. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.

³ Заботкина В. И. В четырехмерном пространстве языка и культуры // *Критика и семиотика*. 2021. № 1. С. 94–106.

⁴ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 4. С. 8–16.

⁵ Jameson K. A. Culture and cognition: What is universal about the representation of color experience? // *Journal of Cognition and Culture*. 2005. Vol. 5, No. 3–4. P. 293–348.

⁶ MacLaury R. E. Color and cognition in Mesoamerica: constructing categories as vantages. Texas: University of Texas press, 1997. 616 p.

⁷ Rakison D. H. When a rose is just a rose: The illusion of taxonomies in infant categorization // *Infancy*. 2000. Vol. 1, No. 1. P. 77–90.

⁸ Saysani A. How the Blind “See” Colour: diss. ...Phd in Psychology. Auckland, 2017. 216 p.

⁹ Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.

¹⁰ Хомский Н. Избранное / под ред Э. Арноува; пер. с англ. М.: Энциклопедия-ру, 2016. 718 с.

¹¹ Базыма Б. А. Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. 208 с.

¹² Яньшин П. В. Эмоциональный цвет. Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. Самара: Издательство СамГПУ, 1996. 110 с.

¹³ Breccoulaki H. Archaeology of Colour: Technical Art History Studies in Greek and Roman Painting and Polychromy. Athens: Brepols, 2023. 450 p.

¹⁴ De Bolla P. The education of the eye: painting, landscape, and architecture in eighteenth-century Britain. Stanford: Stanford University Press, 2003. 296 p.

¹⁵ Lee M. M. Body, dress, and identity in ancient Greece. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 365 p.

¹⁶ Lluch J. S. Color for Architects (Architecture Brief). New York: Princeton Architectural Press, 2019. 477 p.

Ю. Михлера¹, К. Парка², Э. К. Ферни³, Н. Хискока⁴, Л. Холцшу⁵. Процесс систематизации цветовых отношений в искусстве отразили в своих работах Н. Н. Волков⁶, Дж. Гейдж⁷, Э. Киршнер и П. Кокен⁸, Б. Лимайер⁹, Х. Пуллиам¹⁰, П. А. Флоренский¹¹.

Современное прочтение категоризации цвета как способа структурирования эстетического знания разрабатывается в русле когнитивной и эмпирической эстетики. В частности, исследованию когнитивных процессов, связанных с эстетическим восприятием отдельных цветов и цветовых сочетаний посвящены работы таких ученых, как А. М. Альберс, К. Гегенфуртнер, С. Насименто и Ф. Шиллер¹², Н. Кэрролл и М. Мур¹³, К. Мартиндейл¹⁴, С. Э. Палмер и К. Б. Шлосс¹⁵, К. Редис¹⁶, У. П. Сили¹⁷, А. Уитфилд¹⁸.

¹ Michler J. La cathédrale Notre-Dame de Chartres: reconstitution de la polychromie originale de l'intérieur // Bulletin Monumental. 1989. Vol. 147, No. 2. P. 117–131.

² Park C. Sacred worlds: An introduction to geography and religion. London: Routledge, 2002. 346 p.

³ Fernie E. C. Romanesque architecture: the first style of the European age. New Haven: Yale University Press, 2014. 300 p.

⁴ Hiscock N. The white mantle of churches: architecture, liturgy, and art around the millennium. Turnhout: Brepols, 2003. 226 p.

⁵ Holtzschue L. Understanding color: an introduction for designers. New York: John Wiley & Sons, 2017. 380 p.

⁶ Волков Н. Н. Цвет в живописи. М.: Искусство, 1985. 157 с.

⁷ Gage J. Color in Art. London: Thames & Hudson, 2023. 306 p.

⁸ Kirchner E., Koken P. The art of painting rainbows—between color science and painter's practice // Color Research and Application. 2022. Vol. 47, No. 6. P. 1372–1391.

⁹ Lemire B. Domesticating the exotic: floral culture and the East India calico trade with England, c. 1600–1800 // Textile. 2003. Vol. 1, No. 1. P. 64–85.

¹⁰ Pulliam H. Color // Studies in Iconography. 2012. Vol. 33. P. 3–14.

¹¹ Флоренский П. А. Иконостас. М.: Искусство, 1995. 255 с.

¹² Albers A. M., Schiller F., Gegenfurtner K., Nascimento S. Color categories in aesthetic preferences for paintings // Journal of Vision. 2018. Vol. 18, No. 10. P. 869–869.

¹³ Carroll N., Moore M., Seeley W. P. The philosophy of art and aesthetics, psychology, and neuroscience // Aesthetic science. Connecting minds, brains, and experience / ed. by A. P. Shimamura, S. E. Palmer. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 31–62.

¹⁴ Martindale C. The clockwork muse: the predictability of artistic change. New York: Basic Books, 1990. 432 p.

¹⁵ Palmer S. E., Schloss K. B. An ecological valence theory of human color preference // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107, No. 19. P. 8877–8882.

¹⁶ Redies C. Combining universal beauty and cultural context in a unifying model of visual aesthetic experience // Frontiers in human neuroscience. 2015. Vol. 9. [Электронный ресурс] URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2015.00218/full> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁷ Seeley W. P. Attentional engines: A perceptual theory of the arts. Oxford: Oxford University Press, 2020. 288 p.

¹⁸ Whitfield A. Individual differences in evaluation of architectural colour: categorization effects // Perceptual and Motor Skills. 1984. Vol. 59, No. 1. P. 183–186.

Категоризация цвета в индустрии моды выступает частью цветового прогнозирования и тесно связана с историей развития цветовых трендов, которой посвящены работы таких исследователей, как Л. Бенсон¹, А. Гийсеней², Т. Дайан³, Т. Д. Кассиди⁴, А. Кирберг⁵, Р. Ли Блащик⁶, Дж. Стэнсфилд и Т. У. А. Уитфилд⁷.

Категоризация цвета как предмет философской рефлексии актуализируется в дискуссиях, направленных на выявление онтологического статуса цвета и принципов его восприятия. Проблеме познания сущности цвета и его эстетической значимости посвящены исследования Д. Батчелора⁸, М. Зиля⁹, А. А. Исаева¹⁰ и Д. А. Теплых, Н. А. Кормина¹¹, В. Л. Круткина¹², В. Г. Кузьмина¹³, Дж. Хаймена¹⁴, И. М. Чубарова и Э. В. Самохваловой¹⁵.

В области философии сознания анализ перцептивного опыта субъекта позволил К. Л. Хардину¹⁶ разработать понятие феноменального цвета как базового цвета, на основе которого группируются различные оттенки. Дж. Коэн и М. Маттен¹⁷, опираясь на работы Д. Джеймсон и Л. Хурвича, ввели понятие

¹ Benson L. et al. The Colour conspiracy: A summary of colour forecasting in the textile and clothing industry and its influence on future predictions for a UK Mail Order Company // *Design Journal*. 1999. Vol. 1, No. 4. P. 311–320.

² Gijzen A. et al. Analyzing a decade of colors of the year // *Color Research and Application*. 2021. Vol. 4, No. 1. P. 258–270.

³ Diane T., Cassidy T. Colour forecasting. New York: John Wiley & Sons, 2009. 192 p.

⁴ Cassidy T. D. Colour forecasting // *Textile Progress*. 2019. Vol. 51, No. 1. P. 1–137.

⁵ Kirberg A. Forecasting, standardization, and the Americanization of color: The formative years of the textile color card association of the United States (1914–1924) // *Dress*. 2015. Vol. 41, No. 2. P. 81–94.

⁶ Lee Blaszczyk R. The Color Revolution. Cambridge: MIT Press, 2012. 400 p.

⁷ Stansfield J., Whitfield T. W. A. Can future colour trends be predicted on the basis of past colour trends?: An empirical investigation // *Color Research and Application*. 2005. Vol. 30, No. 3. P. 235–242.

⁸ Batchelor D. Chromophobia. London: Reaktion Books, 2000. 128 p.

⁹ Seel M. The Aesthetics of Appearing. Stanford.: Stanford University Press, 2004. 256 p.

¹⁰ Исаев А. А., Теплых Д. А. Философия цвета. Феномен цвета в мышлении и творчестве. М.: Флинта, 2021. 180 с.

¹¹ Кормин Н. А. Мыслить цветом // *Культура и искусство*. 2021. № 2. С. 12–38; Кормин Н. А. И. Кант: метафизическое обоснование эстетики // *Философия и культура*. 2024. № 9. С. 1–65.

¹² Круткин В. Л. Номо pictor в антропологическом измерении // *Человек*. 2024. Т. 35, № 3. С. 157–177.

¹³ Кузьмин В. Г. Онтология цвета как методология проецирования цветовой реальности: дисс. ...кандидата философских наук. М., 2022. 164 с.

¹⁴ Human J. The objective eye: Color, form, and reality in the theory of art. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 300 p.

¹⁵ Чубаров И. М., Самохвалова Э. В. Искусство без художника: к вопросу о критериях современного искусства // *Человек*. 2023. Т. 34, № 5. С. 130–148.

¹⁶ Hardin C. L. Color for philosophers: unweaving the rainbow. Indianapolis: Hackett, 1988. 268 p.

¹⁷ Color ontology and color science / ed. by J. Cohen, M. Matthen. Cambridge; London: Mit Press, 2010. 438 p.

традиционного цветового пространства как физиологически и психологически возможной модели категоризации цвета. Я. Ван Бракель¹, К. Г. Фролов и А. И. Пономарев², М. Чиримуута³ подчеркнули зависимость результата категоризации цвета от кросс-модальных связей цвета с данными других органов чувств, а также от степени взаимовлияния разных когнитивных состояний.

Кроме того, анализируя философский дискурс, Дж. Л. Бенсон⁴, К. Иеродиакону⁵, Т. С. Кори⁶, М. М. Сасси⁷, Д. Седли⁸ выявили модели и способы категоризации цвета в философских произведениях периода Античности. Отдельные идеи, посвященные категоризации цвета, отметили Дж. Беннетт⁹, Х. Ж. Да Силва¹⁰, А. В. Иванов¹¹, И. С. Качай¹², О. Лиман¹³, А. Ф. Лосев¹⁴, Л. Б. Макеева¹⁵, Х. А. Мартинес¹⁶, А. О. Надаль¹⁷, И. С. Нарский¹⁸, А. И. Прохоров¹⁹, анализируя философские концепции восприятия и языка.

¹ Van Brakel J. The plasticity of categories: The case of colour // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1993. Vol. 44, No. 1. P. 103–135.

² Фролов К. Г., Пономарев А. И. Цветовые концепты как фактор когнитивного проникновения в восприятие // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2022. Т. 59, № 2. С. 136–151.

³ Chirimuuta M. Op. cit.

⁴ Benson J. L. Greek color theory and the four elements. University of Massachusetts Amherst, 2000. 166 p.

⁵ Ierodiakonou K. Hellenistic Philosophers on the Phenomenon of Changing Colours // *The Frontiers of Ancient Science. Essays in Honor of Heinrich von Staden* / ed. by B. Holmes, K.-D. Fischer. Berlin: De Gruyter, 2015. P. 227–250.

⁶ Cory T. S. How light makes color visible: the reception of some greco-arabic theories (Aristotle, Avicenna, Averroes) in medieval Paris, 1240s–50s // *Contextualizing Premodern Philosophy*. London: Routledge, 2023. P. 181–224.

⁷ Sassi M. M. Philosophical theories of colour in ancient greek thought and their relevance today // *Ancient Philosophy Today: DIALOGOI*. 2022. Vol. 4, No. 2. P. 155–175.

⁸ Sedley D. Creationism and Its Critics in Antiquity. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2007. 290 p.

⁹ Bennett J. Locke, Berkeley, Hume: Central Themes. Oxford: Clarendon Press, 1971. 372 p.

¹⁰ Da Silva J. J. On color: The Husserlian material a priori // *How Colours Matter to Philosophy* / ed. by Marcos Silva. Cham: Springer, 2017. P. 97–105.

¹¹ Иванов А. В. Наука и религия в трудах Роджера Бэкона // *Вестник Омского университета*. 2023. Т. 28, № 1. С. 4–12.

¹² Качай И. С. Онтологическое, гносеологическое и антропологическое измерения творчества в контексте классической европейской философии // *Человек и культура*. 2023. № 6. С. 137–152.

¹³ Leaman O. Averroes and his Philosophy. London: Routledge, 2013. 224 p.

¹⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 1. М.: АСТ, 2000. 624 с.

¹⁵ Макеева Л. Б. Семантические идеи Х. Патнэма // *История философии*. 1997. № 1. С. 121–134.

¹⁶ Martinez J. A. Galileo on primary and secondary qualities // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1974. No. 10 (2), P. 160–169.

¹⁷ Nadal A. O. Descartes on the distinction between primary and secondary qualities // *British Journal for the History of Philosophy*. 2019. Vol. 27, No. 6. P. 1113–1134.

¹⁸ Нарский И. С. Давид Юм. М.: Мысль, 1973. 180 с.

¹⁹ Прохоров А. И. Философия языка Э. Гуссерля: тенденции и результаты // *Вестник РХГА*. 2018. № 3. С. 44–51.

Важными для понимания категоризации цвета стали работы И. Н. Грифцовой и Н. Ю. Козловой¹, Д. Чалмерса², посвященные концептуальной инженерии, цель которой состоит в экспликации и уточнении понятий. Л. Декок³ рассмотрел концептуальную инженерию на примере концептов цвета и отметил, что изменение концепта влияет на форму и площадь категории в конструируемом человеком цветовом пространстве.

Частным случаем концептуальной инженерии выступают разнообразные цветовые системы, которые вербализуют и визуализируют попытки организации и репрезентации цветового порядка. Сочетая подробное техническое представление, систематичность и скрупулезность в описании исторического контекста создания цветовых систем, Х. Арнкил⁴, П. Бейти, П. Дэвидсон и Э. Чарвот⁵, Ф. У. Биллмейер⁶, Н. Вэлш и К. К. Либманн⁷, Р. С. Уэстфолл⁸, Х. Л. Кайвано⁹, С. Кокрейн¹⁰, Р. А. Кроун¹¹, Р. Г. Кьюэни и А. Шварц¹², Дж. Павлидис¹³, Ч. Паркхерст и Р. Феллер¹⁴, Н. Сильвестрини, У. Бауманн,

¹ Грифцова И. Н., Козлова Н. Ю. Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 1. С. 122–133.

² Chalmers D. J. What is conceptual engineering and what should it be? // Inquiry. 2020. Vol. 63. P. 1–17.

³ Decock L. Conceptual change and conceptual engineering: the case of colour concepts // Inquiry. 2021. Vol. 64, No. 1–2. P. 168–185.

⁴ Arnkil H. The art of colour harmony: the enigmatic concept of complementary colours // Proceedings of AIC 2015 Tokyo. Color and Image Midterm Meeting of the International Colour Association (AIC). Tokyo: Color Science Association of Japan, 2015. P. 974–979.

⁵ Бейти П., Дэвидсон П., Чарвот Э. Цвет в природе. Коллекция красок окружающего мира / пер. с англ. М.: МИФ, 2022. 290 с.

⁶ Billmeyer F. W. Survey of color order systems // Color Research and Application. 1987. Vol. 12, No. 4. P. 173–186.

⁷ Welsch N., Liebmann C. C. Farben. Berlin: Springer, 2012. 433 S.

⁸ Westfall R. S. The development of Newton's theory of color // Isis. 1962. Vol. 53, No. 3. P. 339–358.

⁹ Caivano J. L. Black, white, and grays: Are they colors, absence of color or the sum of all colors? // Color Research and Application. 2022. Vol. 47, No. 2. P. 252–270.

¹⁰ Cochrane S. The Munsell Color System: A scientific compromise from the world of art // Studies in History and Philosophy of Science. 2014. No. 47. P. 26–41.

¹¹ Crone R. A. A history of color: the evolution of theories of light and color. Dordrecht: Springer, 2012. 292 p.

¹² Kuehni R. G., Schwarz A. Color ordered: a survey of color systems from antiquity to the present. Oxford : Oxford University Press, 2008. 407 p.

¹³ Pavlidis G. The Modern Era of Colour Theory // A Brief History of Colour Theory: Foundations of Colour Science. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 23–125.

¹⁴ Parkhurst C., Feller R. L. Who invented the color wheel? // Color Research and Application. 1982. Vol. 7, No. 3. P. 217–230.

К. Строммер и Э. П. Фишер¹, Б. Филип и М. Рубен², К. Э. Фосс, У. К. Грэнвилл и Д. Никерсон³, Р. Шейми⁴, В. Шпильманн⁵ подробно проанализировали идеи цветового порядка как на уровне отдельных авторов, так и в разрезе целых эпох.

Несмотря на активный интерес к категоризации цвета со стороны научного сообщества, целенаправленное изучение категоризации цвета в культуре предпринято в немногих работах, среди которых следует отметить исследование К. Хидаки⁶. К. Хидака проводит системный анализ категоризации цвета, направленный на осмысление того, как разные культуры делят цветовой спектр, и того, как с помощью цвета происходит классификация еды и выделение расы человека. Отмечая окружающую среду и воспитание как факторы, формирующие способы категоризации цвета, К. Хидака не рассматривает культурфилософское понимание категоризации цвета и значение категорий цвета в системе культурного знания.

Представленный обзор исследований позволяет заключить, что в подавляющей части работ категоризация цвета не является фокусом исследования и обсуждается как смежный процесс. Как следствие, история формирования понятия «категоризация цвета» и его последующая трансформация остаются вне поля исследовательского интереса. Наконец, подчеркивая взаимосвязь категорий цвета, исследователи не объясняют механизм функционирования категоризации цвета как части культурогенеза человека и общества.

Объектом исследования является категоризация цвета как универсалия культуры.

¹ *Silvestrini N., Fischer E. P., Baumann U., Stromer K.* Color systems in art and science. Zürich: Regenbogen Verlag, 1996. 226 p.

² *Philip B., Ruben M.* Color theory in science and art: Ostwald and the Bauhaus // *Angewandte Chemie International Edition*. 2004. No. 43 (37). P. 4842–4847.

³ *Foss C. E., Nickerson D., Granville W. C.* Analysis of the Ostwald color system // *JOSA*. 1944. Vol. 34, No. 7. P. 361–381.

⁴ *Pioneers of Color Science* / ed. by R. Shamey, R. G. Kuehni. Cham: Springer, 2020. 402 p.

⁵ *Spillmann W.* Farb-Systeme 1611-2007: Farb-Dokumente in der Sammlung Werner Spillmann. Basel: Schwabe, 2009. 283 p.

⁶ *Hidaka K.* The Art of Color Categorization. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. 193 p.

Предмет исследования – генезис концептуальных представлений о категоризации цвета в культурфилософском дискурсе и их трансформации в культурных практиках.

Цель диссертационного исследования состоит в философско-культурологическом анализе концептуальных представлений о категоризации цвета и их социокультурных репрезентаций.

В ходе проведения исследования были решены следующие **задачи**:

1. Выявить предпосылки формирования понятия «категоризация цвета» в культурфилософском дискурсе.
2. Обозначить механизм экологической мотивации культурфилософского осмысления категоризации цвета.
3. Установить специфику рецепции понятий «цвет» и «цветовая категоризация» в современной философии сознания.
4. Определить особенности функционирования категорий цвета в качестве культурной схемы.
5. Охарактеризовать социокультурную репрезентацию категорий цвета в естественном языке.
6. Обосновать специфику репрезентации категорий цвета в искусственных цветовых системах.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые:

1. Выявлены предпосылки формирования понятия «категоризация цвета», сложившиеся в культурфилософском дискурсе под влиянием натурфилософии, корпускулярной теории и антропоцентризма Нового времени.
2. Обозначен механизм экологической мотивации осмысления категоризации цвета в натуроцентрическом, телесно ориентированном и социокультурном направлениях.
3. Установлена специфика рецепции понятий «цвет» и «цветовая категоризация» в современной философии сознания, представленная в контексте анализа проблем онтологии цвета и восприятия цвета.

4. Определены особенности функционирования категорий цвета в качестве культурной схемы, представленные в рамках культурно-исторической парадигмы.

5. Охарактеризованы факторы, механизм и функции социокультурной репрезентации категорий цвета в естественном языке с точки зрения тернарной модели культуры.

6. Обоснована специфика репрезентации категорий цвета в искусственных цветовых системах, предназначенных для решения теоретических и прикладных задач.

Положения, выносимые на защиту

1. До появления эксплицитного определения понятия осмысление категоризации цвета складывалось под влиянием натурфилософии, корпускулярной теории и антропоцентризма Нового времени. Сначала цветовая категория понималась как нематериальная (умопостигаемая) данность и раскрывалась через натурфилософское учение о первоэлементах и бинарную оппозицию сакрального и профанного. Под влиянием корпускулярной теории концептуальной метафорой цветовой категории стал предмет реального мира (прототип), для которого цвет выступал характерным признаком. В период расцвета немецкой классической философии сложилось антропоцентрическое понимание категорий цвета как своего рода «резервуаров», которые выстраиваются и наполняются оттенками в сознании субъекта.

2. Экологическая мотивация задает натуроцентрическое, телесно ориентированное и социокультурное направления осмысления цветовой категоризации. В натуроцентрическом направлении окружающая среда понимается как активная субстанция, определяющая содержание категорий цвета через различные комбинации оттенков, представленных в природных и искусственных объектах. В телесно ориентированном направлении категоризация цвета рассматривается как продукт эволюционной адаптации к окружающей среде тела человека, перцептивные возможности которого ограничивают ко-

личество возможных вариантов цветовых категорий и их наполнение. В социокультурном направлении фокус внимания направлен на символизацию окружающей среды в культуре в процессе преобразующей деятельности человека: социальная активность выступает в качестве движущей силы в организации различных оттенков в категории цвета.

3. В философии сознания рецепция понятий «цвет» и «цветовая категоризация» сопряжена с проблемой единства тела и сознания и разворачивается в объективистском и субъективистском ключе. Объективистская интерпретация сущности цвета и цветовой категоризации раскрывается через осмысление процесса восприятия цвета, который осуществляется в прямом или опосредованном контакте с реальным миром. Вариативность категорий цвета объясняется через особенности зрительной системы и различных источников света, которые модулируют цветовые ощущения живых существ. С позиций субъективизма цвет и цветовые категории трактуются как результат казуального взаимодействия человека с внешним миром, на который влияют перцепции других модальностей и когнитивное состояние.

4. Особенности функционирования категорий цвета в качестве культурной схемы определяются характером организации когнитивной системы культуры, которая включает два уровня: дорефлексивный и рефлексивный. На первом уровне общество создает культурную схему, которая содержит стереотипизированное представление о способах категоризации цвета. Категории цвета как единицы рефлексивного уровня занимают определенные области в концептуальной картине мира и напрямую связаны с культурной схемой. Являясь идеальным объектом коллективного познания, категоризация цвета как культурная схема наследуется через социальную память и практическую деятельность человека в виде эстафетной структуры.

5. Механизм социокультурной репрезентации категорий цвета в языке тесно связан с взаимодействием традиционной, креативной и потребительской культур. В рамках потребительской культуры человек пассивно воспринимает заданные окружающей средой естественные классы оттенков. С

развитием традиционной культуры категории цвета вербализуются и закрепляются в языке в виде системы основных цветообозначений. Артефакты, создаваемые креативной культурой, способствуют появлению новых цветообозначений. Факторами социокультурной репрезентации категорий цвета выступают культурный обмен, межкультурная коммуникация, социальное неравенство, социализация, инкультурация и аккультурация. Ее функции заключаются в материализации общего знания в виде основных цветообозначений и маркировании национальных, социальных и физиологических различий человека через неосновные цветообозначения.

6. Репрезентация категорий цвета в искусственных цветовых системах направлена на стандартизацию, унификацию и управление цветом. Онтологизированные цветовые системы представляют собой теоретические модели, объясняющие структуру цветовых категорий и взаимосвязь между ними в зависимости от понимания сущности феномена цвета: физической, психологической, психофизической. Прагматические цветовые системы визуализируют эвристический алгоритм построения цветовых сочетаний или структуру цветовых отношений в разных отраслях индустрии и социокультурных практиках.

Методологическая основа исследования. Основу настоящего исследования формирует культурологическая парадигма. В рамках данной парадигмы был применен комплекс методологических подходов (культурно-исторического, когнитивного и системного) для решения поставленных задач исследования, которое потребовало проведения глубокого анализа результатов исследований цвета из разных областей научного знания.

Культурно-исторический подход позволил выявить специфику категоризации цвета на разных этапах развития культуры и общества в зависимости от степени и способов включения цвета в практику человека

(Л. С. Выготский¹, Э. В. Ильенков², А. Н. Леонтьев³, Ю. М. Лотман⁴, А. Р. Лурия⁵, М. Минский⁶, В. В. Петров⁷). Сочетание данного подхода с типологическим методом применялось для выявления направлений концептуализации понятия «категоризация цвета».

Концептуальный анализ культурфилософского дискурса позволил отследить изменения в содержании концепта «цвет», реализуемого в том числе посредством различных цветообозначений, и выявить концептуальную метафору (М. Джонсон, Дж. Лакофф)⁸, используемую авторами текстов для выражения имплицитных представлений о категоризации цвета. В свою очередь концептуальная метафора выступила инструментом демаркации и основой для типологии направлений категоризации цвета до появления данного понятия в научном дискурсе.

Кроме того, в рамках культурно-исторического подхода применялись сравнительно-сопоставительный и генетический методы для анализа цветовых систем как социокультурных репрезентаций категоризации цвета. Это позволило выявить общность идей, разрабатываемых в философии сознания, и способов организации цветового порядка, а также идентифицировать преемственный характер генезиса цветовых систем и систематизировать их в виде классификации.

Другим видом социокультурных репрезентаций, рассматриваемых в данной работе, выступили цветообозначения. В их отношении был применен метод тезаурусов, предложенный В. А. Луковым⁹, для выявления различий в

¹ *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2021. 336 с.

² *Ильенков Э. В.* Идеальное // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 2. С. 17–28.

³ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

⁴ *Лотман Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 1992. С. 84–92.

⁵ *Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.

⁶ *Минский М.* Сообщество разума. М.: АСТ, 2018. 592 с.

⁷ *Петров В. В.* Язык и искусственный интеллект: рубеж 90-х годов // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. 416 с.

⁸ *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / под ред. А. Н. Баранова; пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

⁹ *Луков В. А., Луков С. В.* Тезаурусный подход в аспекте изучения культуры // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 2. С. 3–20.

объеме знаний, необходимом субъекту категоризации, чтобы эффективно определять цветовые различия и понимать культурную семантику категорий цвета.

Когнитивный подход к культуре, разрабатываемый в работах Р. Д'Андрейда¹, Р. У. Кассона², Е. Я. Режабека³, позволил проанализировать категоризацию цвета как культурную схему. Анализ механизмов наследования и трансляции культурной схемы проводился с опорой на понятия социальной памяти (Э. Дюркгейм⁴, М. Хальбвакс⁵), распределенного познания (Э. Хатчинс⁶, Ф. Шарифиан⁷, Ю. Энгестрем⁸) и теорию социальных эстафет (М. А. Розов)⁹.

Системный подход к категоризации цвета как явлению культуры был реализован в контексте тернарной модели культуры, предложенной А. В. Костиной и А. Я. Флиером¹⁰. При помощи данной модели были проанализированы категории цвета и их социокультурные репрезентации (М. Вартофский¹¹, Л. А. Микешина¹²) как результат взаимодействия потребительской, традиционной и креативной культур.

Теоретическую и эмпирическую базу диссертационного исследования составил широкий спектр **источников и материалов**, разделенных на две

¹ *D'Andrade R.* A folk model of the mind // *Cultural Models in Language and Thought* / ed. by Holland D., Quinn N. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 112–148.

² *Casson R. W.* Schemata in cognitive anthropology // *Annual review of anthropology*. 1983. Vol. 12, No. 1. P. 429–462.

³ *Режабек Е. Я.* Когнитивный подход в науке о культуре // *Гуманитарные и социальные науки*. 2008. № 1. С. 39–46.

⁴ *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / под ред. А. Апополонова; пер. с фр. М.: ИД Дело, 2018. 738 с.

⁵ *Halbwachs M.* The Collective memory. London: Harper Colophon, 1950. 186 p.

⁶ *Hutchins E.* Distributed cognition // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* / ed. by N. J. Smelser, P. B. Baltes. Oxford: Elsevier, 2001. P. 2068–2072.

⁷ *Sharifian F.* Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language // *Body, language, and mind*. 2008. Vol. 2. P. 109–136.

⁸ *Engeström Y.* Learning by expanding: an activity-theoretical approach to developmental re-search. Helsinki: Orienta-Konsultit, 1987. 269 p.

⁹ *Розов М. А.* Что такое теория социальных эстафет // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. № 1. С. 230–239.

¹⁰ *Костина А. В., Флиер А. Я.* Тернарная модель культуры // *Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса*. М.: Согласие, 2011. С. 15–130.

¹¹ *Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание / под ред. Б. Новика, В. Н. Садовского; пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 507 с.

¹² *Микешина Л. А.* Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 328 с.

группы. Первую группу составил корпус философских работ и междисциплинарных исследований, в которых освещаются различные аспекты категоризации цвета и социокультурные репрезентации цвета. На основе анализа работ, созданных философами со времен Античности по настоящее время, демонстрируются предпосылки, становление и эволюция концептуализации категоризации цвета.

Вторая группа включает в себя различные способы фиксации цветового порядка в виде цветowych таблиц, схем, графиков, моделей, геометрических фигур и словесных описаний. Кроме того, в эту группу были отнесены работы, цель которых состояла в анализе исключительно технических или искусствоведческих параметров цветowych систем.

Теоретическая и практическая значимость работы. Выявленные аспекты категоризации цвета в культуре вносят вклад в разработку теоретической основы диалога культур и межкультурной коммуникации, способствуют углубленному пониманию механизма функционирования общего знания внутри субкультур, помогают детальнее рассмотреть различные проявления цветовой когниции в культуре. Результаты исследования могут быть полезны в рамках преподавания таких дисциплин, как теория и история культуры, философия культуры, культурология, лингвокультурология, философия. Материалы исследования также могут быть применены в просветительской и публицистической деятельности, направленной на популяризацию знания о цвете.

Соответствие паспорту специальности. Диссертационное исследование соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства: преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов (п. 9), механизмы и практики культурного наследования (п. 17), культура и коммуникация (п. 38), культура и субкультуры (п. 34), диалог культур и их взаимообогащение (п. 41).

Апробация результатов исследования проводилась на заседаниях кафедры социологии и философии Смоленского государственного универси-

тета. Результаты исследования опубликованы в 11 статьях, 4 из которых представлены в журналах, рецензируемых ВАК. Часть диссертационного исследования проводилась в рамках проекта, реализация которого осуществлена за счет средств, выделенных Российским научным фондом (грант № 22-18-00407). Основные положения диссертации были представлены на 12 научных конференциях всероссийского и международного уровня, среди которых: Третий Всероссийский конгресс по цвету (5–7 декабря 2022 г., Смоленск), научно-практическая конференция с международным участием «Идентичность в контексте социокультурных трансформаций: образование, религия, культура» (24 ноября 2022 г., Москва), международная научно-практическая конференция «Трансмиссия культурного опыта и социальных практик в эпоху транзитивности» (15–18 ноября 2022 г., Ижевск), международная конференция Российского общества цвета (1–5 декабря 2020 г., Смоленск).

Структура диссертационного исследования. Диссертация включает введение, две главы, заключение, список литературы и приложение.

ГЛАВА 1. ЦВЕТОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Предпосылки формирования понятия «категоризация цвета» в культурфилософском дискурсе

Категоризация – универсалия культуры наряду с традициями и обычаями, мифом, эмоциями и жестами. Сами по себе восприятие и мышление категориальны¹, поэтому человек постоянно создает таксономические классы, например, через описание родовидового разнообразия живых существ, стратификацию общественных систем, утилитарное деление различных приспособлений и орудий труда.

Любое категориальное деление невозможно без выделения вариативных признаков и инвариантов. Последние составляют основу различных категорий. Как справедливо заметил А. Я. Гуревич, человек формирует категории культуры в процессе структурирования внешних явлений, которые по мере такого преобразования становятся достоянием его духовного мира². Полученные идеальные структуры описывают окружающую природу, технологические приемы ее трансформации, социальную организацию, религию, язык, методы воспитания и многое другое.

Одним из объектов категоризации выступает цвет. Имея возможность различать более миллиона оттенков³, люди используют в коммуникации⁴ и различных практиках ограниченное число категорий цвета. Каждая культура определяет более или менее единую систему категорий цвета и позволяет преодолеть гетерогенность воззрений и убеждений конкретных индивидов и

¹ Cohen H., Lefebvre C. Op. cit. P. 21, 25.

² Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 24–25.

³ См. напр.: Lindsey D. T., Brown A. M. Lexical color categories // Annual Review of Vision Science. 2021. Vol. 7. P. 605–631.

⁴ См. напр.: Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Указ. соч.

социальных групп, обеспечивая эффективную коммуникацию¹. Таким образом, категории цвета, как и другие категории культуры, выступают элементами социокода², посредством которого они закрепляются в сознании представителей культуры в процессе инкультурации и социализации³.

Вместе с тем, как справедливо отмечает М. Пастуро⁴, цвет – факт общественной жизни, и, как следствие, не существует «транскультурной истинности цвета». Общество, по мнению исследователя, «производит» цвет, определяет его сферу применения и семантику, которая реализуется в различных кодах и ценностях. Согласно М. Пастуро, любой цвет обретает смысл, «функционирует» в полную силу в социальном, художественном, символическом аспектах культуры только в ассоциации или оппозиции с другими цветами. При этом изначальные функции цвета в обществе заключаются в классификации, маркировании, оповещении, указании на сходство или различие, установлении иерархии. В качестве примера М. Пастуро приводит красный цвет как важный элемент городской колористики Средиземноморья⁵.

Проблема категоризации освещается в философских учениях со времен Античности, когда Аристотель впервые обосновал категорию как форму структурирования знания на основе существенных признаков предмета. Категория, по Аристотелю, представляет собой объединение предметов в отдельные классы по наличию общего для них признака⁶. Эти классы взаимосвязаны и вместе образуют иерархию, базирующуюся на родовидовых отношениях. Эти отношения связывают уровни категорий, от общего к

¹ См. подроб.: Тихонова В. Л. Специфика содержательного аспекта понятия «Культурные универсалии» / «Категории культуры» в рамках антропологических и культурологических исследований // Манускрипт. 2016. № 7 (69). С. 183–185.

² См. подроб.: Степин В. С. Указ. соч.

³ Быховская И. М., Горяинова О. И. Социализация и инкультурация личности: сравнительный анализ общественно значимых практик // Культура культуры. 2021. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://cult-cult.ru/socialization-and-inculturation-of-the-individual-a-comparative-analysis-of-soci> (дата обращения: 20.06.2024).

⁴ Пастуро М. Синий. История цвета / пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 6.

⁵ Пастуро М. Красный. История цвета / пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 2, 4.

⁶ Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 2 / под ред. З. Н. Микеладзе; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1978. С. 53.

частному, и каждый последующий уровень наследует существенные признаки предыдущего. По описанному принципу Аристотель разработал классификацию живых существ. Важными для концептуализации категоризации цвета стали идеи противоположности, степени проявления качества, а также деления качества на виды, среди которых цвет относится к претерпеваемым свойствам и состояниям¹. В целом способ категоризации, предложенный Аристотелем, не только положил начало формальной логике, но и оказал значительное влияние на развитие схоластики и теоретизацию научного знания.

Вместе с тем только в XX в. началось интенсивное изучение феномена категоризации как фундаментальной операции и условия возможности любой познавательной деятельности человека². В это же время под влиянием лингвистических и когнитивных исследований цвета складывается прототипическая теория категоризации и появляется первое определение категоризации цвета в обзорной статье Г. К. Конклина³.

Г. К. Конклин понимает под категоризацией цвета культурную классификацию определенных физических раздражителей после их сенсорного восприятия и визуальной обработки. К характерным чертам категории цвета он относит нерелятивность, непрерывность и фокальность. Последний параметр указывает на неоднородность структуры категории цвета: есть центральная часть, где представлен, например, самый синий цвет, и периферия. Как отмечает Г. К. Конклин, на периферии категорий цвета обычно наблюдается кажущаяся смесь многих промежуточных степеней, например, синего и фиолетового, поэтому у категорий цвета нет четких границ⁴.

Дальнейшие исследования цветовых стимулов и цветообозначений выявили новые аспекты категоризации цвета и позволили значительно

¹ Аристотель. Категории. Указ соч. С. 74, 77.

² См. подроб.: Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. Указ. соч. С. 122.

³ Conklin H. C. Op. cit.

⁴ Ibid. P. 938.

уточнить первоначальное содержание понятия. При этом в разных областях науки как сам термин «категоризация цвета», так и принцип классификации категорий цвета получили различные, часто неоднозначные трактовки. Так, в физике основанием для категоризации цвета выступает длина световых волн и свойства отражающих свет материалов, которые позволяют вызывать цветовую реакцию¹. В лингвистике изучение естественных языков проводится через призму лексических категорий и отождествление категории цвета и цветообозначения, а количество категорий цвета варьируется от культуры к культуре².

В философской литературе также встречаются различные толкования категоризации цвета. Одни философы считают, что естественные категории цвета изначально заданы извне, за пределами разума человека. Например, с точки зрения С. Крипке, существует внекультурный, метафизически естественный вид цвета, тогда как фактическое использование цветообозначения в культуре вполне может быть «частично неправильным»³. Похожая «внешняя» природа категорий цвета подчеркивается и в размышлениях В. Куайна о выражениях естественного языка, где объемом понятия «цветообозначение» являются объекты окружающей среды⁴. Другой точки зрения придерживается К. Л. Хардин, в понимании которого категории цвета – физиологически и когнитивно обусловленные структуры⁵.

Важный момент в философско-культурологическом анализе концептуализации категоризации цвета – понимание того, что до появления первого явного определения этого феномена в работах Г. К. Конклина его теоретическое обоснование уже присутствовало в философских трудах имплицитно, часто – в форме метафорических образов. Как известно,

¹ См. напр.: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 125.

² См. напр.: Бахилина Н. Б. Указ. соч; Кульпина В. Г. Указ. соч; Simoncelli C. Language and color perception: the case of the Italian and French blue semantics: a contrastive analysis of linguistic categorizations and cognitive functions in monolingual and bilingual: dis...doct. of Phil. Paris, 2022. 511 p.

³ Цит. по: Van Brakel J. Op. cit.

⁴ Цит. по: Glock H. J. Quine and Davidson on language, thought and reality. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 23.

⁵ Hardin C. L. Color for Philosophers: Unweaving the Rainbow. Op. cit. P. 127.

метафоры позволяют свести неизвестное к известному или известное в одном аспекте к известному в другом¹. Как отмечает С. Пинкер, метафорическая абстракция – способ экстраполирования решений физических проблем и социальной координации на абстрактные понятия², один из способов построения знания о мире³. Всякий новый опыт вызывает конкретную метафору, которая показывает и объясняет новое, опираясь на уже усвоенное⁴. Метафора часто представляется в форме подобия или сравнения «Х похож на Y»⁵. Основными свойствами концептуальной метафоры (термин введен в научный оборот Дж. Лакоффом и М. Джонсоном) выступает ее опора на конкретные понятия как источник формирования абстрактных понятий и суждений⁶. Для создания последних используется система проекции, например, образные схемы, то есть устойчивые, воспроизводимые и структурированные модели, которые можно транслировать в другие области и наполнять новым содержанием. Примерами таких схем выступают резервуар, баланс, силовое воздействие и др.⁷

Таким образом, метафорические образы, используемые философами разных эпох для объяснения цветового разнообразия и трактуемые как концептуальные метафоры, стали опорными точками философско-культурологического анализа предпосылок формирования современного понимания термина «категоризация цвета». При этом проводился не количественный анализ метафор, а фиксировалось изменение в значении используемого образа для демаркации категорий цвета. Кроме того, обращение внимания на культурно-исторический контекст философской

¹ Розов М. А. Наука и литература: два мира или один? (Опыт эпистемологических сопоставлений) // Альтернативные миры знания / под ред. В. Н. Поруса и Е. Л. Чертковой. СПб.: РХГИ, 2000. С. 82.

² *Pinker S.* Op. cit.

³ *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской / пер. с фр. М.: Прогресс, 1990. С. 426–428.

⁴ *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской; пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 33–35.

⁵ *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 70.

⁶ См. подроб.: *Лакофф Дж., Джонсон М.* Указ. соч.

⁷ *Johnson M.* The body in the mind. Chicago; London, 1987. P. 74.

рефлексии позволило показать, как на раннюю концептуализацию этого понятия влияли различные факторы, прежде всего – развитие визуальной культуры, появление новых пигментов, накопление научного знания в оптике и опытного знания в живописи, смена мировоззрения и принципов построения картины мира.

Для выявления значимых изменений в концептуализации понятия «категоризация цвета» в работе был выбран сравнительно-сопоставительный метод, применение которого позволило выделить в развитии представлений о категоризации цвета три основных направления: трансцендентное, имманентное и антропоцентрическое. Критерием для предлагаемой классификации стала доминирующая в каждом из направлений концептуальная метафора, на основе которой определялась граница категорий цвета, понимаемая как необходимая часть культурной дискретности, налагаемой на континуальное физическое пространство¹.

I. Трансцендентное направление. Представители этого направления концептуализации категоризации цвета понимали разделение оттенков на условные группы как некую данность, обозначенную извне, за пределами действительного мира. В основе этого представления лежали две главные концептуальные метафоры.

Первая метафора была непосредственно связана с представлением мыслителей Античности о первоэлементах, сложившемся в русле натурфилософской традиции. Метафорический образ природы, базирующийся на взаимодействии двух и более стихий (света, тьмы, огня, воды, воздуха, земли), лежит в основе умозрительной схематизации процессов и явлений действительного мира. В частности, соотношение первоэлементов в структурном составе материальных предметов выступает условием демаркации категории цвета. Вместе с тем большую роль для разграничения

¹ См. напр.: *Логинова М. В.* Граница как паракатегория современной культуры // *Наследие веков.* 2020. № 1 (21). С. 76–81; *Шемякин Я. Г.* Постколониальные проблемы межкультурного диалога // *Перспективы.* 2023. № 1 (32). С. 93–108.

цветов играет свет, который присутствует в переменных количествах либо в самих предметах, либо на их поверхности¹. Последующая абсолютизация значения света в период Средневековья приводит к формированию второй метафоры, согласно которой свет понимается как символ божественного начала. Как следствие, дихотомия света и тьмы, развиваемая античными мыслителями наряду с учением о первоэлементах, сменяется диалектическим единством света и цвета.

Ключевые идеи, важные для становления и распространения представленной выше концептуальной метафоры, принадлежат Эмпедоклу, Демокриту, Платону и Аристотелю. Их натурфилософские взгляды на природу цвета и процесс его восприятия оказали влияние на представления о категоризации цвета таких мыслителей, как Л. Б. Альберти², Боэций³, Ф. Бэкон⁴, Василий Великий⁵, Дж. Кардано⁶, Леонардо да Винчи⁷, Николай Кузанский⁸, Ориген⁹, Роберт Гроссетест¹⁰, Тертуллиан¹¹, Тит Лукреций Кар¹², М. Фичино¹³.

Большой импульс для формирования метафоры первоэлементов исходил из натурфилософии досократиков, внимание которых было сосредоточено на поиске первоначала. Необходимость построения теории,

¹ *Sassi M. M. Op. cit.*

² Цит. по: *Kirchner E., Koken P. Op. cit.*

³ *Боэций. Утешение философией и другие трактаты* / под ред. Г. Г. Майорова; пер. с лат. М.: Наука, 1990. С. 19.

⁴ *Бэкон Ф. Соч.* в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / сост., общ. ред. и вст. ст. А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1977–1978. Т. 1. С. 122.

⁵ *Василий Великий. Творения*: в 2 т. М.: Сибирская благовонница, 2009. С. 508.

⁶ Цит. по: *Cardano G. Hieronymi Cardani medici mediolanensis de subtilitate libri XXI*, Nürnberg: Johannes Petri, 1550. P. 362–363.

⁷ *Леонардо да Винчи. Избранные сочинения* в 2-х томах. Т. 2 / под общ. ред. Б. В. Лёграна, А. М. Лефроса; пер. с итал. М., Ленинград: ACADEMIA, 1935. 533 с.

⁸ *Николай Кузанский. Сочинения* в 2-х томах. Т. 1 / под ред. В. В. Соколова, З. А. Тажуризиной; пер. с лат. М.: Мысль, 1979. 488 с.

⁹ *Ориген. Гомилии на книгу бытия* / под ред. М. Асмуса; пер. с лат. и древнегреч. М.: Познание, 2019. С. 117.

¹⁰ *Robert Grosseteste, Dinkova-Bruun G., Dinkova-Bruun G. The dimensions of colour: Robert Grosseteste's De colore*. Durham: Durham University, 2013. P. 27.

¹¹ *Тертуллиан. Избранные сочинения* / под общ. ред. А. А. Столярова; пер. с лат. М.: Прогресс, 1994. С. 283, 348.

¹² *Тит Лукреций Кар. О природе вещей*. М.: Художественная литература, 1983. С. 79.

¹³ Цит. по: *Barasch M. Light and color in the Italian Renaissance theory of art*. New York: New York University Press, 1978. P. 177–178.

объясняющей источник всего сущего, была обусловлена стремлением к рациональному познанию мира, которое выступило основанием для развития древнегреческого мировоззрения и мироощущения.

Характеризуя культурный контекст периода Античности, В. М. Розин указывает на три особенности, которые задали вектор осмысления не только проблемы первоначала, но и категоризации цвета: семиотическое производство, становление самостоятельной личности и появление теории познания, построенной на правилах мышления и их практическом применении¹. Семиотическое производство понимается как создание системы знаков и замещений в процессе деятельности, которая наполнена смысловыми и социальными контекстами². Самостоятельность античного человека, как отмечает философ, проявляется в выстраивании образа мира и определении себя в нем на основе рассуждений, цель которых заключается в описании подлинного устройства мира и создании системы непротиворечивого знания³. Примерами такой системы стало учение о первоэлементах и противопоставление света и тьмы.

Впервые разделение на свет и тьму и, как следствие, демаркация категорий белого и черного цветов встречается в поэме Парменида «О природе». Космология Парменида опирается на два основных начала, Огонь и Ночь, наделенные такими качествами, как яркое – темное, редкое – плотное, легкое – тяжелое⁴. Подобные качественные оппозиции выделял и Анаксагор⁵.

По свидетельству Аристотеля, некоторые пифагорейцы также отмечали качественные оппозиции среди десяти диалектически связанных начал: предел и беспредельное, нечетное и четное, единое и множественное, правое

¹ Розин В. М. Указ. соч. С. 8.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Эллинские поэты VIII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. С. 181.

⁵ Цит. по: Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1, Ч. 1 / под ред. В. В. Соколова и др. М.: Мысль, 1969. С. 315.

и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое¹.

В космологии Пифагора центральное место занимали именно числа, поскольку, согласно философу, отражали сущность всех вещей и явлений. В частности, идея порядка приписывалась числу «четыре»². По этой причине в V в. до н. э. пифагорейцы впервые обозначили четыре основные категории цвета по аналогии с количеством первоэлементов: белый, черный, красный и желтый³. При этом первостепенное значение, как видно из списка начал, по-прежнему имели категории белого и черного. По-видимому, роль первоэлементов в создании цветного облика предметов была неодинаковой и понимание категоризации цвета приближалось к трактовке, предложенной Эмпедоклом.

Эмпедокл также выделяет четыре стихии как первооснову мироздания. В онтологическом плане цвет образуется взаимодействием таких стихий, как огонь и вода. Абстрактная «ночь» Парменида и «тьма» пифагорейцев уступают место воде как первоэлементу, противопоставленному светоносному огню, в силу двух причин. Подобно тому, как художникам удастся изобразить все в мире, используя пигменты разных цветов, представляющие собой измельченные частицы, смешанные с водой, Любовь и Борьба в космологической концепции Эмпедокла приводят к тому, что все цвета возникают из-за смешения четырех элементов: воды, огня, воздуха и земли⁴.

Далее, по Эмпедоклу, человек и его органы восприятия также состоят из первоэлементов. Глаза состоят из огня, который окружен водой, землей и воздухом, и имеют поры, которые попеременно являются порами огня и воды. Видение хроматических цветов зависит от пропорции водяных и огненных

¹Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1978. С. 76.

²Халкидский Я. О Пифагоровой жизни. М.: Алетея, 2002. С. 168.

³Цит. по: Benson J. L. Op. cit. P. 42.

⁴Антология мировой философии. Указ. соч. С. 306.

частиц, испускаемых окружающими нас предметами¹. Земля и воздух, напротив, бесцветны², они характеризуют плотность предметов³. Белый цвет образуют огненные частицы, соизмеримые с огненными порами в наших глазах. Восприятие черного цвета подобным образом формирует вода. Категории красного и желтого добавляются Эмпедоклом в число основных категорий цвета, скорее, для обеспечения равновесия между их количеством и количеством первоэлементов.

Такой вывод можно сделать на том основании, что в сохранившихся фрагментах произведений Эмпедокла нет прямого перечисления указанных цветов, их приписывает Эмпедоклу Аэций⁴. В этой связи некоторые исследователи⁵ склонны считать, что если Эмпедокл и выделял четыре категории цвета, то прямая связь есть только между первоэлементами и черным и белым цветами. Две другие категории могли быть добавлены под влиянием взглядов пифагорейцев на категоризацию цвета.

Вместе с тем такой выбор цветов имеет также практическое «заземление» и может быть связан с древнегреческой живописью. Археологические и текстовые источники указывают на то, что в определенное время классического периода древние художники использовали только перечисленные выше цвета. К сожалению, не сохранилось ни одного оригинального образца греческого изобразительного искусства того времени, но в распоряжении исследователей имеются римские копии греческих фресок и мозаик. Одна из них – мозаика Александра конца II в. до н. э. из Дома Фавна в Помпеях, предположительно являющаяся копией оригинала конца IV в. и расписанная в оттенках белого, черного, красного и желтого цветов⁶. В целом искусство древнего Средиземноморья определялось широким спектром

¹ Эллинские поэты VIII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. Указ. соч. С. 186, 193.

² Там же. С. 192.

³ Цит. по: *Ierodiakonou K.* Hellenistic Philosophers on the Phenomenon of Changing Colours. Op. cit.

⁴ Цит. по: *Benson J. L.* Op. cit. P. 38.

⁵ См. напр.: *Ierodiakonou K.* Empedocles on Colour and Colour Vision // *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. 2005. Vol. 29. P. 1–37; *Benson J. L.* Op. cit. P. 41.

⁶ *Crone R. A.* Op. cit.

красок и полихромных материалов¹, что диссонирует с общими представлениями о классическом искусстве с чистой мраморно-белой скульптурой и приглушенной палитрой землистых оттенков в живописи².

Таким образом, визуальная культура Античности могла оставить свой отпечаток в понимании Эмпедоклом категорий цвета. Философ отмечает взаимосвязь между категориями цвета и их пространственной близостью. Так, некоторые цвета, согласно комментариям Плутарха о воззрениях Эмпедокла, родственны и соотносимы друг с другом, например, темно-синий и пурпурный или селитра и шафран³, что указывает на наличие более дифференцированной категориальной системы по сравнению с разделением на основные и неосновные категории цвета.

В классический период размышления Эмпедокла на тему категоризации цвета продолжает Демокрит. Он также использует метафору четырех стихий для четырех основных цветов: белого, черного, красного и желтоватого⁴. Дж. Бенсон отмечает в работах Теофраста и Аэция при цитировании демокритовского деления цветов параллельное упоминание четырех жидкостей из гуморальной теории Гиппократов. Их внешний вид мог повлиять на выбор основных хроматических категорий у Демокрита⁵. Демокрит по-новому осмысливает процесс образования цветов. Они появляются в результате взаимодействия поверхностной микроструктуры объекта и света, частицы которого становятся частью истечений в различных количествах и интенсивности, что, в свою очередь, определяет более темный или светлый вид объекта⁶. Поэтому простые цвета описаны через различные качественные характеристики текстуры и структуры предметов: например, черный цвет философ называет шероховатым из-за неровных атомов, образующих

¹ Lee M. M. Op. cit. P. 93.

² A Cultural History of Color in Antiquity. Op. cit. P. 6.

³ Цит. по: Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 444; Early Greek Philosophy. Volume V. Western great thinkers / ed. By A. Lask, G. W. Most. Cambridge, London: Harvard University Press, 2016. P. 409.

⁴ Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности / под ред. Г. К. Баммеля; пер. с древнегреч. М.: Соцэкгиз; Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 182.

⁵ Benson J. L. Op. cit. P. 45.

⁶ Цит. по: Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. Указ. соч. С. 173, 176–178.

поверхность предмета¹. Именно предметы, а не атомы являются цветными и обладают другими качествами, которые фиксируются зрителем с помощью органов чувств, показания которых не устойчивы и изменяются с течением времени. Атомы, наоборот, неизменны и бесцветны².

Таким образом, Демокрит акцентирует внимание на том, что предметы по своей структуре бесцветны и цвет как таковой в объективном мире не существует. Эта идея получит свое развитие намного позже, сначала в размышлениях Г. Галилея, а затем среди представителей современной философии сознания, отстаивающих антиреалистский (субъективистский) подход к онтологии цвета.

Платон, как и его предшественники, продолжает «реалистскую» трактовку восприятия цвета и развивает размышления Эмпедокла. Платон объясняет зрительный процесс через взаимодействие трех видов огня: а) луч света, исходящий из глаз смотрящего; б) дневной свет, сливающийся с «глазным» лучом в единое однородное видимое тело; в) пламя, излучаемое наблюдаемым предметом, вступающим в контакт с видимым телом. Видение происходит, когда три вида огня сливаются в однородное видимое тело, передающее движения душе через глаза и поры³.

В приведенном описании зрительного восприятия Платон явно указывает на наличие опосредующего «огненного тела», видоизменение которого определяет визуальный образ, получаемый реципиентом. Здесь можно провести аналогию с теорией чувственных данных, развиваемой сторонниками опосредованного реализма с начала XX в. Кроме того, Платон отмечает, что зрение у людей, живущих в разных частях Земли, неодинаковое⁴. В свою очередь, данная идея сближает его с представителями цветового

¹ Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. Указ. соч. С. 42.

² Там же. С. 44, 165.

³ Платон. Тимей // Платон. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 448.

⁴ Платон. Федон // Платон. Сочинения в 4-х томах. Т. 2 / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. С. 72.

реляционизма, в частности с теми исследователями, которые считают, что цветовое зрение человека экологически обусловлено.

Категоризация цвета, по Платону, зависит от пирамидальных частиц огня¹, излучаемого наблюдаемым предметом, который определенным образом воздействует на видимое тело: большие частицы стягивают поток света из глаз, что приводит к восприятию чёрного цвета; маленькие – разрежают свет, образуя белый цвет; одинаковые – никак не воздействуют на зрительный луч, поэтому они прозрачны². Динамичная конфронтация с глазом приводит к восприятию блестящего и сверкающего, меньшая по силе – к восприятию красного цвета. Таким образом, сохраняя категории белого и черного, Платон «расщепляет» свет на три новые категории (прозрачное, блестящее и красное), которые детерминируют категоризацию цвета на основе вариации яркости³.

Категория прозрачного находит дальнейшее развитие в размышлениях Аристотеля. Свет понимается Аристотелем не как материальное тело, а как состояние действительности того, что потенциально «прозрачно»⁴. Прозрачное есть некая «общая природа и сила» для всех тел. Когда оно реализуется в безграничном воздухе или воде, то проявляется как свет, тогда как в твердых телах прозрачное проявляется как цвет на ограничивающей поверхности. Следовательно, категоризация цвета зависит от количества прозрачного, находящегося внутри тела, которое определяется соотношением огня и земли, входящих в состав различных тел: если преобладает огонь, то цвет белый, если земля – черный⁵. Несмотря на то, что состав тел из первоэлементов сохраняется, категория прозрачного для Аристотеля превалирует, поэтому цветоносной становится земля⁶, а не вода или свет. При этом цвета не пребывают в движении в виде истечений от предметов, а

¹ Платон. Тимей. Указ. соч. С. 460.

² Там же. С. 473.

³ Там же. С. 474.

⁴ Аристотель. О чувственном восприятии // Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 103.

⁵ Аристотель. Указ. соч. С. 73, 408–409.

⁶ Аристотель. О возникновении животных. М.: Юрайт, 2024. С. 112.

воздействуют на нас, вызывая изменения в среде¹. Цвет понимается как неотъемлемая и действительная характеристика видимых предметов, которая существует независимо от наличия воспринимающего субъекта, но видимость цвета напрямую зависит от света.

Аристотель выделяет цвета радуги в отдельную группу и называет их «кажущимися» по сравнению с «настоящими» цветами вещей. «Кажущиеся» цвета, по мнению Аристотеля, не привязаны к вещи, они меняются вместе с изменением положения смотрящего. Среди основных цветов радуги Аристотель выделяет красный, зеленый и фиолетовый, различение желтого цвета происходит из-за контраста, вызванного близостью красного к зеленому: к красному примешивается белый². Принимая во внимание «настоящие» цвета, основу которых составляют первоэлементы, и «кажущиеся», Аристотель синтезирует подобное семи вкусовым ощущениям и семи нотам упорядоченное множество основных категорий цвета: белый, желтый, красный, зеленый, синий, фиолетовый и черный³.

В период раннего Средневековья сохранилось характерное для Античности понимание категоризации цвета как некой данности, обозначенной извне, за пределами действительного мира. Однако теперь это представление поддерживалось другой концептуальной метафорой, в основе которой лежала связь цвета с оппозицией сакрального и профанного.

Под влиянием религиозного переосмысления цвета акцент с дихотомии света и тьмы и элементарного состава предметов объективного мира переносится на бинарную оппозицию категорий цветного и бесцветного, метафорически понимаемых как материальное и божественное. Постепенное распространение христианства приводит к новому пониманию цвета, который «инкорпорирован» в свет и выступает эманацией Бога. Соответственно, как божественная сила способна множественное сделать единым, а единое

¹ Crone R. A. Op. cit. P. 16.

² Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 3 / под ред. И. Д. Рожанского; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1981. С. 451–452.

³ Аристотель. О чувственном восприятии. Указ. соч. С. 117.

превратить во множественное, так категория белого становится единственным источником цветового разнообразия¹.

Обожествление белого под влиянием неоплатонизма приводит к его распространению в средневековой церковной архитектуре. Исследование первоначальной пигментации в Шартрском соборе, где был реконструирован первоначальный вид интерьера, показало преобладание архитектурных элементов белого цвета на фоне узорчатой кладки бледно-охристого цвета². Подобные исследования были проведены для западных фасадов соборов Уэллса, Солсбери и Эксетера в Англии, порталов соборов Амьена, Буржа и Лозанны в Центральной Европе³. Таким образом, известное высказывание летописца начала XI в. Р. Глабера, что «вся земля, но особенно в Италии и Галлии», была покрыта «белым плащом церквей», имеет не метафорическое, а буквальное значение⁴.

Внутреннее убранство церквей в виде настенных росписей, мозаик и витражей, икон, скульптур, текстиля и изделий из драгоценных металлов также наполнено сакральными смыслами. Согласно немецкому богослову Годескальку, золотой и пурпурный цвета символизируют светлую вечную жизнь и красную кровь Бога соответственно⁵. Сияние, свет, блеск и переливы разноцветных красок характеризуют идеальный мир Бога, поэтому Евангелие, написанное «в драгоценных металлах», как и другие атрибуты и внутреннее убранство храмов, призваны показать этот идеальный мир через его материальное воплощение в мире людей. В этой связи экзегетические трактаты, в которых говорится о цвете, обычно связаны с библейскими описаниями драгоценных камней и металлов и поэтому описывают цвет с точки зрения яркости, твердости, чистоты, пестроты и интенсивности⁶.

¹ Балека Я. Указ. соч. С. 15.

² Michler J. Op. cit.

³ Park C. Op. cit. P. 31–53.

⁴ Hiscock N. Op. cit; Fernie E. Op. cit. P. 208.

⁵ A Cultural History of Color in the Medieval Age / ed. by C. P. Biggam., K. Wolf. London: Bloomsbury Publishing, 2022. P. 149.

⁶ Pulliam H. Op. cit.

В отсутствие тьмы логической оппозицией свету становится цвет. Если свет – показатель возвышенного и идеального, то цвет характеризует тленное и материальное. В частности, П. А. Флоренский, рассуждая о цветах, изображающих одежду святых на иконах, отмечает, что цветность одежды есть материализация и символ духовной энергии, развитой через подвиг¹.

Религиозное осмысление цвета находит отражение в философских размышлениях и о категоризации цвета. Например, М. Фичино, известный комментатор работ Плотина, описывает категории цвета как последовательную градацию от материи к Богу, где наименьшей ступенью выступает черный цвет, а наивысшей – прекрасное². «Прекрасное», как и предшествующие ему «сверкающее» и «блестящее», напрямую никак не связано с цветом, но указывает на переход от белого цвета к свету, что отсылает к воззрениям Платона на категоризацию цвета, пусть и в неоплатонической трактовке.

Подобная многоступенчатая градация категорий цвета наблюдается и у последователей Аристотеля. В XI–XII вв. в результате более основательного знакомства с мусульманской литературой в завоеванных христианами областях латинскому Западу стал доступен обширный свод философских сочинений, ядро которого составляли работы Аристотеля и их переложение, выполненное Авиценной³ и Аверроэсом⁴. Оба толкователя развивают идею Аристотеля о том, что цвет есть сияние (*radiance*) или светимость (*luminosity*): хроматические цвета – способы, которыми тело сияет или светится на непрозрачных поверхностях. При этом светимость – активное качество, посредством которого одно тело воздействует на соседнее тело: ослепительное солнце освещает весь воздух, а освещенный воздух мгновенно порождает цвет на своих непрозрачных границах. Таким образом, в отношении онтологии цвета поддерживается реалистическая версия, в том

¹ Флоренский П. А. Указ. соч. С. 125.

² Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 40.

³ Cory T. S. Op. cit.

⁴ Leaman O. Op. cit.

числе благодаря схоластам¹. Цвет понимается как своего рода уменьшенная яркость или «воплощенный свет», который воздействует на органы зрения человека и вызывает в сознании человека соответствующий зрительный образ².

Предложенная Аристотелем последовательность категорий цвета претерпевает изменения. В частности, Роберт Гроссетест увеличивает пять промежуточных цветов, предложенных древним философом, до двенадцати. Такое количество категорий объясняется спецификой проводимых им оптических опытов³, но свое влияние оказало и цветовое окружение епископа. В Средние века сильные и характерные цвета можно было получить только с помощью сложных техник и применения дорогих красителей и пигментов, многие из которых привозили из отдаленных мест, например, с юго-востока Азии. Более дешевые пигменты были менее стойкими и менее яркими, поэтому только богатые и влиятельные люди могли позволить себе ярко окрашенные предметы. Высокий социальный статус канцлера Оксфордского университета, а также род его основной деятельности позволяют объяснить большее разнообразие его цветового окружения и более избирательное отношение к цвету⁴.

В целом определенный импульс к выделению такого многообразия цветов, наблюдаемого в размышлениях о категоризации цвета у М. Фичино и Роберта Гроссетеста, мог исходить из средневековой геральдики, в которой закрепляются правила сочетания цветов и деление цветов на две группы: в первую входят белый и желтый, во вторую – красный, черный, синий и зеленый. Геральдика получает большое распространение в XIII в. и отражает, согласно М. Пастуро, коренные изменения в цветовой символике. Вместе с

¹ См. подроб.: Chirimuuta M. Op. cit. P. 21–22, 35.

² Cory T. S. Op. cit.

³ Grosseteste R., Dinkova-Bruun G., Dinkova-Bruun G. Op. cit. P. 27.

⁴ См. напр.: Фриче, В. М. Указ. соч.; A Cultural History of Color in the Medieval Age. Op. cit.

традиционной триадой «белый – черный – красный» большое значение в социальных кодах приобретают синий, зеленый и желтый цвета¹.

Становление научного метода, в частности, «кеплеровский поворот» в оптике от изучения зрения и света к исследованию свойств света в отдельности², искусное манипулирование масляными красками в живописи, появление новых пигментов, завезенных в Европу испанскими и португальскими первооткрывателями, задают новый вектор осмысления категорий цвета. Во второй половине XVII в. резко меняется цветовое окружение многих обычных людей в Западной Европе из-за распространения цвета в повседневной материальной жизни³. Растущая торговля принесла в жизнь западноевропейца не только новые ткани из Индии, но и флору, которая вызвала живой интерес среди ботаников, коллекционеров, садовников и спекулянтов. Как следствие, перестраивался внешний вид садов и интерьер жилых помещений. Декоративные нити, шелк и лен украсили стены и мебель в домах элиты и простых граждан. За два столетия ситец стал постоянным компонентом западной материальной культуры⁴. Возникла необходимость в упорядочивании и описании цветового многообразия для более точной работы с цветом и эффективной профессиональной коммуникации. Рассуждения о категоризации цвета стали более прагматическими и концентрировались на особенностях материальных предметов и их взаимодействии с цветоносным светом.

II. Имманентное направление. Второе направление концептуализации категоризации цвета базируется на метафоре прототипа, определяя существование критериев для выделения границ категорий цвета в реальном мире. Под прототипом понимается предмет материального мира, которому, с точки зрения нормального зрителя, присущ тот или иной цвет в качестве

¹ Пастуро М. Черный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 53.

² Smith A. M. From Sight to Light: The Passage from Ancient to Modern Optics. Chicago: University of Chicago Press, 2015. P. 6.

³ Lemire B. Op. cit.

⁴ Ibid.

характерного признака. Категория цвета формируется посредством непрерывного сравнения прототипа с другими материальными предметами. Объяснение цветового разнообразия строится на свойствах материальных предметов вызывать цветовые ощущения посредством механического воздействия на глаза человека. Основные категории цвета репрезентируются как простые идеи, основанные на всеобщем и неизменном характере восприятия отдельных цветов, например, черного и белого¹ или цветов спектра². Среди философов, в трудах которых можно найти обозначенные идеи, можно упомянуть Э. Берка³, Дж. Беркли, К. А. Гельвеция⁴, Т. Гоббса⁵, Р. Декарта, Дж. Локка, Т. Рида.

Такое понимание категорий цвета складывается в результате формирования механистической картины мира, в которой природа описывается через механические воздействия материи, часто определяемые как форма, размер, движение, покой, фигура, число и непроницаемость. Возникновение буржуазных отношений порождает изменения в экономике и политике, а также в сознании людей. Они становятся менее зависимыми от влияния религии и менее духовными.

Согласно М. Фуко, основу механической картины мира составляют простейшие элементы, которые необходимо открыть. Знание, построенное таким образом, считается единственно истинным, общезначимым и исторически неизменным. Любое сходство подчиняется испытанию сравнением, то есть оно принимается лишь в том случае, если измерение нашло общую единицу, или, более радикально, – на основе порядка тождества и серии различий⁶. Аристотелевское представление о том, что все цвета

¹ Мальбрани Н. Разыскание истины / под ред. Я. А. Слинина; пер. с фр. СПб.: Наука, 1999. С. 16.

² Вольтер. Философские сочинения / под ред. В. Н. Кузнецова; пер. с фр. М.: Наука, 1988. С. 216.

³ Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / под общ. ред. Б. В. Мееровского; пер. с англ. М.: Искусство, 1979. С. 121.

⁴ Гельвеций К. А. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1 / под ред. Х. Н. Момджяна; пер. с фр. М.: Мысль, 1973. С. 151.

⁵ Гоббс Т. Избранные произведения в двух томах. Т. 1 / под общ. ред. Х. Н. Момджяна; пер. с фр. М.: Мысль, 1964. С. 122, 526.

⁶ Фуко М. Указ. соч. С. 89.

происходят от белого и черного и связаны с четырьмя стихиями, ставится под сомнение. Предполагается, что белый и черный принципиально отличаются от хроматических цветов и должны быть помещены вместе с серыми оттенками в отдельную группу¹. С другой стороны, получившая широкое распространение в эпоху Возрождения в живописи практика смешивания пигментов в XVII в. привела к закреплению трехцветной первичной триады красного, синего и желтого, на основе которой можно получить остальные хроматические цвета, что отчетливо просматривается в схеме категоризации цвета, предложенной Н. Мальбраншем².

Значительное влияние атомизма, происходящее из средневековой алхимической традиции, возрождение античного атомизма, например, в работах П. Гассенди, и синкретические корпускулярные представления, возникшие в Италии благодаря таким фигурам, как С. Санторио и Г. Галилей³, предопределили становление корпускулярной теории, посредством которой И. Ньютон объяснил принцип возникновения различных цветов в эксперименте с призмой, описанном в «Оптике»⁴.

Вместе с появлением корпускулярной теории возвращается антиреалистский взгляд на онтологию цвета, так как корпускулы, как и атомы Демокрита, бесцветны. Возникает необходимость в объяснении связи между бесцветным содержанием предметов окружающего мира и восприятием человеком этих же предметов в цвете. Это приводит мыслителей Нового времени к идее о первичных и вторичных качествах. Вторичные качества зависят от первичных: они последовательно отслеживают вариации первичных качеств⁵.

¹ Edwards C. Introduction // *A Cultural History of Color in the Age of Enlightenment* / ed. by C. P. Biggam, K. Wolf. London: Bloomsbury Publishing, 2022. P. 1–20.

² Мальбранши Н. Указ. соч. С. 16.

³ Цит. по: Baker T. et al. Introduction: Early Modern Color Worlds // *Early Science and Medicine*. 2015. Vol. 20, No. 4–6. P. 289–307.

⁴ Ньютон И. Лекции по оптике / под ред. С. И. Вавилова; пер. с англ. М.: АН СССР, 1946. 298 с.

⁵ Nadal A. O. Op. cit.

Первым на такое разделение чувственных представлений и физических свойств обратил внимание Г. Галилей, указав, что вкусы, запахи, цвета и т. д. являются не более чем простыми именами, поскольку они описывают воспринимаемый нами объект и пребывают только в воспринимающем теле. Следовательно, без воспринимающего субъекта все эти качества не могли бы существовать¹. В то же время если до Аристотеля, как отмечает С. Кларк, цветовое восприятие понимается как частично проецируемое разумом (огонь, струящийся из глаз) и, следовательно, отчасти субъективное, то Аристотель и его последователи развивают представление о зрении как о пассивном восприятии объектов².

Такое понимание зрения, по мнению М. Чиримууты, представляет трудность для определения позиции философов, признающих разделение качеств на первичные и вторичные в отношении онтологического статуса цвета. С одной стороны, например, в размышлениях Р. Декарта и Дж. Локка, можно найти подтверждающие тезисы в пользу диспозиционализма. Согласно диспозиционализму, цвет — это свойство объекта воздействовать на зрительную систему человека и вызывать некоторые зрительные ощущения. С другой стороны, признание цвета вторичным качеством и его исключение из механистической картины мира позволяет говорить о цвете как феномене субъективной реальности³.

Для концептуализации категоризации цвета в период Просвещения стала более важной гносеологическая позиция философов. В частности, признание или отрицание ощущений как источника общих понятий и идей.

Р. Декарт полагает, что чувственные представления, фиксируемые нами при созерцании объектов действительности, не могут служить основой достоверного и несомненного знания. С помощью зрения мы способны

¹ Цит. по: *Martinez J. A. Op. cit.*

² *Clark S. Vanities of the Eye: Vision in Early Modern European Culture. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 17.*

³ *Chirimuuta M. Op. cit. P. 37–41.*

воспринять лишь подобие объекта, находящегося перед нами¹. Философ разграничивает цвета, предполагаемые в объектах, и цвета, представленные в чувственном опыте, и отмечает, что при именовании люди не могут точно сказать, что именно имеют в виду. Между тем, по мнению Р. Декарта, такие качества, как цвет, запах, вкус и т. д., есть не что иное, как расположения объектов, вызывающие различные движения в нервной системе человека. При этом возникающие в разуме образы всегда смутны, и невозможно определить их суть.²

В итоге можно заключить, что категоризация цвета происходит в результате пассивного созерцания предметов объективной действительности. Задача сознания состоит в фиксации результата воздействия различных импульсов, исходящих от этих предметов, и соотнесении с некоторым именем.

Подобный взгляд на категоризацию цвета отстаивает Т. Рид³. Согласно философу, восприятие цвета в силу своей изменчивости не участвует в становлении абстрактных понятий. Идея цвета откликается на раздражитель, которым выступает перцепция, и через ассоциацию с качеством предмета (причиной раздражения) становится доступной разуму человека. При этом такая ассоциация тем крепче, чем большее количество предметов, обладающих упомянутым качеством, наблюдает человек. В то же время, в отличие от Р. Декарта, Т. Рид видит причину «смутности» восприятия в том, что цвет как таковой не представлен в перцептивном опыте зрителя. Придерживаясь вслед за схоластами реалистского взгляда на цвет, философ считает, что цвет – неотъемлемая характеристика предмета, а не «ощущение ума».

Противоположной точки зрения по поводу ощущений придерживались Дж. Беркли и Дж. Локк. Они считали эмпирический опыт неотъемлемой частью процессов познания и формирования общих понятий.

¹ Декарт Р. Рассуждения о методе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. С. 36–38.

² Там же. С. 72.

³ Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. СПб.: Алетейя, 2000. С. 182–183.

Дж. Беркли отрицает разделение качеств на вторичные и первичные, получившее философское обоснование в работах Р. Декарта. Рассуждая о зрительном восприятии предметов объективной реальности, Дж. Беркли отмечает, что идеи величины, положения и формы предметов возможны только благодаря чувственному опыту их созерцания и последующего «конструирования» наблюдаемой картины на основе отдельных ее частей. Например, изменение направления взгляда или движение глаз сопровождается ощущением, на основе которого складывается представление (идея) о большем или меньшем расстоянии. Как следствие, ощущение расстояния субъективно и зависит от опыта наблюдения за предметами¹, поэтому идеи протяжения, формы и движения, равно как и цвета, возможны лишь в сознании человека и неразрывно связаны между собой². Таким образом, изменение одной характеристики предмета влечет изменение другой, поэтому результат категоризации цвета зависит от многих факторов, включая свет: в зависимости от освещения цвета могут быть яркими или тусклыми³.

Дж. Локк, как и Дж. Беркли, считает, что чувственный опыт – необходимая основа общих понятий и прямое предназначение органов чувств – воспринимать свойства внешних предметов⁴. Сравнивая предметы между собой, человек вырабатывает общее представление, которое затем получает имя. Эти образы, в которых отсекается всякая информация о том, когда, откуда и как они пришли, разум откладывает вместе с названиями, соединенными с ними как образцы для распределения по разрядам реальных предметов для их последующего наименования. Различные ощущения цветов или модусы цвета выступают как степени проявления определенного качества, то есть оттенки одного и того же цвета, и не меняют при этом самого качества⁵. Так, согласно Дж. Локку, замечая в меле, молоке или снеге один и тот же цвет, мы начинаем

¹ Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 54, 157, 242.

² Там же. С. 71, 216.

³ Там же. С. 83, 273.

⁴ Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Т. 1 / под ред. И. С. Нарского, А. Л. Субботина; пер. с англ. М.: Мысль, 1985. С. 189.

⁵ Там же. С. 276.

рассматривать образ белого в отдельности от конкретных предметов и даем ему имя «белый», обозначая этим словом одно и то же качество¹.

Дж. Локк, по сути, описал образование различных категорий цвета, в основе которого лежит абстрагирование от конкретных предметов и объединение схожих оттенков в группу, обозначенную определенным именем. Полученные категории цвета формируют иерархию, подразделяясь на основные, смешанные и дополнительные². Точка зрения Дж. Локка на категоризацию цвета предвосхитила появление цветового релятивизма в философии сознания. Хотя в природе существуют реальные разделения, необходимо искать и определять эти различия, что неизменно приводит к включению субъекта в процесс категоризации. Философ также отметил, что наблюдаемые в природе деления также подчинены культуре, создающей систему порядка.

В целом, несмотря на материалистическую направленность концептуализации категоризации цвета, в рассмотренных рассуждениях философов намечается поворот к субъекту категоризации. Вместе с анализом зрительных органов человека как системы обнаружения и фиксации различных оттенков и разума как логико-вычислительного средства познания происходит обращение к индивидуальным и культурным особенностям формирования категорий цвета, которые вносят свои коррективы в отлаженный природой механизм категоризации цвета.

III. Антропоцентрическое направление. Основой третьего направления концептуализации категоризации цвета стало представление о том, что критерии для выделения границ цветовых категорий не обозначаются извне, за пределами действительного мира (как считали представители первого направления), равно как и не формируются непосредственно в зависимости от физических свойств объектов (второе направление); они являются производными от субъективной организации чувственного опыта.

¹ Локк Дж. Указ. соч. С. 208.

² Там же.

В основе такого представления лежит концептуальная метафора резервуара, или вместилища¹, которое наполняется оттенками по воле человека в зависимости от его способности к цветоразличению, формируемой практикой, и опыта восприятия различных оттенков. Такое понимание категории цвета было подготовлено эпохой Просвещения, когда Д. Юм обратил внимание на произвольный характер процесса вычленения категорий цвета из непрерывного цветового пространства, на который влияет степень внимания, уделяемая человеком рассмотрению оттенков и их объединению или разграничению. Наметившийся поворот от предметов как носителей цветовых качеств завершил И. Кант, определив цвета как модификации органов зрения: в действительном мире нет цвета и готовых разделений на категории – человек сам проводит границу и выстраивает категории цвета на основе своих собственных ощущений в процессе рационализации субъективного опыта. Подобные взгляды на цвет и его разделение на категории можно обнаружить в работах Г. В. Ф. Гегеля², И. В. Гете, Ф. В. Й. Шеллинга³, А. Шопенгауэра⁴.

В период формирования такого понимания цветовой категоризации, к середине XVIII в., «культура визуальности» представляла собой систематическое «производство и потребление визуальной материи» теми и для тех, кто тщательно обучен утонченным способам видения⁵. Она была очевидна в более формальных эстетических сферах рынка искусства, а также в распространении портретов и гравюр на стенах обычных людей⁶. С другой стороны, научные экспедиции, целью которых было изучение природы Африки, Австралии и северных широт, а также оформление ассоциативной

¹ *Лакофф Д.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

² *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3-х т. Т. 3 / отв. ред. Е. П. Ситковский; пер. с нем. М.: Мысль, 1977. С. 108–109, 115–116.

³ *Шеллинг Ф. В.* Философия искусства. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 214.

⁴ *Шопенгауэр А.* О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии / отв. ред. Б. В. Мееровский, И. С. Нарский; пер. с нем. М.: Наука, 1993. С. 149.

⁵ *De Bolla P.* Op. cit. P. 4, 12.

⁶ *Edwards C.* Op. cit.

психологии позволили по-другому взглянуть на окружающий мир и оспорить незыблемость системы представлений и знаний, сложившейся в рамках механистической картины мира. Относительность, ассоциативность и динамичность задали новый вектор концептуализации категоризации цвета.

В духе своего времени Д. Юм последовательно доказывал первичность ощущений по отношению к идеям, утверждая, что последние образуются на основе живых восприятий и представлений посредством ассоциаций¹. Ассоциация составляет, по Д. Юму, основу мышления, образуя связь между чувственными переживаниями и понятиями, между понятиями и суждениями. Д. Юм выделил три принципиальных вида ассоциаций: по сходству, смежности в пространстве и времени, причинно-следственной зависимости². Согласно Д. Юму, каждый оттенок порождает отличающуюся и независимую от остальных идею. Различные оттенки образуют различные цвета, однако обладают определенной степенью сходства, поэтому путем градации оттенков одни цвета переходят в другие. Формирование общей категории цвета опирается на сходство, поэтому если человек никогда не видел какого-то оттенка голубого, отличающегося от ранее увиденных по светлоте, ему не составит большого труда включить такой оттенок в правильную категорию по принципу сходства с другими оттенками упомянутой категории. Из этого Д. Юм заключает, что идею оттенка цвета можно получить путем рефлексии над впечатлениями и акцентирования внимания на различиях между оттенками³.

Таким образом, Д. Юм солидарен с Дж. Локком в толковании связи между эмпирическим опытом и рациональным познанием: впечатления служат основой для общих идей, а не наоборот. В качестве доказательства Д. Юм приводит пример обучения цветам ребенка: для формирования представления о последних ребенку необходима наглядная демонстрация, а не

¹ Юм Д. Сочинения в двух томах. Т. 1 / пер с англ. М.: Мысль, 1996. С. 67.

² Цит. по: Нарский И. С. Указ. соч. С. 34.

³ Там же. С. 66.

абстрактное объяснение, поскольку идеи не производят соответствующих цветам впечатлений¹.

Обозначенные идеи подготовили почву для поворотного момента в категоризации цвета, согласно которому упорядочивание сущностей окружающего мира не основано на естественном или высшем плане, а вместо этого системы порядка зависят от контекста и систематизирующего субъекта. Завершила антропологический поворот в концептуализации категоризации цвета немецкая классическая философия в лице И. Канта.

В философии И. Канта цвета рассматриваются как предикаты внешних вещей, которые вне нашего сознания не существуют. Согласно И. Канту, различные цвета не что иное, как цветовые ощущения, которые возникают у человека в результате воздействия света на органы зрения² и обладают таким свойством, как бесконечная градация³. Тогда категория цвета, по И. Канту, есть объективное представление, данное органами чувств⁴. Для построения такого представления необходимо сравнивать, рефлексировать и абстрагироваться от конкретных вещей. Абстракция не является самоцелью общего понятия – она выступает завершающей операцией и заключает его в определенные границы⁵.

Учение И. Канта, кульминация философии Просвещения, превратилось в целостные теории посткантианского идеализма и «философию природы» Ф. В. Й. Шеллинга. Центральными понятиями его натурфилософии стали полярность и увеличение, то есть непрерывное продвижение реальности на более высокий уровень. И. В. Гете предложил свою интерпретацию обозначенных идей Ф. В. Й. Шеллинга в отношении цвета⁶.

¹ Нарский И. С. Указ. соч. С. 65.

² Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 3 / под ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. М.: Чоро, 1994. 741 с.

³ Там же. С. 178.

⁴ Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 5 / под ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. М.: Чоро, 1994. С. 44.

⁵ Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 8 / под ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. М.: Чоро, 1994. С. 351.

⁶ Цит. по: Crone R. A. Op. cit. P. 115.

И. В. Гете по примеру Аристотеля признает важную роль прозрачности в категоризации цвета и выделяет основные «полярные» цвета (желтый, оранжевый, синий и фиолетовый), которые образуются в процессе взаимодействия света и тьмы, опосредованного «мутной средой». Кроме того, в зависимости от места образования различных цветов И. В. Гете делит их на физиологические, физические и химические. Полученные категории взаимосвязаны и представляют движение от субъективного к объективному¹. Идея полярности приводит И. В. Гете к открытию комплементарных цветов.

Пространственную организацию категорий цвета философ изобразил в виде цветового кольца, где, как в магните, одна половина отрицательная, другая – положительная. Обе стороны постепенно усиливаются, достигая кульминации в виде красного цвета².

Категории цвета И. В. Гете и, в частности, его учение о физиологических цветах, получили развитие в размышлениях А. Шопенгауэра. По примеру И. Канта А. Шопенгауэр рассматривает мир, каким мы его знаем, как «представление», созданное воспринимающим субъектом³. Психологическая и физиологическая структура цветового зрения детерминирует процесс восприятия цветов: цвета есть только в глазах реципиента. Они определяются количественными различиями в активности сетчатки глаз. Согласно философу, внешнее происхождение цветов может действовать только как стимул и, таким образом, имеет подчиненное значение. В роли стимула выступает свет.

Особенность теории А. Шопенгауэра состоит в том, что он пропорционально располагает цвета по яркости таким образом, что сумма контрастных цветов равна единице. Согласно автору, полная цветовая активность сетчатки производит белый цвет; часть сетчатки, не используемая цветовым стимулом, выражается в контрастном остаточном изображении⁴.

¹ Гете И. В. Учение о цвете / пер. с нем. В. Лихтенштадта. М.: АСТ, 2021. С. 22.

² Там же.

³ Шопенгауэр А. Указ соч. С. 149.

⁴ Там же. С. 54–55.

Полученная А. Шопенгауэром шкала отличается от спектра, поскольку цвета построены по принципу комплементарности, образуя группы теплых и холодных цветов.

Таким образом, проведенный анализ предпосылок концептуализации понятия «категоризация цвета» позволяет выделить три направления в понимании природы цветовой категоризации. Согласно первому направлению разделение оттенков на условные группы понималось как некая данность, обозначенная извне, за пределами действительного мира. В рамках второго направления разграничение категорий цвета проходило на основе анализа свойств предметов реального мира. В соответствии с третьим направлением критерии выделения границ цветовых категорий стали пониматься как часть субъективной организации чувственного опыта. В основе каждого из направлений лежала некая концептуальная метафора, выбор которой напрямую зависел от сложившейся картины мира и был непосредственно связан с уровнем развития визуальной культуры. Сначала в основе метафорического переноса находилось натурфилософское представление о первоэлементах, далее – бинарная оппозиция сакрального и профанного. После того, как механицизм XVII в. акцентировал внимание мыслителей на свойствах действительных предметов и материальной природе света, концептуальной метафорой стал объект реального мира (прототип). Наконец, в период расцвета немецкой классической философии метафора сменилась еще раз и сформировалось антропоцентрическое понимание категорий цвета как своего рода «резервуаров», которые выстраиваются и наполняются оттенками в сознании человека.

Подводя итог историко-философскому анализу, отметим, что его цель состояла в выявлении имплицитного понимания категоризации цвета. Оно формировалось в процессе обсуждения традиционных философских концепций и отразилось на дальнейшем междисциплинарном исследовании категоризации цвета. При этом изучение категоризации цвета напрямую было связано с осмыслением онтологии цвета (что есть цвет?) и, как следствие, его

положения относительно зрителя (цвет – часть субъективного опыта или качество предмета объективной реальности?).

1.2. Экологическая мотивация культурфилософского осмысления категоризации цвета

Среди трех ключевых идей, применявшихся для концептуализации категоризации цвета до появления первых определений, дальнейшее развитие в междисциплинарном научном дискурсе получили лишь две. С одной стороны, поиски основания для категорий цвета по-прежнему были сосредоточены на анализе реального мира, с другой – объяснение категоризации цвета продолжило опираться на осмысление субъективного опыта человека и его связи с работой мозга.

Наряду с такими факторами, как рост промышленного производства цветных изделий, совершенствование технологий цветной печати, формирование индустрии моды, появление цветного кино, научные достижения в области естественных и гуманитарных наук, становление когнитивной науки, распространение новых течений в художественном искусстве, большое влияние на развитие понимания категоризации цвета оказала экологическая мотивация.

Под экологической мотивацией подразумевается смещение перспективы дискуссий о цвете с дихотомии «субъект–объект» восприятия на сам процесс восприятия. В итоге направление научных поисков, связанных с проблемой категоризации цвета, меняется в сторону изучения универсальных и специфических черт человека как биосоциального существа, неразрывно связанного с окружающим его миром.

Обозначенному «экологическому повороту» в осмыслении категоризации цвета во многом способствовал рост антропологических исследований. Проявившийся интерес к этнографии и фольклору во второй половине XVIII – начале XIX вв. позволил выявить этнокультурную

специфику языков и осуществить переход от поиска общего к поиску частного. Кроме того, изучение неевропейских культур позволило ученым и философам обратить внимание на вариативность цветообозначений по количеству и содержанию в языках разных этносов. Причины различий или сходства категорий цвета в разных культурах объяснялись неразрывной связью человека с природой, которая прямо (через телесность и окружающую среду) или косвенно (через язык и культуру) повлияла на формирование разных подходов в концептуализации категоризации цвета.

Важным стимулом для развития экологического объяснения природы категоризации цвета, согласно которому человек существует в неких природно-климатических условиях, определяющих его развитие и поведение, стало появление в XIX в. первых природозащитных организаций. В этот же период формируется устойчивая ассоциация зеленого цвета, который ранее в Западной Европе считался редким, нелюбимым и презируемым, с природой и экологией¹. Одной из главных причин активного поиска в культуре экологической мотивации, выраженной в единстве человека и природы, стало осознание разрушительных последствий потребительского отношения к природе, что привело к таким глобальным проблемам, как загрязнение биосферы, снижение биоразнообразия, парниковый эффект, истощаемость биоресурсов и полезных ископаемых. В рамках этого подхода категории цвета стали все чаще пониматься как естественные классы оттенков, воспринятые и интернализованные человеком в процессе синтеза и анализа колористики окружающей среды. Постепенно, в результате «экологизации» науки², такое понимание категоризации цвета приобрело междисциплинарный характер.

Анализ экологической мотивации широкого спектра исследований, повлиявших на концептуализацию категоризации цвета, позволяет выделить среди них три ключевых направления, в соответствии с которыми в качестве

¹ Пастуро М. Зеленый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 7.

² См. напр.: Моисеева Н. А., Сорокинина В. И. Экологический поворот в системе научного знания // Право и практика. 2019. № 1. С. 263–267.

главных факторов, определяющих механизмы категоризации, рассматриваются принципиально различные феномены реального мира: в первом направлении это окружающая среда, во втором – телесность, в третьем – социальность.

I. Натуроцентрическое направление. В рамках первого направления окружающий мир понимается как активная среда, которая «навязывает» человеку способы категоризации цветового разнообразия, а человеку отводится скорее пассивная роль. Наблюдая за предметами окружающей среды, человек получает образцы готовых наборов оттенков, которые далее использует для построения категорий цвета и гармоничных цветовых сочетаний. Эти образцы применяются в различных культурных и социальных практиках, прежде всего – в дизайне, архитектуре, искусстве.

Главный аргумент сторонников данного подхода заключается в следующем: первое, что видит человек, появившись на свет, – это окружающая среда, представленная набором естественных и искусственных предметов. При этом цвет имеет большое значение при описании и запоминании природных ландшафтов по сравнению с антропогенными¹. Вместе с тем, создавая артефакты, человек учится копировать природу, пользуясь наиболее доступными материалами². Наблюдая за окружающей средой, человек продолжает встраивать цвета в символическую систему языка и культуры. Именно поэтому, как справедливо отмечает А. Вежбицкая³, цвета тесно ассоциируются с определенными объектами: например, зеленый – с растениями, синий – с небом и морем, а красный – с кровью. Более того, много оттеночных прилагательных образовано по имени предмета, для которого оттенок является характерным и значимым, что просматривается в этимологии цветообозначений⁴. Следовательно, цель категоризации цвета состоит в

¹ Грибер Ю. А. Влияние цвета на успешность запоминания культурных ландшафтов // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20, № 3. С. 159.

² Качай И. С. Указ. соч.

³ Вежбицкая А. В. Указ. соч. С. 215.

⁴ Levinson S. C. Yéli Dnye and the theory of basic color terms // Journal of Linguistic Anthropology. 2000. Vol. 10, No. 1. P. 3–55.

идентификации объектов и явлений окружающей среды, а функция цветообозначений заключается в их вербализации для обеспечения коммуникации между людьми¹. Среди исследователей, в работах которых встречается обозначенная идея, можно отметить Дж. Брино², С. Н. Ендриховского³, Ж.-Ф. Ланкло⁴, Дж. Милля⁵, Э. Рош⁶, Г. Фреге⁷.

По сути, идея доминирующей роли окружающей среды в процессе категоризации цвета содержалась уже в первом эксплицитном определении категоризации цвета Г. К. Конклина, где категоризация цвета понималась как классификация цветового разнообразия окружающей среды на основе лучшего представителя, в роли которого, как правило, выступал какой-то предмет действительного мира. Такое понимание категоризации цвета явно сложилось под влиянием философских дискуссий первой половины XX в., когда Дж. Милль и Г. Фреге, критикуя традиционный подход, согласно которому понятия выражают идеи, обозначили содержание языкового знака через референцию на предметы реального мира и смысл, который «задает путь к референту»⁸.

Еще одной важной концептуальной основой данного направления стало представление Л. Витгенштейна о структуре категорий как совокупности элементов, организованных по принципу «семейного сходства»⁹, согласно которому категория может объединять элементы с разной степенью выраженности характерного для нее признака. Такое понимание категории

¹ Gibson E. et al. Color naming across languages reflects color use // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. Vol. 114, No. 40. P. 10785–10790.

² Brino G. Italian City Colour Plans (1978–2007) // *Colour for Architecture Today* / ed. by T. Porter and B. Mikellides. London: Taylor & Francis, 2009. P. 30–35.

³ Yendrikhovskij S. N. Computing color categories from statistics of natural images // *Journal of Imaging Science and Technology*. 2001. Vol. 45, No. 5. P. 409–417.

⁴ Ланкло Ж.-Ф. География цвета (перевод с французского А. Нанкевич) // *Материалы международной конференции Российского общества цвета: сб. статей / под ред. Ю. А. Грибер, В. М. Шиндлер. Смоленск, 2020. С. 68–83.*

⁵ Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.

⁶ Rosch E. Natural categories // *Cognitive Psychology*. 1973. Vol. 4, No. 3. P. 328–350.

⁷ Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. З. А. Кузичевой; пер. с нем. М.: Аспект Пресс, 2000. 509 с.

⁸ Цит. по: Макеева Л. Б. Указ. соч.

⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М.: АСТ, 2022. С. 66.

сложилось у Л. Витгенштейна в процессе анализа категории «игра». Разнообразие видовых воплощений, которое охватывает данное понятие, не согласуется с представлением о равенстве и общности специфических признаков всех элементов категории, известным в философии со времен Аристотеля. Л. Витгенштейн заключает, что смысл понятия можно выявить только в процессе его употребления, в языковой игре. Человек группирует речевые практики по сходству, поэтому полученные категории не имеют классической структуры. Такие категории неоднородны: есть центральные, наиболее типичные представители категории и те, что образуют периферию. Включение элементов в категорию, согласно Л. Витгенштейну, носит произвольный характер, по этой причине границы категории размыты, а процесс образования непрерывен¹.

Обозначенные идеи Л. Витгенштейна позже легли в основу теории прототипов Э. Рош. Проведя серию полевых исследований племени дани в Новой Гвинее², показавших, что кросс-культурные фокальные цвета были более заметными для аборигенов и чаще упоминались в задаче на называние цветов, чем периферийные области, вне зависимости от возраста респондентов, а также приняв во внимание результаты, которые получили Б. Берлин и П. Кей³, проанализировавшие категории цвета из разных лингвокультур, Э. Рош заключила, что классическая теория не отражает должным образом структуру естественных категорий, которые организованы совершенно по другому принципу и, в конечном счете, представляют собой нечеткое множество — «класс объектов с континуумом степеней принадлежности»⁴.

Согласно Э. Рош, принадлежность к категории определяется по сходству с наилучшим ее представителем или по обладанию достаточным количеством типичных признаков класса, поэтому прототипом может быть либо «образец»,

¹ Витгенштейн Л. Указ. соч.

² Rosch E. Op. cit.

³ Берлин Б., Кей П. Основные цвета: Их универсальность и видоизменения. М.: Наука, 1969. 169 с.

⁴ Заде Л. А. Нечеткие множества // Нечеткие системы и мягкие вычисления. 2015. Т. 10, № 1. С. 7.

либо «средний» член группы предметов, представленных в окружающей среде. Будучи ментальной репрезентацией, он напрямую связан с языковым знаком и возникает в памяти человека при произнесении слова. Прототип неодинаково представлен в различных культурах и среди представителей одной и той же этнической общности, что делает его контекстуально вариативным. Категории внутренне структурированы градиентами репрезентативности, и существует тесная связь между кластерами атрибутов и структурой категорий¹.

Схожая экологическая мотивация культурной организации категорий цвета просматривается также в работах С. Н. Ендриховского. Исследователь понимает категории цвета как формы культурной классификации различных «визуальных рационов» (visual diets) цветов, предоставляемых окружающей средой². Несмотря на то, что окружающая среда может существенно менять свой цвет, подобные изменения, согласно М. Вебстеру и П. Кею³, не касаются категорий цвета. Кроме того, исследование влияния цвета на распознавание природных объектов показывает его значимость и категориальную выраженность таких зон, как лес, горы, море, песок, с точки зрения цвета⁴. С. Н. Ендриховский также отмечает, что в культурах с большим количеством цветообозначений точность представления предпочтительнее простоты⁵.

Вместе с тем есть культуры, которые имеют одинаковое количество очень похожих цветообозначений⁶ и резко различаются визуальным рационом, например, лес и саванна. Обозначенное несоответствие стремится разрешить группа исследователей под руководством Б. Р. Конвея. Они предлагают считать основанием категоризации цвета полезность (utility-based

¹ Rosch E. Op. cit.

² Yendrikhovskij S. N. Op. cit.

³ Webster M., Kay P. Op. cit.

⁴ Oliva A., Schyns P. G. Diagnostic colors mediate scene recognition // Cognitive psychology. 2000. Vol. 1, No. 2. P. 176–210.

⁵ Yendrikhovskij S. N. Op. cit.

⁶ Kay P., Regier T. Language, thought and color: recent developments // Trends in cognitive sciences. 2006. Vol. 10, No. 2. P. 51–54.

coding)¹. В рамках концепции кодирования на основе полезности фокальные цвета являются оптимальными представителями поведенчески значимых категорий², а большое распространение сине-зеленой категории среди разных культур объясняется преобладанием в окружающей среде предметов, окрашенных в теплые цвета³. Вариативность цветообозначений и моделей их построения в разных культурах продиктована различиями в идеях, которые разные культуры стремятся передать посредством цветоименований⁴, в то время как сходство в названиях цветов между языками, скорее, отражает универсальную поведенческую значимость – например, поиск пищи или систему социальных сигналов⁵. Обозначенные идеи авторы концепции положили в основу новой версии периодизации основных цветообозначений.

Концепцию полезности как причины категоризации цвета подкрепляет наблюдение Л. Декока о динамическом характере данного процесса, конечным результатом которого выступает система категорий, основанная на оптимальном и информативном делении цветового пространства⁶. В этой связи такие категории цвета, которые объединяют сине-зеленые или желто-зеленые оттенки, имеют высокую вероятность дальнейшего разделения⁷. Например, в баскском языке у цветоименования «*grue*» (сине-зеленый) сократился объем значения до синей части спектра с заимствованием «*verde*» (зеленый) и «*gris*» (серый) из испанского языка⁸.

¹ Conway B. R., Malik-Moraleda S., Gibson E. Color appearance and the end of Hering's Opponent-Colors Theory // *Trends in Cognitive Sciences*. 2023. Vol. 27, No. 9. P. 791–804.

² Abbott J. T., Griffiths T. L., Regier T. Op. cit.

³ Rosenthal I. et al. Color statistics of objects, and color tuning of object cortex in macaque monkey // *Journal of vision*. 2018. Vol. 18, No. 11. P. 1–21.

⁴ Twomey C. R. et al. What we talk about when we talk about colors // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118, No. 39. [Электронный ресурс], URL: <https://www.pnas.org/doi/full/10.1073/pnas.2109237118> (дата обращения: 05.06.2024).

⁵ Conway B. R. et al. Communication efficiency of color naming across languages provides a new framework for the evolution of color terms // *Cognition*. 2020. Vol. 195. [Электронный ресурс], URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/138254> (дата обращения 27.05.2024)

⁶ Decock L. Op. cit.

⁷ Jameson K., D'Andrade R. G. It's not really red, green, yellow, blue: an inquiry into perceptual color space // *Color categories in thought and language* / ed. by C. Hardin, L. Maffi. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 295–319.

⁸ Miller D. G. Op. cit.

Экологическая мотивация в категоризации цвета, основанная на ведущей роли окружающей среды, концептуализируется не только в лингвистике, философии и психологии. Свое понимание доминирующего характера окружающей среды развивают культурологи, дизайнеры и архитекторы. Центральное место в их размышлениях занимают такие понятия, как география цвета, геология цвета и цветовая родина¹. Признавая окружающую среду источником категоризации цвета, специалисты из разных областей культуры по-своему переосмысливают естественное деление оттенков на классы, что приводит к «профессиональной» категоризации цвета.

Ярким примером такого подхода к категоризации цвета выступает теория географии цвета, предложенная французским теоретиком Ж. - Ф. Ланкло. В его концепции ключевой термин «география цвета» обозначает региональную самобытность цветового разнообразия, определяемого предметами окружающей среды. При анализе внешнего облика «среды обитания» человека Ж.-Ф. Ланкло делит все цвета на постоянные, непостоянные и случайные. Постоянные цвета выступают свойствами материалов, камня, терракоты, штукатурки, столярных изделий. Они мало подвержены изменениям. Непостоянные цвета представляют собой сезонные изменения ландшафта. Случайные цвета отличаются от непостоянных своим динамичным характером: это окраска машин, одежда пешеходов, передвижные вывески, шторы на окнах домов. Взаимодействие перечисленных цветных объектов определяет неповторимую цветовую структуру отдельно взятой страны, региона, города, которую можно выразить через таблицы и палитры цветов, называемые Ж.-Ф. Ланкло «алфавитом цветов»². Эта структура накладывает свой отпечаток на модель категоризации цвета. Например, категория красного для жителей юга и севера Швеции

¹ Грибер Ю. А. Теория цветового проектирования городского пространства. М.: Согласие, 2017. С. 89–91.

² Ланкло Ж.-Ф. Указ. соч.

выражается через разные конкретные оттенки в силу различной «окраски» окружающей среды.

Другой подход к работе с цветом, основанный также на анализе окружающей среды, применяет Дж. Брино. Согласно Дж. Брино, региональная специфика природных материалов, составляющих цветовую основу архитектурных сооружений, формирует особую «геологию цвета». Будучи разработчиком планов реставрации для разных городов Италии и Франции, Дж. Брино уделяет пристальное внимание архивным документам, в которых, как правило, содержится информация о цвете и материале, из которого построены различные здания. Кроме того, исследователь проводит полевой анализ материалов и сопоставляет обнаруженные образцы со словарем цветообозначений и оттенками, полученными при анализе архивных документов¹.

Если география и геология цвета объясняют категоризацию цвета больше с прагматической точки зрения, то термин «цветовая родина», введенный в научный дискурс К. Хэберле, показывает особый тип мироощущения, формируемый окружающей средой². Цветовая родина определяет социокультурную нагруженность материальных предметов, формирует чувствительность к определенным оттенкам, повышает значимость некоторых из них через культурные коннотации, а также прививает образцы цветовой гармонии, которые ассимилируются человеком бессознательно по мере взросления³.

II. Телесно ориентированное направление. После того, как обозначилось направление концептуализации, целью которого стал поиск объяснения категоризации цвета во внешнем мире, помимо окружающей среды внимание исследователей привлекла роль человека в процессе

¹ Цит. по: *Грибер Ю. А.* География цвета и цветовая родина: экологическая мотивация цвета в городской колористике // Проект Байкал. 2023. № 4 (78). С. 38–43.

² Цит. по: *Грибер Ю. А.* Цветовые репрезентации социального пространства европейского города. М.: Согласие, 2022. С. 355.

³ Там же.

категоризации цвета, рассматривавшаяся через телесность и социальность. Начало данным размышлениям положили работы В. Гладстона, опубликованные в середине XIX в. Отправной точкой стал осуществленный исследователем анализ цветообозначений в произведениях Гомера «Илиада» и «Одиссея». Высказанные В. Гладстоном идеи о телесности как ведущем факторе категоризации цвета, которые позже получили развитие в работах Б. Берлина¹, Л. Гейгера², Дж. Гибсона³, П. Кея⁴, Г. Магнуса⁵, Н. Хомского⁶ и их последователей, базировались на том, что категории цвета обусловлены спецификой зрительной системы человека, его физической способностью к цветоразличению, которая сформировалась в результате воздействия окружающей среды.

Следуя теории Ламарка, В. Гладстон предположил, что развитие цветового зрения и восприятия на основе приобретенных в процессе практики способов цветоразличения лежит в основе разнообразия цветообозначений⁷. Согласно В. Гладстону⁸, у Гомера было несовершенное восприятие смешанных и призматических цветов, которые образуются при преломлении света, как, например, в радуге.

Механизм развития категоризации цвета В. Гладстон описывает следующим образом: способность глаза воспринимать и оценивать различия в цвете может улучшаться с практикой, и эти приобретенные улучшения затем передаются следующему поколению. Потребность в улучшении цветоразличения объясняется тем, что цвет как абстракция от окрашенного объекта становится значимым для людей только после того, как они начали

¹ Берлин Б., Кей П. Указ. соч.

² Geiger L. Contributions to the History of the Development of the Human Race: Lectures and dissertations. London: Trübner & Company, 1880. 156 p.

³ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / под общ. ред. А. Д. Логвиненко; пер. с англ. М.: RUGRAM, 2024. 463 с.

⁴ Берлин Б., Кей П. Указ. соч.

⁵ Magnus H. Die geschichtliche Entwicklung des Farbensinnes. Leipzig: Von Veit, 1877. 56 p.

⁶ Хомский Н. Указ. соч.

⁷ Gladstone W. E. The Colour-Sense // The Nineteenth century and after: a monthly review. 1877. Vol. 2, № 8. С. 366–388.

⁸ См. подроб.: Gladstone W. E. Studies on Homer and the Homeric age. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 640 p.

производить искусственные краски и красители. В. Гладстон заключает, что одного наблюдения недостаточно: для прогрессирующей тренировки цветового зрения глаз должен подвергаться методически градуированному диапазону оттенков и тонов¹. Таким образом, посредством производства артефактов, окрашенных в различные пигменты, человек развивает цветоразличение и способы категоризации цветов.

Л. Гейгер продолжил, вслед за В. Гладстоном, изучение древних текстов из других культур: «недостатки», подобные гомеровским описаниям цвета, были им отмечены в индийских Ведах, Библии, исландских сагах и даже в Коране. Данное наблюдение, вместе с анализом этимологии цветообозначений, привело немецкого филолога к первой теории категорий цвета как общих понятий, отражающих особенности телесности человека, которые сформировались схожим образом в разных культурах благодаря единому для людей физиологическому способу восприятия цветов. Согласно Л. Гейгеру, восприятие цвета у людей совершенствовалось по «радужной» схеме: красный, желтый, зеленый, синий и фиолетовый². Дальнейшее развитие идея периодизации возникновения категорий цвета получила в работах немецкого офтальмолога Г. Магнуса. Он объединил идеи В. Гладстона о главенстве оппозиции между светом и тьмой с хронологической последовательностью хроматических цветов Л. Гейгера для объяснения эволюции категорий цвета вследствие повышения чувствительности к призматическим цветам³.

Антропологические исследования конца XIX – начала XX вв., целью которых было изучение примитивных культур и ментальных особенностей первобытных народов⁴, окончательно установили факт универсальности цветового зрения у разных этносов и, как следствие, стабильность цветового зрения в предыдущие тысячелетия. Так, во время изучения цветовосприятия у

¹ Gladstone W. E. The Colour-Sense. Op. cit. P. 366–388.

² Цит. по: Deutscher G. Op. cit. P. 45.

³ Ibid. P. 84.

⁴ См. напр.: Tylor E. B. Op. cit.

аборигенов с острова Мюррей, расположенного в Торресовом проливе, В. Риверс, используя тест Гольмгрена и собственные методики, не выявил дефектов цветовосприятия, при том что система категорий цвета аборигенов значительно отличалась от европейской – например, цветом неба у них был не синий, а черный¹.

Несмотря на ошибочность взглядов Г. Магнуса и В. Гладстона о том, что цветообозначения отражают способность к цветоразличению, идея периодизации таксономической системы цветообозначений получила развитие спустя столетие в работах П. Кея и Б. Берлина. С помощью системы Манселла, которая послужила перцептивной основой в задачах по выявлению и картированию категорий цвета, Б. Берлин и П. Кей провели одно из наиболее значимых исследований XX в. в области лингвистики и антропологии, в результате которого было установлено, что существует от двух до двенадцати основных цветообозначений, которые сформировались на основе универсальных категорий цвета в фиксированном эволюционном порядке, состоящем из семи стадий².

Таким образом, исследование Б. Берлина и П. Кея значительно расширило понимание диахронических изменений категорий цвета и стало преемственным продолжением работы В. Гладстона, Л. Гейгера и Г. Магнуса, пусть и с расхождением в методе и объяснении причин эволюции категорий цвета. Авторы универсалистской теории категорий цвета выявили «фокусные оттенки» для каждого основного цветообозначения, а также перцептивные границы цветовой области, которую это цветообозначение охватывало. Они обозначили новый подход к исследованию категоризации цвета, основанный не на умозрительных, логических и отвлеченных от культурных особенностей человека схемах, а на «живых» данных, полученных от представителей разных культур.

¹ Rivers W. H. R. Primitive color vision // Popular Science Monthly. 1901. No. 59. P. 44–58.

² Берлин Б., Кей П. Указ. соч.

Признавая культурный обмен и коммуникацию как возможный фактор универсализации категоризации цвета, Б. Берлин и П. Кей акцентируют внимание на психофизической значимости некоторых областей цветового пространства: например, черный и белый более заметны, чем красный, красный – более заметен, чем зеленый, и так далее¹. Психофизическая «выпуклость» некоторых оттенков, как объясняют авторы исследования, является следствием нерегулярности перцептивного цветового пространства, складывающегося из оттенков, которые человек способен различать. В результате те категории цвета, которые мы лучше всего различаем, более репрезентированы в языке – например, категории зеленого и фиолетового². Кроме того, задачи на цветоименование указывают на довольно большие области перцептивного цветового пространства, которые вызывают трудности в присвоении цветообозначений, – например, область пересечения белой, коричневой, желтой и розовой категорий³.

Масштабирование методики анализа основных цветообозначений в рамках всемирного исследования цвета подтвердило основной тезис Б. Берлина и П. Кея о том, что существуют перцептивно значимые области, или фокальные цвета, которые лежат в основе категорий цвета. Эти области имеют схожие размеры в европейских и неевропейских языках⁴, подтверждая таким образом идею Н. Хомского о том, что врожденные когнитивные структуры определяют смыслы, транслируемые посредством языка. Вместе с тем исследования цветообозначений также показывают, что аккультурация и овладение языком оказывают свое влияние путем некоторого смещения оттенка-прототипа⁵ или границы категорий⁶.

¹ Берлин Б., Кей П. Указ. соч.

² Boynton R. M., Olson C. X. Locating basic colors in the OSA space // *Color Research and Application*. 1987. Vol. 12, No. 2. P. 94–105.

³ Ibid.

⁴ Kay P. et al. The world color survey. Stanford: CSLI Publications, 2009. 620 p.

⁵ Paramei G. V., Griber Y. A., Mylonas D. An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples // *Color Research and Application*. 2018. Vol. 43, No. 3. P. 358–374.

⁶ Regier T, Kay P, Khetarpal N. Color naming reflects optimal partitions of color space // *PNAS*. 2007. No. 104 (4). P. 1436–1441.

Универсализм категорий цвета, основанный на общем для всех людей механизме цветовосприятия, принимается не всеми исследователями. Основной аргумент против универсализма категорий цвета основывается на анализе термина *grue* (*green+blue*), который в англоязычной литературе обозначает сине-зеленую область спектра. Так, М. Х. Борнштейн отметил, что языки, в которых есть термин *grue*, в основном происходят из тропиков, где ультрафиолетовое излучение может ускорить пожелтение хрусталика и, как следствие, вызвать искажение восприятия цвета¹. Д. Т. Линдси и А. М. Браун подтвердили данное предположение экспериментально: англоговорящие респонденты, подвергшиеся воздействию стимулов, имитирующих результат ускоренного пожелтения хрусталика, расширяли значение термина «зеленый» путем обозначения синего цвета².

Однако, как отмечает Х. Лазар-Мейн, такие языки не ограничиваются тропическими регионами³, и даже если бы этот термин действительно возник из-за пожелтения хрусталика, то цвета, наиболее типичные для термина *grue*, не оказались бы близкими ни к зеленому, ни к синему фокусам в западных языках⁴. Более того, Дж. Л. Харди и его соавторы показали, что степень воздействия ультрафиолетового излучения не меняет значения цветообозначений – следовательно, смещения границ категорий не происходит⁵.

Вместе с тем важными для категоризации цвета являются смена времен года и условия освещения в первые годы жизни после появления человека на свет. Например, летом увеличивается доля «зеленого» света, отражаемого от растительности, что, в свою очередь, приводит к сезонному снижению

¹ *Bornstein M. H.* Color vision and color naming: a psychophysiological hypothesis of cultural difference // *Psychological Bulletin*. 1973. Vol. 80, No. 4. P. 257–285.

² *Lindsey D. T. et al.* Hunter-gatherer color naming provides new insight into the evolution of color terms // *Current Biology*. 2015. T. 25, № 18. C. 2441–2446.

³ *Lazar-Meyn H.* Colour terms in Nova Scotia // *Progress in Colour Studies* / ed. by C. P. Biggam, C. Kay. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. P. 145–157.

⁴ *Regier T., Kay P., Khetarpal N.* Op. cit.

⁵ *Hardy J. L. et al.* Color naming, lens aging, and *grue*: what the optics of the aging eye can teach us about color language // *Psychological science*. 2005. Vol. 16, No. 4. P. 321–327.

чувствительности зрительной системы человека к желтому цвету из-за адаптации глаз к изменившимся условиям окружающей среды¹.

В то же время Б. Ленг и его соавторы установили, что чрезвычайное уменьшение естественного света как по энергии, так и по диапазону длин волн, происходящее в зимний сезон за полярным кругом, приводит к повышенному воздействию искусственного освещения на зрительную систему человека². Напротив, в летние месяцы наблюдается долгий световой период, что также отражается на цветоразличительной способности человека. Измерение цветового различения с помощью теста Фарнворта-Манселла показало, что у норвежцев, которые родились в субарктической климатической зоне, снижена способность различать желтые, зеленые и синие цвета. При этом они лучше дифференцируют фиолетовые оттенки. На цветовое зрение также влияет время года: у тех, кто родился осенью, наблюдается общее снижение цветовой чувствительности, тогда как у родившихся летом – ее относительное повышение³. Эти результаты показывают тесную связь между телесностью и окружающей средой, проявляющуюся в адаптивной функции зрительной системы человека к меняющимся условиям освещения и цветового разнообразия.

Другой взгляд на влияние телесности в процессе категоризации цвета предлагает Дж. Гибсон⁴. Постулируя экологическую теорию зрительного восприятия, в которой телесности отводится роль основания сознательной деятельности человека, Дж. Гибсон утверждает, что восприятие происходит посредством прямого сенсорного контакта между телом и окружающей средой. По его мнению, познание естественным образом возникает в зависимости от места организма в окружающей среде⁵, что приводит к отказу

¹ Welbourne L. E., Morland A. B., Wade A. R. Human colour perception changes between seasons // *Current Biology*. 2015. Vol. 25, No. 15. P. 646–647.

² Laeng B. et al. Latitude-of-birth and season-of-birth effects on human color vision in the Arctic // *Vision Research*. 2007. Vol. 47, No. 12. P. 1595–1607.

³ Ibid.

⁴ Гибсон Дж. Указ. соч.

⁵ Там же.

от дихотомии между действием и восприятием, между физическими и умственными способностями¹, так как человек встроен в окружающую среду и она включает в себе определенные смыслы. Согласно Дж. Гибсону, восприятие цвета относительно по своей природе. Ввиду того, что человек пребывает в постоянном движении, содержание категории цвета выстраивается исходя из различных факторов², среди которых – положение цветных предметов, степень освещенности, температура окружающей среды. Примером категорий цвета, основанных на понятии телесности, может быть разделение всех оттенков на теплые и холодные.

Впоследствии именно эта идея сформировала основу для теории воплощенного познания (*embodied cognition*)³, которая в качестве исследовательской программы признает и исследует неразрывное переплетение разума и тела, восприятия и действия, действия и мышления. Следовательно, сознание понимается как уникально возникающее из субъективного опыта тела в окружающей среде.

Многие современные исследования в области воплощенного познания подчеркивают не столько прямую роль тела в мыслительной деятельности, сколько его подразумеваемую роль в воспроизведении опыта в модально-специфичных системах мозга для восприятия и действия⁴. В этой связи Л. В. Барсалоу⁵ отмечает, что, даже если в определенные моменты телесность не подвергается воздействию окружающей среды, представление знаний и их обработка продолжают поддерживаться шаблонами воплощенных ответов. Так, согласно исследователю, по мере того, как формируется опыт (например, когда человек садится в кресло), мозг фиксирует состояния всех модальностей и интегрирует их с мультимодальным представлением, хранящимся в памяти

¹ Цит. по: *Garbarini F., Adenzato M. At the root of embodied cognition: Cognitive science meets neurophysiology // Brain and cognition. 2004. Vol. 56, No. 1. P. 100–106.*

² Гибсон Дж. Указ. соч.

³ См. напр.: *Farina M. Embodied cognition: dimensions, domains and applications // Adaptive Behavior. 2021. Vol. 29, No. 1. P. 73–88.*

⁴ См. подроб.: *Меджидова Н. Телесно-ориентированный подход в философской антропологии // Metafizika. 2021. № 3 (15). С. 7–17.*

⁵ *Barsalou L. W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. 2008. No. 59. P. 617–645.*

(например, внешний вид кресла, вызываемые им ощущения, действия при сидении, самоанализ комфорта и релаксации)¹.

Кроме того, Л. В. Барсалоу предполагает, что размышления о знакомых объектах включают в себя симуляцию предыдущего сенсорного опыта. Для обоснования своих рассуждений исследователь ссылается на большой объем данных нейровизуализации, показывающих, что предположительно амодальные процессы «высокого уровня» – например, понимание языка, категоризация или извлечение информации – влекут за собой активацию областей мозга, участвующих в сенсорной обработке «низкого уровня»².

Более радикальная интерпретация воплощенного познания, близкая к экологической теории Дж. Гибсона, предлагается сторонниками прямого реализма. Основная идея заключается в том, что тело играет в психическом функционировании фундаментальную роль, основанную на обратной связи, и до тех пор, пока ситуативный агент может ощущать мир и подвергаться его прямому влиянию, сложные формы поведения и адаптация не требуют референции к вычислениям и репрезентациям³. Полемизируя с подобным подходом к восприятию цвета, Н. А. Кормин⁴ отмечает, что, хотя цвет выступает уникальным способом определения расположения вещей в пространстве, в перцептивном опыте человека нет доминирующей установки, тесно связанной с нашей биологической структурой и представленной в качестве серии созерцаний цвета. По этой причине, согласно мнению философа, гораздо продуктивнее рассматривать цветовое пространство человека как феномен сознания.

III. Социокультурное направление. Другое объяснение категоризации цвета формируется как результат осмысления экологической мотивации в проявлении социальности человека, которая в первую очередь включает в себя

¹ Barsalou L. W. Op. cit.

² Ibid.

³ Chemero A. Radical embodied cognitive science // Review of General Psychology. 2013. Vol. 17, No. 2. P. 145–150.

⁴ Кормин Н. А. Мыслить цветом. Указ. соч.

культуру, язык и коммуникацию и раскрывается в рамках различного рода социокультурных программ¹. Социокультурное направление складывается в русле критики предпринятого В. Гладстоном анализа гомеровских цветообозначений и объединяет таких исследователей, как Г. Аллен², Р. Барт³, Ф. Боас⁴, Р. У. Браун⁵, В. Гумбольдт⁶, Ж. Лакан⁷, К. Леви-Стросс⁸, Э. Х. Леннеберг⁹, Э. Сепир¹⁰, Б. Уорф¹¹. По сути, это направление возникло как реакционное по отношению к предыдущему направлению, в соответствии с которым общественное подчиняется биологическому началу в человеке.

Основу эволюции категоризации цвета как культурозависимого процесса один из первых представителей социокультурного направления Г. Аллен видит, как и В. Гладстон, в развитии системы цветообозначений. При этом причину возникновения цветообозначений Г. Аллен раскрывает не через особенности телесности человека, а через директивную установку общества, которая проявляется в выборе конкретного референта¹². Г. Аллен также считает, что цветообозначения образуются на разных уровнях абстракции, поэтому названия первичных цветов, например, «красный», – подлинно абстрактные, то есть обозначают атрибут, а не объект, чего нельзя сказать, например, о «салатовом» или «вишневом».

Развитие цветовой терминологии, согласно Г. Аллену, в значительной степени зависит от искусства окрашивания и, как следствие, от использования пигментов в декоративном искусстве. Исследователь справедливо отмечает,

¹ Макашова Н. В. Типология экологически ориентированных практик в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 7. С. 135–144.

² Allen G. The colour-sense: its origin and development. London: Tubner, 1879. 282 p.

³ Барт Р. Указ. соч.

⁴ Боас Ф. Указ. соч.

⁵ Brown R. W., Lenneberg E. H. Op. cit.

⁶ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / под ред. Г. В. Рамишвили; пер. с нем. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

⁷ Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)) / пер. с фр. М.: Гнозис, Логос, 2009. 432 с.

⁸ Леви-Стросс К. Указ. соч. С. 74.

⁹ Brown R. W., Lenneberg E. H. Op. cit.

¹⁰ Sapir E. Language and environment // American anthropologist. 1912. Vol. 14, No. 2. P. 226–242.

¹¹ Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя: сб. ст. / ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1972. С. 44–60.

¹² Allen G. The colour-sense: its origin and development. Op. cit.

что такие цвета, как лиловый, пурпурный, сольфеино, эскрю и т. д., получили названия только тогда, когда мода акцентировала их значение в одежде. Кроме того, по наблюдению Г. Аллена, словарный запас цветообозначений у художников, маляров, модисток и мануфактуристов гораздо богаче цветового словаря обычных европейцев. Подобным образом Г. Аллен объясняет, критикуя анализ цветообозначений, проведенный В. Гладстоном, что большинство визуальных эпитетов, встречающихся в балладах, следует воспринимать как относящиеся только к свету и тени, потому что потребность в цветовых терминах на раннем этапе развития античной культуры еще не ощущалась. Исследователь также отмечает, что блеск бронзы, дневной свет, яркое или низкое небо, неопределенные оттенки людей, лошадей и крупного рогатого скота были гораздо важнее с точки зрения стилевой специфики поэм Гомера, чем чистые оттенки цветов и насекомых или совершенно чуждых ему произведений искусства Египта, Финикии и Ассирии¹.

Далее идея культурного детерминизма получает развитие в антропологии и философии языка. Согласно В. фон Гумбольдту², язык выступает сущностным качеством человека, которое возникло в силу его внутренней потребности. В. фон Гумбольдт считает, что сам язык есть врожденная сущность, позволяющая формировать дух и мировоззрение человека в процессе приобщения индивида к «общественному мышлению». В связи с чем взаимосвязь языка с культурой и социумом носит характер априорной данности и выступает источником разнообразия.

Идею самобытности культур и их определяющей роли в категоризации цвета развивает антрополог В. Ф. Рей³. Он отрицает «естественное» разделение спектра. Согласно В. Ф. Рею, цветовые системы человека не основаны на психологических, физиологических или анатомических факторах. Каждая культура делит спектральный континуум, представленный

¹ Allen G. Development of the Sense of Colour // *Mind*. 1878. Vol. 3, No. 9. P. 129–132.

² Гумбольдт В. Указ. соч. С. 57.

³ Ray V. F. Techniques and problems in the study of human color perception // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1952. Vol. 8, No. 3. P. 251–259.

через цветные предметы в окружающей среде, на совершенно произвольном основании.

Обозначенную идею развивает в своих исследованиях Ф. Боас. Изучая эскимосский язык, Ф. Боас отмечает, что в любом языковом творчестве определяющими факторами являются необходимость и функциональная важность, поэтому цвета подразделяются на совершенно различные группы в соответствии с их сходством в разных культурах без какого-либо сопутствующего отклонения у представителей данных культур в способности различать оттенки цвета¹.

Развивая концепцию культурного релятивизма, предложенную Ф. Боасом, его последователи Э. Сепир² и Б. Уорф³, выдвинули гипотезу лингвистической относительности. Согласно гипотезе, язык детерминирует образ мышления людей, говорящих на нем, и формирует нормы поведения и картину мира отдельного этноса. По этой причине схожие условия окружающей среды по-разному отражаются в системе языка, и в каждой культуре складывается своя система цветообозначений, не поддающаяся переводу на другой язык.

Идея ведущей роли социальности в категоризации цвета просматривается также в работах Р. У. Брауна и Э. Х. Леннеберга⁴. При анализе цветообозначений в английском языке и языке зуни они обращают внимание на культурную обусловленность языковых единиц, в результате которой у народности хопи нет отдельных слов для обозначения самолета и бабочки, а зуни не используют отдельные цветообозначения для красного, оранжевого и желтого цветов. Такие лакуны объясняются тем, что в социальной практике носителей языка нет необходимости в различении обозначенных областей цветового спектра. Из этого следует, что увеличение

¹ Боас Ф. Указ. соч.

² Sapir E. Op. cit; Sapir E., Swadesh M. American Indian grammatical categories // Word. 1946. Vol. 2, No. 2. P. 103–112.

³ Уорф Б. Л. Указ. соч.

⁴ Brown R. W., Lenneberg E. H. Op. cit.

частоты перцептивной категоризации цвета означает, в целом, большую «доступность» этой категории для конкретной культуры.

Р. У. Браун и Э. Х. Леннеберг отмечают, что влияние языка на категоризацию в большей степени проявляется в процессе обучения. Поскольку слова обладают символическими свойствами, их значение и употребление строятся на основе предметов окружающей среды, поэтому язык может создавать когнитивную структуру категорий цвета. В той мере, в какой дети мотивированы говорить на родном языке, они также заинтересованы в том, чтобы разделять мировоззрение взрослых. При этом освоение языка – не единственное средство достижения когнитивной социализации. В значительной степени закреплению модели категоризации в процессе социального взаимодействия способствуют различные игры. Игра в слова имеет то огромное преимущество, что в нее можно играть постоянно и совмещать ее со многими другими видами деятельности¹.

Исходя из вышесказанного, авторы вводят понятие кодируемости, которая объединяет длину слова, время и надежность реакции, характеризующуюся повторением данного слова от человека к человеку в исследуемом языковом сообществе. Кодируемость объясняет большую вариативность в задаче распознавания цветов: наиболее распространенные цветообозначения охватывают наибольшее количество оттенков. Р. У. Браун и Э. Х. Леннеберг предполагают, что существуют общие законы, связывающие кодируемость с когнитивными процессами. Все культуры подчиняются этим процессам, различия выявляются на уровне значений, которые слова принимают в определенных областях опыта. Соответственно, в разделении и восприятии цветов Р. У. Браун и Э. Х. Леннеберг подчеркивают ведущую роль ранее усвоенной культурной модели категоризации цвета, закреплённой в сознании реципиента посредством языка².

¹ Brown R. W., Lenneberg E. H. Op. cit.

² Ibid.

Активная смыслообразующая функция языка похожим образом анализируется в работах структуралистов. Так, описывая структурализм как методологию, как поведение «структурального человека», Р. Барт отмечает, что целью любой структуралистской деятельности является воссоздание «объекта» таким образом, чтобы в реконструкции обнаружились правила функционирования этого объекта. Полученная структура или модель несет в себе антропологическую значимость, отражая социокультурные особенности познающего субъекта¹. Подобное понимание социального конструирования ментальных образов окружающих предметов обнаруживается также в трудах К. Леви-Стросса и Ж. Лакана.

К. Леви-Стросс рассматривает язык как условие существования культуры, так как посредством языка индивид приобщается к культуре своего окружения. Культура и язык обладают схожим строением, основу которого составляют логические отношения, такие как оппозиции и корреляции², что также имеет место при образовании категорий цвета.

Ж. Лакан исходит из того, что бессознательное структурировано как язык. В субъекте сочетается реальное, воображаемое и символическое, языковой знак определяет первые два уровня, так как с его помощью происходит символизация окружающей действительности³. Фазами символизации являются метафора и метонимия. Применительно к категориям цвета эти операции являются основными способами образования цветоименований, что наиболее ярко прослеживается в неологизмах и объектных цветообозначениях при именовании оттенков, расположенных вокруг фокальных цветов, на периферии категорий цвета. У основных цветообозначений, репрезентирующих фокальные цвета, словообразовательная модель имеет «стертый» характер: установить

¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / под общ. ред. Г. К. Косикова; пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. С. 256.

² Леви-Строс К. Указ. соч. С. 74.

³ Лакан Ж. Указ. соч. С. 343.

метафорический перенос или метонимию можно лишь путем изучения этимологии¹.

Влияние особого культурного фона на развитие таксономической системы цветообозначений просматривается и в современных исследованиях цвета и цветовой семантики. Согласно М. Пастуро, категории цвета следует рассматривать не как явление природы (физического или физиологического порядка), а как продукт культуры. В разных обществах их созидание происходило не в одно и то же время и не одинаковыми темпами под влиянием таких факторов, как особенности функционирования общества, географическое положение, климат, повседневные нужды, символика и эстетические представления.

М. Пастуро считает, что о цветах можно говорить только после того, как люди начнут объединять оттенки, наблюдаемые в природе, в несколько больших групп, немногочисленных, но состоящих из согласованных между собой элементов. С течением времени эти группы будут восприниматься как все более обособленные, и наконец человек обозначит полученные категории некоторыми именами. Соглашаясь с универалистской последовательностью появления категорий цвета, М. Пастуро указывает, что в ходе обозначенного выше длительного и сложного процесса категоризации цвета раньше других формируются категории красного, белого и черного. По мнению М. Пастуро, это не значит, что не существует желтых, зеленых, синих, коричневых, серых, фиолетовых и других цветов: их место в природе, где они представлены в изобилии, а цветами культуры, то есть установленными обществом и почти абстрактно осмысляемыми категориями, указанные цвета становятся гораздо позже. По этой причине вплоть до недавнего времени триада «белый – черный – красный» во многих областях, например, в фольклоре², все еще обладала

¹ Griber Y. A., Mylonas D., Paramei G. V. Age-related differences in richness and diversity of Russian color lexicon // Proceedings of the International Colour Association (AIC) Conference. 2021. P. 1017–1022.

² Нанкевич А.А. Основные цветоименования в русских и французских авторских сказках (на материале сказок Ш. Перро и П.П. Бажова) // Смоленский филологический сборник. Выпуск XIII. Труды Школы молодых ученых «Квантитативная филология»: сб. статей / ред. Л. В. Павлова, И. В. Романова, С. Н. Андреев, В. С. Андреев, Л. Г. Каяниди. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2021. С. 123–131.

большим лексическим и символическим значением по сравнению с остальными цветами¹.

Цвет как важный элемент культурного, а не физического пространства, рассматривается в работах Л. В. Никифоровой². По мнению Л. В. Никифоровой, архитектурные объекты несут в себе отпечаток своего творца – человека, и эта связь может быть раскрыта через антропоморфный, антропометрический и антропологический аспекты³. В то же время отдельное здание, например, университет, может выступать культурным пространством, где цвета становятся символами определенных «мест», наделяются некоторыми качествами и создают неповторимый облик этого пространства⁴.

Таким образом, экологическая мотивация в категоризации цвета определяет развитие трех концептуальных подходов, в которых ключевыми понятиями выступают окружающая среда, телесность и социальность. Концепции, в которых центральное положение занимает окружающая среда, отводят человеку достаточно пассивную роль в процессе категоризации цвета. Согласно такому подходу, человек лишь воспринимает колористику окружающего мира и реагирует на нее, выстраивая в своем сознании естественно обусловленные категории цвета. В концепциях, где ключевой идеей является телесность, категоризация цвета понимается как активная телесная адаптация к меняющимся условиям окружающей среды. Чем сильнее эти изменения, тем более разнообразной становится система выстраиваемых человеком категорий цвета. В концепциях, где ключевой идеей становится социальность, категоризация цвета понимается как результат символизации окружающей среды в культуре, языке и коммуникации. В качестве ключевого условия культурной классификации оттенков окружающей среды в данном

¹ Пастуро М. Желтый. История цвета / пер. с фр. М.: Новое литературное образование, 2023. С. 7.

² См. напр.: Никифорова Л. В. Дворцовый интерьер в России XVIII столетия. Проблемы содержания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 16. С. 102–115.

³ Никифорова Л. В. Архитектура в антропологическом измерении // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. № 10. С. 309–318.

⁴ Никифорова Л. В., Рон М. В., Тихомиров С. А., Макашова А. С., Подделкова П. Е. Пространство университетской повседневности: прикладное исследование в формате культурологической экспертизы // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. № 7. С. 60–70.

случае рассматривается преобразующая деятельность человека, реализуемая в различных социальных практиках. Таким образом, социальная активность человека осмысливается как движущая сила в организации различных оттенков в категории цвета.

В целом концентрация на выявлении того, что в человеке заложено природой, а что привносится культурой, позволила перенести акцент с рассмотрения цвета как предмета противостояния «реализм – субъективизм» на его экологическую обусловленность и межвидовую специфику цветового зрения у разных живых существ. В итоге появляется третий (компромиссный, холистический) взгляд на проблему онтологического статуса цвета, который в последнее время развивается в когнитивных исследованиях культуры и философии сознания.

1.3. Рецепция понятий «цвет» и «цветовая категоризация» в современной философии сознания

Начиная с XX в., антропоцентрический подход к концептуализации категоризации цвета продолжил свое развитие не только в процессе осмысления внешней причины образования категорий цвета через проявление таких полярных качеств человека, как социальность и телесность. Категоризация цвета как мыслительная деятельность человека получила свое обоснование преимущественно в таких философских направлениях, как феноменология, неокантианство и философия сознания.

Рассуждая о категоризации цвета, Э. Кассирер¹ отмечает связь сознания и языка. Согласно Э. Кассиреру, именование в языке осуществляется путем концентрации сознания на отдельном свойстве предмета. По мнению философа, цвет «как таковой» содержится во всевозможных цветовых

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. Мифологическое мышление. Т. 2 / под ред. Д. М. Носова; пер. с нем. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. С. 38–40.

оттенках и мыслим лишь как сама эта организованная в ряд совокупность¹. Благодаря «мысленной чеканке»² непрерывного потока впечатлений происходит различение отдельных элементов, которые составляют категории цвета и служат основой для образования языковых понятий.

Позднее феноменология в лице Э. Гуссерля перенесла акцент с языка на внутренний опыт субъекта категоризации, который впоследствии стал предметом пристального внимания в философии сознания. Проблема значения, транслируемая через языковой знак, определяется в феноменологии через его априорность, то есть язык, согласно Э. Гуссерлю, оперирует готовыми мыслительными структурами и не участвует в процессе категоризации объективной действительности³.

Вместе с тем Э. Гуссерль продвигает идею познания через сущностную интуицию (воображение), которая заключается в доведении до сознания необходимой структуры конкретного вида рассматриваемого опыта. При этом сущность познаваемого предмета понимается феноменологически⁴ – как то, что представляет этот предмет для познающего субъекта, то есть интенциональный предмет для интенционального Я⁵. Таким образом, в феноменологии появляется идея об интенциональности качественных переживаний, возникающих в результате непосредственного восприятия цвета предметов.

Как и Э. Кассирер, Э. Гуссерль видит активность сознания в многообразии схватывающих актов: взгляд всегда делит пространство, отделяет один цвет от другого, одну форму от другой⁶, поэтому разные цвета не могут равномерно окрашивать одну и ту же поверхность одновременно. При этом план восприятия делится на передний и фоновый. Такое различение

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. Мифологическое мышление. Т. 2. Указ. соч. С. 219.

² Там же.

³ Цит. по: Прохоров А. И. Указ. соч.

⁴ Цит. по: Da Silva J. J. Op. cit.

⁵ Ibid.

⁶ Гуссерль Э. Собрание сочинений. Логические исследования. Т. II (1) / под ред. В. И. Молчанова; пер. с нем. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 54.

обнаруживает возможность перехода от одного опыта (предмета и фона) к другому (другому предмету и другому фону), иначе говоря – перехода от одной иерархии различий к другой.

Акт схватывания, нацеленный на видовое разнообразие, понимается Э. Гуссерлем как «фундированный акт», потому что при восприятии, например, красного цвета предмета выстраивается новый способ схватывания, конститутивный для интуитивной данности идеи «красное»¹. На основе различных случаев восприятия красного последний представляется как общий предмет, некоторое красное, то есть имеющее в себе момент созерцания определенного красного. Между видом и отдельным случаем выявляется первичное отношение, возникает возможность обозревать и сравнивать многообразие отдельных случаев и приписывать их одному виду. Как и все фундаментальные логические различия, различие разных конкретных наблюдений красного также категориально: по Э. Гуссерлю, оно относится к чистой форме возможного осознания предметностей как таковых². Созерцание служит основанием для абстрагирования общих представлений; к каждой группе сходств ассоциативно приписывается общее имя или понятие³. Что касается категорий цвета, то, например, определенный оттенок красного цвета мы по праву называем предельной дифференциацией внутри этого рода цвета⁴.

Идеи равенства и дифференциации оттенков при формировании категории цвета также присутствуют в размышлениях М. Хайдеггера. По мнению философа, понятие равенства носит априорный (бессознательный) характер, поэтому люди не задумываются над тем, что воспринимают одинаковый цвет. Из чего М. Хайдеггер заключает, что способность сравнивать и различать второстепенна по отношению к свойству сознания

¹ Гуссерль Э. Указ. соч.

² Там же. С. 107.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 156.

определять равенство и одинаковость, поэтому без понятия равенства невозможно распознать, например, красный и зеленый¹ как отдельные цвета.

Обозначенные идеи подготовили почву для переноса обсуждения категоризации цвета в новую область – философию сознания, которая оформилась под влиянием когнитивных исследований во второй половине XX в. В частности, данные нейроисследований позволили переосмыслить классическую проблему единства сознания и тела². Изучение латерализации функций головного мозга³, зон восприятия цвета и связанной с ними нейронной активности⁴, корреляции между языком и категоризацией цвета⁵, последствий нарушения ментальных функций для категоризации цвета⁶ занимает важное место в когнитивных исследованиях категоризации цвета.

Полученные новые экспериментальные данные показали, что за категоризацию цвета отвечают различные области головного мозга, связанные как с визуальным восприятием, так и с языковой обработкой информации⁷. Т.В. Черниговская отмечает также, что категоризация цвета базируется на ассоциативной связи между полушариями головного мозга, где правое полушарие отвечает за детализацию распознавания оттенков, а левое – за обобщение и логические связи, на основе которых оттенки объединяются в группы⁸. Что касается нейронной репрезентации структуры категорий цвета,

¹ Хайдеггер М. *Время и бытие* / под ред. В. В. Библихина; пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 154.

² Нанкевич А. А. Обзор исследований по цветовой категоризации, опубликованных за последние 15 лет в базах данных Google Scholar, eLIBRARY.RU и КиберЛенинка // Социологические штудии. Статьи молодых учёных. 2020. №1 (3). С. 42–46.

³ См. напр.: Черниговская Т. В. Указ. соч; Witzel C., Gegenfurtner K. R. Is there a lateralized category effect for color? // *Journal of vision*. 2011. Vol. 11, No. 16. P. 1–25.

⁴ См. напр.: Brouwer G. J., Heeger D. J. Categorical clustering of the neural representation of color // *Journal of Neuroscience*. 2013. Vol. 33, No. 39. P. 15454–15465; Sun M. et al. Neural hierarchy of color categorization: From prototype encoding to boundary encoding // *Frontiers in neuroscience*. 2021. Vol. 15. [Электронный ресурс] URL: <https://www.frontiersin.org/journals/neuroscience/articles/10.3389/fnins.2021.679627/full> (дата обращения: 27.05.2024).

⁵ См. напр.: Siuda-Krzywicka K. et al. Color categorization independent of color naming // *Cell reports*. 2019. Vol. 28, No. 10. P. 2471–2479; Witzel C., Gegenfurtner K. R. Categorical facilitation with equally discriminable colors // *Journal of vision*. 2015. Vol. 15, No. 8. P. 1–23.

⁶ Нанкевич А.А., Элькин Г.В. Специфика цветовой когниции у взрослых людей с аутизмом: основные направления исследований // *Национальное здоровье*. 2023. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://www.national-zdorov.ru/m/products/Psychological%20sciences/gid946/> (дата обращения: 29.06.2024); Siuda-Krzywicka K. et al. When colours split from objects: The disconnection of colour perception from colour language and colour knowledge // *Cognitive Neuropsychology*. 2020. Vol. 37, No. 5–6. P. 325–339.

⁷ Sun M. et al. Op. cit.

⁸ Черниговская Т. В. Указ. соч. С. 302–313.

то Дж. Брауэр и Д. Хигер установили на основе данных активности коры головного мозга, что нейроны, настроенные на оттенки, которые расположены ближе к центру категории цвета, становятся более активными во время категоризации цвета по сравнению с нейронами, настроенными на пограничные оттенки¹. Кроме того, изучение пациентов с агнозией показало важность ассоциативной связи между цветами и предметами естественной среды в задаче на распознавание природных ландшафтов².

Теоретическое осмысление указанных эмпирических фактов в контексте психофизической проблемы через связь сознания с телесностью и окружающей средой и влияние этой связи на категоризацию цвета рассматривается в философии сознания с точки зрения субъективизма и объективизма, где центральное место отводится вопросам роли сознания в процессе восприятия цвета. Соответственно, цветовой объективизм представляет различные цвета и процесс их категоризации как независимые от сознания зрителя. Напротив, субъективизм предполагает зависимость категоризации цвета от внутреннего состояния человека и его сознания. Как в субъективистской, так и в объективистской трактовке онтологии цвета и его категоризации исследователи выделяют две формы восприятия цвета: прямую (наивный реализм) и непрямую (опосредованный реализм и репрезентационизм). Существует также группа субъективистских концепций, которые указывают на казуальный характер отношений между цветовыми ощущениями и предметами реального мира, что позволяет говорить об особой версии субъективизма, «заземленного» во внешний мир. Оба обозначенных направления вносят значимый вклад в концептуализацию категоризации цвета.

¹ Brouwer G. J., Heeger D. J. Op. cit.

² Nijboer T. C. W. et al. Colour agnosia impairs the recognition of natural but not of non-natural scenes // *Cognitive Neuropsychology*. 2007. Vol. 24, No. 2. P. 152–161.

I. Объективизм. Согласно объективистам (Д. М. Армстронгу¹, А. Бирну², Х. И. Брауну³, Д. Р. Гилберту⁴, Ф. Доршу⁵, П. У. Россу⁶), цвета являются неотъемлемой качественной характеристикой предметов реального мира⁷. Категории цвета возникают в сознании человека на основе бессознательной презентации или репрезентации этих качественных характеристик. При этом репрезентативная связь выражается в причинных, информационных или телеологических терминах⁸.

Наиболее распространенная форма объективизма объясняет цветовое разнообразие через типы отражения света⁹. Согласно А. Бирну и Д. Р. Гилберту¹⁰, цветовое ощущение детерминировано физической природой цвета (световой волной), и для того, чтобы идентифицировать, например, оранжевый цвет, достаточно воспринять световую волну, которая соответствует отдельному оттенку оранжевого цвета. Таким образом, субъективное представление цветов фактически равносильно представлению свойств материальных предметов и источников света, которые сводятся к их структурным особенностям. Например, вариации (или дизъюнкции¹¹) отраженного от поверхности предметов света воспринимаются как сходные или различные в определенных отношениях¹². Вместе с тем исследователи

¹ *Armstrong D. M.* Colour-realism and the argument from microscopes // *Contemporary Philosophy in Australia* / ed. by R. Brown, C. D. Rollins. London: George Allen & Unwin LTD; New York: Humanities Press, 2014. P. 119–131.

² *Byrne A., Hilbert D. R.* The science of colour and colour vision // *The Routledge handbook of philosophy of colour* / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. London, New York: Routledge, 2020. P. 123–139.

³ *Brown H. I.* Direct realism, indirect realism, and epistemology // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1992. Vol. 52, No. 2. P. 341–363.

⁴ *Byrne A., Hilbert D. R.* The science of colour and colour vision. Op. cit.

⁵ *Dorsch F.* Colour resemblance and colour realism // *Rivista di estetica*. 2010. No. 43. P. 85–108.

⁶ *Ross P. W.* Fitting color into the physical world // *Philosophical Psychology*. 2010. Vol. 23, No. 5. P. 575–599.

⁷ См. напр.: *Brown H. I.* Op. cit.; *Byrne A., Hilbert D. R.* Color realism and color science // *Behavioral and Brain Sciences*. 2003. No. 26. P. 3–21.

⁸ *Dorsch F.* Op. cit.

⁹ *Byrne A., Hilbert D. R.* Objectivist reductionism // *The Routledge handbook of philosophy of colour* / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. London, New York: Routledge, 2020. P. 287–298.

¹⁰ *Byrne A., Hilbert D. R.* The science of colour and colour vision. Op. cit.

¹¹ *Byrne A., Hilbert D. R.* Color primitivism // *Erkenntnis*. 2007. Vol. 66, No. 1–2. P. 73–105.

¹² *Campbell J. A.* Does that which makes the sensation of blue a mental fact escape us? // *The Routledge handbook of philosophy of colour* / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. London, New York: Routledge, 2020. P. 408–420.

считают, что их полная объективная природа не обязательно должна открываться нам в субъективном опыте¹.

Для объяснения индивидуальных различий в категоризации цвета объективисты предлагают разграничивать цветовые переживания на те, что приводят к восприятию реальных цветов, и те, что вызывают идею видимого (кажущегося) цвета. Согласно Д. М. Армстронгу², реальный цвет поверхности определяется природой световых волн, отражаемых этой поверхностью в зависимости от ее микроструктуры. Причем чем ближе к поверхности происходит восприятие цвета, тем оно достовернее³.

А. Прямой реализм. Категоризация цвета как независимый от сознания зрителя процесс может быть представлена через прямое восприятие цвета, поэтому, например, Дж. Джерт, Ф. Дорш, Дж. Кэмпбелл считают, что мы воспринимаем цвета в полной мере такими, какие они есть на самом деле⁴. Прямое восприятие может происходить, например, путем знакомства с различными цветами (М. Колдерон)⁵ или через проявление предъявленных окружающей средой предметов и их признаков (М. Джонстон)⁶. Следствием такого подхода к определению цветов выступает, по мнению Ф. Дорша, то, что мы воспринимаем разные оттенки как определяющие наше восприятие: видя цвета предметов (презентации), мы осознаем тот факт, что, если бы они были другими (и при прочих равных условиях), наше цветовое восприятие также было бы, соответственно, другим⁷.

Вместе с тем стороннику прямого реализма необходимо иметь некоторое представление о том, как цвета связаны с физическими свойствами

¹ См. напр.: *Matthen M.* Biological functions and perceptual content // *The Journal of Philosophy*. 1988. Vol. 85, No. 1. P. 5–27.

² *Armstrong D. M.* Op. cit.

³ Ibid.

⁴ См. напр.: *Campbell J.* A Simple View of Color // *Reality, Representation and Projection* / ed. by J. Haldane, C. Wright. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 257–269; *Gert J.* A realistic colour realism // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84, No. 4. P. 565–589.

⁵ *Kalderon M. E.* Color pluralism // *The Philosophical Review*. 2007. Vol. 116, No. 4. P. 563–601.

⁶ *Johnston M.* How to Speak of the Colors // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1992. Vol. 68, No. 3. P. 221–263.

⁷ *Dorsch F.* Op. cit.

материальных объектов, например, со спектральными коэффициентами отражения, которые необходимы для того, чтобы мы могли воспринимать цвет. Принято считать, что цвета супервентны по отношению к этим физическим свойствам¹, то есть цветовые ощущения полностью зависимы от физических свойств предметов внешнего мира (детерминированы ими). Отношения супервентности являются либо номологическими, либо метафизическими². Метафизическое понимание, согласно Дж. Кэмпбэллу, состоит в том, что цвета супервентны по отношению к физическим свойствам, хотя бы в том минимальном смысле, что два возможных мира, которые имеют все свои физические характеристики, не могут быть окрашены по-разному³. При этом, согласно таким исследователям, как К. Макгинн⁴, Н. Нейтен⁵, М. Уоткинс⁶, цвета понимаются как *sui generis*, то есть простые, качественные, чувственные, внутренние, нередуцируемые свойства предметов; они представляют единое свойство быть, например, синим или красным, что исключает такие цвета, как красновато-зеленый.

Получается, например, что человек и другие живые существа, обладающие способностью различать цвета, имеют одинаковый набор категорий цвета и, более того, видят цвета одинаково. Как отмечают А. Бирн и Д. Р. Гилберт⁷, цветовое зрение золотой рыбки имеет много общего с цветовым зрением человека – например, одновременный цветовой контраст и, возможно, постоянство цвета. Несмотря на эти сходства, существуют существенные различия между цветоразличением золотых рыбок и человека, поэтому исследователи в своей концепции цветового восприятия отстаивают номологический тип супервентности, согласно которому типы отражения и

¹ Byrne A., Hilbert D. R. Color primitivism. Op. cit.

² Ibid.

³ Campbell J. A Simple View of Colour // Reality, Representation and Projection / ed. by J. Haldane, C. Wright. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 257–268.

⁴ McGinn C. Another look at color // The Journal of Philosophy. 1996. Vol. 93, No. 11. P. 537–553.

⁵ Nathan N. Simple colours // Philosophy. 1986. Vol. 61, No. 237. P. 345–353.

⁶ Watkins M. Seeing red, the metaphysics of colours without the physics // Australasian Journal of Philosophy. 2005. Vol. 83, No. 1. P. 33–52.

⁷ Byrne A., Hilbert D. R. Color primitivism. Op. cit.

различные цвета, воспринимаемые реципиентом, взаимообусловлены и, таким образом, между ними существует закономерная связь¹.

Рассматривая проблему межвидовых различий в категоризации цвета среди живых существ, другие сторонники цветового объективизма утверждают, что цвет поверхности предметов – не одно простое качество, а некоторое множество. Обоснование такого рода цветового плюрализма дают, например, М. Колдерон², М. Маттен³, К. Аллен⁴. Согласно цветовому плюрализму, разница в цветовых проявлениях возникает не потому, что восприятие цвета зависит от сознания, а, скорее, потому, что каждая конкретная зрительная система воспринимает только часть множества существующих, независимых от разума цветов, то есть отличается селективностью, сформировавшейся в процессе естественного отбора и эволюции живых существ. Кроме того, согласно В. Мизрахи, существует глубокая связь между цветовыми визуальными системами и условиями освещения⁵. Цветозрительные системы различаются по участку спектра, к которому они чувствительны, и по числу типов цветовых рецепторов, поэтому цветовые рецепторы напоминают спектральные фильтры в том смысле, что каждый тип фоторецепторов определяется пигментом, который поглощает определенные длины волн света лучше, чем другие⁶. Пример того, как разные источники света могут приводить к значительным изменениям цветовосприятия, приводит К. Акинс⁷: можно превратить трихромата в монохромата, ограничив источник света узкой спектральной полосой света.

Следовательно, согласно В. Мизрахи, стратегия физикалистов, объясняющая цветовые вариации среди реципиентов, должна быть

¹ McGinn C. Another look at color. Op. cit.

² Kalderon M. E. Color pluralism. Op. cit.

³ Matthen M. The disunity of color // The Philosophical Review. 1999. Vol. 108, No. 1. P. 47–84.

⁴ Allen K. The value of perception // Philosophy and Phenomenological Research. 2020. Vol. 100, No. 3. P. 633–656.

⁵ Mizrahi V. Naïve Realism and the Colors of Afterimages // Review of Philosophy and Psychology. 2023. Vol. 14, No. 1. P. 207–227.

⁶ Mizrahi V. Op. cit.

⁷ Akins K. Black and White and Colour // Consciousness inside and out: Phenomenology, neuroscience and the nature of experience / ed. by R. Brown. Dordrecht, Heidelberg, London, New York: Springer, 2014. P. 181–183.

распространена на цветовые вариации, вызываемые источниками света. Хотя цветные поверхности воплощают множество цветов, именно источник света определяет, как считает исследователь, какой из этих цветов воспринимается данным зрителем¹, ведь реакция зрительной системы на свет зависит от длин волн, входящих в состав падающего света. Например, синяя поверхность на белом фоне, которая отражает большую часть коротких длин волн, входящих в белый свет (то есть источник света, который приближается к равномерному спектральному распределению мощности), не отражает свет и кажется почти черной при освещении фильтрованным светом, состоящим исключительно из длинных волн².

В. Опосредованный реализм. Объективистское понимание цвета может быть объяснено через опосредованное восприятие цвета, которое представлено в концепциях косвенного реализма. Согласно опосредованному реализму, мы непосредственно воспринимаем ментальные сущности (они могут быть названы «идеями», «чувственными данными», «репрезентациями»), которые вызваны физическим взаимодействием между воспринимающим и физическим миром³. Подчеркнем при этом, что содержание понятия «чувственные данные» не всегда осмысливалось как зависимый от сознания предмет. В начале XX в., когда этот термин начал впервые использоваться философами (например, в работах Дж. Э. Мура⁴, Г. Х. Прайса⁵, Б. Рассела⁶), он предназначался только для обозначения того, что мы непосредственно осознаем в восприятии⁷.

Подобное понимание чувственных данных наиболее ярко описано в работах Х. Л. Бермудеса⁸, который считает, что поверхности визуально

¹ Mizrahi V. Op. cit.

² Ibid.

³ См. напр.: Brown H. I. Op. cit; Aranyosi I. Preteriception: Memory as past-perception // Synthese. 2021. Vol. 198, No. 11. P. 10765–10792.

⁴ Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. London: George, Allen and Unwin, 1953. 400 p.

⁵ Price H. H. Perception. London: Methuen & Co, ltd. 1950. 332 p.

⁶ Russell B. The Analysis of Matter. New York: Harcourt, Brace, 1927. 408 p.

⁷ Moore G. E. Op. cit. P. 30; Russell B. Op. cit. P. 12.

⁸ Bermúdez J. L. Naturalized sense data // Philosophical and Phenomenological Research. 2000. Vol. LXI, No. 2. P. 353–374.

воспринимаемых физических объектов являются чувственными данными. Таким образом, мы воспринимаем чувственные данные, или, в случае с визуальными чувственными данными, мы их буквально видим и используем для категоризации цвета¹. Следовательно, как отмечает Ф. Джексон², принять чувственные данные – значит признать, что всякий раз, когда происходит видение, существует цветное пятно, которое является непосредственным объектом восприятия, и что это цветное пятно имеет видимые свойства, такие как форма и протяженность. Вместе с тем, как отмечает К. Л. Хардин³, результаты исследования работы зрительной системы человека противоречат такой интерпретации чувственных данных. Так, аргументом против данной концепции восприятия цвета является способность различить быстро движущийся предмет, несмотря на невозможность определения формы и цвета из-за особенностей нейронного канала для кратковременной информации, имеющего низкую пространственную остроту.

Ввиду критики чувственных данных, которые создают «завесу» восприятия между предметами реального мира и человеком, с середины прошлого века все более распространенной формой объяснения визуального восприятия становится репрезентационизм. Сторонница данного направления Х. Гинзбург считает, что объяснение рационализирующей роли восприятия требует, чтобы мы приписывали перцептивному опыту какое-то репрезентативное содержание. По ее мнению, при определенном естественном направлении мысли восприятие объекта не может рационализировать убеждение, то есть сделать его умопостигаемым, если только он не представляет предмет определенным образом, то есть обладающим определенным общим свойством или чертой⁴.

¹ См. напр.: *Jackson F. Perception*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 180 p; *Ayer A. J. The Problem of Knowledge*. London: Macmillan, 1956. 258 p.

² *Jackson F. Op. cit.*

³ *Hardin C. L. Frank talk about the colours of sense-data // Australasian Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 63, No. 4. P. 485–493.

⁴ *Ginsborg H. Reasons for belief // Philosophy and Phenomenological Research*. 2006. No. 72 (2). P. 286–318.

С. Репрезентационизм. Объективистское понимание репрезентаций отражено в концепции редуктивного (трекингового) репрезентационизма, который идентифицирует ощущаемые цвета с физическими свойствами предметов¹. Определяя сущность трекингового репрезентационизма, Б. Каттер и М. Тай² отмечают, что репрезентативное состояние представляет свойство предмета внешнего мира в силу его причинно-совпадающего изменения с этим свойством при типичных или оптимальных условиях восприятия. В этой связи, как утверждает Дж. Бергер, зрительный опыт представляет предмет, например, как красный в силу того факта, что человек отмечает такой опыт в оптимальных условиях только в том случае, если красный присутствует и потому что красный присутствует³.

Подобным образом Ф. Дретске⁴ характеризует перцептивную репрезентацию с точки зрения того, что состояние восприятия имеет функцию указания, то есть движение и изменение условий во внешнем мире связаны с активацией нейронных цепей. Основываясь на этом, А. Бирн, Д. Гилберт⁵ и М. Тай⁶ связывают репрезентации цвета с оппонентной теорией цветовосприятия. Они исходят из того, что отраженный от предметов свет вызывает разные реакции зрительной системы. А. Бирн и Д. Гилберт утверждают, что эти реакции лежат в основе репрезентативного содержания и передаются величинами цветового тона, которые зависят от физических свойств материальных предметов. Из этого следует, что существуют макрокатегории, которые легко различимы в цветовом спектре и соответствуют основным цветам Э. Геринга. Дальнейшая концентрация на оттенках, согласно авторам, приводит к расхождениям в цветоразличении⁷.

¹ Pautz A. How does colour experience represent the world? // *The Routledge handbook of philosophy of colour* / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. London, New York: Routledge, 2020. P. 367–389.

² Cutter B., Tye M. Tracking representationalism and the painfulness of pain // *Philosophical Issues*. 2011. Vol. 21. P. 90–109.

³ Berger J. A defense of holistic representationalism // *Mind & Language*. 2018. Vol. 33, No. 2. P. 161–176.

⁴ Dretske F. *Naturalizing the mind*. Cambridge: MIT Press, 1995. 224 p.

⁵ Byrne A., Hilbert D. R. Truest blue // *Analysis*. 2007. Vol. 67, No. 1. P. 87–92.

⁶ Tye M. The truth about true blue // *Analysis*. 2006. Vol. 66, No. 4. P. 340–344.

⁷ Byrne A., Hilbert D. R. Truest blue. Op. cit.

Несколько иное объяснение категоризации цвета дает М. Тай¹. Согласно исследователю, индивидуальные различия в цветоразличении являются результатом эволюции зрительной системы человека. Следовательно, различение цветов по схеме «перевернутого спектра»², когда два зрителя воспринимают один и тот же достоверный цвет предмета в равных условиях как красный и как зеленый, указывает, по мнению М. Тая, на то, что у субъекта, воспринимающего зеленый вместо красного, зрительная система функционирует «ненормально»³, то есть он является дихроматом.

С другой стороны, если оба зрителя обладают нормальным зрением, различия в цветовосприятии и, как следствие, в категоризации цвета могут проявляться, поскольку поверхность предмета может иметь несколько оттенков, разных по тону (например, оттенки красного и желтого). В итоге один зритель будет воспринимать поверхность оранжевой, а другой красной. Как отмечает М. Тай, природой не было задумано наделять человека безупречным зрением, поэтому индивидуальные различия чаще всего проявляются в определении конкретного оттенка, например, «настоящего» или типичного синего⁴.

II. Субъективизм. Совершенно другой подход к объяснению цветового различия предлагают субъективисты, среди которых – Э. У. Аверилл⁵ и Дж. Готтлиб, П. Богоссян, Дж. Веллеман⁶, Б. Маунд⁷, К. Л. Хардин⁸, Д. Чалмерс⁹. Субъективисты отрицают причинную связь между предметами и реципиентами и утверждают, что различные цвета происходят из феноменального содержания цветовосприятия, конституируемого в сознании

¹ Tye M. The truth about true blue. Op. cit.

² См. подробнее: Ross P. W. Spectrum inversion // The Routledge Handbook of Philosophy of Colour / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. London, New York: Routledge, 2020. P. 226–243.

³ Ross P. W. Spectrum inversion. Op. cit.

⁴ Shoemaker S. Op. cit.

⁵ Averill E. W., Gottlieb J. Two Theories of Transparency // Erkenntnis. 2021. Vol. 86. P. 553–573.

⁶ Boghossian P. A., Velleman J. D. Colour as a secondary quality // Mind. 1989. Vol. 98, No. 389. P. 81–103.

⁷ Maund B. The Illusory Theory of Colours: An Anti-Realist Theory // Dialectica. 2006. Vol. 60, No 3. P. 245–268.

⁸ Hardin C. L. Color for Philosophers: Unweaving the Rainbow. Op. cit.

⁹ Chalmers D. The Character of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010. 634 p.

человека, в то время как обычные физические объекты бесцветны. Все, что есть снаружи, – это частицы, волны и поля, а цвета мы воспринимаем как очень похожие на действительность ментальные образы, которые ошибочно считаем физическими объектами¹.

Отстаивая субъективистскую позицию по отношению к природе цветовых ощущений, Д. Чалмерс утверждает, что цвета не могут быть идентичны каким-либо физическим свойствам, потому что существует интуитивный «эпистемический разрыв»² между воспринимаемыми цветами и физическими свойствами предметов. Из этого следует, что воспринимаемые цвета должны быть простыми, нередуцируемыми свойствами. Д. Чалмерс также отмечает, что возможность «хроматического взрыва»³, когда поверхность предмета может обладать бесконечным множеством цветов, еще больше противоречит здравому смыслу, чем вывод об иллюзорности всех цветовых переживаний.

Идею Д. Чалмерса развивает Б. Маунд⁴, согласно которому иллюзии и ошибки могут выполнять положительные функции. Утверждение, что перцептивный опыт представляет объекты как обладающие некоторыми качествами, может объяснить, согласно Б. Маунду, почему мы формируем концепты определенным образом, а также почему мы идентифицируем и распознаем объекты⁵. Во-первых, по Б. Маунду, цвета обладают перцептивной значимостью, на основе которой выстраиваются различные наборы парадигм цветов. Поскольку цвета «выглядят» по-разному, они, по мнению Б. Маунда, играют причинную роль по отношению к восприятию и идентификации конкретных объектов как красных, желтых, синих и их использованию в качестве парадигмальных примеров при обучении цветообозначениям.

¹ См. напр.: *Чалмерс Д.* Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / под ред. В. В. Васильева; пер. с англ. М.: Либроком, 2019. 512 с.; *Pautz A.* Op. cit.

² *Chalmers D.* Op. cit. P. 399.

³ Ibid.

⁴ *Maund B.* Colour Relationalism and Colour Irrealism/Eliminativism/Fictionalism // *Croatian Journal of Philosophy.* 2012. No. 12(3). P. 379–398.

⁵ Ibid.

Согласно Б. Маунду, на основе перцептивной значимости цвета также могут систематически располагаться в упорядоченных массивах, то есть внутри цветового диапазона существует ряд внутренних отношений между различными группами оттенков¹.

Наконец, рассуждая о сознательном характере категоризации цвета, Б. Маунд утверждает, что цвета, представленные в восприятии, являются внутренними (то есть нереляционными) свойствами предметов, которые наше сознание проецирует на них. Категории цвета выстраиваются на основе наблюдения окраски предметов, которая постоянно меняется, например, из-за эффекта окружения, то есть присутствия других цветов и предметов разной формы, или из-за изменения освещенности².

Кроме того, Б. Маунд отмечает, что категориальная структура цветов зависит от предполагаемых причинно-следственных заключений о цветах, которые выдвигаются компетентными людьми и транслируются через социальные практики, что напрямую сказывается на значении цветообозначений и самих цветов как культурных символов³. Примерами таких заключений могут быть такие: «созревающие яблоки меняют цвет с зеленого на красный» или «бежевые дома выглядят лучше серых». В этой связи Э. У. Аверилл⁴ отмечает, что без каких-либо физических изменений могут возникнуть изменения в восприятии цветов у обычных зрителей либо в стандартных условиях наблюдения. Например, некоторые предметы, которые раньше категоризировались как желтые, будут выглядеть красными, а другие все еще будут выглядеть желтыми в силу социально установленной конвенции относительно цвета конкретных предметов.

Сторонники субъективизма, выступая против объективистских концепций цвета, также отмечают, что понимание цвета как такового и

¹ Maund B. Clarifying the problem of color realism // Behavioral and Brain Sciences. 2003. Vol. 26, No. 1. P. 40–41.

² Maund B. Colour – a case for conceptual fission // Australasian Journal of Philosophy. 1981. Vol. 59, No. 3. P. 308–322.

³ Maund B. Colour Relationalism and Colour Irrealism/Eliminativism/Fictionalism. Op. cit.

⁴ Averill E.W. The relational nature of color // The Philosophical Review. 1992. No. 101 (3). P. 551–588.

различий между цветами складывается без каких-либо научных представлений о структуре предметов и природе света¹. Напротив, цвета усваиваются на основе обычного зрительного опыта человека, а цветообозначения объясняются остенсивно, на основе феноменальных характеристик сходства, по примеру утверждения «розовый больше напоминает красный, чем синий»².

Другим основанием того, что цвета представляют собой результат субъективного опыта³, К. Л. Хардин считает физиологию цветовосприятия, а точнее – работу цветочувствительных клеток сетчатки глаза. Анализируя особенности зрительной системы человека, исследователь приходит к выводу, что оптический центр сетчатки специализируется на высоком пространственном и хроматическом разрешении, а периферия способна обнаруживать движение и тусклый свет. Как следствие, объект, цвет и форма которого так четко определены в центре поля зрения, аморфен как по форме, так и по цвету, когда он появляется вблизи края поля зрения. Следовательно, по мнению К. Л. Хардина, только благодаря постоянным движениям глаз и постоянной активации зрительных рецепторов мы способны «выстроить» четкую широкую картину нашего визуального окружения⁴.

А. Редуктивный репрезентационизм. Согласно «чистым» субъективистам, отрицающим казуальную связь между предметами реального мира и цветовыми ощущениями, из всего вышесказанного следует, что нет прямого способа выстраивания категорий цвета, поэтому ряд исследователей опосредованного цветовосприятия⁵ придерживаются репрезентационизма, а именно его редуктивной версии, в соответствии с которой репрезентативное содержание восприятия цвета сводится к внутреннему опыту субъекта.

¹ См. напр.: Cutter B. Unknowable Colour Facts // *Mind*. 2021. Vol. 130, No. 519. P. 909–941.

² Adams Z., Hansen N. The myth of the common sense conception of the color // *Shifting Concepts: The Philosophy and Psychology of Conceptual Variability* / ed. by Å. Wikforss, T. Marques. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 107.

³ Hardin C. L. Color for Philosophers: Unweaving the Rainbow. Op. cit. P. 61.

⁴ Hardin C. L. Frank talk about the colours of sense-data. Op. cit.

⁵ См. напр.: Pautz A. Op. cit; Chalmers D. Perception and the Fall from Eden // *Perceptual experience*, 2006. P. 49–125.

Примером такого репрезентационизма выступает концепция К. Л. Хардин¹, согласно которой разные цвета отождествляются с психологическим состоянием зрителя. Согласно исследователю, качественные характеристики цветов позволяют разделить цветовые ощущения на уникальные (простые) и бинарные (смешанные). В то время как уникальные цвета воспринимаются как не включающие в себя какие-либо другие оттенки, бинарные цвета воспринимаются как качественно составленные из первых (например, оранжевый представляет собой смесь красного и желтого). Как и объективисты А. Бирн, Д. Гилберт² или М. Тай³, К. Л. Хардин определяет уникальные цвета в цветовом спектре на основе оппонентной теории цветоразличения (основные цвета Э. Геринга). Составные оттенки, по его мнению, заполняют переход между уникальными и требуют некоторых усилий для различения, чем обусловлена неустойчивость их восприятия среди зрителей.

По мнению исследователя, уникальные цвета обладают также большей значимостью для нашего сознания в силу эволюционно сложившегося механизма цветоразличения и физиологических реакций на цвет, которые опосредуют связь между эмоциями, предпочтениями и цветом. Рассуждая об относительной стабильности центров категорий цвета наряду с их нечеткими границами, К. Л. Хардин приходит к выводу, что, хотя и биология, и культура участвуют в установлении этих границ, контекст и цель играют ведущую роль⁴.

Идеи К. Л. Хардина и Д. Чалмерса получили дальнейшее развитие в концепции категоризации цвета Р. Э. Маклори. Р. Э. Маклори считает, что структура категории базируется на глубоко сформулированной, бессознательной и автоматически ожидаемой аналогии с пространственно-временными координатами, которые человек сознательно обрабатывает как

¹ Hardin C. L. *Color for Philosophers: Unweaving the Rainbow*. Op. cit.

² См. напр.: Byrne A., Hilbert D. R. Op. cit.

³ См. напр.: Tye M. *Consciousness Revisited*. Cambridge: MIT Press, 2009. 229 p.

⁴ Hardin C. L. *Color for Philosophers: Unweaving the Rainbow*. Op. cit. P. 171.

фиксированные ориентиры, передвигаясь между ними. В сознании реципиента, по мнению Р. Э. Маклори, категория представлена через фиксированные образы или абстракции и мобильные обратные выражения внимания к сходству и различию.

Не оспаривая влияние основных физиологических механизмов обработки цвета, Р. Э. Маклори¹, как и К. Л. Хардин, предполагает, что категория цвета не «застывшее» образование, а подвижная структура, трансформация которой опосредуется реальной познавательной точкой зрения. В зависимости от последней происходит выборочное выделение сходства или различия между цветовыми стимулами, что приводит к перемещению границы между категориями цвета к центру одной из них².

Подобным образом трактует процесс категоризации цвета и К. Джеймсон³, предлагая модель межточечного расстояния (interpoint distance model). Общее культурное представление о цвете, по мнению К. Джеймсон, основано на когнитивных механизмах, свойственных человеку, что приводит к общей для всех людей схеме наименования и классификации цветов. Кроме того, такая форма репрезентации цвета может быть результатом конвергентной реакции культур на одинаковое давление, оказываемое на эволюцию цветового лексикона⁴.

Выступая с критикой против субъективизма, П. У. Росс⁵ отмечает, что в каком-то смысле мы можем «видеть» наши мысленные события, поскольку у нас есть способы их визуализации (например, с помощью МРТ). При этом визуальное восприятие не редуцируется к нейронным реакциям. Например, при восприятии зеленого дорожного знака зеленый цвет – это мысленное событие, которое является частью того самого опыта, благодаря которому мы

¹ См. подроб.: MacLaury R. E. Color and cognition in Mesoamerica: Constructing categories as vantages. Op. cit.

² MacLaury R. E. Introducing vantage theory // Language sciences. 2002. Vol. 24, No. 5–6. P. 493–536.

³ Jameson K. A. Why GRUE? An interpoint-distance model analysis of composite color categories // Cross-cultural research. 2005. Vol. 39, No. 2. P. 159–204.

⁴ Ibid.

⁵ Ross P. W. Fitting color into the physical world. Op. cit.

видим расположение дорожного знака. Следовательно, по мнению П. У. Росса, с точки зрения субъективизма классификация внешнего физического объекта по цвету, например, зеленому или оранжевому, предполагает скорее самоанализ, чем восприятие, поскольку она включает в себя классификацию аспектов самих состояний восприятия. В итоге П. У. Росс заключает, что категоризация цвета предмета как зеленого или оранжевого аналогична интроспективному суждению о характере головной боли, которая может быть легкой или сильной¹.

В. Холистический субъективизм. Обозначенная критика П. У. Росса учитывается в ряде таких субъективистских концепций, как диспозиционализм, релятивизм, реляционизм, функционализм. Их сторонники стремятся рассмотреть феноменальную природу цвета и его связь с окружающей средой. Принимая во внимание, что восприятие цвета происходит через казуальную соотнесенность свойств физических предметов и содержания сознания, которые в равной степени детерминируют цветовые ощущения, можно назвать данный вид субъективизма холистическим. Холистический субъективизм просматривается в работах Дж. Беннета², М. Даммета³, Дж. Коэна⁴, К. Макгинна⁵, Дж. Макдауэлла⁶, Б. Маклафлина⁷, А. Ноэ⁸, К. Пикока⁹, М. Чиримууты¹⁰. Согласно перечисленным авторам, предметы сами по себе не окрашены, но обладают способностью вызывать цветовые ощущения у зрителей путем, например, отражения света¹¹.

¹ Ross P. W. Fitting color into the physical world. Op. cit.

² Bennett J. Op. cit.

³ Dummett M. Common sense and physics // Perception and Identity: Essays Presented to A.J. Ayer with his Replies to them / ed. by G. F. Macdonald. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1979. P. 1–40.

⁴ Cohen J. Subjectivism, Physicalism, or None of the Above? Comments on Ross's 'The Location Problem for Color Subjectivism' // Consciousness and Cognition. 2001. No. 10. P. 94–104.

⁵ McGinn C. The subjective view. Oxford: Clarendon Press, 1983. 164 p.

⁶ McDowell J. Values and Secondary Qualities // Morality and Objectivity: A Tribute to J.L. Mackie / ed. by T. Honderich. London: Routledge and Kegan Paul, 1985. P. 110–127.

⁷ McLaughlin B. The place of color in nature // Colour perception: mind and the physical world. 2003. P. 475–502.

⁸ Noë A. Action in perception. Cambridge: MIT Press, 2004. 277 p.

⁹ Peacocke C. Colour concepts and colour experience // Synthese. 1984. Vol. 58. P. 365–381.

¹⁰ Chirimuuta M. Op. cit.

¹¹ См. напр.: Arstila V. True colours, false theories // Australasian Journal of Philosophy. 2003. Vol. 81, No. 1. P. 41–50.

Специфика субъективизма, рассматривающего цвета как реляционные качества, согласно Б. Брогаарду¹, несколько различается с позиций релятивистов и реляционистов. Цветовые реляционисты рассматривают цвета как отношения между особенностями физических объектов и реципиентами, тогда как релятивисты², функционалисты³ и диспозиционалисты⁴ рассматривают цвета как свойства, которые выделяют особенности в мире только относительно зрителей и условий просмотра.

В качестве примера обратимся к идеям Дж. Коэна. Согласно цветовому релятивизму Дж. Коэна, нет таких свойств, как «синий», «красный», «желтый», «оранжевый» и т. д. Вместо этого существуют реляционные свойства: «синий» для воспринимающего *A* в обстоятельствах C_1 , «красный» для воспринимающего *B* в обстоятельствах C_2 и т. д. В своей аргументации Дж. Коэн исходит из предпосылки, что существует широкий спектр ситуаций, различающихся условиями просмотра или особенностями восприятия разных зрителей⁵. При этом в каждом из представленных вариантов у субъекта складывается достоверное представление о цвете предмета⁶.

Примером реляционной концепции цвета являются идеи А. Ноэ⁷, отразившиеся в понимании перцептивного опыта как активного процесса. По мнению А. Ноэ, грань между данным и просто доступным стирается, и у человека остается представление о том, что перцептивное осознание предмета с его устойчивыми свойствами представляет собой динамическую деятельность, умелое взаимодействие с окружающими предметами⁸. На примере желтого цвета А. Ноэ показывает, что желтизна как перцептивное

¹ Brogaard B. The self-locating property theory of color // *Minds and Machines*. 2015. Vol. 25. P. 133–147.

² Cohen J. Subjectivism, Physicalism, or None of the Above? Comments on Ross's 'The Location Problem for Color Subjectivism'. Op. cit.

³ McLaughlin B. Op. cit.

⁴ Jaster R. The ability to do otherwise and the new dispositionalism // *Inquiry*. 2022. Vol. 65, No. 9. P. 1149–1166.

⁵ Cohen J. Colour relationalism // *The Routledge Handbook of Philosophy of Colour* / ed. by D.H. Brown, F. Macpherson. London, New York: Routledge, 2020. P. 311–326.

⁶ Ibid.

⁷ Noë A. Action in perception. Op. cit.

⁸ Noë A. Real presence // *Philosophical Topics*. 2005. Vol. 33, No. 1. P. 235–264.

качество многогранна и многомерна. По мнению А. Ноэ, на практике данное качество никогда не проявляется в полной мере, поскольку желтый цвет поверхности проявляется только в том, как поверхность меняет свой внешний вид при изменении критических для цвета условий, например, освещения¹. Таким образом, по А. Ноэ, желтизна не более заметна, чем видим полностью любой объемный физический предмет². Кроме того, восприятие какого-либо цвета всегда происходит в контексте других цветов предметов и сопряжено с различением некоторой области в непрерывном цветовом пространстве, окружающем человека³.

В силу фрагментарности восприятия необходимо конструирование общей категории цвета из отдельных случаев восприятия, что предполагает некоторую опосредованность восприятия цвета, одним из вариантов которой выступают зависимые от сознания субъекта чувственные данные. Согласно сторонникам данного подхода, мы категоризируем цвета на основе чувственных данных, которые только осознаем, знакомимся с ними или просто ощущаем⁴.

Вместе с тем, как отмечает Э. М. Адамс⁵, чувственные данные сами по себе являются продуктом категоризации более примитивного опыта, который никогда не представляется неклассифицированным и может быть подвергнут альтернативной категоризации, например, в терминах видимости, когда предмет «выглядит»/«кажется» красным или синим. Принимая, что между перцептивными переживаниями и различными понятиями существует концептуальная связь, Э. М. Адамс утверждает, что опыт, независимо от уровня, очерчен и упорядочен в соответствии с нашей концептуальной

¹ Noë A. Action in perception. Op. cit.

² Ibid.

³ Кузьмин В. Г. Двухуровневость восприятия и модусы цвета. Контрастность и дополнительность цветов // Философская мысль. 2021. № 10. С. 11–21. [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36358 (дата обращения: 27.05.2024).

⁴ См. напр.: Robinson H. Perception. London: Routledge, 1994. 272 p; Price H.H. Perception. London: Methuen & Co, Ltd. 1950. 332 p.

⁵ Adams E. M. The Nature of the Sense-Datum Theory // Mind. 1958. Vol. 67, No. 266. P. 216–226.

схемой: изменяются концептуальные рамки, и опыт очерчивается и упорядочивается по-другому¹.

С. Холистический репрезентационизм. Другой концепцией опосредованного восприятия цвета, которая учитывает как особенности внешнего мира, так и субъективные качества человека, выступает холистический репрезентационизм, представленный в работах Д. М. Розенталя², У. Селларса³, П. Черчлэнда⁴, С. Шумейкера⁵. С точки зрения холистического репрезентационизма, репрезентация цвета складывается в результате реляционного взаимодействия между зрителем и воспринимаемым предметом. Кроме того, ее содержание, по крайней мере частично, определяется причинными или логическими отношениями с другими ментальными образами⁶, что позволяет говорить о когнитивном проникновении в процесс восприятия⁷.

Тогда категоризация цвета представляется как процесс выделения отдельного цветового переживания из множества возможных⁸, который сопряжен с другими когнитивными процессами, например, памятью и вниманием, и ментальными состояниями, такими как убеждения, эмоции, ожидания⁹. При этом, согласно К. Г. Фролову и А. И. Пономареву, когнитивное проникновение способно как делать категоризацию цвета более эффективной, повышая чувствительность к оттенкам у компетентных людей, так и препятствовать ей, вызывая иллюзорные ощущения, например, когда

¹ Adams E. M. Op. cit.

² Rosenthal D. M. Color, mental location, and the visual field // *Consciousness and Cognition*. 2001. No. 10. P. 85–93.

³ Sellars W. Abstract entities // *The Review of Metaphysics*. 1963. Vol. 16, No. 4. P. 627–671.

⁴ Churchland P. On the reality (and diversity) of objective colors: How color-qualia space is a map of reflectance-profile space // *Philosophy of science*. 2007. Vol. 74, No. 2. P. 119–149.

⁵ Shoemaker S. Self-knowledge and “inner sense”: Lecture I: The object perception model // *Philosophy and phenomenological research*. 1994. Vol. 54, No. 2. P. 249–269.

⁶ См. напр.: Berger J. Op. cit.

⁷ Фролов К. Г., Пономарев А. И. Указ. соч.

⁸ Berger J. Op. cit.

⁹ См. напр.: Грибер Ю. А., Йонаускайте Д., Мор К. Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке // *Litera*. 2019. № 1. С. 1–16; Очеретяный К. А. Указ. соч.; Яньшин П. В. Указ. соч.; Jonauskaite D. et al. The sun is no fun without rain: Physical environments affect how we feel about yellow across 55 countries // *Journal of Environmental Psychology*. 2019. Vol. 66. [Электронный ресурс], URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0272494419303469> (дата обращения 21.02.2024).

черно-белое изображение банана воспринимается как имеющее желтоватый оттенок¹.

Примером холистического репрезентационизма выступают качественные пространства Д. М. Розенталя². Согласно исследователю, воспринимаемые сходства и различия свойств предметов организованы в одно целое на основе перцептивных различительных способностей сенсорной системы. По мнению Д. М. Розенталя, таким образом устроены пространства цветов, запахов, звуков. Поскольку для людей красный цвет более похож на оранжевый, чем на зеленый, качественное пространство цветов отражает эти факты путем расположения красного цвета ближе к оранжевому, чем к зеленому, и упорядочивается по трем измерениям: тону, насыщенности и яркости³. Качественному пространству цвета соответствует пространство перцептивных состояний. При этом перцептивный опыт, который представляет, например, красный цвет, имеет качественный характер категории красного только в том случае, если а) это состояние является сознательным и б) оно занимает уникальное место в пространстве перцептивных состояний, которое соответствует местоположению красного цвета в качественном пространстве цветов⁴.

Представленная концепция Д. М. Розенталя подробно описывает субъективную сторону категоризации цвета, дифференциацию перцептивного опыта, а также связь между разными уровнями психических процессов, задействованных в восприятии цвета. В то же время деление перцептивного опыта на сознательный и бессознательный подверглось критике исследователей цвета⁵. В частности, как любая теория, базирующаяся на репрезентации, а не презентации, концепция Д. М. Розенталя не объясняет

¹ Фролов К. Г., Пономарев А. И. Указ. соч.

² Rosenthal D. M. Color, mental location, and the visual field // *Consciousness and Cognition*. 2001. No. 10. P. 85–93.

³ Цит. по.: Berger J. A. Op. cit.

⁴ Ibid.

⁵ См. напр.: Block N. On a confusion about a function of consciousness // *Behavioral and brain sciences*. 1995. Vol. 18, No. 2. P. 227–247; Cohen J. Précis of *The Red and the Real: An Essay on Color Ontology* // *Analytic Philosophy*. 2012. Vol. 53, No. 3. P. 288–296.

полностью изменчивый и непосредственный характер восприятия цвета, равно как и его контекст. Разделение перцептивного опыта на то, что испытывает субъект, и то, что доступно для сознательной рефлексии, становится проблематичным в отношении младенцев и других живых существ, не обладающих развитыми формами высших психических процессов, но способных различать цвета.

По этой причине наиболее продуктивной на сегодняшний день выступает концепция цветового адвербиализма М. Чиримууты. Во-первых, данная концепция исключает редуктивный подход к цвету как автономному и единому атрибуту объективной или субъективной реальности¹. Цвет рассматривается как целостный способ восприятия, то есть цвет неразрывно связан с восприятием формы, текстуры, глубины, движения и т. д.²

Во-вторых, согласно цветовому адвербиализму, цвет не просто обнаруживается во внешнем мире (реалистский подход) или проецируется на внешний мир (антиреалистский подход): его необходимо различать (категоризировать)³, соотнося с другими элементами перцептивного опыта. Из этого следует, что цвет конкретной поверхности есть функция ее отношений к другим поверхностям и не существует единственного истинного цвета, который имеет объект, так как цвета не принадлежат отдельным объектам. В этой связи восприятие и категоризация цвета сопровождаются определенной степенью вариативности.

В-третьих, обозначенная вариативность не возводится в абсолют: постоянство цвета эволюционно было необходимо человеку для того, чтобы различать предметы на основе их относительных сходств и различий. Такая трактовка постоянства цвета опирается на данные психофизических исследований, указывающие на причастность цветового зрения к обнаружению, идентификации и сегментации наблюдаемых предметов, их

¹ Chirimuuta M. Op. cit. P. 69–70.

² Ibid. P. 73.

³ Ibid. P. 54, 74.

распределению на классы и запоминанию¹. Кроме того, в отличие от других живых организмов, человек выработал систему основных цветообозначений для фиксации относительно постоянных цветов. Достаточно знать, например, что лимоны желтые, чтобы обнаруживать их в различных ситуациях, даже когда незначительные изменения в освещении и текстуре кожуры фруктов вызывают заметные изменения воспринимаемого оттенка.

В-четвертых, существуют убеждения и предрассудки, лежащие в основе любой философии цвета. Исследования визуальности показывают динамику изменений визуальных культур в различные исторические периоды, особенно в истории искусства. Однако философы, обсуждающие проблемы цвета, во многом игнорируют возможность изменения визуальной культуры, частью которой они сами являются. Цветовой адвербиализм в прочтении М. Чиримууты позволяет учесть влияние визуальной культуры на процесс категоризации цвета. Согласно философу, некоторая форма категоризации цвета имеет место на низком уровне (получение рецепторами сетчатки некоторого импульса), и она ограничивает, но не определяет высокоуровневую (сознательную) категоризацию цвета. Именно на этом уровне происходит взаимодействие мышления и культуры, которое реализуется в виде системы категорий цвета².

Таким образом, проведенный анализ концепций восприятия цвета в философии сознания позволил выявить различное понимание процесса категоризации цвета, представленное в объективистской и субъективистской перспективах. Согласно цветовому объективизму, процесс категоризации цвета проходит через контакт с внешним миром, во время которого категории цвета фиксируются посредством презентации или репрезентации в сознании субъекта. Вариативность категорий цвета объясняется через особенности зрительной системы и различных источников света, которые модулируют цветовые ощущения живых существ.

¹ Chirimuuta M. Op. cit. P. 77, 84–85.

² Ibid. P. 123.

Напротив, цветовой субъективизм акцентирует роль реципиента в процессе восприятия цвета и его категоризации, подчеркивая общность нейробиологической основы данных процессов. При этом холистический субъективизм демонстрирует более адекватный подход к решению проблемы онтологии цвета и цветового зрения. Сторонники данного направления подчеркивают активный характер категоризации цвета, которая выступает результатом казуального взаимодействия человека и внешнего мира.

Выводы к главе 1

Философско-культурологический анализ концептуализации категоризации цвета показал, что до появления эксплицитного определения данного понятия в середине XX в. разграничение категорий происходило в контексте актуальной мировоззренческой позиции. Это позволило выделить три основных направления, в русле которых складывались предпосылки формирования понятия «категоризация цвета»: трансцендентное, имманентное и антропоцентрическое. Трансцендентное направление акцентирует внимание на нематериальном (умопостигаемом) характере границ категорий цвета, которые выделяются либо по количеству первоэлементов (в Античности), либо на основе бинарной оппозиции сакрального и профанного (в Средние века).

Затем, в эпоху Просвещения, внимание мыслителей обращается в сторону материальных свойств действительных предметов и света. Границы категорий понимаются как существующие в действительном мире, задача человека – их распознать. Следовательно, категория цвета выстраивается в процессе вычленения предмета (прототипа), для которого цвет выступает характерным признаком, и его сравнения с другими предметами. Наконец, антропоцентрические идеи немецкой классической философии привели к пониманию категорий цвета как своего рода «резервуаров», содержание которых полностью зависит от сознания субъекта.

В дальнейшем концептуализация категоризации цвета развивалась преимущественно в научном дискурсе под влиянием экологической мотивации, категории цвета осмысливались через понятия окружающей среды, телесности и культуры. С одной стороны, окружающая среда понималась исследователями как активная субстанция, определяющая содержание категорий цвета через различные комбинации цветов, представленных в природных и искусственных предметах, которые выступали в качестве модели категоризации цвета и образцов цветовой гармонии. С другой стороны, активная эволюционная адаптация телесности человека к окружающей среде привела к ограничению возможных вариантов категоризации цвета вследствие особенностей его перцептивной системы. Наконец, экологическая мотивация категоризации цвета проявляется в активной преобразующей деятельности человека, в процессе которой происходит символизация окружающей среды в культуре. При этом общество определяет смысл цветового знака и его референт, акцентируя важность предмета или явления окружающей среды. Следовательно, категоризация цвета отражает в первую очередь необходимость и значимость того или иного цвета для конкретного культурного сообщества.

В то время, как окружающая среда, телесность и культура являются скорее внешними факторами категоризации цвета, внутренними факторами, которые напрямую связаны с перцептивным опытом человека и его категоризацией, выступают сознание и бессознательное. Посредством рефлексии над этими явлениями складывается концептуализация категоризации цвета в когнитивной науке и философии сознания. Некоторые исследователи понимают процесс категоризации цвета как пассивное восприятие посредством зрительной системы готовых групп оттенков во время прямого контакта человека с действительностью. Вариативность категорий цвета обуславливается в таком случае особенностями зрительной системы и различных источников света, которые модулируют цветовые ощущения живых существ и, как следствие, сам процесс категоризации цвета.

Согласно противоположной точке зрения, категоризация цвета носит активный сознательный характер, который проявляется не только через казуальное взаимодействие человека и внешнего мира, но и через взаимообусловленность его ментальных состояний. При этом граница категории цвета понимается как динамический параметр, который задается социокультурным контекстом категоризации цвета, а также внутренними установками субъекта.

ГЛАВА 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЦВЕТА

2.1. Категоризация цвета как культурная схема

Общефилософские концепции культуры рассматривают категории как базисные элементы, несущие в себе жизненные смыслы и ценности. В частности, В. С. Степин отмечает, что в категориях культуры совместно представлены понимание, осмысление и эмоциональное переживание мира¹. Обозначенные аспекты в полной мере проявляются в категориях цвета, которые можно рассмотреть как элементы трех сфер культуры (материальной, духовной и художественной), предложенных М. С. Каганом². В соответствии с перечисленными сферами культуры на современном этапе философско-культурологическая рефлексия категоризации цвета может быть раскрыта через призму когнитивного подхода к анализу эстетики и семантики цвета, а также способов опредмечивания цвета в языке и артефактах.

Эстетическая значимость категоризации цвета раскрывается через эпистемологический статус произведения искусства. Согласно исследователям в области философии эстетики, таким как, Д. Батчелор³, М. Зиль⁴, Н. А. Кормин⁵, В. Л. Круткин⁶, Дж. Хаймен⁷, Ж. Чан⁸, И. М. Чубаров и Э. В. Самохвалова⁹, цвет понимается не только как визуальный компонент произведения искусства, но и как смысловой элемент композиции, который обладает значением и эмоционально воздействует на зрителя в процессе его приобщения к некоторому знанию. Когнитивный подход к изучению

¹ Степин В. С. Указ. соч. С. 9.

² Каган М. С. Указ соч. С. 27.

³ Batchelor D. Op. cit. P. 29–30, 47.

⁴ Seel M. Op. cit. P. 12.

⁵ Кормин Н. А. Мыслить цветом. Указ. соч.

⁶ Круткин В. Л. Указ. соч.

⁷ Hume J. Op. cit. P. 127–154.

⁸ Чан Ж. Эстетика и символическое значение древнекитайских снежных пейзажей с IV по XX век // Культура и искусство. 2024. № 5. С. 1–14.

⁹ Чубаров И. М., Самохвалова Э. В. Указ. соч.

содержания этого знания позволил выявить особенности эстетического восприятия, а именно установить характерные закономерности, например между памятью, вниманием и эмоциями и эстетической оценкой произведения искусства¹. Кроме того, сочетание анализа композиции художественного произведения с психологическими параметрами восприятия открыло путь для теоретизации эстетического опыта и развития искусства в целом, что наглядно представлено в работах К. Мартиндейла², К. Редиса³, С. Э. Палмера и К. Б. Шлосса⁴.

В то же время понятие эстетики тесно связано с социокультурным контекстом создания художественного произведения и его последующей рецепции зрителем. По этой причине важно замечание В. Л. Зольберг о том, что художественное искусство полифонично. С одной стороны, эта полифония складывается в результате введения новых кадров (художников), изменения медиа (фотографии), стилей (импрессионизм, фовизм и т. д.). С другой стороны, согласно исследователю, современное художественное творчество подразумевает пограничную работу в меняющихся контекстах, в которых пересекаются различные формы искусства и формируются новые цветовые схемы. Эти формы включают широкий спектр противоречий и различий между изящными искусствами и коммерческим искусством; профессиональными художниками и самоучками; инсайдерами и аутсайдерами мира искусства; искусством и другими культурными областями: политикой, наукой и тем, как воспринимается художником природа и сама жизнь⁵.

Духовный аспект категоризации цвета напрямую связан с психологией цвета и его культурной семантикой. Согласно наблюдениям Б. В. Базымы⁶,

¹ См. напр.: Seeley W. P. Op. cit; Carroll N., Moore M., Seeley W. P. Op. cit; Albers A. M., Schiller F., Gegenfurtner K., Nascimento S. Op. cit.

² Martindale C. Op. cit; Martindale C. Aesthetic evolution // Poetics. 1986. Vol. 15, No. 4–6. P. 439–473.

³ Redies C. Op. cit.

⁴ Palmer S. E., Schloss K. B. Op. cit.

⁵ Zolberg V. L. A cultural sociology of the arts // Current Sociology. 2015. Vol. 63, No. 6. P. 896–915.

⁶ Базыма Б. В. Указ. соч. С. 2–39.

Н. В. Серова¹, П. В. Яньшина², изучение ассоциаций и эмоций показывает, что они влияют на культурную коннотацию цвета: на психофизиологические реакции человека по мере его инкультурации и социализации надстраивается ассоциация цвета с различными аспектами идентичности, такими как пол, возраст, социальное положение, религиозная принадлежность, политические взгляды и другие характеристики, которыми наделяет человека общество. Данные последних исследований³ указывают на взаимосвязь экологии и «социального соглашения» относительно, например, предпочтительного цвета и ассоциативной связи между цветом и эмоциями.

Кроме того, основываясь на анализе концептуализации категоризации цвета, проведенном в первой главе диссертации, можно согласиться с Дж. Козном и М. Маттен⁴, Дж. Лакоффом⁵, Р. Э. Маклори⁶ и М. Чиримуутой⁷, согласно которым категоризация цвета всегда происходит в контексте взаимодействия культуры и телесности человека, проявляющегося в единстве физического и духовного. Это взаимодействие можно раскрыть следующим образом.

Окружающая среда состоит из окрашенных предметов. В процессе созерцания этих предметов и знакомства с ними человек осваивает способы категоризации цвета на основе их «естественной» пространственной конфигурации и цветовых сочетаний. Физические (материальные) особенности зрительной системы человека и его тела в целом задают вектор восприятия формы и цвета наблюдаемых предметов, что отражается на том материале, который получает разум для последующей когнитивной обработки. В результате этой обработки формируются категории цвета как

¹ Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. Указ. соч. С. 493.

² Яньшин П. В. Указ. соч. С. 65.

³ См. напр.: Jonauskaitė D. et al. A comparative analysis of colour–emotion associations in 16–88-year-old adults from 31 countries // *British Journal of Psychology*. 2024. Vol. 115, No. 2. P. 275–305; Jonauskaitė D. et al. Universal patterns in color-emotion associations are further shaped by linguistic and geographic proximity // *Psychological Science*. 2020. Vol. 31, No. 10. P. 1245–1260.

⁴ Cohen J., Matthen M. Op. cit.

⁵ Лакофф Д. Указ. соч. С. 16, 24.

⁶ MacLaury R. E. Op. cit.

⁷ Chirimuuta M. Op. cit. P. 73.

группы оттенков. По мере отчуждения индивидуальных результатов категоризации цвета, их культурной медиации в процессе общения, а также включения категорий цвета в деятельность человека происходит образование культурной семантики цвета¹.

Акторно-сетевая теория Б. Латура² представляется эффективной для экспликации категоризации цвета как предметного взаимодействия между людьми. Б. Латур устраняет разграничение «субъекта – объекта» деятельности и утверждает, что неодушевленные предметы являются полноправными акторами вместе с людьми. При этом агентность предметов понимается как их способность повлиять на результат социального взаимодействия. В итоге любая деятельность есть часть общей сети действий, которые формируют социальное бытие человека. В этой связи, согласно Б. Латуру, смысл этой деятельности можно определить, только опираясь на референциальную цепь, соединяющую отдельные взаимодействия людей и предметов. Вместо схемы «причина – следствие» за отправную точку принимается опосредование (репрезентация). Идея опосредования или события позволяет сохранить только две черты действия, которые являются полезными: появление нового и невозможность создания чего-то из ничего. Следовательно, смысл действия определяется событийно как связь между репрезентацией и действующими акторами.

Исходя из представленных положений теории Б. Латура, можно рассмотреть категоризацию цвета как взаимодействие человека и создаваемых им таких артефактов, как цветовые номенклатуры и цветовые системы. В повседневном общении люди, опираясь на показания своих органов чувств и наблюдаемые окрашенные предметы, создают цветообозначения, которые, в глобальном смысле, репрезентируют цветовую картину мира. Создавая новые

¹ *Нанкевич А. А.* Экологическая мотивация культурфилософского осмысления категоризации цвета // *Философия и культура*. 2024. № 8. С. 182–190; *Нанкевич А. А.* Категоризация цвета как культурная схема // *Человек и культура*. 2024. № 6. С. 61–75.

² *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 46, 195; *Латур Б., Вахштайн В., Смирнов А.* Об интеробъективности // *Социологическое обозрение*. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–96.

пигменты или включая новые предметы в описанную коммуникативную ситуацию, человек расширяет сеть взаимодействия, включая в нее новых акторов, что приводит к трансформации цветовой картины мира и ее репрезентации. Подобным образом происходит взаимодействие с цветовыми системами, применение которых меняет или сохраняет стандарты производства цветной продукции.

Применяя когнитивный подход к культуре¹ в целом, можно определить форму закрепления и трансляции категорий культуры. Роль такой формы играет культурная схема. Этот термин впервые встречается в работе К. Уисслера² «Человек и культура» вместе с понятием универсального образца (universal pattern) и означает фундаментальные схожие черты, присущие разным культурам.

I. Понятие культурной схемы. В более поздних антропологических исследованиях термин «культурная схема» изменил свое значение под влиянием когнитивных наук. Согласно Р. У. Кассону³, схемы – это ментальные репрезентации, которые хранятся в памяти, а их структура может быть представлена через фреймы, сценарии, прототипы. Все схемы исследователь делит на универсальные, идиосинкразические и культурные. Особенность культурной схемы, согласно Р. У. Кассону, в том, что она разделяется всеми представителями отдельно взятой культуры.

Вместе с тем, как отмечают Н. Квин и Д. Холланд⁴, термин «культурная схема» до конца не устоялся и имеет варианты, поэтому исследователи предлагают использовать общий термин «культурная модель». Однако определение культурной модели зачастую раскрывается через понятие схемы. Например, В. И. Заботкина⁵ понимает под культурной моделью знание,

¹ Goodenough W. H. In pursuit of culture // Annual review of Anthropology. 2003. Vol. 32, No. 1. P. 7; Режабек Е. Я. Указ. соч. С. 40.

² Wissler C. Op. cit. P. 74.

³ Casson R. W. Op. cit.

⁴ Holland D., Quinn N. Culture and cognition // Cultural models in language and thought / ed. by Holland D., Quinn N. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 9, 25.

⁵ Заботкина В. И. Указ. соч.

представленное в виде схемы системы идей, связанных с определенной областью в концептуальной картине мира¹.

Несколько другое понимание культурной модели находим в работах Р. Д'Андрейда². Согласно исследователю, культурная модель – это когнитивная схема, интерсубъективно разделяемая социальной группой³. Основным способом установления подобных схем, согласно Р. Д'Андрейду⁴, является изучение существующих в языке лексических систем (языковых репрезентаций когнитивных схем), а не ритуалов и социальных особенностей сообщества. Предлагаемое автором объяснение состоит в том, что культурно значимые аспекты знания должны транслироваться в процессе коммуникации, где наиболее эффективным средством выражения выступает естественный язык⁵. Кроме того, когнитивные схемы, из-за ограничений человеческой кратковременной памяти, как правило, состоят из небольшого количества концептуальных объектов (максимум от семи до девяти элементов) и их отношений друг к другу. С этой точки зрения можно объяснить, почему одиннадцать основных цветообозначений, выделенных Б. Берлином и П. Кеем⁶, как отмечает Д. Дедрик⁷, в большей части современных исследований сужаются до названий первичных цветов Э.Геринга как базовых элементов цветовой таксономии, репрезентирующей ядро когнитивной схемы категорий цвета в языке.

На основе анализа вышеуказанных терминов и определений можно заключить, что понятие «культурная схема» представляется более удачным в рамках настоящего исследования, так как оно отражает взаимосвязь и единство отдельных элементов знания, а также функциональные особенности

¹ Заботкина В. И. Указ. соч.

² См. подроб.: *D'Andrade R. G. The development of cognitive anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 272 p.*

³ *D'Andrade R. A folk model of the mind. Op. cit. P. 112.*

⁴ *D'Andrade R. G. The development of cognitive anthropology. Op. cit. P. 34.*

⁵ *Ibid.*

⁶ См. подроб.: Берлин Б., Кей П. Указ. соч.

⁷ *Dedrick D. The origin and development of colour names and categories, and the biological basis for colour categories // Proceedings of the 15th Congress of the International Colour Association 2023: col. of scien. art. Chiangrai: International Colour Association, 2023. P. 443–450.*

и область применения этого знания. Следовательно, культурная схема есть некоторая когнитивная структура, репрезентируемая с помощью различных культурных кодов, которые обеспечивают передачу и наследование общего знания.

Определяя место схемы среди других когнитивных элементов, Е. Я. Режабек¹ указывает на то, что структуры сознания делятся на дорефлексивные и рефлексивные. К первым относятся схемы, модели поведения и архетипы культуры. Согласно Е. Я. Режабеку, схема – узуальная установка поведения, вырабатываемая на уровне телесных реакций. Она выполняет направляющую функцию и становится культурной, охватывая все виды телесного и ментального опыта. Только став эталонами для подражания, культурные схемы становятся устойчивыми опорами опыта. При этом, по мнению исследователя, рефлексивный строй культуры включает в себя дорефлексивные когнитивные формы, над которыми иерархически надстраиваются когниции, концепты и категории культуры².

Вместе с тем, по мнению М. Коула, ошибочно рассматривать схемы как внутренние идеи, поскольку они представляют собой конвенции, социальные практики и существуют как внутри, так и вне психики³. В этой связи можно считать, вслед за Р. Д'Андрейдом⁴, что культура состоит из изученных систем значений (культурных схем), которые представлены посредством естественного языка и других символических систем и обладают репрезентативной (представление культурных смыслов), директивной (обязательная часть социализации и инкультурации, основа социальной структуры) и аффективной (процесс познания сопряжен с внутренним психологическим состоянием человека) функциями. Посредством этих схем, согласно автору, люди адаптируются к окружающей среде и структурируют

¹ Режабек Е. Я. Указ. соч. С. 42.

² Там же.

³ Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-Центр, 1997. С. 152.

⁴ D'Andrade R. G. Cultural meaning systems // Behavioral and Social Science Research / ed. by R. McC. Adams. Washington: National Academy of Sciences, 1984. P. 229.

межличностную деятельность. Вместе с тем, исследователь отмечает, что культурные схемы не статичны: они влияют на развитие материального производства (потока товаров и услуг) и процесс межличностного общения людей, но в то же время сами изменяются вследствие обозначенных явлений.

В целом, культурные схемы, согласно Р. Д'Андрейду, представляют собой частично разделяемые кластеры норм, или интерсубъективно разделяемые, символически созданные реальности. Вместе с тем, как отмечает антрополог, на индивидуальном уровне конкретные значения не составляют вместе то, что можно назвать знанием, нормой или реальностью. Они, скорее, принимают вид взаимосвязанных иерархических структур¹. Такие структуры, например, схемы родства, категории цвета, вместе формируют общее знание, на основе которого происходит социализация и инкультурация человека.

Показательной характеристикой культурных схем наряду с иерархичностью, как отмечают Н. Квин и Д. Холланд², выступает также вложенность. Предсказуемая последовательность событий, разыгрываемая в упрощенном мире культурной схемы, позволяет, согласно авторам, охарактеризовать этот мир не только с помощью пропозициональных схем, но и с помощью меньшего числа более сложных схем, определяющих наборы таких пропозиций и причинных связей, в которых они находятся друг с другом. Именно эти «причинные цепочки», по мнению Н. Квин и Д. Холланд, придают событиям, происходящим в культурных схемах, качество разворачивающихся историй. В результате то, что нужно изучать, запоминать и сообщать о действительном мире, значительно сокращается, поэтому вложенность культурных схем придает культурному знанию дополнительную, далеко идущую экономию. Схемы значительно сокращают общий объем культурных знаний, которые необходимо освоить³.

¹ *D'Andrade R. G. Cultural meaning systems. Op. cit. P. 232.*

² *Holland D., Quinn N. Culture and cognition // Cultural models in language and thought / ed. by Holland D., Quinn N. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 3–38.*

³ *Ibid. P. 31.*

II. Культурно-исторический подход к репрезентации. Представляя собой идеальный (абстрактный) объект, культурная схема материализуется в пространстве культуры в виде различного рода репрезентаций. Необходимо отметить, что само понятие репрезентации, определяемое в философии чаще всего как «представление одного в другом посредством другого»¹, в современных исследованиях приобретает дополнительные смыслы. В частности, И. В. Ким отмечает, что в неклассической философии понимание репрезентации несколько отличается от традиционной установки: репрезентация адекватно передает то, что она замещает. Согласно И. В. Киму, неклассический подход опирается на иррационализм, трансформации, постоянное умножение бытия, что приводит к приравниванию понятий «репрезентация» и «симуляция», так как субъект отождествляет репрезентацию предмета реальности с «воспринимаемой феноменальной формой»². Как следствие, создаваемые субъектом репрезентации несут отпечаток как его внутреннего опыта, так и внешнего контекста, который во многом определяется культурой.

Вместе с тем анализ репрезентационистских теорий, представленный в первой главе, показывает, что три основные направления (объективизм, релятивизм и субъективизм) по-разному определяют содержание репрезентации. Однако релятивистский подход к репрезентации представляется более последовательным, так как его ключевой идеей выступает взаимодействие субъекта познания и окружающей среды. Плодотворным релятивистским направлением является культурно-историческая концепция репрезентации, получившая развитие в работах отечественных и зарубежных ученых.

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. Мифологическое мышление. Т. 2. Указ. соч. С. 35.

² Ким И. В. Модели репрезентации и проблема социальных симулякров // *Tempus et Memoria*. 2007. Т. 2, № 2. С. 31.

Культурно-исторический подход разрабатывался в работах таких исследователей, как Л. С. Выготский¹, Э. В. Ильенков², А. Н. Леонтьев³, Ю. М. Лотман⁴, А. Р. Лурия⁵, В. В. Петров⁶. Основные положения культурно-исторического подхода можно обозначить следующим образом. Во-первых, сознание человека определяется способами его взаимодействия с артефактами. Под артефактами понимаются предметы, созданные человеком в процессе преобразования окружающей среды. Во-вторых, опредмечивание окружающей действительности представляет собой не только саму культурную практику, но и способ приобщения к культурному знанию. При этом культурное знание – продукт общественной деятельности, связанной с производством, накоплением и трансляцией артефактов. В-третьих, культура неразрывно связана с социальным и историческим контекстом, и динамика ее развития понимается как диалектика культуры и не-культуры: экспансия культуры направлена на символизацию природных объектов и «переписывание» символического значения артефактов на разные коды культуры.

На основе вышесказанного можно заключить, что в рамках культурно-исторической концепции репрезентация понимается как когнитивная структура, которая образуется под влиянием исторически обусловленных форм деятельности, проистекающих в рамках той или иной культуры. В этой связи, определяя эпистемологический статус репрезентации как знаковой модели идеальных или материальных объектов, их свойств, отношений и процессов, Л. А. Микешина⁷ подчеркивает влияние культуры через образование, воспитание и практику на процесс репрезентации окружающего мира и отмечает, что восприятие и мыслительные процессы в значительной

¹ *Выготский Л. С.* Указ. соч.

² *Ильенков Э. В.* Указ. соч.

³ *Леонтьев А. Н.* Указ. соч.

⁴ *Лотман Ю. М.* Указ. соч.

⁵ *Лурия А. Р.* Указ. соч.

⁶ *Петров В. В.* Указ. соч.

⁷ *Микешина Л. А.* Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 11, № 1. С. 5–17.

степени формируются и изменяются под воздействием создаваемых репрезентаций. Как следствие, согласно Л. А. Микешиной, реальность воспринимается субъектом как данность, сложившаяся в результате принятия образцов понимания и репрезентации, схем систематизации и типизации, закрепленных в соответствующем языке¹.

В предлагаемой трактовке репрезентации, Л. А. Микешина критикует «отражательный» подход к репрезентации: репрезентация не есть представление, понимаемое как копирование образа мира при непосредственном визуальном контакте с ним. Репрезентация, по мнению Л. А. Микешиной, сопряжена со способностью человека возвыситься над чувственным созерцанием, противопоставить себя миру и рассмотреть его как предмет познания². При этом, репрезентация, согласно Л. А. Микешиной, представляет не только внешний мир, но и самого познающего субъекта: создавая образ мира, человек исходит из своей мировоззренческой позиции, формируемой его социокультурным окружением³.

Зависимость репрезентаций от культуры отмечает также М. Вартофский⁴. С одной стороны, они представляют собой материальные объекты как результаты исторически обусловленной практики человека, направленной на преобразование природы и самого себя. С другой стороны, М. Вартофский выделяет внутренние репрезентации, например, мыслительные модели, схемы и образы, которые видоизменяются по мере эволюции способов познания⁵.

По сути, внутренние репрезентации М. Вартофского представляют собой ментальные репрезентации, которые, согласно Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкову, в когнитивной науке иногда приравниваются к концептам и концептуальным структурам⁶. Следовательно, ментальные репрезентации как

¹ Микешина Л. А. Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? Указ. соч.

² Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. Указ. соч. С. 110.

³ Там же. С. 116.

⁴ Вартофский М. Указ. соч. С. 183.

⁵ Там же. С. 195, 199, 200.

⁶ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. Указ. соч.

конструктивные элементы, отражающие различные феномены внешнего мира и внутреннего опыта человека в его сознании, служат основой для означения в языке и других семиотических системах¹. Вместе с тем репрезентации отмечены в культуре различной степенью значимости, например, В. И. Заботкина² относит ментальные и языковые репрезентации к уровням первого и второго порядка соответственно.

Совокупность ментальных, или когнитивных репрезентаций, согласно О. Е. Баксанскому, позволяет человеку составить когнитивную картину мира – общее знание о мире, получаемое в процессе обыденного и научного познания. Такая картина мира состоит из обыденных репрезентаций, базирующихся на «здравом смысле» и вненаучном знании, источником которого выступают религия, искусство и иррациональное познание; научных репрезентаций, заключающих в себе результаты социально и исторически обусловленного процесса научного познания³; социальных репрезентаций, транслирующих обыденное видение мира, существующее в определенном социуме⁴. Несмотря на комплексный характер классификации репрезентаций О. Е. Баксанского, следует признать, что ее применение к описанию репрезентаций категоризации цвета не позволяет передать специфику данного культурного феномена. По этой причине в следующих разделах диссертации предложены более конкретные типы репрезентации категоризации цвета.

Возвращаясь к понятию культурной схемы, можно заключить, что культурная схема представляет особый вид ментальной репрезентации. Она является смысловым образованием, идеальным объектом коллективного познания. Э. Хатчинс⁵ определяет последнее как распределенное.

¹ Миронов Д. Д. Репрезентация и ее особенности в художественной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. № 1 (26). С. 31–34.

² Заботкина В. И. Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 102–111.

³ Баксанский О. Е. Современные когнитивные репрезентации о мире // Философия науки и техники. 2002. Т. 8, № 1. С. 281, 295, 298.

⁴ Баксанский О. Е. Персональное конструирование реальности // Ноосферные исследования. 2022. № 1. С. 22.

⁵ Hutchins E. Op. cit. P. 2068.

Согласно Э. Хатчинсу¹, распределенное познание означает когнитивные процессы, разделенные между членами социальной группы. Само понятие базируется, согласно автору, на работах М. Минского² и Л. С. Выготского³ и отражает, таким образом, культурно-исторический подход к познанию как коллективной деятельности. Исследователь также выделяет три типа распределенного познания. Во-первых, когнитивные процессы могут быть распределены между членами социальной группы. Во-вторых, когнитивные процессы могут быть распределены в том смысле, что работа когнитивной системы включает в себя координацию между внутренней и внешней (материальной) структурой. В-третьих, когнитивные процессы могут быть распределены во времени таким образом, что результаты более ранних событий могут трансформировать природу более поздних. Эффекты такого рода распределения процессов, согласно автору, чрезвычайно важны для понимания человеческого познания.

Важным для категоризации цвета следствием концепции распределенного познания стали две следующие идеи Э. Хатчинса⁴: а) взаимодействие людей может быть источником нового знания; б) кристаллизация частичных решений часто встречающихся проблем в таких артефактах, как номограмма или, как в нашем случае, цветовая система, является повсеместной стратегией стабилизации знаний и практики.

Яркой иллюстрацией первого тезиса может быть концепция Дж. Фрейда⁵ о том, что некоторые особенности языка, которые идентифицируются как языковые универсалии, могут возникнуть из-за необходимости совместного использования языкового кода. Например, причина того, что языковые категории имеют тенденцию аппроксимировать дискретные структуры, может иметь мало общего с организацией мозга, а

¹ *Hutchins E. Op. cit.*

² *Минский М. Указ. соч.*

³ *Выготский Л. С. Указ. соч.*

⁴ *Hutchins E. Op. cit.*

⁵ *Freyd J. Shareability: the social psychology of epistemology // Cognitive Science. 1983. No. 7. P. 191–220.*

быть полностью связанной с проблемой продвижения сложного представления через очень узкий канал. С этой точки зрения можно объяснить общность основных категорий цвета, репрезентированных в языке посредством основных цветообозначений.

Второй тезис больше относится к проблеме распределенного познания в сфере научного знания¹ и к искусственной категоризации цвета в контексте данной работы. Как отмечает Е. В. Масланов², когнитивное разнообразие в науке становится возможным не за счет унификации посредством концентрации в рамках одной дисциплины, но посредством вовлечения экспертов с различной специализацией для решения общей задачи. В этой связи показательна история моделирования категорий цвета в виде цветовых систем, когда авторами последних выступили художники, философы, астрономы, физики, химики и представители других профессий.

III. Наследование и социальная память. Одним из оснований распределенного познания выступает память как коллективный феномен и инструмент наследования и трансляции знания. Рассмотрение памяти как социально распределенной когнитивной функции имеет долгую историю в социологии, антропологии и философии.

Э. Дюркгейм³ и его ученики, в частности, М. Хальбвакс, который ввел понятие «коллективная память»⁴, утверждали, что память не является свойством отдельного человека. Согласно Э. Дюркгейму, при появлении на свет мы обнаруживаем вокруг себя уже устоявшийся комплекс идей, убеждений и моделей поведения, которые другие признавали и практиковали до нас. Это наследие наших предков, и оно не существенно изменяется в

¹ См. подроб.: *Шитовалова Л. В.* Распределенное научное познание — на пути к разнообразию // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2023. Т. 60, № 4. С. 22–31.

² *Масланов Е. В.* Унификация как способ производства когнитивного разнообразия // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2023. Т. 60, № 4. С. 43.

³ См. напр.: *Durkheim É.* Les règles de la méthode sociologique // *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. 1894. Vol. 37. P. 465–498.

⁴ *Halbwachs M.* Op. cit.

течение нашей жизни¹. Это наследие, составляющее сущность социальной памяти, по мнению Э. Дюркгейма, формировалось сначала в виде мифа, который закреплялся в первобытных сообществах посредством коммеморативных практик². Позднее основным средством формирования и сохранения социальной памяти стала религия. Религия как трансцендентальное представление сил общества поддерживала и оживляла социальное наследие группы и помогала передавать ее ценности будущим поколениям через коллективные ритуалы. В Новое время, согласно Э. Дюркгейму, место религии заняли закон и его ритуалы, обеспечивая консолидацию общества на фоне диверсификации труда и фрагментации социума на отдельные профессиональные коллективы³.

Как отмечает Э. Дюркгейм⁴, прошлое сохраняется в настоящем и имеет тенденцию увековечиваться в будущем, проявляясь во всех практиках: институциональных, поскольку оно передается через право и другие институты; культурных, поскольку оно транслируется через язык и другие семиотические системы; индивидуальных, так как в каждом из нас в разной степени продолжается та личность, которой мы были вчера. Согласно философу, настоящее незначительно по сравнению с длительным периодом прошлого, благодаря которому наша личность сформировалась в том виде, который она имеет сегодня. Вместе с тем мы не ощущаем непосредственно влияния этих прошлых «я» именно потому, что они так глубоко укоренились внутри нас.

Историчность и континуальность социальной памяти обеспечивают стабильность и преемственность знания. Последнее, согласно Дж. Робертсу⁵, является продуктом «информационной экономики» отдельной культуры, в

¹ Дюркгейм Э. Моральное воспитание (Лекции 4–5) (продолжение) / пер. с фр. А. Б. Гофмана // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21, № 1–2. С. 19.

² Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 377.

³ Цит. по: *Misztal B. A. Durkheim on collective memory // Journal of Classical Sociology. 2003. Vol 3(2). P. 128, 133.*

⁴ *Durkheim É. The Evolution of educational thought. London: Routledge, 1977. P. 11.*

⁵ *Roberts J. Op. cit. P. 439.*

которой информация принимается или создается, хранится, извлекается, передается, используется и обрабатывается. Указывая на общий характер знания, Дж. Робертс отмечает, что существует предел тому, чему может научиться отдельный человек или группа людей, и «можно с уверенностью утверждать, что ни одна племенная культура не является настолько малой по объему знания, чтобы храниться в сознании одного человека»¹.

IV. Культурная схема как эстафетная структура. Согласно Г. Мюнстербергу², познание происходит не только «в голове», но и через средства коммуникации: письмо, газета, книга существуют независимо от людей и тем не менее выступают посредниками между ними внутри социальной группы. По мнению Г. Мюнстерберга, книга хранит опыт социальной группы, который формирует социальное действие и социальную мысль. Письмо обеспечивает связь между любыми отдаленными социальными нейронами; газета может распространить импульс от одной социальной группы к миллионам других. Таким образом, каждое объективированное выражение становится кратчайшим социальным средством передачи знания.

Метафора живого организма, используемая по отношению к культуре, встречающаяся не только в работах Г. Мюнстерберга, делает акцент на динамичном характере культуры и необходимости поиска элементарного носителя культурного знания, своего рода гена культуры. Таковым Р. Докинз³ считает мем. В своей работе «Эгоистичный ген», посвященной эволюционной биологии, Р. Докинз вводит термин «мем», образованный от греческого корня со значением подражания, и использует его для описания небиологического способа эволюции. При этом Р. Докинз делает сильное заявление о том, что как только мемы вступают в эволюционный процесс через культуру, поведение человека больше не подчиняется непосредственно законам биологической эволюции. В качестве примера Р. Докинз описывает

¹ Roberts J. Op. cit.

² Münsterberg H. Psychology: general and applied. New York: Appleton, 1914. P. 267.

³ Dawkins R. The selfish gene. Oxford: Oxford university press, 2016. P. 192.

религиозное безбрачие как мем, влияющий на то, какие гены попадают в генофонд человека. В указанном случае мем, а не ген, является основным определяющим фактором естественного отбора.

В рамках эволюционной теории мемов Р. Докинз выдвигает гипотезу, описывающую формирование культуры. Согласно этой гипотезе, самые разнообразные идеи (мемы) стремятся завладеть вниманием человека, который их затем распространяет. В понимании Р. Докинза устойчивый социальный институт состоит из переплетения мемов. На примере церкви Р. Докинз демонстрирует, что ее архитектура, ритуалы, музыка, искусство и письменная традиция образуют набор взаимосвязанных мемов¹. Таким образом, культура, образ жизни или набор практик представляют собой самосовершенствующийся мем-комплекс.

Принципиально другой подход к определению элементарного состава культуры предлагает М. А. Розов. В своей концепции философ сочетает историко-культурный подход к познанию (метафора социального конвейера²), концепцию социальной памяти Э. Дюркгейма и идею Г. Тарда³ о подражании как основном способе распространения знания и поддержания целостного состояния общества. При этом деятельность человека понимается как волна, то есть суть деятельности определяется не материалом, а особенностями самой этой деятельности. Материал лишь обеспечивает прохождение волны, хотя и ограничивает область ее распространения (необходима водная среда)⁴. Метафора волны позволяет М. А. Розову понимать деятельность, а также знаки и семиотические системы как социальный куматоид, то есть как некоторую социальную программу поведения, которая реализуется на постоянно сменяющемся материале⁵. Как отмечает М. А. Розов, язык, город, научные теории являются примерами социальных куматоидов. Данный

¹ Dawkins R. Op. cit. P. 197.

² Розов М. А. Знание как объект исследования. Воспоминания о работе новосибирского семинара (1963–1980) // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 98.

³ Tarde G. Les lois de l'imitation. Etude sociologique. Paris: Books on Demand, 2021. 358 p.

⁴ Розов М. А. Феномен социальных эстафет. Смоленск: СГПУ, 2003. С. 8.

⁵ Там же.

термин автор использует для описания волновой онтологии социальных явлений в рамках теории социальных эстафет¹.

Согласно М. А. Розову, социальная эстафета представляет собой передачу опыта от человека к человеку или от поколения к поколению путём подражания, то есть воспроизведения непосредственных образцов. Выступая простейшей волной, социальная эстафета захватывает новых людей и новые материальные объекты². При этом М. А. Розов отмечает, что в процессе воспроизводства образца разными людьми или воспроизводства одним человеком образцов своей же деятельности реализация не будет тождественна образцу. В качестве примера автор приводит употребление слов в высказывании: не меняя грамматику предложения, мы используем различные слова, которые могут сочетаться с используемым речевым оборотом³. М. А. Розов также подчеркивает взаимозависимый характер эстафет: они ограничивают и дополняют друг друга (отношения конкуренции и сопряженности) в условиях неопределенности содержания образца. Последняя выступает, согласно философу, источником новаций в культуре: изменяя образец, человек создает новый общий контекст для социальных эстафет.

Все эстафетные структуры М. А. Розов делит на порождающие (например, эстафета номинации категорий цвета) и технологические (например, эстафета производства и потребления)⁴. В частности, порождающая эстафетная структура определяет способ видения и интерпретации используемого образца⁵. Она же выступает средством формирования знания, которое, по мнению М. А. Розова, представлено через

¹ Розов М. А. Феномен социальных эстафет. Указ. соч. С. 11.

² Розов М. А. Строение научного знания: проблемы методологии и методики анализа // Философия науки. 1997. № 1. С. 63.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 67, 70.

⁵ Там же. С. 71.

вербализацию непосредственных образцов деятельности¹, но сущность его – явление экстралингвистическое².

Будучи эстафетной структурой, знание включает также эстафеты референции и репрезентации. Первая задает объект знания (о чем оно), вторая – содержание знания (что мы знаем об объекте)³. Согласно М. А. Розову, референция предполагает практическое умение выделения объекта познания, репрезентация направлена на конструирование объекта познания и указание его атрибутивных характеристик – репрезентаторов⁴ (все то, что мы умеем делать с этим объектом), которые М. А. Розов классифицирует на морфологические (репрезентаторы-эталоны), операциональные (функциональные, объясняющие и онтологизированные). Цветонаименования представляют собой репрезентаторы-эталоны, поскольку для описания оттенка человеку необходимо соотносить его с цветом-эталонном (прототипом категории цвета). В то же время цветовая система выступает операциональным репрезентатором, так как используется дизайнерами, например, для построения гармоничных сочетаний цветов. Семиотическая форма, согласно М. А. Розову, фиксирует связь эстафет референции и репрезентации для сохранения знания в социальной памяти⁵.

Несомненным преимуществом нестандартной эпистемологии М. А. Розова, по мнению Н. И. Кузнецовой, является гармоничное включение неявного знания в теорию социальных эстафет как части непосредственно передаваемого образца⁶. В целом, как отмечает сам М. А. Розов, человек «в основном осознает мир неосознанно, то есть не осознавая самого процесса осознания»⁷. В этой связи эстафета номинации цвета напрямую сопряжена с

¹ Розов М. А. Строение научного знания: проблемы методологии и методики анализа. Указ. соч. С. 76.

² Розов М. А. Что такое теория социальных эстафет. Указ. соч. С. 230.

³ Розов М. А. Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. С. 36.

⁴ Розов М. А. Теория и инженерное конструирование // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2004. № 1. С. 19.

⁵ Там же.

⁶ Кузнецова Н. И. Нестандартная эпистемология в отечественном исполнении (сравнительный анализ концепций Г. П. Щедровицкого и М. А. Розова) // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2012. Т. 32, № 2. С. 198.

⁷ Розов М. А. Строение научного знания: проблемы методологии и методики анализа. Указ. соч. С. 80.

эстафетой дорефлексивной схематизации категорий цвета. Культурная схема как передаваемый ментальный конструкт предоставляет человеку стереотипизированное представление о способах разделения цветов, но по мере изменения контекста (ситуации номинации) реструктуризируется или замещается новой в соответствии с актуальной стратегией категоризации цвета.

V. Генезис культурной схемы в контексте тернарной модели культуры. Рассматривая категоризацию цвета в культуре, необходимо объяснить, каким образом она организована и в чем заключается ее основная функция. Можно согласиться с тем, что культура не является цельной конфигурацией и что знания неравномерно распределяются между людьми внутри культурного сообщества. Вместе с тем, культура не является хаотическим образованием, поэтому важно определить единицы, в терминах которых функционирует культурная структурация. В этой связи К. Гирц¹ предполагает, что культуру лучше всего рассматривать не как комплекс конкретных моделей поведения – обычаев, традиций, норм и привычек, но как набор механизмов контроля – планов, правил, инструкций (то, что компьютерные инженеры называют «программами») – для управления поведением². Примечательно мнение К. Гирца о том, что эти механизмы не являются достоянием отдельного человека и представляют полностью идеальные объекты. Исследователь связывает общее культурное знание и знание индивида через посредничество артефактов, что является центральной идеей для культурно-исторического подхода. Понимая культуру как «механизм контроля», К. Гирц исходит из того, что человеческое мышление по своей сути является социальным. Оно состоит не из «событий в голове», а из движения значимых символов – по большей части слов, но также и жестов, изображений, музыкальных звуков, материальных артефактов³.

¹ Geertz C. Op. cit.

² Ibid. P. 44.

³ Гирц К. «Насыщенное описание»; в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 178–179.

На схожем понимании сущности культуры основана тернарная модель культуры, предложенная А. В. Костиной и А. Я. Флиером¹. Культура, формируемая через взаимосвязь природы и общества, обозначается авторами как ограничивающая свободу человека система. При этом человек стремится либо расширить рамки культуры теми способами, которые она предлагает, либо следовать сложившимся традициям. Задаваясь вопросом развития культуры, А. В. Костина и А. Я. Флиер выделяют такой параметр, как информация, то есть, как и в представленных выше концепциях (социальной памяти, распределенного познания, теории социальных эстафет), культура понимается как система знания, назначение которой состоит в получении, трансляции и сохранении информации в процессе взаимодействия людей.

Анализируя культуру как единство традиционного, элитарного и потребительского типов культуры, А. В. Костина и А. Я. Флиер считают, что в их основе заложены различные экзистенциальные стратегии. Традиционная культура направлена на сохранение и воспроизведение культурного знания, включая разработку устойчивых форм хозяйствования и социальной организации по мере адаптации к природно-климатическим условиям. В ее рамках закрепляются общепринятые образцы поведения человека, поэтому она отвечает за обмен культурным знанием внутри коллектива (локального сообщества, связанного родством, хозяйственной деятельностью, языком, религией). Элитарная культура стремится к проявлению творческого начала человека: ее цель – создание инноваций по мере адаптации к социальным и историческим условиям. Новшества, выработанные элитарной культурой, могут затем перейти в ранг традиций, способствуя их постепенной трансформации по мере социокультурного развития общества. Элитарная культура предельно динамична, индивидуализирована (ярко выражен субъект творческой деятельности) и социальна (стратификация общества усиливается по мере развития специализированного производства). Потребительская

¹ Костина А. В., Флиер А. Я. Тернарная модель культуры // Костина А. В., Флиер А. Я. Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М.: Согласие, 2011. С. 15–130.

культура пассивно воспроизводит в значительно ослабленной форме те смыслы, которые генерирует креативная (элитарная) культура, и регулирует сферу потребления, адаптируясь к текущей экономической и/или политической ситуации¹.

Исходя из представленных выше функциональных типов культуры, авторы предлагают следующее понимание культуругенеза. По мнению А. В. Костиной и А. Я. Флиера, он начался с пассивного потребления материальных благ природы и формирования потребительской (консьюмерной) субкультуры. На смену потреблению пришли две совершенно другие экзистенциальные стратегии: активного приспособления и освоения действительности, в рамках традиционной и креативной культур соответственно².

Категоризация цвета как часть культуругенеза тесно связана со становлением обозначенных типов культуры и в зависимости от способа формирования категорий цвета делится на естественную и искусственную. Естественная категоризация появилась раньше. Ее основы были заложены в рамках потребительской культуры: человек пассивно воспринимает заданные окружающей средой естественные классы оттенков. В этот же период заложены основы культурной схемы. С развитием традиционной культуры, которая берет начало с неолитической революции, культурная схема вербализовалась и закрепились в языке в виде системы основных цветообозначений. Данный вывод базируется на том факте, что язык как способ коммуникации появляется еще во время верхнего палеолита³. Этим же периодом датированы первые полихромные наскальные рисунки⁴. Соответственно, изготовление и использование красок предполагает их

¹ Костина А. В., Флиер А. Я. Тернарная функциональная модель культуры // Культура культуры. 2024. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://cult-cult.ru/ternary-functional-model-of-culture/> (дата обращения: 19.05.2024).

² Костина А. В., Флиер А. Я. Тернарная функциональная модель культуры (продолжение) // Культура культуры. 2024. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://cult-cult.ru/ternary-functional-model-of-culture1/> (дата обращения: 19.05.2024).

³ См. напр.: Забияко А. П. Указ. соч.

⁴ См. напр.: Воронцов Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М.: КМК, 2020. 432 с.

идентификацию и обозначение, которое наименее сложно и наиболее эффективно выполнить средствами естественного языка.

Дальнейшее развитие таксономии цветообозначений и, как следствие, культурной схемы было подвержено влиянию креативной культуры. Артефакты, создаваемые креативной культурой, способствуют появлению новых цветообозначений, которые могут привести к наращиванию культурной схемы. Последнее во многом зависит от того, будут ли восприняты данные нововведения потребительской и традиционной культурами, так как именно в рамках данных культур происходит распространение и наследование культурного знания. Асимметрия между традицией и инновацией (далеко не все нововведения становятся традицией) обеспечивает разнообразие культурных схем в разных культурах, несмотря на большие темпы глобализации, сопровождаемой цифровизацией.

Другой причиной многообразия культурных схем является выступающее характерной чертой любой культуры социальное неравенство, а именно различный доступ к общему знанию, зафиксированному в социальной памяти культурного сообщества. Показательным примером выступает модель культурного знания, предложенная Ф. Шарифианом¹. Согласно философу, познание представляет собой эмерджентную систему, возникающую в результате взаимодействия между членами культурного сообщества в пространстве и времени. Ф. Шарифиан разделяет культурное знание на два уровня: глобальный (общее знание) и локальный (знание отдельного человека). Причина гетерогенного распределения знания состоит, по мнению Ф. Шарифиана, в том, что носители определенной культуры разделяют некоторые, но не все, аспекты культурного знания, что зависит от степени их вовлеченности в процесс социального взаимодействия, цель которого состоит в обмене знаниями. С другой стороны, по мере развития креативной культуры обозначенная гетерогенность усугубляется специализацией деятельности

¹ Sharifian F. Op. cit. P. 112–115.

человека и разделением общества на производителей (экспертов) и потребителей знания.

Вместе с тем, по мере специализации и институционализации деятельности человека становится более очевидным ее устойчивый характер. Как только деятельность человека приобретает статус культурных практик, иными словами – становится социальной эстафетой, ее «период полураспада» длится намного дольше, чем у отдельных целенаправленных действий человека. Несмотря на монотонную и, казалось бы, однообразную деятельность врача или строителя, осуществляемую по образцам, заданным культурой, переходы и реорганизации постоянно происходят внутри разных социальных эстафет деятельности как фундаментальная часть динамики человеческой эволюции.

В этой связи институционализированную деятельность лучше всего рассматривать как сложное образование, в котором, согласно Ю. Энгстрему¹, равновесие является исключением, а напряженность, пертурбации и локальные инновации – правилом и двигателем перемен. Последние приводят с течением времени к качественным общим преобразованиям культуры и общества.

Следовательно, основная функция креативной культуры, согласно А. Я. Флиеру, состоит в структурировании и регулировании социального бытия². В ее рамках происходит искусственная категоризация цвета, понимаемая как целенаправленное разграничение цветового континуума на отдельные категории цвета в соответствии с определенным установленным принципом. В отличие от естественной категоризации цвета, представленной преимущественно в языке, искусственная категоризация цвета – контролируемый процесс, цель которого – упорядочить цветовые отношения и выработать некоторую модель категорий цвета. Искусственная

¹ См. подробн.: Engeström Y. Op. cit.

² Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 19.05.2024).

категоризация требует определенных знаний и творческого подхода, которые характеризуют креативную культуру, и продиктована потребностью в систематизации знания о категориях цвета и управлением цветовых решений в рамках производственной практики. Следует подчеркнуть, что в искусственной категоризации также есть место и для традиций, так как новое знание предполагает знакомство с идеями и наследование идей, которые были представлены ранее.

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что категоризация цвета закрепляется в культуре в процессе естественной адаптации к окружающей действительности и искусственной (целенаправленной) трансформации социального и природного пространства бытия в виде культурных схем, которые материализуются посредством различных культурных кодов. Культурные схемы создаются в процессе распределенного познания и представляют собой продукт коллективной деятельности, которая осуществляется в рамках социальных эстафет.

Оба способа категоризации цвета рассмотрены далее в следующей последовательности. Сначала анализируются определения и методологические подходы к репрезентации культурной схемы, затем рассматривается генезис культурной схемы и социокультурные факторы, способствующие ее трансформации.

2.2. Категоризация цвета в естественном языке

Естественная категоризация цвета реализуется в первую очередь в языке как основной семиотической системе хранения и передачи культурного знания в виде таксономии цветообозначений. Последние выступают также результатом языковой категоризации действительности. Согласно Дж. Р. Тейлору¹, существует три подхода к определению языковой

¹ Taylor J. R. Op. cit. P. 13.

категоризации, известные в философии как номинализм, реализм и концептуализм. С позиции номинализма, по мнению автора, языковые категории организуют объекты реального мира в группы и появляются в результате языковой конвенции: например, оттенки, совместно обозначаемые словом «красный», на самом деле ничего общего между собой не имеют, кроме имени. В соответствии с реализмом, напротив, в окружающей среде существуют готовые группы объектов независимо от языка, поэтому различные имена, присваиваемые человеком, только репрезентируют такое предопределенное разделение. Согласно концептуализму, отношения между языком и группами объектов реального мира опосредованы ментальной единицей (концептом), то есть благодаря знанию смысла слова «красный» человек способен категоризировать различные оттенки как красный цвет. При этом, как отмечает Дж. Р. Тейлор¹, концептуализм может иметь реалистическую или номиналистическую направленность: концепты отражают либо действительно существующие свойства реального мира, либо сложившиеся в сообществе языковые традиции номинации.

1. Соотношение между языковыми и неязыковыми категориями цвета. Отношения между концептами и цветообозначениями как лексическими категориями рассматриваются исследователями с различных точек зрения. Сторонники доминирующей роли социальности в процессе категоризации придерживаются мнения, что либо язык организует перцептивную и мыслительную деятельность человека (Э. Сепир², Б. Уорф³, структуралисты⁴ и их последователи), либо культура отмечает посредством языка наиболее значимые элементы окружающей действительности (Р. У. Браун⁵ и Э. Х. Леннеберг, М. Пастуро⁶), чем и обуславливается

¹ Ibid.

² См. подроб.: Sapir E. Op. cit.

³ См. подроб.: Уорф Б. Л. Указ. соч.

⁴ См. напр.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Указ. соч.; Лакан Ж. Указ. соч.; Леви-Строс К. Указ. соч.

⁵ Brown R. W., Lenneberg E. H. Op. cit.

⁶ См. напр.: Пастуро М. Белый. История цвета. Указ. соч.

специфика культурных схем, репрезентированных через системы цветообозначений в разных языках. В итоге категория цвета как ментальная единица полностью определяется языковой категорией, представленной через цветообозначение.

Принципиально другой точки зрения придерживаются сторонники подхода к категоризации как процессу, зависимому от окружающей среды и телесности человека. Согласно данному подходу (Б. Берлин¹ и П. Кей, А. Вежбицкая², Дж. Гибсон³), языковые категории отражают существующие независимо от человека группы объектов реального мира. Следовательно, перцептивные категории цвета носят универсальный характер и ограничивают способы языковой категоризации. Вместе с тем языковые и неязыковые категории, как и у сторонников культурной обусловленности категоризации, согласно Л. Э. Крофорд⁴ и соавторам, находятся в отношении соответствия. В то же время исследование нейронной активности демонстрирует вовлеченность по большей части разных зон коры головного мозга в процессы наименования и категоризации цвета. Общей для них является лобная часть головного мозга⁵, функция которой состоит в обработке полимодальных нейронных сигналов⁶.

Действительно, согласно Б. К. Мальт⁷ и соавторам, дифференциация объектов и их именование – сопряженные процессы: объектам с общими значимыми характеристиками обычно присваивается одно и то же имя. Однако, несмотря на их тесную связь, акт наименования существенно отличается от акта распознавания. Исследователи считают, что наименование является частью процесса коммуникации и имя, выбранное для объекта,

¹ См. подроб.: Берлин Б., Кей П. Указ. соч.

² См. подроб.: Вежбицкая А. В. Указ. соч.

³ См. подроб.: Гибсон Дж. Указ. соч.

⁴ Crawford L. E., Regier T., Huttenlocher J. Linguistic and non-linguistic spatial categorization // *Cognition*. 2000. Vol. 75, No. 3. P. 209–235.

⁵ См. подроб.: Siuda-Krzywicka K. et al. Color naming and categorization depend on distinct functional brain networks // *Cerebral Cortex*. 2021. Vol. 31, No. 2. P. 1106–1115.

⁶ Ливингстон М. Указ. соч. С. 119.

⁷ Malt B. C. et al. Knowing versus naming: Similarity and the linguistic categorization of artifacts // *Journal of Memory and Language*. 1999. Vol. 40, No. 2. P. 230–262.

должно способствовать взаимному пониманию и поддержанию диалога, тогда как на распознавание общих черт влияют в первую очередь такие ограничения, как эффективность хранения и способность поддерживать вывод релевантной информации. Из-за этого фундаментального различия в природе двух действий связь между распознаванием и наименованием может быть далека от полного соответствия. Согласно авторам, имена, используемые для объектов, зависят от культурного фона и коммуникативной ситуации, а не от внутреннего представления предметов реального мира. Обозначенная асимметрия между категорией как ментальной единицей и языковой категорией, понимаемой как группа предметов, объединенных общим именем, проявляется, в частности, в разнообразии способов номинации категорий цвета в естественном языке.

Основываясь на теории прототипов Э. Рош, Н. Н. Болдырев¹ также полагает, что прототипы концептуальных и языковых категорий не тождественны друг другу. Согласно исследователю, языковые категории представляют собой лексико-семантические группы, состоящие из равнозначных элементов. Напротив, концептуальные категории обладают прототипической структурой, поэтому отношения репрезентации между концептуальной системой и языком связывают сами категории, а не их элементы. Н. Н. Болдырев также отмечает, что общее знание репрезентируется в языке с помощью имен категорий базового уровня. Такие имена выполняют функцию опорных точек в процессе репрезентации мысленных объектов, для которых не существует конвенциональных названий, например, «такой как желтый».

При этом базовость категорий, по мнению Р. У. Кассона², зависит от общей заметности или культурной значимости, придаваемой членами сообщества классифицируемым объектам. Применительно к цветовым

¹ Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.

² Casson R. W. Op. cit.

категориям исследования Э. Рош¹ и Б. Берлина и П. Кея² показали, что их лексическими аналогами выступают основные цветообозначения.

II. Таксономия цветообозначений как репрезентация культурной схемы в языке. В целом в естественном языке категории цвета взаимосвязаны и вместе представляют собой отдельное семантическое поле. Эти взаимосвязи репрезентированы в разделении (классификации) цветообозначений на основные (первичные и вторичные) и неосновные во многих языках и культурах. При этом культурная схема, репрезентированная в языке через основные цветообозначения, включает в себя последующее разделение оттенков, которые выступают референтами неосновных цветообозначений.

Таким образом, элементы схемы связаны отношениями соподчинения в зависимости от уровня абстракции³. Например, «абрикосовый» или «сиреневый» выражают более конкретное значение по сравнению с «оранжевым» или «фиолетовым», то есть области цветового спектра, которые они обозначают, намного меньше по сравнению с основными цветообозначениями. Последние, по сути своей, полисемичны, так как в разных контекстах могут заменять неосновные цветообозначения: например, такие прилагательные, как «алый», «багряный», «пунцовый», вполне могут уступить место прилагательному «красный». Кроме того, некоторые элементы системы цветообозначений вступают в отношения антонимии, синонимии⁴ и омонимии⁵ и репрезентируют отдельные культурные схемы.

¹ Rosch E. Op. cit.

² Берлин Б., Кей П. Указ. соч.

³ Кузьмин В. Г. Абстрагирование объектов на примере понятия-концепта «цвет». Феноменологический аспект // Философская мысль. 2023. № 7. С. 9–23. [Электронный ресурс] URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40076 (дата обращения: 27.05.2024).

⁴ Матросова Я. Е. Функции терминов цветообозначения в художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 14–21.

⁵ Нурзет Ц. С. Б., Корнилова Л. Е. Семантика немецких фразеологизмов с компонентом цветообозначения в рамках корпусного исследования // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 40–48.

Источником репрезентации культурной схемы в языке, согласно антропологическим исследованиям¹, часто выступают названия цветов, образованные посредством метонимического переноса названий объектов реального мира. Более того, как отмечает Р. М. Фрумкина², при толковании этимологически непроемких цветообозначений, например, «красный», «белый», «синий», принято указывать денотат, то есть объект реального мира, для которого данный цвет является типичным.

III. Вклад культуры в формирование языковых репрезентаций категорий цвета. С точки зрения тернарной модели культуры, данные наблюдения отражают адаптивную стратегию естественной категоризации цвета, которая сложилась в рамках традиционной культуры. Изначально необходимость в образовании естественных категорий цвета могла быть продиктована поиском и идентификацией съедобных растений и плодов³. Вместе с тем экологическая концепция Дж. Гибсона указывает на важность категоризации цвета для ориентирования в пространстве⁴. Как следствие, относительная устойчивость природных цветов и общий механизм восприятия цвета могли привести к закреплению основных категорий цвета и их названий в культуре разных народов.

Предполагаемый путь появления основных цветообозначений, согласно Д. Дедрику⁵, состоит в том, что сначала возникает протоцветообозначение, то есть слово, референтом которого является какой-то определенный оттенок предмета реального мира. Далее происходит расширение его значения путем обозначения схожих оттенков, в которые окрашены другие предметы.

¹ См.: Griber Y. A., Mylonas D., Paramei G. V. "Edible" colour names: age-related differences in Russian // Proceedings of the International Color Association (AIC) Conference: col. of scien. art. Newtown: International Colour Association, 2019. P. 256–262; Griber Y. A., Mylonas D., Paramei G. V. Objects as culture-specific referents of color terms in Russian // Color Research and Application. 2018. Vol. 43, No. 6. P. 958–975.

² Фрумкина Р. М. Указ. соч. С. 17.

³ Abramov I. Physiological Mechanisms of Color Vision // Color Categories in Thought and Language / ed. by C. L. Hardin, L. Maffi. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 89–117.

⁴ Гибсон Дж. Указ. соч. С. 24.

⁵ Dedrick D. The origin and development of colour names and categories, and the biological basis for colour categories. Op. cit.

В качестве иллюстрации исследователь анализирует цветообозначения красного, зеленого и желтого цветов в языке беринмо, где они происходят от имен съедобных спелых ягод, съедобных листьев и несъедобных листьев соответственно. Первый этап абстракции заключается в употреблении данных цветообозначений для схожих оттенков. Последующее абстрагирование предполагает сравнение относительного сходства: А (красный) больше похож на В (желтый), чем на С (зеленый). Эти сравнения, согласно автору, начинаются с индивидуальных суждений об «индексированном» цвете, апеллирующем к объекту, но они также открывают абстрактный мир внутренне связанных цветов и возможность думать о цвете в целом, а не просто о какой-то версии цвета. Из чего Д. Дедрик заключает, что биологические механизмы, которые делают категории заметными, оказывают наибольшее влияние после того, как люди овладеют цветообозначениями и попытаются установить категориальные границы в маркированном цветовом пространстве – пространстве, структура которого возникает в результате процесса картирования¹ и ограничивается категориальными особенностями, а также некоторыми когнитивными возможностями и социальными потребностями².

В частности, как отмечалось ранее, к таким ограничениям относятся объем кратковременной памяти и необходимость оптимального с коммуникативной и социокультурной точки зрения деления цветового пространства на категории цвета. При этом неоднородное строение категорий, а именно наличие фокальных цветов, с которыми происходит сопоставление оттенков во время категоризации, обусловлено когнитивной экономией и коммуникативной полезностью. Оптимально включить схожие оттенки в одну категорию и присвоить ей имя, а не использовать бесчисленное количество названий для каждого конкретного оттенка. Соответственно, несмотря на

¹ Согласно определению М. Вартофского, внутреннее картирование включает в себя селективную проработку или создание образа внешнего объекта или ситуации. См.: *Вартофский М.* Указ. соч. С. 195.

² *Dedrick D.* The origin and development of colour names and categories, and the biological basis for colour categories. Op. cit.

специфичность фокального цвета основного цветообозначения, выбор которого социокультурно обусловлен, потребность в коммуникации и описании большого количества схожих оттенков приводит к абстрагированию от денотата (цвета объекта реального мира) и «усреднению» значения.

Адаптивная стратегия, реализуемая в рамках традиционной культуры, позволяет наметить траекторию изменений в естественной категоризации цвета. В частности, поведенчески значимы для человека теплые оттенки¹, поэтому общей для многих культур является тенденция уточнения пограничных зон теплых цветов, например, между категориями жёлтого, розового, оранжевого и коричневого². В русском языке относительно стабильны такие цветообозначения, как «бежевый» и «персиковый», но в лексиконе молодежи новым частотным цветообозначением является «охра»³. В американском английском аналогичным образом получают большое распространение такие оттеночные цветообозначения, как «бежевый», «телесный», «персиковый»⁴, а в японском – «хада» (кожа), «оудо» (песок/грязь), «бежевый»⁵.

С другой стороны, креативная культура выступает генератором новых артефактов и новых оттенков, которые нуждаются в языковой репрезентации. Это также способствует изменению структуры категорий цвета и обогащает систему цветообозначений. В частности, в русском языке гамма метонимических цветообозначений расширилась за счет существенного притока на российский рынок после 1991 г. западной продукции – артефактов, красителей и пигментов. Среди таких цветообозначений можно отметить

¹ Conway B. R. et al. Communication efficiency of color naming across languages provides a new framework for the evolution of color terms. Op. cit.

² Paramei G. V. Color Categorization: Patterns and Mechanisms of Evolution // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by M. R. Luo. New York: Springer-Verlag New York, 2016. P. 397–403.

³ Griber Y. A., Mylonas D., Paramei G. V. Humanities and Social Sciences Communications. 2021. Vol. 8, No. 1. [Электронный ресурс], URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-021-00943-2> (дата обращения: 05.06.2024)

⁴ Lindsey D. T., Brown A. M. The color lexicon of American English // Journal of vision. 2014. Vol. 14, No. 2. [Электронный ресурс], URL: <https://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2121523> (дата обращения 16.07.2024)

⁵ Kuriki I. et al. The modern Japanese color lexicon // Journal of vision. 2017. Vol. 17, No. 3. [Электронный ресурс], URL: <https://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2608579> (дата обращения 16.07.2024)

экзотичные для русской культуры названия цветов (например, «амарант», «сакура») и животных («тауп»), строительных материалов (например, «венге») и продуктов питания (например, «маршмеллоу»)¹.

IV. Цветообозначения как маркер социокультурной трансформации культурной схемы. Влияние культуры на репрезентацию категорий цвета в естественном языке проявляется также в процессе социализации и инкультурации человека². Общее знание, лежащее в основе обозначенных процессов, содержит стереотипы и устоявшиеся модели поведения, которые транслируются средствами языка.

В то же время отдельно взятый участник социокультурной субъектности не может охватить такое общее знание в полном объеме, но является носителем его части – тезауруса. Размер тезауруса зависит от степени вовлеченности индивида в общую практику и межличностную коммуникацию. Он представляет собой культурное знание, необходимое для успешной ориентации в пространстве культуры и осуществления творческой деятельности³. Следовательно, независимо от особенностей естественного языка, почти в каждой культуре наблюдаются различия в категоризации цвета в зависимости от возраста, пола, профессиональной подготовки и других индивидуальных особенностей говорящих, и цветообозначения выступают маркерами этих различий.

Вместе с тем благодаря стереотипным моделям категоризации цвета, транслируемым традиционной культурой, и наличию «общего словаря» становится возможным преодоление перцептивного барьера в понимании цветового разнообразия и успешная коммуникация с людьми, лишенными зрения или не способными в полной мере различать отдельные оттенки.

Возрастные различия в категоризации цвета обусловлены тем, что категории цвета не являются врожденными готовыми образованиями.

¹ Griber Y. A., Mylonas D., Paramei G. V. Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era: linguistic analysis. Op. cit.

² См.: Щербич Л. И. Указ. соч.; Dedrick D. Colour language, thought, and culture. Op. cit.

³ Луков В. А., Луков С. В. Указ. соч. С. 4–5.

Естественная категоризация цвета начинается в младенческий период и претерпевает наиболее явные изменения до конца дошкольного периода, главное из которых происходит после приобретения речевых навыков, в связи с чем исследователи выделяют два периода категоризации цвета у детей: до освоения языка и после.

Сначала категоризация цвета базируется на поиске перцептивных сходств¹. М. Борнштейн, В. Кессен и С. Вайскопф² впервые продемонстрировали при помощи метода предпочтения новизны, что младенцы старше трех месяцев способны различать такие цвета, как красный, зеленый, желтый и синий. Повторное проведение эксперимента с использованием двенадцати стимулов (по количеству основных цветообозначений) позволило выявить категориальный ответ у четырехмесячных младенцев в парах «красный – розовый», «синий – зеленый» и «синий – фиолетовый»³.

Подобный результат получили Э. Э. Скелтон и соавторы⁴ с четырех- и шестимесячными младенцами. Категориальный ответ у них наблюдался на такие цвета, как красный, желтый, зеленый, синий и фиолетовый. Эксперимент также показал, что младенцы сильнее реагировали на фокальные оттенки категорий цвета, репрезентированные в языке в виде основных цветообозначений. Вследствие этого Э. Э. Скелтон, А. Франклин и Дж. Мол⁵ заключают, что сенсорные механизмы, регулирующие границы категорий цвета у младенцев, частично ограничивают развитие цветообозначений в разных культурах.

¹ French R. M. et al. The role of bottom-up processing in perceptual categorization by 3-to 4-month-old infants: simulations and data // *Journal of experimental psychology: General*. 2004. Vol. 133, No. 3. P. 382–391.

² Bornstein M. H., Kessen W., Weiskopf S. Color vision and hue categorization in young human infants // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1976. Vol. 2, No. 1. P. 115–129.

³ Skelton A. E., Maule J., Franklin A. Infant color perception: Insight into perceptual development // *Child Development Perspectives*. 2022. Vol. 16, No. 2. P. 90–95.

⁴ Skelton A. E. et al. Biological origins of color categorization // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. Vol. 114, No. 21. P. 5545–5550.

⁵ Skelton A. E., Maule J., Franklin A. Op. cit.

В то же время ряд исследователей¹ указывает на то, что усвоение категорий цвета сопряжено с преодолением некоторого разрыва между перцептивными долингвистическими категориями цвета и категориями цвета, репрезентированными в языке. В частности, Д. Дедрик² считает, что цветовой лексикон этнической группы становится организованным и представляет собой социальное и когнитивное достижение, а не поступательное развитие долингвистических квазикатегорий цвета. В поддержку данного тезиса Д. Дедрик³ отмечает, что категориальное восприятие, относительное сходство, фокальность, насыщенность и другие когнитивные навыки и маркеры могут быть использованы представителями культуры только после того, как цветовой опыт оформится для дальнейшей репрезентации в языке в процессе когнитивной подготовки, которая осуществляется на базе перцептивных категорий цвета.

Несмотря на мнение некоторых исследователей о том, что категоризация высшего уровня начинается в возрасте шести лет⁴, К. Оуэн и К. Барнс⁵ отмечают, что трехлетние дети хорошо умеют формировать сложные концептуальные системы. Более высокая возрастная граница, по их мнению, может быть обусловлена недооцениваем когнитивных способностей детей и несовершенством методологии исследования⁶.

В целом экспериментальные исследования детской речи показывают, что дети младшего возраста испытывают значительные трудности в усвоении первых цветообозначений⁷. На основе анализа ошибок употребления

¹ См.: *Bornstein M. H.* On the development of color naming in young children: Data and theory // *Brain and language*. 1985. Vol. 26, No.1. P. 72–93; *Forbes S. H., Plunkett K.* Colour perception changes with basic colour word comprehension // *Developmental Science*. 2023. [Электронный ресурс], URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37127947/> (дата обращения 16.07.2024)

² *Dedrick D.* Colour, colour language, and culture // *The Routledge handbook of philosophy of colour* / ed. by D.H. Brown, F. Macpherson. London, New York: Routledge, 2020. P. 439–455.

³ *Dedrick D.* Colour classification in natural languages // *Knowledge Organization*. 2022. Vol. 48, No. 7–8. P. 563–579.

⁴ *Liu Z. Y., Song X. H., Seger C. A.* Six-year-old children's ability on category learning: Category representation, attention and learning strategy // *Acta Psychologica Sinica*. 2012. Vol. 44, No. 5. P. 634–646.

⁵ *Owen K., Barnes C.* The development of categorization in early childhood: a review // *Early Child Development and Care*. 2021. Vol. 191, No. 1. P. 13–20.

⁶ *Owen K., Barnes C.* Op. cit.

⁷ *Нанкевич А. А.* Категоризация цвета в детском возрасте (0–7 лет): обзор современных исследований // *Научный результат. Социальные и гуманитарные науки*. 2021. Т. 7. № 4. С. 132–144.

цветообозначений К. Вагнер и соавторы¹ заключают что, задержка между воспроизведением цветообозначений и их «взрослым» пониманием не коррелирует с трудностями абстрагирования, а в значительной степени связана с выявлением семантических границ категорий цвета. Кроме того, цветообозначения могут играть центральную роль в выявлении существенных сходств между предметами, находящимися в поле зрения ребенка и за его пределами².

При изучении структуры категорий цвета К. Персо и соавторы³ выяснили, что взрослые и дети при запоминании группы предметов опираются как на категориальные знания, так и на конкретную информацию. Тем не менее для фиксации в памяти отдельного предмета дошкольники соотносят его с прототипом⁴. Следовательно, дети в процессе инкультурации перенимают стереотипные модели выделения категорий цвета, которые определяют общий вид последних, в то время как конкретная их структура подвержена изменениям на протяжении всей жизни человека.

При этом усвоение пропозициональной схемы («как разграничить цвета») напрямую сопряжено с пониманием культурных смыслов, заложенных в семантике цветообозначений. Культурные коннотации последних могут содержать оценочные суждения о том, какие цвета привлекательнее с эстетической (например, предметы красного цвета красивее остальных), моральной (белое – добро, черное – зло), экспрессивной (например, розовый и голубой цвета обозначают гендерную принадлежность) точек зрения. Эти коннотации находят отражение в цветовых предпочтениях⁵,

¹ Wagner K., Dobkins K., Barner D. Slow mapping: Color word learning as a gradual inductive process // *Cognition*. 2013. Vol. 127, No. 3. P. 307–317.

² Forbes S. H., Plunkett K. The role of colour labels in mediating toddler visual attention // *Cognition*. 2019. Vol. 186. P. 159–170.

³ Persaud K. et al. Evaluating recall error in preschoolers: Category expectations influence episodic memory for color // *Cognitive psychology*. 2021. Vol. 124. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0010028520300864> (дата обращения: 26.05.2024).

⁴ Ibid.

⁵ Jonauskaitė D. et al. Pink for girls, red for boys, and blue for both genders: Colour preferences in children and adults // *Sex Roles*. 2019. Vol. 80. P. 630–642.

которые формируются под влиянием традиционной культуры через усвоение норм и традиций.

Если цветовые предпочтения меняются с течением времени и могут быть связаны с модификацией структуры категорий цвета, то снижение качества цветового зрения, которое наступает в зрелом возрасте, в глобальном смысле не влияет на границы или содержание категорий цвета¹ из-за наличия механизма компенсации типа фон Криса (нормализация белого). В то же время процесс реструктуризации категорий цвета происходит вследствие изменения образа жизни, что находит отражение в номенклатуре цветообозначений, используемых в повседневном общении².

В частности, исследование возрастных различий в цветовой лексике русского языка, проведенное Ю. А. Грибер, Д. Милонасом и Г. В. Парамей³, позволило выявить межпоколенческий сдвиг в цветовых референтах: в то время как группы среднего и старшего возраста по большей части используют предметы естественного происхождения, молодежь чаще выбирает артефакты и «неродные» для русской культуры референты (например, «индиго», «слоновая кость»). Схожая особенность наблюдается и в других языках, например, в немецком⁴. Зафиксированная разница в цветовом словаре старшего поколения и молодежи базируется на разной направленности культуры потребления.

Старшее поколение склонно отдавать предпочтение традиционным мотивам в потребительской культуре, в частности, таким трендам, как «зеленые» практики и ресурсосберегающие модели поведения. Традиционная культура, стержневым элементом которой изначально было сельское хозяйство, напрямую связана с темой экологии и чистого производства.

¹ *Paramei G. V. Color discrimination across four life decades assessed by the Cambridge Colour Test // JOSA A. 2012. Vol. 29, No. 2. P. A290–A297.*

² См. напр.: *Грибер. Ю. А. Оттенки, для которых трудно подобрать название людям старше 70 лет // Перевод. Язык. Культура. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 59–64.*

³ *Griber Y. A., Mylonas D., Paramei G. V. Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era: linguistic analysis. Op. cit.*

⁴ *Jones W. J. German colour terms: A study in their historical evolution from earliest times to the present. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2013. P. 32.*

Учитывая большую сознательность старшего поколения, внимательное отношение к своему здоровью, а также стремление следовать традициям и быть ближе к природе, предпочтение натуральных цветовых референтов отражает витальные установки данной возрастной группы. Согласно С. Отто и Ф. Кайзер¹, по мере того, как люди становятся старше, они становятся все более экологически вовлеченными, что проявляется в таких действиях, как покупка экологически чистых продуктов, переработка отходов и экономия электроэнергии. Это подтверждается также количественными данными². Как отмечают авторы с опорой на ряд исследований³, другие социально-демографические переменные, такие как пол, образование и достаток, напротив, в меньшей степени демонстрируют устойчивую связь с экологическим поведением людей⁴.

С другой стороны, предпочтение молодежью референции к артефактам объясняется в целом ее большей социальной активностью, технической осведомленностью, высокой степенью вовлеченности в виртуальное пространство, в котором цвета выступают неотъемлемой частью цифрового маркетинга и социальных медиа, активно развиваемых представителями креативной культуры для внедрения различных трендов в массовое потребление. Вместе с тем, согласно С. Беннет и К. Матон⁵, цифровизация человека усиливается за счет цифрового образования молодого поколения и в меньшей степени в этот процесс вовлечены люди зрелого возраста. В этой связи рост цифровых услуг, включая медицинские, наряду с отсутствием надлежащей адаптации старшего поколения приводит к тому, что у него

¹ Otto S., Kaiser F. G. Ecological behavior across the lifespan: Why environmentalism increases as people grow older // *Journal of Environmental Psychology*. 2014. Vol. 40. P. 331–338.

² Shen J., Saijo T. Reexamining the relations between socio-demographic characteristics and individual environmental concern: Evidence from Shanghai data // *Journal of Environmental Psychology*. 2008. Vol. 28, № 1. P. 42–50.

³ Derksen L., Gartrell J. The social context of recycling // *American sociological review*. 1993. P. 434–442; Dietz T., Stern P.C., Guagnano G. A. Social structural and social psychological bases of environmental concern // *Environment and behavior*. 1998. Vol. 30, № 4. P. 450–471.

⁴ Otto S., Kaiser F. G. Op. cit. P. 331.

⁵ Bennett S., Maton K. Beyond the 'digital natives' debate: Towards a more nuanced understanding of students' technology experiences // *Journal of computer assisted learning*. 2010. Vol. 26, № 5. P. 321–331.

формируется технофобия¹. Следовательно, более подвержены влиянию массовой культуры именно молодые люди в силу их вовлеченности в процесс распространения товаров и услуг, и это находит отражение в их стратегии наименования и категоризации цвета.

Гендерные различия в цветовой лексике также продемонстрированы в многочисленных исследованиях². В частности, было установлено, что у женщин более обширный цветовой словарь, чем у мужчин³. Мужчины больше склонны использовать основные цветообозначения, тогда как женщины стремятся к конкретизации и детализации, отдавая предпочтение неосновным цветообозначениям (например, «бежевый», «персиковый»)⁴. Таким образом, мужчины не стремятся выходить за рамки нормы категоризации цвета, заложенные традиционной и потребительской культурами. Женщины, напротив, стремятся выделять категории цвета в соответствии с актуальной стратегией креативной культуры, реализуемой через рекламу и товары для женщин⁵.

Косвенным подтверждением влияния массовой культуры на категоризацию цвета женщинами являются результаты систематического анализа гендерных различий цветовой категоризации на материале Всемирного исследования цвета. Н. А. Фидер и Н. Л. Комарова⁶ выявили большую детализацию категоризации цвета женщинами в зелено-синей, зелено-бирюзово-синей, персиково-лавандово-бордовой областях цветового пространства. Интересно, что цвета обозначенных категорий в той или иной

¹ Di Giacomo D. et al. Technophobia as emerging risk factor in aging: Investigation on computer anxiety dimension // *Health Psychology Research*. 2020. Vol. 8, No. 1. P. 1–4.

² См.: Mylonas D., Paramei G. V., MacDonald L. Gender differences in colour naming // *Colour studies: A broad spectrum* / ed. by A. Wendy, C. P. Biggam, C. Hough, C. Kay. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 225–239; Jung I., Griber Y. A. Colour associations for the words feminine and masculine in nine different countries // *Proceedings of the International Color Association (AIC) Conference: col. of scien. art.* Newtown: International Colour Association, 2019. P. 63–63.

³ Mylonas D., Paramei G. V., MacDonald L. Gender differences in colour naming Op. cit.

⁴ Ibid.

⁵ Cassidy T. D. Op. cit.

⁶ Fider N. A., Komarova N. L. Differences in color categorization manifested by males and females: a quantitative World Color Survey study // *Palgrave Communications*. 2019. Vol. 5, No. 1. [Электронный ресурс], URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-019-0341-7> (дата обращения 16.07.2024)

степени представлены в палитре цветов года различных компаний, включая институт цвета «Пантон», являющийся основателем данной традиции¹.

Н. А. Фидер и Н. Л. Комарова также предполагают, что полученные данные позволяют наметить траекторию категоризации цвета на общекультурном уровне. Основанием стало представление многих исследователей² о том, что женщины находятся в авангарде языкового развития и именно «женская» категоризация цвета будет адаптирована будущими поколениями. В таком случае, по мнению Н. А. Фидер и Н. Л. Комаровой, вполне возможно, что разделение сине-зеленой категории, распространенной во многих культурах, на синюю и зеленую происходит по инициативе женщин³.

Выявленные гендерные особенности в языковой репрезентации категорий цвета выступают следствием различных моделей поведения и социализации у мужчин и женщин, закрепленных во многих культурах, которые, согласно И. Янг, способствуют формированию у женщин большего понимания цвета. Такой вывод аргументируется прямой корреляцией между точностью цветоразличения и цветовыми увлечениями: у мужчин значительно меньше увлечений, связанных с цветом, чем у женщин, поэтому они хуже различают цвета⁴. С другой стороны, есть основания предполагать о существовании «природного» происхождения межполового различия в категоризации цвета. Считается, что в его основе лежит генетическая изменчивость в реакциях оппонетной системы⁵, или гетерозиготность по X-сцепленному фотопигменту колбочек, характерному для женщин. Это

¹ См. подроб.: *Gijsenij A. et al. Op. cit.*

² См. напр.: *Labov W. Op. cit; Milroy J., Milroy L. Op. cit.*

³ *Fider N. A., Komarova N. L. Differences in color categorization manifested by males and females: a quantitative World Color Survey study. Op. cit.*

⁴ *Yang Y. Sex-and level-related differences in the Chinese color lexicon // Word. 1996. Vol. 47, No. 2. P. 207–220.*

⁵ *Kuehni R. G. Determination of Unique Hues using Munsell Color Chips // Color Research and Application. 2001. No. 26. P. 61–66.*

приводит к более тонкому цветовосприятию и повышенной способности определять оттенки по красно-зеленой оси¹.

В целом цветовое зрение, как и любая другая биологическая характеристика, варьируется у разных людей. Известным и крайним примером такой изменчивости является то, что многие не различают цвета в силу дисфункции рецептора, отвечающего за восприятие длинной и средней частей цветового спектра. Экспериментальное исследование² дейтеранопов и протанопов позволило выявить разницу в конструировании цветового пространства при ранжировании только цветовых стимулов, цветовых стимулов и основных цветообозначений, основных цветообозначений в отдельности. В последнем случае репрезентация цветовых отношений имела наибольшее сходство с репрезентацией, выстраиваемой трихроматами³. Следовательно, культурная схема основных цветообозначений позволяет преодолеть перцептивные различия категорий цвета и транслирует общие знания через семантику цветоименований, которая сложилась в рамках традиционной культуры.

Аномалии восприятия цвета встречаются гораздо чаще у глухих детей, чем у здоровых. Несмотря на это, Р. М. Фрей и И. Б. Крауз⁴ отмечают, что глухие и здоровые дети почти одинаково идентифицируют предметы по цвету, если они окрашены традиционным образом. Данное наблюдение подчеркивает важность языка и врожденных свойств сознания в образовании ментальных представлений цвета⁵. Следовательно, в процессе социализации людей с особенностями цветового зрения эффективно реализуется репрезентативная функция культурной схемы, позволяющая таким людям усвоить

¹ *Rodríguez-Carmona M., Lindsay T. S., Harlow A., Barbur J.* Sex-related differences in chromatic sensitivity // *Visual Neuroscience*. 2008. No. 25. P. 433–440.

² *Saysani A., Corballis M. C., Corballis P. M.* The colour of words: how dichromats construct a colour space // *Visual Cognition*. 2018. Vol. 26, No. 8. P. 601–607.

³ *Ibid.*

⁴ *Frey R. M., Krause I. B.* The incidence of color blindness among deaf children // *Exceptional Children*. 1971. Vol. 37, No. 5. P. 393–394.

⁵ *Frey R. M., Krause I. B.* Op. cit.

конвенциональные установки относительно цветов различных предметов реального мира.

По такому же принципу, через цветонаименования, происходит трансляция неявного знания о категориях цвета людям с врожденной слепотой. Согласно исследованию А. Сейсэни и соавторов¹, формирование цветовых ассоциаций, например, понимание того, что красный, оранжевый и желтый цвета являются теплыми, возможно без какого-либо визуального опыта. Таким образом, имея возможность выучить эти цветовые ассоциации, даже слепой от рождения человек может построить семантическую сеть цветовых отношений².

С другой стороны, усвоение категорий цвета происходит во время коммуникации на естественном языке путем анализа контекста и семантики лексических единиц. А. Сейсэни³ отмечает, что, когда слепому человеку предъявляются слова «синий», «зеленый», «красный», «желтый» и «коричневый», активируется семантическое поле цвета. Когда он слышит предложения «Лицо Джона покраснело от гнева» или «Виктория покраснела от смущения», то получает представление о различных значениях слова «красный» при описании эмоционального состояния в зависимости от словесного окружения, то есть каждое лексическое поле, в котором присутствует красный цвет, по-разному передает значение данного цветонаименования (гнев и смущение).

По мнению А. Сейсэни, степень знания цвета у незрячего человека часто является хорошим показателем его способности идентифицировать семантическое поле и понимать сообщение в лексическом поле: если он идентифицирует значение слов «синий», «зеленый», «красный», «желтый» не просто как названия цветов, а как «основные цветообозначения», это означает, что его знания о цвете можно классифицировать как «выше среднего уровня».

¹ SAYSANI A., CORBALLIS M. C., CORBALLIS P. M. Colour envisioned: Concepts of colour in the blind and sighted // *Visual cognition*. 2018. Vol. 26, No. 5. P. 382–392.

² Ibid. P. 385.

³ SAYSANI A. How the Blind “See” Colour. Op. cit.

Маркерами более высокого уровня знаний и, следовательно, более детальной категоризации цвета, выступают такие слова, как «шафран», «медь», «бирюза», то есть описательные, или неосновные, цветообозначения. Наконец, по мнению А. Сейсэни, если незрячий человек способен понять из предложения «Джеймс позеленел от зависти» метафорическое значение слова «зеленый», то этот факт указывает на наличие еще более сложной структуры концептуальных связей в семантическом поле цвета¹.

Обозначенную иерархию семантики цвета можно также рассмотреть с точки зрения теории хроматизма Н. В. Серова², где цвет понимается как единство идеального (психического) и материального (физического и/или физиологического) через эмоции, которые представляют хроматическое (информационно-энергетическое) отношение. Как видно из всего перечисленного, незрячему человеку недоступно в полной мере материальное, то есть окраска предметов, или квалиа, видимое проявление эмоций через реакцию организма (например, покраснение/побледнение кожи), но сама реакция вполне поддается отслеживанию и ассоциации с цветом, если ее прокомментирует зрячий человек.

Основные процессы, составляющие сущность феномена цвета (цветообозначение, цветовосприятие и цветоощущение) Н. В. Серов относит к различным аспектам интеллекта: сознание – социальное, понятия, формальная логика и цветообозначение, подсознание – культурное, эмоции, образная логика и цветовосприятие, бессознание – природное, аффекты, телесные ощущения, «генная» логика (метакогнитивные функции) и цветоощущение³. Таким образом, понимание цвета незрячими людьми достигается по мере нисходящего движения от сознания к бессознанию через раскрытие социокультурной сущности цвета.

¹ SAYSANI A. Op. cit.

² Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. Указ. соч. С. 493.

³ Серов Н. В. Информационная модель коммуникации Востока и Запада // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2. С. 552.

Для слепоглухих людей язык жестов играет смыслообразующую роль и во многом определяет картину мира подобно тому, как родной язык организует образ реального мира и способствует трансляции категорий цвета в сознании здоровых людей¹. В частности, наличие терминов цвета в жестовых языках позволяет говорить о существовании концептов цвета в сознании слепоглухих людей, основу которых составляют тактильные характеристики предметов.

Таким образом, социализация и инкультурация позволяют человеку усвоить норму категоризации цвета через основные цветообозначения. Такое общее знание представляет собой первую ступень в освоении различных способов репрезентации цвета в языке и закладывается в рамках традиционной культуры, в основном в кругу семьи и ближайшего окружения. Кроме того, культурная схема выступает связующим звеном и инструментом трансляции общего знания и культурных смыслов, репрезентированных в цветообозначениях, в процессе коммуникации между людьми с различной способностью к цветоразличению. С другой стороны, степень открытости и подверженности влиянию креативной культуры может способствовать формированию возрастных, гендерных и других социокультурных различий, которые находят отражение в культурной схеме и обогащают ее.

V. Диалог культур как фактор трансформации культурной схемы.

К изменению структуры культурной схемы на индивидуальном уровне приводит также культурный обмен, возникающий, например, при изучении второго языка. Так, Л. А. Каски-Сирмонс и Н. П. Хекерсон² при исследовании категоризации цвета у монолингвов (владеющих корейским, японским, хинди, кантонским и мандаринскими диалектами китайского языка) и билингвов отмечают, что у билингвов, освоивших английский язык, категории цвета

¹ *Нанкевич А. А.* Концептуализация цвета у людей с нарушениями функций слуха и зрения // Студенческая наука – 2022: сб. статей / под ред. Н. Н. Розановой, Т. В. Ватлиной. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2022. С. 366–373.

² *Caskey-Sirmons L. A., Hickerson N. P.* Semantic shift and bilingualism: Variation in the color terms of five languages // *Anthropological linguistics*. 1977. Vol. 19, No. 8. P. 358–367.

более разнообразны. Например, монолингвы, говорящие на кантонском диалекте, не считают розовый цвет отдельной категорией и включают его в категорию красного. Подобным образом монолингвы, говорящие на хинди, не выделяют серый цвет, так как в хинди нет слова для его обозначения.

Если монолингвы в пределах своих языков выбирают практически идентичные фокальные оттенки¹, что свидетельствует о стабильном характере усвоенных категорий цвета, то у билингвов наблюдается обратная ситуация: у них гораздо больше различий в расположении центра категории, при этом наблюдается тенденция его смещения в сторону фокальных цветов, характерных для американо-английской лингвокультуры. Последний факт свидетельствует о процессе аккультурации категорий цвета, то есть постепенном замещении одной культурной схемы другой.

Кроме того, процесс аккультурации происходит значительно быстрее в раннем возрасте. Нахождение в другой культурной среде и необходимость следования другим нормам цветовой категоризации приводит к неполному усвоению первой культурной схемы. В этой связи, сравнивая русских монолингвов, приехавших в США во взрослом возрасте, и русско-английских билингвов, Д. Эндрюс отмечает, что первые, в отличие от своих детей-билингвов, лучше различают синий и голубой. У последних наблюдается дивергенция фокальных областей категорий синего и голубого и расширение категории синего цвета². Следовательно, культурная схема способна влиять на категориальное восприятие и распознавание объектов³.

Трансформация культурной схемы более заметна в контекстах, где один из языков демонстрирует референциальную неопределенность или изменчивость в способах именования цветов⁴. По этой причине билингвы

¹ Ibid. P. 360.

² Andrews D. R. The Russian color categories *sinij* and *goluboj*: An experimental analysis of their interpretation in the standard and émigré languages // *Journal of Slavic linguistics*. 1994. Vol. 2, No. 1. P. 9–28.

³ Грибер Ю. А. Электрофизиологические корреляты цветовой категоризации: обзор нейролингвистических исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы) // *Научный диалог*. 2023. Т. 12, № 5. С. 9–38.

⁴ Ervin S. M. Semantic shift in bilingualism // *The American Journal of Psychology*. 1961. Vol. 74, No. 2. P. 233–241.

склонны использовать обе культурные схемы в зависимости от коммуникативной задачи и своего окружения. Например, Б. Сондерс и Я. Ван Бракел отмечают, что билингвы, говорящие на квакваала (распространен на острове Ванкувер) и английском языке, различают желтый и зеленый, когда говорят по-английски, но в квакваала придерживаются термина «ихенкса» (lhenxa), который объединяет эти два цвета в одну категорию¹.

Эволюция категоризации цвета в процессе культурного обмена на уровне культурного сообщества может проходить через заимствования в процессе диалога культур или в контексте лингвистического империализма. В первом случае происходит обогащение системы цветообозначений в процессе длительного культурного контакта, например, при близком географическом расположении языковых сообществ, как в случае с рюкюскими языками и японским², в результате контакта которых японский термин «мидори» (зеленый цвет) вошел в систему цветообозначений рюкюских языков.

Лингвистический империализм, который зачастую сопровождается культурным империализмом, предполагает доминирование одного языка (по большей части английского языка) как средства коммуникации в различных общественных сферах лингвокультурных сообществ, для которых данный язык не является родным³. В качестве примера можно привести языковую ситуацию в городе Банда Ахенкро, Гана, где нафаанра является наиболее распространенным языком общения. Однако в сообществе Банда Ахенкро нет ни одного монолингва, поскольку многие носители нафаанры также говорят на тви (лингва франка за пределами Банда Ахенкро) и английском, с разной степенью частоты и беглости. При этом английский является национальным языком, используемым в образовании и торговле.

¹ Saunders B. A. C., Brakel J. The trajectory of color // *Perspectives on Science*. 2002. Vol. 10, No. 3. P. 302–355.

² Huisman J. L. A., van Hout R., Majid A. Stability and change in the colour lexicon of the Japonic languages // *Studies in language*. 2022. Vol. 46, No. 2. P. 323–351.

³ Рахманов А. Б. Указ. соч.

Группа исследователей во главе с Н. Заславски¹ сравнила данные Всемирного исследования цвета по категоризации цвета в нафаанре, собранные в 1978 г., и собранные самостоятельно современные данные за 2017 и 2018 гг. Согласно авторам, система цветообозначений в языке нафаанра значительно видоизменилась: к трем терминам («темный», «светлый», «теплый»/«красный»), зафиксированным ранее, добавились «синий», «зеленый», «оранжевый», «желто-оранжевый», «фиолетовый», «коричневый» и «серый». Сами респонденты указали, что с 1978 г. увеличилось использование тви и английского языка. По мнению исследователей, одним из основных факторов увеличения популярности английского языка является изменение как технологий, так и образа жизни сообщества. В частности, молодые люди больше не стремятся заниматься сельским хозяйством, которое когда-то было доминирующей практикой в сообществе. Они продолжают обучение и ищут работу за пределами Банда Ахенкро.

Вместе с тем исследователи отмечают, что, хотя современная система цветообозначений нафаанра имеет некоторые общие черты с системами цветообозначений в английском языке и тви, она не является простой копией ни одной из них. В частности, категория розового цвета отсутствует в нафаанре, хотя эквиваленты цветообозначения «розовый» есть в обоих указанных языках. Более того, категория оранжевого цвета не имеет такого широкого охвата в цветовом пространстве, как в английском и тви. Вместе с тем, сохранились первые три цветообозначения, хотя область передаваемого ими значения несколько уменьшилась. Таким образом, по мнению авторов, даже если существенные части системы цветообозначений в нафаанре были заимствованы или их появление мотивировано английским языком и/или тви, произошел некоторый процесс «натурализации»². Его итогом стала

¹ *Zaslavsky N. et al. The evolution of color naming reflects pressure for efficiency: Evidence from the recent past // Journal of Language Evolution. 2022. Vol. 7, No. 2. P. 184–199.*

² *Zaslavsky N. et al. Op. cit. P. 198.*

корректировка категорий цвета для формирования последовательной культурной схемы.

Рассмотренные примеры диалога культур в контексте категоризации цвета в естественном языке показывают, что их взаимодействие наиболее ярко проявляется на уровне традиций. Как следствие, складывается несколько сценариев: замещение (полное или частичное) одной культурной схемы другой, сосуществование нескольких культурных схем (как в случае с билингвами), эволюция культурной схемы (например, в рюкюских языках и языке нафаанра). Последний сценарий также может быть вариантом распределенного познания, в ходе которого проявляются «узкие» места в коммуникации, что приводит к образованию таких языковых универсалий, как основные цветообозначения.

Таким образом, в естественном языке культурная схема репрезентируется через систему цветообозначений. Культурная схема необходима для накопления и наследования культурных смыслов, связанных с цветом, что позволяет людям с различными особенностями цветовосприятия понимать и разделять общее знание о различных цветах. Культурная схема обладает иерархичной и вложенной структурой, которая видоизменяется в результате социализации, инкультурации и аккультурации. Культурная схема напрямую связана с категориями цвета, репрезентированными в естественном языке через основные цветообозначения. Последние появились в результате абстрагирования от конкретных названий объектов в процессе социального и культурного взаимодействия для обеспечения эффективной коммуникации как в рамках одной культуры, так и за ее пределами.

2.3. Искусственные цветовые системы как способ репрезентации категорий цвета

Искусственная категоризация цвета как целенаправленный процесс структурирования цветового пространства в виде взаимосвязанных категорий

цвета предполагает наличие субъекта. В его роли выступают как отдельные эксперты, так и целые организации (национальные и международные), что позволяет рассмотреть генезис цветовых систем как элемент распределенного познания. Авторские цветовые системы поступательно развивались, пройдя путь от линейных и двумерных геометрических фигур до трехмерных цветовых пространств, подготовив почву для создания сложных моделей, необходимых для стандартизации процесса производства в различных отраслях, связанных с цветом.

I. Концептуальная инженерия как инструмент формальной экспликации категорий цвета. Выступая источником продуцирования новых смыслов, искусственная категоризация цвета тесно связана с понятием «концептуальная инженерия». Согласно Д. Чалмерсу¹, концептуальная инженерия означает проектирование, реализацию и оценку концептов. Она включает концептуальную инженерию *de novo* (разработку нового концепта), а также концептуальную реинженирию (корректировку уже известного концепта). Д. Чалмерс также делит концептуальную инженерию на гетеронимную (анализ разных слов) и омонимную (анализ одного понятия). Как отмечает Л. Декок, такая преднамеренная модификация концептов необходима по мере решения конкретных познавательных, научных, социальных или этических задач. В целом, по мнению Л. Декок, концептуальная инженерия является частным случаем концептуальных изменений, которые представляют собой эволюционный процесс наряду со случайными изменениями (дрейфом), незапланированной оптимизацией (адаптацией), намеренно разработанными, но неконтролируемыми улучшениями (реформой). Методологической основой концептуальной инженерии, согласно И. Н. Грифцовой и Н. Ю. Козловой², выступают идеи

¹ Chalmers D. J. What is conceptual engineering and what should it be? Op. cit. P. 1.

² Грифцова И. Н, Козлова Н. Ю. Указ. соч. С. 122.

Р. Карнапа¹, в частности, его метод экспликации и принцип толерантности в выборе языка.

Ярким примером концептуальной инженерии в области цвета выступает цвет года, который уже упоминался в предыдущем разделе. Он является одним из инструментов влияния на потребительский спрос в рамках прогнозирования цвета, истоки которого лежат в индустрии американской моды². В начале прошлого века США становятся новым промышленным центром: бурно развивается массовое производство, модная пресса и рынок текстильных изделий. В условиях постоянно сменяющихся модных трендов возникает необходимость в систематическом применении цвета в дизайне, что приводит к появлению первых прогностических агентств³.

Сегодня, чтобы решить, какой цвет будет иметь значение для конкретного сезона и продукта, прогнозисты полагаются не только на свою интуицию, опыт и наблюдательность, но и на статистический анализ информации о предыдущих тенденциях и данных о продажах⁴. Они также стремятся создать некоторую историю цвета, чтобы обосновать выбор определенного оттенка и его актуальность⁵. Прогнозируемый цвет призван отразить «дух времени» и вдохновлен современными событиями, социально-экономическими, технологическими или культурными идеями⁶.

Возвращаясь к цвету года, можно проследить на его примере, как сочетается на практике цветовое прогнозирование и концептуальная инженерия. Как отмечает Ю. А. Грибер⁷, цвет года («персиковый пух» для 2024 г.), предложенный институтом цвета «Пантон», имеет два компонента: визуальный (цветовой образец) и вербальный (цветообозначение).

¹ Carnap R. Empiricism, Semantics, and Ontology // *Revue Internationale de Philosophie*. 1950. Vol. 4. P. 20–40; Carnap R. *Logical Foundations of Probability*. University of Chicago Press, 1963. 365 p.

² См. подроб.: Diane T., Cassidy T. *Op. cit.*

³ Kirberg A. *Op. cit.* P. 81.

⁴ Stansfield J., Whitfield T. W. A. *Op. cit.* P. 235.

⁵ Benson L. *et al.* *Op. cit.* P. 316.

⁶ Diane T., Cassidy T. *Op. cit.* P. 22.

⁷ Грибер Ю. А. Персиковый пух: концептуальная инженерия цветовых категорий // *Научный диалог*. 2024. Т. 13, № 3. С. 109, 113.

Визуальный компонент показывает сам цвет и позволяет категоризировать его перцептивно среди множества других цветов. Цветообозначение наполняет визуальный образ определенной коннотацией, поддерживаемой концептуальным мифом. Последний транслирует необходимые культурные смыслы, закрепляющие представленный оттенок в системе категорий цвета. В данном случае цветообозначение «персиковый пух» отсылает к ощущениям тепла, уюта, доброты и нежности, что ставит его в один ряд с другими теплыми цветами, например, оранжевым и желтым.

С другой стороны, концептуальная инженерия тесно связана с разработкой цветового словаря. Более того, первые попытки организации категорий цвета в логическую схему были вербальными, визуальная раскрашенная модель появилась только в конце XVII в. В этот же период сочетание визуальной и вербальной репрезентации категорий цвета приводит к созданию первых цветовых номенклатур (например, номенклатуры Э. Бреннера¹ и Р. Уоллера²), так как индустриализация, развитие транспорта и укрепление торговых связей со странами Нового Света³ способствуют увеличению количества красителей, обусловившему необходимость создания классификации, понятной разным специалистам. Однако данный способ классификации оказался менее востребованным из-за полисемии цветообозначений, неизбежного включения в их значения культурных коннотаций, а также ограниченной возможности использования коротких и уникальных слов с сохранением их информативности. По этой причине в качестве современных цветовых стандартов используются цветовые системы и цветовые атласы, номинальная шкала которых представляет собой буквенно-цифровой код. В целом цветовые системы и цветовые номенклатуры являются продуктом креативной культуры, который репрезентирует

¹ Цит. по: *Rönnerstam C., Hålldahl L. Nomenclatura et species colorum miniatae picturae: Researching seventeenth-century pigments in Sweden // Studies in Conservation. 2006. Vol. 51, No. 2. P. 254–259.*

² *Waller R. W. A catalogue of simple and mixt colours with a specimen of each colour prefix to its proper name // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1686. No. 26. P. 24–32.*

³ См. подроб.: *Finlay R. Op. cit.*

категории цвета в процессе адаптации общества к историческим условиям (см. Приложение 1).

Таким образом, искусственная категоризация цвета предполагает концептуальную инженерию, так как концепт, согласно Н. Н. Болдыреву, является основной единицей категории¹. Выстраивая категории цвета в определенном порядке, субъект искусственной категоризации цвета стремится отразить некоторую причинную связь, которая влечет изменение концептуального содержания. Кроме того, в отличие от естественной категоризации искусственная категоризация цвета происходит на основе определенного принципа разграничения. В частности, следуя известной традиции в живописи, И. Иттен² выделил три основных цвета (красный, синий и желтый), смешение которых приводит к образованию вторичных и третичных цветов. Схема категорий цвета художника И. Иттена базируется на понятии цветовой гармонии: категории цвета репрезентированы на плоскости таким образом, что сочетания соседних или противоположных цветов эстетически значимы (гармоничны). Следовательно, понятие «красный», согласно описанному выше примеру, не только объединяет все красные оттенки, но и потенциально содержит часть остальных оттенков, которые образуются при дальнейшем смешении. Кроме того, объем его значения не пересекается с понятиями синего и желтого. Наконец, появляется дополнительный смысл гармоничной сочетаемости, который позиционно связывает концепт «красный» с другими концептами цветового порядка.

II. Понятие цветовой системы. Искусственная категоризация цвета получила широкое развитие в виде различных цветовых систем. Учитывая функциональную особенность данного вида репрезентации, А. Немчик³ и Х. Л. Кайвано определяют цветовую систему с трех разных позиций. Во-первых, авторы считают, что цветовая система служит инструментом

¹ См. подроб.: Болдырев Н. Н. Когнитивная природа языка. Указ. соч.

² Иттен И. Искусство цвета / пер. с нем. Л. Монаховой. М.: Д. Аронов, 2024. С. 30.

³ Nemcsicsa A., Caivano J. L. Color order systems // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by M. R. Luo. New York: Springer Science, Business Media, 2015. P. 332.

категоризации цвета и представляет собой организованное по определенным правилам расположение цветовых ощущений (color perceptions), цветовых стимулов или образцов. Во-вторых, под данным термином исследователи понимают расположение оттенков в зависимости от насыщенности, цветового тона и светлоты. По сути, цветовая система приравнивается к понятию «цветовое пространство», которое объединяет класс объемных фигур различной формы. В-третьих, для А. Немчича и Х. Л. Кайвано цветовая система – это способ рационального упорядочивания и определения всех цветов объектов с помощью набора стандартных образцов. С этой точки зрения, цветовая система представляет собой цветовой атлас, то есть класс материальных моделей, существенным ограничением которых, по мнению П. Э. Роудса¹, выступает физическая реализуемость оттенка (изготовление цветового чипа).

П. Э. Роудс также отмечает, что на данный момент нет общепринятого определения цветовой системы, но полагает, что она представляет собой схему, в которой цветовые стимулы логически организованы и определены посредством цветового тона, насыщенности и светлоты. Среди ключевых характеристик цветовой системы исследователь упоминает упорядоченное и непрерывное расположение оттенков, физическое воплощение (например, в виде цветового атласа), логическую номенклатуру оттенков, перцептивно значимые расстояния между цветами, наличие шкал, которые непрерывны и перцептивно единообразны. Все цветовые системы автор делит на аппаратно-зависимые, математические и прогностические (с помощью которых моделируется необходимый оттенок). Данная классификация подходит прежде всего для современных цветовых систем. Между тем, попытки организации оттенков в некоторую схему предпринимались задолго до появления цифровых технологий.

¹ Rhodes P. A. Colour notation systems // Colour Engineering / ed. by P. Green, L. MacDonald. Chichester: John Wiley&Sons, 2011. P. 107, 108.

Многие успехи в понимании, количественной оценке и воспроизведении цвета были достигнуты благодаря разработкам в таких областях, как физика, техника и психология. В этой связи предложенное Р. Г. Кьюэни и А. Шварцем¹ определение понятия «цветовая система» как общего термина, используемого для обозначения любых попыток систематически организовать цветное восприятие, позволяет более полно рассмотреть историю развития искусственной категоризации цвета. Все многообразие цветовых систем Р. Г. Кьюэни и А. Шварц² классифицируют в зависимости от размерности (линейные, двумерные и трехмерные) и способа построения (психологические, психофизические, гибридные, физические, триадные и другие).

Вместе с тем культурологический анализ концептуализации категоризации цвета, представленный в первой главе, позволяет заключить, что цветовые системы возникали по мере концептуализации категоризации цвета, и предложить классификацию цветовых систем в зависимости от цели моделирования. В таком случае все цветовые системы можно разделить на две группы: онтологизированные и прагматические. Онтологизированные цветовые системы репрезентируют знание о категоризации цвета, которое «описывает не действия человека, а действия природных сил»³. В данном случае под действием природных сил понимается взаимодействие света и поверхности предметов, а также света и зрительной системы человека. Онтологизированные цветовые системы подразделяются на объективистские, релятивистские и субъективистские. Первая подгруппа включает цветовые системы, авторы которых стремились передать структуру категорий цвета без учета телесности и социальности человека. Соответственно, субъективистские цветовые системы описывают категории цвета на основе экспериментально полученных эмпирических данных о восприятии человеком различных

¹ Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 25.

² Ibid. P. 8.

³ Розов М. А. Теория и инженерное конструирование. Указ. соч. С. 21.

цветов. Наконец, релятивистские цветовые системы созданы на основе гибридного подхода, стремящегося учесть физические характеристики цвета и цветовые ощущения, возникающие у нормального зрителя в нормальных условиях просмотра цветовых оттенков. Прагматические цветовые системы представляют собой результат моделирования в зависимости от конкретной практической, чаще производственной, задачи – например, моделирование смешения цветов на экранах электронных устройств или пигментов в полиграфической печати.

III. Онтологизированные цветовые системы.

А. Объективистские цветовые системы. Первые онтологизированные линейные цветовые системы, которые появились еще в эпоху Античности, можно отнести к объективистским. Как было показано в первой главе, в этот период преобладало представление о четырехцветном составе категорий цвета по примеру четырех первоэлементов. Аристотель¹ расширил количество категорий цвета до семи и расположил их в линейном порядке, от белого к черному, получив таким образом, согласно Р. Г. Кьюэни², шкалу светлоты.

Сила аристотелевской мысли оказывала влияние на размышления о порядке категорий цвета вплоть до XVIII в., поскольку работы Аристотеля прочно вошли в образовательный канон. С другой стороны, линейные шкалы – наименее сложные по структуре и простые для понимания способы организации категорий цвета, поэтому они сохранялись на протяжении такого длительного периода³. Вместе с тем первое графическое изображение линейной цветовой системы, автором которой стал французский иезуит Ф. Д'Агилон⁴, как отмечалось ранее, появилось только в начале XVII в. Как Аристотель объяснял порядок следования категорий цвета посредством

¹ Аристотель. Указ. соч. С. 499.

² Kuehni R. G. Development of the idea of simple colors in the 16th and early 17th centuries // Color Research and Application. 2007. Vol. 32, No. 2. P. 93.

³ Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 54.

⁴ D'Aguilon F. Opticorum libri sex: philosophiis juxta ac mathematicis utiles. Antwerp: Plantin, 1613. 684 p.

аналогии с музыкальными пропорциями¹, так и его последователь Ф. Д'Агилон представил отношения между категориями цвета посредством схемы музыкальных тонов Боэция².

Несмотря на то, что предпосылки для количественной оценки цветового разнообразия и его представления были заложены еще в Античности, переход в двумерное представление был невозможен без геометрической оптики, о которой писали перспективисты Р. Бэкон, Витело, Дж. Печема и Дитрих Фрайбергский³. С конца XIII в. схоластические описания зрения, света и цвета в основном попадали в рамки этой традиции⁴.

Другим мыслителем, повлиявшим на цветовую систему И. Ньютона, мог быть З. Форсиус. Шведский астроном изобразил два цветовых круга (1611 г.), с помощью которых отразил свои взгляды на происхождение и соотношение цветов. Основные пять цветов (красный, синий, зеленый, желтый и серый) исследователь расположил посередине круга, а их оттенки заняли промежуточное расстояние до белого и черного цветов, помещенных внизу и вверху круга⁵.

В медицинской работе Р. Фладда в 1629 г. также появляется цветовой круг, где основными цветами выступают белый и черный. Цветовой круг Р. Фладда менее сложен по структуре и имеет, скорее, символическое значение, отсылая к образу уробороса, змеи, кусающей себя за хвост, и символизирует битву между светом и тьмой, добром и злом⁶.

Следовательно, идея цветового круга, основанного на спектральном порядке, была подготовлена представителями разных профессий начала Нового времени и получила свое материальное воплощение в XVIII в. в работе

¹ Smith A. M. Philosophy and science: scholastic color theory / ed. by C. P. Biggam., K. Wolf // A Cultural History of Color in the Medieval Age. London: Bloomsbury Publishing, 2022. P. 33.

² Kuehni R. G. Development of the idea of simple colors in the 16th and early 17th centuries // Color Research and Application. 2007. Vol. 32, No. 2. P. 97.

³ Цит. по: Smith A. M. Op. cit. P. 25.

⁴ Ibid.

⁵ Цит. по: Parkhurst C., Feller R. L. Op. cit. P. 224.

⁶ Цит. по: Caivano J. L. Op. cit.

И. Ньютона «Оптика»¹. Как и некоторые его предшественники, И. Ньютон использовал музыкальные отношения тонов, в частности круговую диаграмму музыкальных тонов Р. Декарта², для упорядочивания семи основных цветов по окружности, в центре которой находился «белый» свет. Таким образом, в круге был представлен не только цветовой тон, ограниченный спектральными цветами, но и насыщенность – по линиям от окружности к центру.

Примечательно, что стремление соединить элементы музыкального строя и цвета можно найти также у современника И. Ньютона – французского иезуита Л.-Б. Кастеля³. Он создал окулярный клавесин (фортепиано для глаз). Л.-Б. Кастель приписал каждому музыкальному тону и полутону цвет, взятый из спектра, в результате чего получилась шкала из 12 цветов, основными из которых были красный, желтый и синий. По-видимому, кросс-модальная связь⁴ цвета с другими сенсорными ощущениями была причиной столь устойчивой аналогии между цветом и музыкой, которая проявилась не только в науке, но и в других областях культуры.

Кроме цветowych кругов популярной геометрической фигурой для визуальной репрезентации цветовой системы стал треугольник, вершины которого содержали основные цвета. Среди цветowych систем данного типа, стремящихся объективно репрезентировать категории цвета, можно упомянуть систему Дж. Соуерби. Будучи иллюстратором книг по естественным наукам, Дж. Соуерби преследовал цель унификации пигментов, используемых для изображения природных объектов. Согласно

¹ Ньютон И. Указ. соч.

² Descartes R. *Compendium musicae*. Amstelodami: Apud Joannem Janssonium juniorem, 1650. P. 18.

³ Цит. по: Mason W. Father Castel and his color clavecin // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1958. Vol. 17, No. 1. P. 103–116.

⁴ См. напр.: Spence C., Di Stefano N. Coloured hearing, colour music, colour organs, and the search for perceptually meaningful correspondences between colour and sound // *i-Perception*. 2022. Vol. 13, No. 3. [Электронный ресурс], URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/20416695221092802> (дата обращения 27.05.2024); Грибер Ю. А., Нанкевич А. А. Влияние шума на цветовые ассоциации горожан // *Психолог*. 2022. № 6. С. 29–39; Грибер Ю. А., Элькин Г. В. Влияние цвета на восприятие вкуса у людей с расстройствами аутистического спектра // *Психология и Психотехника*. 2022. № 4. С. 32–43.

исследователю¹, благодаря единой схеме цветовых отношений работы по минералогии, ботанике и зоологии будут одинаково поняты и проинтерпретированы по всему миру и на протяжении разных эпох.

Вместе с тем попытки раскрасить различные формы двумерных цветовых систем были сопряжены с рядом серьезных проблем. Во-первых, в эпоху Просвещения стандартизация красителей была очень ограниченной². В частности, согласно К. Леонгард³, некоторые красители и пигменты, используемые в живописи, были натуральными (например, индиго и охра), а другие производились промышленным способом, и все они имели значительные вариации основных характеристик цвета. По мнению К. Леонгард, причинами таких вариаций также выступали качество сырья, используемый производственный процесс и предпринятые шаги по осветлению пигментов. Во-вторых, равномерное геометрическое представление всех цветов, известных в искусстве и естественных науках, требовало наличия третьего измерения. В-третьих, оппозиция антропоцентрических взглядов представителей немецкой философии (Г. В. Ф. Гегель, И. В. Гете, Ф. В. Шеллинг, А. Шопенгауэр) идеям механицизма⁴ (И. Ньютон, Р. Декарт) акцентировала необходимость учета перцептивных данных реципиента при построении цветовой системы.

В. Релятивистские цветовые системы. В ходе обозначенной дискуссии стало очевидным, что для дальнейшего улучшения в моделировании категорий цвета необходимо было лучше понять задействованные процессы восприятия, то есть определить связь между субъективными ощущениями цвета и его физическими характеристиками. После того, как Э. Мариотт, известный открытием слепого пятна,

¹ Sowerby J. A new elucidation of colours, original prismatic and material; showing their concordance in the three primitives, yellow, red and blue: and the means of producing, measuring and mixing them: with some observations on the accuracy of Sir Isaac Newton. London: Taylor, 1809. P. 5.

² Edwards C. Op. cit. P. 5.

³ Leonhard K. Art // A Cultural History of Color in the Age of Enlightenment / ed. by C.P. Biggam, K. Wolf. London: Bloomsbury Publishing, 2022. P. 151.

⁴ Roos A. M. Philosophy // A Cultural History of Color in the Age of Enlightenment / ed. by C.P. Biggam, K. Wolf. London: Bloomsbury Publishing, 2022. P. 21.

предположил в 1717 г., что три основных цвета в правильной комбинации могут давать любой желаемый цвет¹, в формализацию трихроматической теории цветового зрения внесли значительный вклад М. В. Ломоносов², Г. Гельмгольц, Дж. К. Максвелл и Т. Юнг. Кроме того, Ж. Бюффон вводит понятие субъективного цвета, то есть цветового ощущения, которому не соответствует какой-то внешний объект (цветовая иллюзия)³. Работы названных исследователей наряду с первыми трехмерными⁴ цветовыми системами Т. Майера и И. Г. Ламберта также положили начало релятивистским цветовым системам, которые базировались на утверждении, что ощущение цвета напрямую зависит от цветового стимула, а именно от длины световой волны.

Т. Майер, немецкий картограф и астроном, одним из первых предположил наличие связи между остротой зрения и уровнем освещенности. На основе этого исследователь заключил, что цветовая система должна включать различимые человеком оттенки, которые получаются путем смешения классической для художников и красильщиков триады «красный – желтый – синий»⁵. Проблему размерности Т. Майер обосновывает следующим образом: «Необходимо использовать такое соотношение между смешиваемыми цветами, которое можно выразить не очень большим числом... Ни в архитектуре, ни в музыке пропорции обычно не превышают двенадцати»⁶.

¹ Malacara D. Color Vision and Colorimetry: Theory and Applications. Washington: SPIE Press, 2002. P. 1–20, 31–116.

² Ломоносов М. В. Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее, в публичном собрании Императорской Академии наук июля 1 дня 1756 года говорённое Михайлом Ломоносовым / Ломоносов М. В. Избранные труды по химии и физике. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 294–317.

³ Цит. по: Базыма Б. А. Психология цвета. Теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 18.

⁴ Kuehni R. G. The early development of the Munsell system // Color Research and Application. 2001. No. 27 (1). P. 20–27. doi:10.1002/col.10002

⁵ Цит. по: Lee B. B. The evolution of concepts of color vision // Neurociencias. 2008. No. 4 (4). P. 211.

⁶ Mayer T. De affinitate colorum commentatio // Opera inedita Tobiae Mayeri: the first translation of the Lichtenberg edition of 1775 / ed. by G.C. Lichtenberg, E.G. Forbes. New York: Macmillan, 1971. P. 34.

Согласно Р. Г. Кьюэни¹, одним из вкладов Т. Майера в теорию цвета является его вывод о том, что серый цвет состоит либо из белого и черного, либо из трех основных хроматических пигментов. В таком случае черный цвет теряет статус основного. Присваивая каждому смешанному цвету значения основных компонентов, Т. Майер разработал арифметику смешения цветов, согласно которой любой трехкомпонентный цвет может (теоретически) быть получен из других цветов, сумма которых имеет те же общие индексы, что и эталонный цвет. Как отмечает Р. Г. Кьюэни², такое распределение оттенков справедливо в линейной системе, но неточно при использовании пигментов из-за нелинейности отношений между весами и результирующим воспринимаемым цветом смесей, как позже обнаружил И. Г. Ламберт.

Будучи разносторонним исследователем, автором трудов по математике, архитектонике, фотометрии и пирометрии, состоявшим в переписке с многими выдающимися людьми своего времени, включая И. Канта, И. Г. Ламберт³ построил пространственную модель цветовой системы Т. Майера. Модель представляла собой пирамиду, состоящую из шести хроматических плоскостей, на которых расположены 36 различных оттенков. Большая часть из них оказалась размещена только на первых двух плоскостях, что является следствием конструкции системы. В результате систематическая однородность распределения оттенков не была соблюдена. В то время как базовая плоскость представляет собой систематическую смесь красителей, более высокие плоскости были получены на основе приблизительных расчетов⁴.

Другой попыткой трехмерного представления цвета стала цветовая система М. Э. Шевреля⁵ в виде полусферы. Как химик М. Э. Шеврель

¹ Цит. по: Kuehni R. G. Mayer Tobias // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed.by R. Shamey. Cham: Springer, 2023. P. 1143–1145.

² Ibid.

³ Цит. по: Loske A. Op. cit. P. 17.

⁴ Ibid.

⁵ Chevreul M. The principles of harmony and contrast of colours. Norderstedt: Books on Demand, 2023. 516 p.

наиболее известен своими новаторскими работами по составу животных жиров. В 1824 г. М. Э. Шеврель стал главой отдела Королевской мануфактуры гобеленов. Здесь он начал заниматься проблемами крашения тканей и вопросами цвета, а также читал лекции по химии в Музее естественной истории.

Жалобы клиентов на качество черных красок побудили М. Э. Шевреля изучить состав красок и сравнить их с красками других производителей. Исследование показало, что недовольство покупателей обусловлено не химическим составом пигментов, а цветовыми ощущениями, вызываемыми разным соположением цветов. Это привело к открытию одновременного цветового контраста: интенсивность цвета усиливается в определенных цветовых парах. Данное явление легло в основу цветовой системы М. Э. Шевреля¹.

Базовая плоскость этой системы состояла из цветового круга с 72 оттенками основных цветов – желтого, красного и синего, – разделенных равными сегментами. С помощью коллеги, физика А. А. Беккереля, М. Э. Шеврель зафиксировал положение большинства оттенков относительно спектра, используя в качестве ориентира линии Фраунгофера. Двадцать степеней соответствующего оттенка были расположены на радиальных линиях от белого центра к черному краю круга. Таким образом, содержание чистого цвета уменьшается, а содержание серого увеличивается по мере движения по радиальной линии к шкале серого, которая образует ось полушария².

В своей системе М. Э. Шеврель хотел отобразить каждую модификацию цвета, то есть не только изменения цвета, которые происходят при смешении чистого цвета с черным, белым или серым, но и те изменения, которые мы наблюдаем в цвете предметов природы вследствие различного освещения³.

¹ Цит. по: Симпсон П. Указ. соч. С. 8.

² Chevreul M. Op. cit. P. 86–95.

³ Chevreul M. Op. cit. P. 100.

Цветовая система и правила цветовой гармонии, основанные на одновременном цветовом контрасте, описанные М. Э. Шевре́лем в книге «О законе одновременного контраста цветов», оказали большое влияние на живопись XIX в., в частности на такие направления, как импрессионизм, пуантилизм и орфизм¹.

Вместе с тем именно треугольники Т. Майера послужили основой для цветовых систем Т. Юнга, Г. Гельмгольца, Дж. К. Максвелла и современных психофизических систем. При проектировании своей цветовой системы Т. Юнг исходил из того, что сетчатка человека содержит бесконечное число частиц, каждая из которых вибрирует в унисон со всеми возможными световыми волнами². Т. Юнг заключил, что это число ограничено, например, тремя основными цветами (красным, желтым и синим). По мнению Т. Юнга, треугольник способен теоретически продемонстрировать все возможные оттенки цветов. Красный, зеленый и фиолетовый располагаются в вершинах и постепенно растушевываются к противоположным сторонам. Желтый, синий и малиновый расположены посередине сторон треугольника, в его центре – серый. Согласно исследователю, два противоположных цвета, находящиеся на равных расстояниях, составляют белый свет – например, желтый и фиолетовый³.

Дж. К. Максвелл⁴ предложил математическую теорию цветовой диаграммы И. Ньютона, а также описание смеси цветовых стимулов, представленной векторами. Он построил визуальный спектрометр для получения количественных смесей света. Исследователь представил свои результаты в виде спектральных функций, показывающих относительное количество первичного света, необходимое для соответствия оттенка длине волны. На основе расчетов и экспериментальных данных Дж. К. Максвелл

¹ Симпсон П. Указ. соч.

² Pavlidis G. Op. cit.

³ Young T. A course of lectures on natural philosophy and the mechanical arts. London: Forgotten books, 2020. P. 609.

⁴ Maxwell J. C. On the theory of compound colours, and the relations of the colours of the spectrum // Proceedings of the Royal Society. London, 1860. No. 10. P. 57–84.

создал по примеру Т. Юнга треугольник с красным, зеленым и красновато-синим спектральными основными цветами.

В 1867 г. Г. Гельмгольц¹ использовал треугольник Дж. К. Максвелла для построения собственной цветовой модели в виде конуса. Основание конуса содержало спектральные цвета, представленные в зависимости от их перцептивной близости. Смеси этих цветов с белым, насыщенность которого постепенно снижалась по направлению к центру, располагались по радиальным линиям. Черный находился на вершине конуса, а цвета пониженной светлоты заполняли плоскости уменьшающегося диаметра между плоскостью основания и вершиной. Модель Г. Гельмгольца стремилась объединить перцептивные характеристики воспринимаемых цветов и физические показатели цветов предметов, подготавливая почву для современных цветовых систем (например, CIElab, NCS).

В этой связи, по мнению Дж. Перуцци и В. Роберти², Г. Гельмгольца можно отнести к главным архитекторам новой теории цвета. Как отмечают авторы, увлеченный экспериментатор и глубокий знаток последних разработок в области физиологической оптики, психофизики и геометрии, он использовал свои междисциплинарные знания, чтобы определить первую неевклидову метрику в цветовом пространстве, где расстояние между оттенками связано с разницей их восприятия.

Вершиной общих усилий по созданию психофизической цветовой системы стала популярная в современных исследованиях система CIElab. Данная цветовая система представляет собой результат многолетних усилий по моделированию категорий цвета в соответствии с перцептивными характеристиками зрения человека. Изначально Международная комиссия по освещению (CIE) стремилась создать цветовую модель, чтобы унифицировать

¹ Цит. по: *Kuehni R. G. The early development of the Munsell system // Color Research and Application. 2002. No. 27 (1). P. 20–27.*

² *Peruzzi G., Roberti V. Helmholtz and the geometry of color space: gestation and development of Helmholtz's line element // Archive for History of Exact Sciences. 2023. Vol. 77. P. 201–220.*

разнообразную практику оценки цветовых различий¹. Согласно Э. Робертсону, исследование, проведенное в США в 1973 г., показало, что более 15 таких формул используются в промышленности. Данные невозможно было легко сравнить, поскольку различия в цвете в данных формулах не были связаны простыми константами. Вместе с тем формула Адамса-Никерсона завоевала одобрение нескольких организаций в Европе, включая Общество красильщиков и колористов Соединенного Королевства, которое в 1970 г. рекомендовало одну из ее версий для оценки цветовых различий в текстильной промышленности.

Как отмечает Дж. Шанда², дальнейшие эксперименты с использованием образцов материала, обычно освещаемых имитатором дневного света, привели к модификации формулы Адамса-Никерсона. В итоге появились два релятивистских цветовых пространства: CIElab (для цветов предметов) и CIEluv (для источников света).

Следует отметить, что, несмотря на ряд ограничений (набор данных, специфичный для групп зрителей, условия окружающей среды, экспериментальные процедуры³), которые влияют на результат моделирования, цветовая системы CIElab не теряет своей актуальности и широко используется как в промышленности⁴, так и в антропологических исследованиях⁵.

С. Субъективистские цветовые системы. Развитие теории восприятия и цветового зрения человека положило начало не только релятивистским цветовым системам, но и субъективистским. В данную группу можно отнести цветовые системы, которые в научной литературе именуют психологическими

¹ Robertson A. R. Historical development of CIE recommended color difference equations // Color Research and Application. 1990. Vol. 15, No. 3. P. 167.

² Schanda J. CIE colorimetry and colour displays // Color and Imaging Conference. 1996. Vol. 4. P. 231.

³ Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 154.

⁴ См. напр.: Schubring R., Toldrá F. Quality Assessment of Seafood and Seafood Products by Color Measurement // Handbook of Seafood and Seafood Products Analysis / ed. by F. Toldrá, L. Nollet. Boca Raton: CRC Press, 2024. P. 409–430.

⁵ См. напр.: Griber Y. A. et al. “Playing” with Color: How Similar Is the “Geometry” of Color Harmony in the CIELAB Color Space across Countries? // Arts. 2024. Vol. 13, No. 2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2076-0752/13/2/53> (дата обращения: 23.04.2024).

или психометрическими. Согласно Л. Сивику¹, отличительной чертой таких систем является то, что они основаны исключительно на цветовых ощущениях и их взаимосвязях.

Первая цветовая система, репрезентирующая категории цвета по принципу, описанному выше, появилась в Германии во второй половине XIX в. Это было время обширных академических дебатов между двумя научными школами: школа Гельмгольца объясняла цветовой опыт с точки зрения реакции колбочек сетчатки на цветовые стимулы, тогда как школа Геринга рассматривала цветовой опыт как реакцию колбочек сетчатки на цвета как сущности, с которыми можно и нужно обращаться, независимо от длин волн и законов света или пропорций смешения пигментов².

Согласно теории цветового восприятия, предложенной Э. Герингом, различные цвета являются результатом трех сложных и антагонистических процессов, каждый из которых включает пару противоположных цветовых ощущений. По мнению Э. Геринга, определенный цвет воспринимается только тогда, когда стимулирует зрительную систему сильнее, чем его цвет-оппонент (желтый – синий, красный – зеленый, белый – черный). В противном случае, когда два цвета сбалансированы, они воспринимаются как ахроматический серый цвет³.

Э. Геринг также предложил свой способ репрезентации четырех основных категорий цвета в виде круга, который назвал «Системой естественного цвета». Согласно, Э. Герингу разные оттенки воспринимаются в результате затемнения/осветления основных цветов и в случае наблюдения двух непротивоположных цветов⁴. Его идеи послужили питательной средой для растущих международных усилий по моделированию категорий цвета. К

¹ Sivik L. Color systems for cognitive research // *Color Categories in Thought and Language* / ed. by C. L. Hardin, L. Maffi. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 164.

² Arnkil H. Op. cit.

³ Цит. по: Judd D. B. Fundamental studies of color vision from 1860 to 1960 // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 1996. Vol. 55 (6). P. 1322.

⁴ Цит. по: Kingdom F. Simultaneous contrast: the legacies of Hering and Helmholtz // *Perception*. 1997. Vol. 26, No. 6. P. 673–677.

последователям Э. Геринга можно отнести А. Манселла¹, А. Немчича², Э. Б. Титченера³, А. Хёфлера⁴, Ф. Хиллебранда⁵.

Психологи А. Хёфлер и Ф. Хиллебранд стремились визуализировать цветовой круг Э. Геринга с учетом его теории противоположных цветов. А. Хёфлер и Э. Б. Титченер предложили форму скошенного октаэдра, так как считали, что перцептивные расстояния между центральным серым и зеленым меньше, чем между серым и красным. Вытянутая форма октаэдра появилась вследствие того, что, по мнению исследователей, расстояние между серым и ахроматическими цветами, расположенными в верхней и нижней вершинах, намного больше, чем между серым и основными цветами Геринга. Ф. Хиллебранд использовал форму цилиндра. Насыщенные цвета были расположены по краям дисков, а основные – на горизонтальных осях под прямым углом. Хроматическая интенсивность уменьшалась по направлению к центральному ахроматическому цвету (белый сверху, бело-черный посередине и черный снизу). Ряд таких дисков вместе составляли цилиндр.

Несмотря на усилия авторов цветковых систем разных эпох, до начала XX в. так и не появилось надежной цветовой системы, способной передать перцептивную репрезентацию категорий цвета у человека. Данный факт во многом ограничивал изучение категоризации цвета в разных культурах.

С другой стороны, как отмечает К. Ф. Райт⁶, на протяжении большей части истории человечества декоративный цвет создавали из того, что предоставила природа. В XIX в. эта ситуация резко изменилась. Промышленная революция, начавшаяся в Великобритании, изменила не

¹ *Munsell A. H.* A color notation. New York: E-artnow, 2020. 76 p.

² *Nemcsicsa A., Caivano J. L.* Color order systems // *Encyclopedia of Color Science and Technology* / ed. by M.R. Luo. New York: Springer Science, Business Media, 2015. P. 337–340.

³ *Titchener E. B.* A demonstrational color-pyramid // *American Journal of Psychology*. 1909. Vol. 20, No.1. P. 15–21.

⁴ *Höfler A.* Psychologie. Vienna: Tempsky, 1897. 626 S.

⁵ *Hillebrand F.* Über die spezifische Helligkeit der Farben (mit Vorbemerkungen von E. Hering) // *Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien Mathematisch-Naturwissenschaftliche Klasse*. 1889. Vol. 98. S. 70–122.

⁶ *Wright K. F.* Artifacts // *A Cultural History of Color in the Age of Industry* / ed. by A. Loske. London: Bloomsbury Publishing, 2022. P. 209.

только способ производства товаров, но и их возможные оттенки. В Соединенных Штатах в первой половине XIX в. произошла рыночная революция, которая изменила способы ведения бизнеса американцами, положив начало не только значительно улучшенной системе фабричного производства, но и достижениям в области транспорта, увеличению числа иммигрантов, включая тех, кто прошел обучение в Англии и Европе, – все это, по мнению К. Ф. Райт, повысило технические знания американцев и улучшило связь промышленности с потребителями.

Посреди этого водоворота модернизации оказалось и производство красителей и цветных изделий. К началу XX в. то, что когда-то для большинства людей было роскошью, стало массовым явлением¹. По этой причине росла потребность в стандартизации производственных практик, где цвет стал маркером качества изделий².

Яркой иллюстрацией цветового хаоса, который сложился к концу XIX в., являются многочисленные цветообозначения, которые часто создавались посредством метафорического переноса и были малоинформативны³. По этой причине, как отмечает Т. Келли⁴, на XIX век пришелся расцвет книг по цветовой номенклатуре, который начался с «Номенклатуры цветов Вернера» П. Сайма⁵ (1814) и закончился «Атласом цветовой системы Манселла» А. Манселла⁶ (1915).

Вместе с тем, согласно Т. Келли, множественность хромотаксономий привела к трудностям унификации названий и оттенков. Например, П. Сайм⁷ трижды назвал один и тот же оттенок зеленого «листьями лука-порей зимой»,

¹ См. подроб.: *Lee Blaszczyk R.* Op. cit.

² См. напр.: *Nickerson D.* Color measurements of standards for grades of cotton // *Textile Research journal*. 1946. No. 16. P. 441–449.

³ *Грибер Ю. А.* Цветовая система Альберта Генри Манселла в пространстве современной ей культуры // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2018. №4 (49). С. 69.

⁴ *Kelley T.* World to word: Nomenclature systems of color and species: dis...doct. of Phil. / Kelley T. Kansas, 2017. P. 92.

⁵ *Syme P.* Werner's nomenclature of colours. Edinburgh: William Blackwood, 1821. 83 p.

⁶ *Munsell A. H. et al.* Munsell color system. Boston: Wadsworth Howland & Company, 1915. 398 p.

⁷ *Syme P.* Op. cit.

«яйцом дрозда» и «кремнем», а Дж. Филд¹ обозначил тот же оттенок как «минерально-зеленый».

По этому поводу Р. Риджуэй отметил, что «с момента появления анилиновых красителей и пигментов [номенклатура] превратилась в почти хаотическую путаницу из-за появления множества новых названий»². Несмотря на замечания Р. Риджуэя и других авторов работ по цветовой номенклатуре о хаосе, вызванном произволом торговых названий цветов, некоторые из них были интегрированы в их системы. Например, название цвета шелковой ткани «скабиоза» (*Scabieuse*) было включено в 1861 г. М. Э. Шеврёлем в его «Изложение способов определения и обозначения цветов»³. В целом в попытке представить более полную таксономическую номенклатуру исследователи заимствовали цветообозначения друг у друга и из других языков, использовали профессионализмы.

В этой связи А. Манселл стремился создать цветовую систему, которая могла бы решить сразу несколько задач. С одной стороны, система должна была представить оттенки таким образом, чтобы переходы между категориями цвета были перцептивно однородными. С другой стороны, структуру системы необходимо было сделать интуитивно понятной для удобства управления цветом и передачи информации о нем⁴. В результате система Манселла широко используется во многих областях науки, в промышленности, а также оказала большое влияние на дидактику цвета⁵.

Изначально А. Манселл стремился представить свою цветовую систему в виде сферы, где белый и черный цвета были полюсами, а ось составляли оттенки серого различной светлоты⁶. Далее А. Манселл выбрал для описания

¹ *Field G.* Chromatography or A treatise on colours and pigments, and of their powers in painting. London: Tilt and Bogue, 1841. 424 p.

² *Ridgway R.* Color Standards and Color Nomenclature. Washington DC: published by Author, 1886. P. 19.

³ Цит. по: *Kelley T.* World to word: Nomenclature systems of color and species: dis...doct. of Phil. Kansas, 2017. 227 p.

⁴ *Landa E. R., Fairchild M. D.* Charting colour from the eye of the beholder // *American Scientist*. 2005. No. 93 (5). P. 437.

⁵ *Hidaka K.* Op. cit. P. 71–92.

⁶ Цит. по: *Nickerson D.* History of the Munsell color system and its scientific application // *JOSA*. 1940. Vol. 30, No. 12. P. 575–586.

любого возможного ощущения цвета три переменных: цветовой тон, значение (светлота) и хрома (насыщенность). В полученном цветовом пространстве каждый оттенок имел буквенно-цифровую маркировку: буква означала цветовой тон, цифры – значение и хром. Если два цветовых образца были равны по одной переменной, они выглядели одинаково согласно данному атрибуту, даже если две другие переменные отличались. Независимость этих переменных была новой особенностью системы Манселла¹.

Другой особенностью системы Манселла стала ее неправильная форма. А. Манселл экспериментально обнаружил, что некоторые оттенки достигают своей максимальной насыщенности на разных уровнях значения. Отказавшись от гладкоконтурных геометрических фигур (сферы, конусы и треугольники), свойственных другим цветовым системам того времени, А. Манселл смог первым объединить оттенки в цветовое пространство, сохранив единообразное евклидово расстояние между ними².

Одно из представлений системы Манселла называется деревом Манселла. «Ствол» дерева – это шкала значения, где светлые оттенки расположены вверху. Каждая «ветвь» представляет собой свой цветовой тон, а хрома «листьев» на ветвях увеличивается по мере удаления от центра дерева³.

Совершенно другой тип размерности использовал в своей цветовой системе «Колороид» А. Немчич⁴. Автор системы выстроил оттенки в соответствии с эстетической однородностью, под которой он понимал неравномерность расстояния между цветами в разных местах цветового пространства как следствие получения гармоничных сочетаний. Основу для построения цветовой системы составили экспериментальные данные 70 тысяч респондентов.

¹ Cochrane S. Op. cit. P. 27.

² Ibid.

³ Цит. по: Грибер Ю. А. Цветовая система Альберта Генри Манселла в пространстве современной ей культуры. Указ. соч. С. 69.

⁴ Nemcsicsa A., Caivano J. L. Color order systems // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by M.R. Luo. New York: Springer Science, Business Media, 2015. P. 341.

Координаты «Колороида» – полуполярные координаты, представляющие элементы совокупности цветов, помещенные внутри линейного кругового цилиндра. Угловая координата обозначает цветовой тон, радиальная – насыщенность, вертикальная осевая – яркость. С 1982 г. цветовая система А. Немчица используется в качестве венгерского стандарта.

IV. Прагматические цветовые системы

В отличие от онтологизированных цветовых систем, в прагматических цветовых системах цвет рассматривается как множество оттенков, которые следует унифицировать для эффективного использования в различных культурных практиках. Необходимость такой операции была обусловлена появлением цветной печати, телевидения, кинематографа и цифровой техники, где используется визуализация данных посредством цвета¹.

Примерами таких цветовых систем являются RGB и CMYK, модель которых имеет форму куба². Они различаются по способу смешения цветов и области применения. Цветные изображения создаются аддитивным смешением красного, зеленого и синего цветов (RGB) в результате электрической активации трех разных люминофоров. С целью преобразования цветовых стимулов, представленных на мониторе, в цветовые стимулы для печатных изображений используется субтрактивная схема смешения цветов на базе голубого, пурпурного, желтого и черного цветов (CMYK).

В прагматическую группу можно включить также цветовую систему В. Оствальда³. Он стал лауреатом Нобелевской премии по химии в 1909 г. В то же время В. Оствальд на протяжении большей части своей жизни был увлеченным художником-любителем. Он считал живопись и рисунок формой «физического и психического восстановления»⁴. В 1917 г. В. Оствальд опубликовал свое цветовое пространство в виде двойного конуса.

¹ Нанкевич А. А. Цветовые системы как способ репрезентаций категорий цвета // Научный результат. Социальные и гуманитарные науки. 2022. Т. 8, № 2. С. 77–93.

² Fairchild M. D. Color appearance models and complex visual stimuli // Journal of Dentistry. 2010. Vol. 38. P. 25–33.

³ Цит. по: Billmeyer F. W. Op. cit. P. 180.

⁴ Цит. по: Philip B., Ruben M. Op. cit. P. 4843.

Белый цвет располагается в верхней вершине, черный – в нижней. Вдоль общего основания находится цветовой круг, на котором различные оттенки представлены, согласно терминологии В. Оствальда, «чистыми» цветами. Чем ближе оттенки к белой вершине, тем они светлее, чем ближе к черной вершине, тем они темнее. Внутри цветового тела помещена шкала серого цвета¹.

Исследователь считал, что шкала воспринимаемых равных ступеней яркости цвета может быть достигнута путем добавления черного и белого в соотношениях, следующих логарифмической прогрессии². Это, по его словам, позволяло достичь идеального тонального баланса и гармоничной цветовой композиции на картине³. Вместе с тем, в полученном цветовом пространстве цвета не располагались в соответствии с их непосредственно наблюдаемыми качествами, поскольку В. Оствальд основывал свою схему на принципе комплементарных цветов, то есть противоположных цветов, расположенных по кругу и вместе образующих гармоничное (контрастное) сочетание⁴. Таким образом, В. Оствальд стремился, как и его современник А. Манселл, с помощью цветовой системы создать цветовой код для передачи информации о цвете. Вместе с тем, если А. Манселл стремился расположить оттенки согласно перцептивным особенностям восприятия цвета человеком, то для В. Оствальда на первом месте стояла задача создания цветовой системы, репрезентирующей цветовую гармонию.

Другим примером прагматической цветовой системы является цветовой куб Г. Кюпперса, немецкого полиграфиста, который почти четыре десятилетия был владельцем франкфуртской компании по воспроизведению

¹ Оствальд В. Цветоведение: теория цветового пространства / под ред. С. В. Кравкова; пер. с нем. М.: АСТ, 2020. С. 180.

² Цит. по: Foss C. E., Nickerson D., Granville W. C. Op. cit. P. 362.

³ Цит. по: Philip B., Ruben M. Op. cit. P. 4844.

⁴ Цит. по: Granville W. C. The color harmony manual, a color atlas based on the Ostwald color system // Color Research and Application. 1994. Vol. 19, No. 2. P. 79.

репродукций. Результатом этой деятельности стали международные патенты на усовершенствование технологий многоцветной печати¹.

Полученный ценный опыт в стандартизации офсетной печати Г. Кюпперс отразил в авторской теории цвета, которая стала альтернативным решением, с одной стороны, не имеющим ничего общего со взглядами общепризнанных теоретиков цвета, таких как В. Оствальд и И. Иттен, с другой – продолжающим традицию кубических моделей. Новаторский подход отразился в построении модели, которая может быть одномерной (прямая линия), двумерной (шестиугольник) и трехмерной (куб и ромбоэдр), а также в дидактических пособиях, которые Г. Кюпперс использовал для популяризации своей теории цвета².

В ромбоэдрической модели белый цвет помещается в верхнюю вершину верхнего тетраэдра, в основании которого расположены три субтрактивные основные цвета: желтый, пурпурный и голубой. Это основание также является одной из граней центрального октаэдра. Нижняя треугольная грань октаэдра содержит три цвета, образующихся в результате субтрактивного смешения: зеленый (желтый с голубым), красный (желтый с пурпурным) и синий (голубой с пурпурным). Эта грань, в свою очередь, является общей с нижним тетраэдром, в нижней вершине которого находится черный цвет³.

Представленный анализ цветовых систем позволяет заключить, что искусственная категоризация цвета напрямую связана с индустриализацией общества и представляет собой результат стандартизации и унификации цветового пространства. В этой связи основной вклад в генезис цветовых систем прослеживается со стороны доминирующих культурных и промышленных центров (например, Древняя Греция в эпоху Античности, Италия – в эпоху Возрождения, Англия и Германия – в XIX в., США и Германия – в XX в.). Идея цветового порядка развивалась в контексте

¹ Kueppers H. The basic law of color theory. New York: Barron's Educational Series, 1982. P. 4.

² Нанкевич А. А. Социальная значимость вклада Г.Кюпперса в развитие теории цвета // Социологические штудии. 2021. № 1 (4). С. 42–47.

³ Küppers H. Das Rhomboeder-System // Die Farbe. 1971. No. 20. P. 103–113.

креативной (элитарной) культуры, где цветовая система стала культурной схемой, репрезентирующей цветовые отношения в виде визуальных моделей, цветковых атласов и цветковых номенклатур. Последние выступают наглядным примером концептуальной инженерии, цель которой состоит в создании стандартизированного описания оттенков, своеобразного языка цвета, который бы позволил наладить коммуникацию между представителями разных профессий, а также между потребителями и производителями цветной продукции. Необходимость в создании подобных визуальных словарей была продиктована наплывом товаров массового производства и появлением синтетических красителей.

На сегодняшний день сочетание цветовой системы и цветкового атласа является нормой для любой системы, принятой в качестве стандарта. Цветовая номенклатура также нашла свое развитие в области цветкового прогнозирования, где широко используется сочетание цветкового образца и выразительного названия для представления цветкового тренда, который затем активно используется в различных продуктах массового потребления.

Выводы к главе 2

В процессе категоризации цвета происходит не только упорядочивание цветкового разнообразия внешнего мира, но и структуризация общего знания о цвете в культуре. Когнитивная система культуры включает в себя дорефлексивные и рефлексивные структуры сознания, которые находятся в отношениях соподчинения. Категоризируя цвета, общество создает на дорефлексивном уровне культурную схему, которая определяет отношения между категориями цвета и их геометрию. Иными словами, культурная схема содержит стереотипизированное представление о способах категоризации цвета, суть которого составляют пропозиции и причинные связи. Как следствие, культурная схема выполняет направляющую функцию, охватывая телесный и ментальный опыт человека, что ярко проявляется через

категориальный эффект (оттенки разных категорий распознаются и классифицируются быстрее и легче, чем те, которые принадлежат одной и той же категории).

Выступая единицами рефлексивного уровня, категории цвета надстраиваются поверх культурной схемы. При этом изменения внутри категорий цвета ведут к перестройке или замещению культурной схемы. На индивидуальном уровне реструктуризация культурной схемы происходит в процессе социализации, инкультурации и аккультурации человека. На индивидуальные трансформации культурной схемы обусловлены взаимодействием традиционной, креативной и потребительской культур.

Культурная схема материализуется посредством различных культурных кодов и функционирует в пространстве культуры в виде репрезентаций, многообразие которых обусловлено деятельностью человека, направленной на производство, накопление и использование артефактов. Атрибутивными характеристиками категорий цвета в результате репрезентации выступают морфологические и операциональные репрезентаторы: цветообозначения и цветовые системы.

Следовательно, в естественном языке культурная схема репрезентирована через таксономию цветообозначений. Последние делятся на основные и неосновные. Основные цветообозначения представляют собой каркас культурной схемы и репрезентируют основные категории цвета, наиболее общие представления о цветах, которые появились в результате усреднения значения в процессе распределенного познания как внутри культурного сообщества, так и за его пределами. Неосновные цветообозначения позволяют проявиться индивидуальности человека и отражают его различные социокультурные характеристики, например, возраст, пол, происхождение, профессию. В целом цветообозначения репрезентируют результат естественной категоризации цвета. Ее цель состоит в нахождении обществом актуального баланса между инновацией и традицией

в построении оптимальной культурной схемы категорий цвета для ее дальнейшего наследования и распространения.

Цветовые системы появляются вследствие искусственной категоризации цвета, цель которой состоит в удовлетворении потребности человека в стандартизации, унификации и управлении цветом. Единичные и коллективные усилия исследователей различных эпох по категоризации цвета в общей совокупности представляют собой генезис цветовых систем. Последние можно разделить на онтологизированные и прагматические согласно выполняемой ими функции.

Конструируя онтологизированные системы, человек создает теоретическую модель, объясняющую взаимосвязь и структуру категорий цвета в зависимости от понимания сущности феномена цвета: физической, психологической, психофизической. По этой причине онтологизированные цветовые системы подразделяются на объективистские (цвет – независимая от зрителя характеристика предмета внешнего мира), субъективистские (цвет – иллюзия, возникающая в сознании человека, предметы реального мира бесцветны) и релятивистские (цвет – совокупное явление, возникающее в результате взаимовлияния физических характеристик предметов окружающей среды и перцептивного опыта человека).

Причиной появления прагматических цветовых систем является необходимость решения человеком различных прикладных задач, продиктованных прежде всего промышленным производством цветной продукции и развитием цифровых технологий. Основная задача таких систем, в отличие от онтологизированных, – предоставить инструмент, визуализирующий эвристический алгоритм построения цветовых сочетаний или структуру цветовых отношений в разных отраслях цветной индустрии.

Важным элементом искусственной категоризации цвета в сфере культуры выступает концептуальная инженерия, так как в каждой цветовой системе происходит пересмотр категорий цвета и их взаимосвязей под специфическим углом. Как следствие, субъект искусственной категоризации

цвета разрабатывает особенный цветовой словарь, имеющий смысловую и структурную целостность исключительно в контексте вербального описания, установленного автором цветового порядка. С другой стороны, концептуальная инженерия как форма воздействия креативной культуры является манипулятивным инструментом управления общественным мнением в области массовой культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование представлений о категоризации цвета показало, что до появления эксплицитного определения данного понятия его концептуализация уже присутствовала в культурфилософском дискурсе в неявном виде. Применение концептуальной метафоры позволило выделить три направления, в рамках которых складывались предпосылки формирования понятия «категоризация цвета»: трансцендентное, имманентное и антропоцентрическое. В первом направлении осмысление категоризации цвета складывалось под влиянием натурфилософии и христианства. Цветовая категория понималась как нематериальная (умопостигаемая) данность и сначала раскрывалась через натурфилософское учение о первоэлементах, затем, по мере развития теоцентризма, категоризация цвета приняла форму бинарной оппозиции сакрального и профанного.

Далее под влиянием корпускулярной теории внимание мыслителей было обращено на материальную природу окрашенных предметов и света, поэтому концептуальной метафорой цветовой категории стал предмет реального мира (прототип), для которого цвет выступает характерным признаком. В период расцвета немецкой классической философии сложилось антропоцентрическое понимание категорий цвета как своего рода резервуаров, которые выстраиваются и наполняются оттенками в сознании субъекта.

Последующая концептуализация понятия «категоризация цвета» проходила в русле экологической мотивации. Она задала натуроцентрическое, телесно ориентированное и социокультурное направления концептуализации категоризации цвета. В натуроцентрическом направлении акцент делался на активную роль окружающей среды, определяющей содержание категорий цвета через различные комбинации оттенков, представленных в природных и искусственных объектах. В телесно ориентированном направлении категоризация цвета рассматривалась как адаптация тела человека к окружающей среде. Его перцептивные возможности ограничивают

содержание и разнообразие цветовых категорий. В социокультурном направлении символизация окружающей среды в культуре в процессе преобразующей деятельности человека рассматривалась как движущая сила формирования категорий цвета.

В то время как окружающая среда, телесность и культура являются, скорее, внешними факторами категоризации цвета, необходимость комплексного анализа данного процесса потребовала рассмотрения внутренних факторов, напрямую связанных с перцептивным опытом человека, в качестве которых выступают сознание и бессознательное. Рефлексия над этими явлениями оказывает влияние на концептуализацию категоризации цвета через объективистское или субъективистское понимание сущности цвета. Объективисты рассматривают цвет и цветовую категоризацию через призму восприятия цвета, которое происходит в прямом или опосредованном контакте с реальным миром. Вариативность категорий цвета возникает из-за разных цветовых ощущений, продуцируемых зрительной системой под влиянием различных источников света. Субъективисты понимают цвет и цветовые категории как результат казуального взаимодействия человека с внешним миром, на который влияют перцепции других модальностей и когнитивное состояние.

В культуре как системе знания категоризация цвета функционирует в качестве культурной схемы. Она содержит стереотипизированное представление о способах категоризации цвета и определяет отношения между категориями цвета и их геометрию. Являясь идеальным объектом коллективного познания, категоризация цвета как культурная схема наследуется через социальную память и практическую деятельность человека в виде эстафетной структуры.

Культурная схема материализуется посредством различных культурных кодов в виде репрезентаций. Применение тернарной модели культуры позволило раскрыть механизм социокультурной репрезентации категорий цвета в языке и связать его с взаимодействием традиционной, креативной и

потребительской культур. Сначала человек пассивно потребляет заданные окружающей средой естественные классы оттенков. С развитием традиционной культуры категории цвета вербализуются в языке в виде системы цветообозначений. Артефакты, создаваемые креативной культурой, способствуют появлению новых цветообозначений. Факторами изменения системы цветообозначений выступают культурный обмен, межкультурная коммуникация, социальное неравенство, социализация, инкультурация и аккультурация. Основные цветообозначения репрезентируют наиболее общие представления о цветах, которые появились в результате усреднения значения в процессе распределенного познания как внутри культурного сообщества, так и за его пределами. Неосновные цветообозначения позволяют проявиться индивидуальности человека и отражают его различные социокультурные характеристики, например, возраст, пол, происхождение, профессию.

В целом цветообозначения репрезентируют результат естественной категоризации цвета. В процессе естественной категоризации цвета общество стремится найти актуальный баланс между инновацией и традицией в построении оптимальной культурной схемы для ее дальнейшего наследования и распространения.

Цветовые системы появляются вследствие искусственной категоризации цвета, которая направлена на стандартизацию, унификацию и управление цветом. Культурологическая экспертиза цветовых систем позволила их разделить на онтологизированные и прагматические. Онтологизированные цветовые системы создаются человеком в качестве теоретических моделей, репрезентирующих структуру цветовых категорий и отношения между ними в зависимости от понимания сущности феномена цвета: физической, психологической, психофизической. Прагматические цветовые системы предназначены для решения прикладных задач и визуализируют способы построения цветовых сочетаний в разных социокультурных практиках человека.

В качестве перспективы дальнейшего исследования можно рассмотреть эстетический характер репрезентации категоризации цвета в искусстве и детальный анализ культурной семантики категорий цвета. Кроме того, проведенный философско-культурологический анализ категоризации цвета позволяет предложить теоретико-методологическую базу, которая может быть использована для изучения других культурных феноменов как предметов философской рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой философии : в 4 томах / под ред. В. В. Соколова и др. – Москва : Мысль, 1969. – 578 с.
2. Аристотель. О возникновении животных / Аристотель. – Москва : Юрайт, 2024. – 203 с.
3. Аристотель. О чувственном восприятии / Аристотель // Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – С. 99–136.
4. Аристотель. Сочинения : в 4-х томах ; т. 1 / Аристотель ; под ред. В. Ф. Асмуса. – Москва : Мысль, 1976. – 550 с.
5. Аристотель. Сочинения : в 4-х томах ; т. 2 / Аристотель ; под ред. З. Н. Микеладзе. – Москва : Мысль, 1978. – 687 с.
6. Аристотель. Сочинения : в 4-х томах ; т. 3 / Аристотель ; под ред. И. Д. Рожанского. – Москва : Мысль, 1981. – 610 с.
7. Базыма, Б. А. Психология цвета. Теория и практика / Б. А. Базыма. – Москва : Речь, 2005. – 208 с.
8. Баксанский, О. Е. Персональное конструирование реальности / О. Е. Баксанский // Ноосферные исследования. – 2022. – № 1. – С. 19–29.
9. Баксанский, О. Е. Современные когнитивные репрезентации о мире / О. Е. Баксанский // Философия науки и техники. – 2002. – Т. 8. – № 1. – С. 278–301.
10. Балека, Я. Синий – цвет жизни и смерти. Метафизика цвета / Я. Балека. – Москва: Искусство–XXI век, 2023. – 408 с.
11. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; под общ. ред. Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.
12. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва : Академический Проспект, 2023. – 351 с.
13. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – Москва : Наука, 1975. – 287 с.

14. Бейти, П. Цвет в природе. Коллекция красок окружающего мира / П. Бейти, П. Дэвидсон, Э. Чарвот. – Москва : МИФ, 2022. – 290 с.
15. Берк, Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / Э. Берк ; под общ. ред. Б. В. Мееровского. – Москва : Искусство, 1979. – 236 с.
16. Беркли, Дж. Сочинения / Дж. Беркли. – Москва : Мысль, 1978. – 541 с.
17. Берлин, Б. Основные цвета : их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – Москва : Наука, 1969. – 169 с.
18. Боас, Ф. Ум первобытного человека / Ф. Боас. – Москва : Альма-Матер, 2023. – 303 с.
19. Болдырев, Н. Н. Когнитивная природа языка : сборник статей / Н. Н. Болдырев. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 251 с.
20. Болдырев, Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17–27.
21. Боэций. Утешение философией и другие трактаты / Боэций ; под ред. Г. Г. Майорова. – Москва : Наука, 1990. – 446 с.
22. Быховская, И. М. Социализация и инкультурация личности : сравнительный анализ общественно значимых практик / И. М. Быховская, О. И. Горяинова. – Текст : электронный // Культура культуры. – 2021. – № 1. – URL: <http://cult-cult.ru/socialization-and-inculturation-of-the-individual-a-comparative-analysis-of-soci> (дата обращения: 08.07.2024).
23. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский ; под ред. Б. Новика, В. Н. Садовского. – Москва : Прогресс, 1988. – 507 с.
24. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – Москва : ЛЕНАНД, 2022. – 216 с.
25. Василий Великий. Творения : в 2-х томах / Василий Великий. – Москва : Сибирская благовонница, 2009. – 1233 с.

26. Вежбицкая, А. В. Язык. Культура. Познание / А. В. Вежбицкая ; под ред. М. А. Кронгауза. – Москва : Русские словари, 1996. – 412 с.
27. Витгенштейн, Л. Заметки о цвете / Л. Витгенштейн. – Москва : АСТ, 2022. – 160 с.
28. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – Москва : АСТ, 2022. – 352 с.
29. Волков, Н. Н. Цвет в живописи / Н. Н. Волков. – Москва : Искусство, 1985. – 157 с.
30. Вольтер. Философские сочинения / Вольтер ; под ред. В. Н. Кузнецова. – Москва : Наука, 1988. – 753 с.
31. Воронцов, Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии / Н. Н. Воронцов. – Москва : КМК, 2020. – 432 с.
32. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский. – Москва : Юрайт, 2021. – 336 с.
33. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3-х томах ; т. 3 / Г. В. Ф. Гегель ; отв. ред. Е. П. Ситковский. – Москва : Мысль, 1977. – 471 с.
34. Гельвеций, К. А. Сочинения : в 2-х томах; т. 1 / К. А. Гельвеций ; под ред. Х. Н. Момджяна. – Москва : Мысль, 1973. – 647 с.
35. Гете, И. В. Учение о цвете / И. В. Гете ; пер. с нем. В. Лихтенштадта. – Москва : АСТ, 2021. – 256 с.
36. Гибсон, Дж. Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Дж. Гибсон ; под общ. ред. А. Д. Логвиненко. – Москва : RUGRAM, 2024. – 461 с.
37. Гирц, К. «Насыщенное описание» : в поисках интерпретативной теории культуры / Гирц К. // Антология исследований культуры : в 3-х томах ; т. 1 / отв. ред. и сост. Л. А. Мостова. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. – С. 171–202.
38. Гоббс, Т. Избранные произведения в двух томах / Т. Гоббс ; под общ. ред. Х. Н. Момджяна. – Т. 1. – Москва : Мысль, 1964. – 715 с.

39. Грибер, Ю. А. Влияние цвета на восприятие вкуса у людей с расстройствами аутистического спектра / Ю. А. Грибер, Г. В. Элькинд // Психология и Психотехника. – 2022. – № 4. – С. 32–43.
40. Грибер, Ю. А. Влияние цвета на успешность запоминания культурных ландшафтов / Ю. А. Грибер // Российский психологический журнал. – 2023. – Т. 20. – № 3. – С. 157–172.
41. Грибер, Ю. А. Влияние шума на цветовые ассоциации горожан / Ю. А. Грибер, А. А. Нанкевич // Психолог. – 2022. – № 6. – С. 29–39.
42. Грибер, Ю. А. Картография цвета. Диагностика развития цвето-наименований русского языка с использованием естественно-научных, историкографических, социологических и психологических методов / Ю. А. Грибер. – Москва : Согласие, 2021. – 152 с.
43. Грибер, Ю. А. Оттенки, для которых трудно подобрать название людям старше 70 лет / Ю. А. Грибер // Перевод. Язык. Культура : материалы XII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. Л. Гарбар. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 59–64.
44. Грибер, Ю. А. Персиковый пух : концептуальная инженерия цвет-овых категорий / Ю. А. Грибер // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 3. – С. 109–126.
45. Грибер, Ю. А. Теория цветового проектирования городского про-странства / Ю. А. Грибер. – Москва : Согласие, 2017. – 178 с.
46. Грибер, Ю. А. Цвета эмоций : экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке / Ю. А. Грибер, Д. Йона-ускайте, К. Мор // Litera. – 2019. – № 1. – С. 1–16.
47. Грибер, Ю. А. Цветовая система Альберта Генри Манселла в про-странстве современной ей культуры / Ю. А. Грибер // Общество. Среда. Раз-витие (Terra Humana). – 2018. – № 4 (49). – С. 68–71.
48. Грибер, Ю. А. Цветовые репрезентации социального пространства европейского города / Ю. А. Грибер. – Москва : Согласие, 2022. – 480 с.

49. Грибер, Ю. А. Экологическая мотивация цвета в городской колористике / Ю. А. Грибер // Проект Байкал. – 2023. – № 4 (78). – С. 38–43.
50. Грибер, Ю. А. Электрофизиологические корреляты цветовой категоризации : обзор нейролингвистических исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы) / Ю. А. Грибер // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 5. – С. 9–38.
51. Грифцова, И. Н. Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии / И. Н. Грифцова, Н. Ю. Козлова // Эпистемология и философия науки. – 2024. – Т. 61. – № 1. – С. 122–133.
52. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / под ред. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 2000. – С. 37–300.
53. Гуревич, А. Я. Избранные труды. Средневековый мир / А. Я. Гуревич. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 560 с.
54. Гуссерль, Э. Собрание сочинений : логические исследования : в 2 томах ; т. 2 (1) / Э. Гуссерль ; под ред. В. И. Молчанова. – Москва : Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. – 275 с.
55. Гутер, Р. Джироламо Кардано / Р. Гутер, Ю. Л. Полунов. – Москва : Знание, 1980. – 193 с.
56. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Р. Декарт. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953. – С. 36–38.
57. Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности / под ред. Г. К. Баммеля. – Москва : Соцэкгиз; Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 368 с.
58. Дюркгейм, Э. Моральное воспитание (Лекции 4–5) (продолжение) / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. 21. – № 1–2. С. 9–28.

59. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни : тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм ; под ред. А. Апополонова. – Москва : ИД Дело, 2018. – 738 с.
60. Забияко, А. П. Мифогенез и антропогенез / А. П. Забияко // Вопросы философии. – 2021. – № 3. – С. 57–67.
61. Заботкина, В. И. В четырехмерном пространстве языка и культуры / В. И. Заботкина // Критика и семиотика. – 2021. – № 1. – С. 94–106.
62. Заботкина, В. И. Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе / В. И. Заботкина // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотова. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – С. 102–111.
63. Заде, Л. А. Нечеткие множества / Л. А. Заде // Нечеткие системы и мягкие вычисления. – 2015. – Т. 10. – № 1. – С. 7–22.
64. Иванов, А. В. Наука и религия в трудах Роджера Бэкона / А. В. Иванов // Вестник Омского университета. – 2023. – Т. 28. – № 1. – С. 4–12.
65. Ильенков, Э. В. Идеальное / Э. В. Ильенков // Культурно-историческая психология. – 2006. – Т. 2. – № 2. – С. 17–28.
66. Исаев А. А. Философия цвета : феномен цвета в мышлении и творчестве / А. А. Исаев, Д. А. Теплых. – Москва : Флинта, 2021. – 180 с.
67. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры: книга первая / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. – 383 с.
68. Кант, И. Собрание сочинений : в 8-ми томах ; т. 3 / И. Кант ; под ред. А. В. Гулыги. – Москва : Чоро, 1994. – 741 с.
69. Кант, И. Собрание сочинений : в 8-ми томах ; т. 5 / И. Кант ; под ред. А. В. Гулыги. – Москва : Чоро, 1994. – 414 с.
70. Кант, И. Собрание сочинений : в 8-ми томах ; т. 8 / И. Кант ; под ред. А. В. Гулыги. – Москва : Чоро, 1994. – 720 с.

71. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
72. Кассирер, Э. Философия символических форм : в 3-х томах ; т. 2 / Э. Кассирер ; под ред. Д. М. Носова. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. – 280 с.
73. Качай, И. С. Онтологическое, гносеологическое и антропологическое измерения творчества в контексте классической европейской философии / И. С. Качай // Человек и культура. – 2023. – № 6. – С. 137–152.
74. Ким, И. В. Модели репрезентации и проблема социальных симулякров / И. В. Ким // Tempus et Memoria. – 2007. – Т. 2. – № 2. – С. 30–34.
75. Кормин Н. А. И. Кант : метафизическое обоснование эстетики / Н. А. Кормин // Философия и культура. – 2024. – № 9. – С. 1–65.
76. Кормин Н. А. Мыслить цветом / Н. А. Кормин // Культура и искусство. – 2021. – № 2. – С. 12–38.
77. Костина А. В. Тернарная модель культуры / А. В. Костина, А. Я. Флиер // Культура : между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. – Москва : Согласие, 2011. – С. 15–130.
78. Костина А. В. Тернарная функциональная модель культуры (продолжение) / А. В. Костина, А. Я. Флиер. – Текст : электронный // Культура культуры. – 2024. – № 2. – URL: <http://cult-cult.ru/ternary-functional-model-of-culture1/> (дата обращения: 19.05.2024).
79. Костина А. В. Тернарная функциональная модель культуры / А. В. Костина, А. Я. Флиер. – Текст : электронный // Культура культуры. – 2024. – № 1. – URL: <http://cult-cult.ru/ternary-functional-model-of-culture/> (дата обращения: 19.05.2024).
80. Коул, М. Культурно-историческая психология / М. Коул. – Москва : Когито-Центр, 1997. – 431 с.

81. Коул, М. Основные проблемы сравнительного изучения разных культур / М. Коул // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2008. – Т. 1. – № 1–2. – С. 14–19.
82. Круткин, В. Л. Homo pictor в антропологическом измерении / В. Л. Круткин // Человек. – 2024. – Т. 35. – № 3. – С. 157–177.
83. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 8–16.
84. Кузнецова, Н. И. Нестандартная эпистемология в отечественном исполнении (сравнительный анализ концепций Г. П. Щедровицкого и М. А. Розова) / Н. И. Кузнецова // Epistemology & Philosophy of Science. – 2012. – Т. 32. – № 2. – С. 184–200.
85. Кузьмин, В. Г. Абстрагирование объектов на примере понятия-концепта «цвет». Феноменологический аспект / В. Г. Кузьмин. – Текст : электронный // Философская мысль. – 2023. – № 7. – С. 9–23. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40076 (дата обращения: 27.05.2024).
86. Кузьмин, В. Г. Двухуровневость восприятия и модусы цвета. Контрастность и дополнительность цветов / В. Г. Кузьмин. – Текст : электронный // Философская мысль. – 2021. – № 10. – С. 11–21. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36358 (дата обращения: 27.05.2024).
87. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета как ключ к пониманию и переводу образной структуры художественного текста / В. Г. Кульпина // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2023. – № 3. – С. 52–71.
88. Лакан, Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)) / Ж. Лакан. – Москва : Гнозис, Логос, 2009. – 432 с.

89. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
90. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. А. Н. Баранова. – Москва : URSS, 2023. – 256 с.
91. Ланкло, Ж.-Ф. География цвета / Ж.-Ф. Ланкло // Международная научная конференция Российского общества цвета : сборник статей / под ред. Ю. А. Грибер, В. М. Шиндлер. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2021. – С. 68–83.
92. Латур, Б. Об интеробъективности / Б. Латур, В. Вахштайн, А. Смирнов // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 79–96.
93. Латур, Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
94. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс ; под ред. А. М. Положенцева. – Москва : Академический проект, 2008. 399 с.
95. Леонардо да Винчи. Избранные сочинения : в 2-х томах ; т. 2 / Леонардо да Винчи ; под общ. ред. Б. В. Леграна, А. М. Лефроса. – Москва; Ленинград : ACADEMIA, 1935. – 533 с.
96. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975. – 304 с.
97. Леонтьев, А. Н. Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте / А. Н. Леонтьев // Культурно-историческая психология. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 118–124.
98. Ливингстон, М. Искусство и восприятие. Биология зрения / М. Ливингстон. – Москва : Издательская Группа Азбука-Аттикус, 2020. – 240 с.
99. Логинова, М. В. Граница как паракатегория современной культуры / М. В. Логинова // Наследие веков. – 2020. – № 1 (21). – С. 76–81.
100. Локк, Дж. Сочинения : в 3-х томах ; т. 1 / Дж. Локк ; под ред. И. С. Нарского, А. Л. Субботина. – Москва : Мысль, 1985. – 621 с.

101. Лосев, А. Ф. История античной эстетики : в 8-ми томах ; т. 1 / А. Ф. Лосев. – Москва : АСТ, 2000. – 624 с.
102. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1992. – С. 84–92.
103. Луков, В. А. Тезаурусный подход в аспекте изучения культуры / В. А. Луков, С. В. Луков // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 2. – С. 3–20.
104. Лурия, А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 320 с.
105. Макашова, Н. В. Типология экологически ориентированных практик в современной России / Н. В. Макашова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 7. – С. 135–144.
106. Макеева, Л. Б. Семантические идеи Х. Патнэма / Л. Б. Макеева // История философии. – 1997. – № 1. – С. 121–134.
107. Мальбранш, Н. Разыскание истины / Н. Мальбранш ; под ред. Я. А. Слинина. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – 653 с.
108. Масланов, Е. В. Унификация как способ производства когнитивного разнообразия / Е. В. Масланов // Epistemology & Philosophy of Science. – 2023. – Т. 60. – № 4. – С. 40–45.
109. Матросова, Я. Е. Функции терминов цветообозначения в художественном тексте / Я. Е. Матросова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 14–21.
110. Микешина, Л. А. Репрезентация : частный метод или фундаментальная операция познания? / Л. А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. 11. – № 1. – С. 5–17.
111. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 328 с.

112. Милль, Дж. Система логики силлогистической и индуктивной : изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Дж. Милль. – Москва : ЛЕНАНД, 2011. – 832 с.
113. Минский, М. Сообщество разума / М. Минский. – Москва : АСТ, 2018. – 592 с.
114. Миронов, Д. Д. Репрезентация и ее особенности в художественной культуре / Д. Д. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2016. – № 1 (26). – С. 31–34.
115. Моисеева, Н. А. Экологический поворот в системе научного знания / Н. А. Моисеева, В. И. Сороковикова // Право и практика. – 2019. – № 1. – С. 263–267.
116. Нанкевич А. А. Цветовые системы как способ репрезентаций категорий цвета / А. А. Нанкевич // Научный результат. Социальные и гуманитарные науки. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 77–93.
117. Нанкевич, А. А. Категоризация цвета в детском возрасте (0–7 лет) : обзор современных исследований / А. А. Нанкевич // Научный результат. Социальные и гуманитарные науки. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 132–144.
118. Нанкевич, А. А. Концептуализация цвета у людей с нарушениями функций слуха и зрения / А. А. Нанкевич // Студенческая наука – 2022 : сборник статей / под ред. Н. Н. Розановой, Т. В. Ватлиной. – Смоленск : Издательство СмолГУ, 2022. – С. 366–373.
119. Нанкевич, А. А. Обзор исследований по цветовой категоризации, опубликованных за последние 15 лет в базах данных Google Scholar, eLIBRARY.RU и КиберЛенинка / А. А. Нанкевич // Социологические штудии. Статьи молодых учёных. – 2020. – № 1 (3). – С. 42–46.
120. Нанкевич, А. А. Основные цветоименования в русских и французских авторских сказках (на материале сказок Ш. Перро и П. П. Бажова) / А. А. Нанкевич // Смоленский филологический сборник. Выпуск XIII. Труды Школы молодых ученых «Квантитативная филология» : сборник статей / ред.

Л. В. Павлова, И. В. Романова, С. Н. Андреев, В. С. Андреев, Л. Г. Каяниди. – Смоленск : Издательство СмолГУ, 2021. – С. 123–131.

121. Нанкевич, А. А. Социальная значимость вклада Г. Кюпперса в развитие теории цвета / А. А. Нанкевич // Социологические штудии. – 2021. – № 1(4). – С. 42–47.

122. Нарский, И. С. Давид Юм / И. С. Нарский. – Москва : Мысль, 1973. – 180 с.

123. Никифорова Л. В. Дворцовый интерьер в России XVIII столетия. Проблемы содержания / Л. В. Никифорова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2006. – № 16. – С. 102–115.

124. Никифорова, Л. В. Архитектура в антропологическом измерении / Л. В. Никифорова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2005. – №10. – С. 309–318.

125. Никифорова, Л. В. Пространство университетской повседневности : прикладное исследование в формате культурологической экспертизы / Л. В. Никифорова, М. В. Рон, С. А. Тихомиров, А. С. Макашова, П. Е. Подделкова // Universum : Вестник Герценовского университета. – 2011. – №7. – С. 60–70.

126. Николай Кузанский. Сочинения : в 2-х томах ; т. 1 / Николай Кузанский ; под ред. В. В. Соколова, З. А. Тажуризиной. – Москва : Мысль, 1979. – 488 с.

127. Нурзет, Ц. С. Б. Семантика немецких фразеологизмов с компонентом цветообозначения в рамках корпусного исследования / Ц. С. Б. Нурзет, Л. Е. Корнилова // Дальневосточный филологический журнал. – 2023. – Т. 1. – № 1. – С. 40–48.

128. Ньютон, И. Лекции по оптике / И. Ньютон ; под ред. С. И. Вавилова. – Москва : АН СССР, 1946. – 298 с.

129. Ориген. Гомилии на книгу бытия / Ориген ; под ред. М. Асмуса. – Москва : Познание, 2019. – 312 с.

130. Очеретяный, К. А. Цвет как форма власти : к социологии графического пользовательского интерфейса / К. А. Очеретяный // Социология науки и технологий. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 153–169.
131. Пастуро, М. Белый. История цвета / М. Пастуро. – Москва : Новое литературное образование, 2023. – 144 с.
132. Пастуро, М. Желтый. История цвета / М. Пастуро. – Москва : Новое литературное образование, 2023. – 160 с.
133. Пастуро, М. Зеленый. История цвета / М. Пастуро. – Москва : Новое литературное образование, 2024. – 168 с.
134. Пастуро, М. Красный. История цвета / М. Пастуро. – Москва : Новое литературное образование, 2019. – 99 с.
135. Пастуро, М. Синий. История цвета / М. Пастуро. – Москва : Новое литературное образование, 2022. – 144 с.
136. Пастуро, М. Черный. История цвета / М. Пастуро. – Москва : Новое литературное образование, 2024. – 168 с.
137. Петров, В. В. Язык и искусственный интеллект : рубеж 90-х годов / В. В. Петров // Язык и интеллект / сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1996. – С. 5–13.
138. Платон. Тимей / Платон // Сочинения : в 4-х томах ; т. 3 (1) / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2007. – С. 495–588.
139. Платон. Федон / Платон // Сочинения : в 4-х томах ; т. 2 / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1993. – С. 7–81.
140. Прохоров, А. И. Философия языка Э. Гуссерля : тенденции и результаты / А. И. Прохоров // Вестник РХГА. – 2018. – № 3. – С. 44–51.
141. Рахманов, А. Б. Лингвистический империализм, лингвистический субимпериализм и их необходимость : Россия и Испания / А. Б. Рахманов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 54. – С. 188–203.

142. Режабек, Е. Я. Когнитивный подход в науке о культуре / Е. Я. Режабек // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 39–46.
143. Рид, Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла / Т. Рид. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 352 с.
144. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 426–428.
145. Розин, В. М. Дорожная карта реконструкции становления античной культуры и социальности (период полисов, до образования империй) / В. М. Розин // Культура и искусство. – 2018. – № 3. – С. 8–20.
146. Розов, М. А. Знание как объект исследования. Воспоминания о работе новосибирского семинара (1963–1980) / М. А. Розов // Вопросы философии. – 1998. – № 1. – С. 89–109.
147. Розов, М. А. Наука и литература : два мира или один? (Опыт эпистемологических сопоставлений) / М. А. Розов // Альтернативные миры знания / под ред. В. Н. Поруса и Е. Л. Чертковой. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. – С. 80–101.
148. Розов, М. А. Строение научного знания (проблемы методологии и методики анализа) / М. А. Розов // Философия науки. – 1997. – № 1. – С. 63–87.
149. Розов, М. А. Теория и инженерное конструирование / М. А. Розов // Epistemology & Philosophy of Science. – 2004. – № 1. – С. 15–33.
150. Розов, М. А. Феномен социальных эстафет / М. А. Розов. – Смоленск : СГПУ, 2003. – 93 с.
151. Розов, М. А. Философия науки в новом видении / М. А. Розов. – Москва : Новый хронограф, 2012. – 440 с.
152. Розов, М. А. Что такое теория социальных эстафет / М. А. Розов // Epistemology & Philosophy of Science. – 2017. – № 1. – С. 230–239.
153. Розова, С. С. Классификационная проблема в современной науке / С. С. Розова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 224 с.

154. Серов, Н. В. Информационная модель коммуникации Востока и Запада / Н. В. Серов // Большая Евразия : развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3–2. – С. 551–556.
155. Серов, Н. В. Цвет культуры : психология, культурология, физиология / Н. В. Серов. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 672 с.
156. Симпсон, П. Код цвета. Небесный голубой, газетный желтый, королевский фиолетовый и другие оттенки в культурной истории цвета / П. Симпсон. – Москва : Миф Арт, 2022. – 410 с.
157. Степин, В. С. Проблема системности и преемственности в развитии философского знания / В. С. Степин // Философские науки. – 2014. – № 12. – С. 7–19.
158. Тертуллиан. Избранные сочинения / Тертуллиан ; под общ. ред. А. А. Столярова. – Москва : Прогресс, 1994. – 439 с.
159. Тит Лукреций Кар. О природе вещей / Тит Лукреций Кар. – Москва : Художественная литература, 1983. – 383 с.
160. Тихонова, В. Л. Специфика содержательного аспекта понятия «Культурные универсалии» / «Категории культуры» в рамках антропологических и культурологических исследований / В. Л. Тихонова // Манускрипт. – 2016. – № 7 (69). – С. 183–185.
161. Уорф Б. Л. Грамматические категории / Б. Л. Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя : сборник статей / ред. Б. А. Успенский. – Москва : Наука, 1972. – С. 44–60.
162. Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры / А. Я. Флиер. – Текст : электронный // Культура культуры. – 2019. – № 1. – URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 19.05.2024).
163. Флоренский, П. А. Иконостас / П. А. Флоренский. – Москва : Искусство, 1995. – 255 с.
164. Фреге, Г. Логика и логическая семантика / Г. Фреге ; под ред. З. А. Кузичевой. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 509 с.

165. Фриче, В. М. Социология искусства / В. М. Фриче. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1930. – 203 с.
166. Фролов, К. Г. Цветовые концепты как фактор когнитивного проникновения в восприятие / К. Г. Фролов, А. И. Пономарев // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2022. – Т. 59. – № 2. – С. 136–151.
167. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – Москва : Наука, 1984. – 175 с.
168. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко ; под ред. Г. И. Семенова, О. И. Попова. – Санкт-Петербург : А-sad, 1994. – 407 с.
169. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер ; под ред. В. В. Библина. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.
170. Халкидский, Я. О Пифагоровой жизни / Я. Халкидский. – Москва : Алетейа, 2002. – 192 с.
171. Хомский, Н. Избранное / Н. Хомский ; под ред Э. Арноува. – Москва : Энциклопедия-ру, 2016. – 718 с.
172. Чалмерс, Д. Сознający ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс ; под ред. В. В. Васильева. – Москва : Либроком, 2019. – 512 с.
173. Чан, Ж. Эстетика и символическое значение древнекитайских снежных пейзажей с IV по XX век / Ж. Чан // *Культура и искусство*. – 2024. – № 5. – С. 1–14.
174. Черниговская, Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера : мозг, язык и сознание / Т. В. Черниговская. – Москва: Litres, 2021. – 450 с.
175. Чубаров, И. М. Искусство без художника : к вопросу о критериях современного искусства / И. М. Чубаров, Э. В. Самохвалова // *Человек*. – 2023. – Т. 34. – № 5. – С. 130–148.
176. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 251 с.
177. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг ; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. – Москва : Мысль, 1966. – 487 с.

178. Шемякин, Я. Г. Постколониальные проблемы межкультурного диалога / Я. Г. Шемякин // Перспективы. – 2023. – № 1 (32). – С. 93–108.
179. Шиповалова, Л. В. Распределенное научное познание – на пути к разнообразию / Л. В. Шиповалова // Epistemology & Philosophy of Science. – 2023. – Т. 60. – № 4. – С. 22–31.
180. Шопенгауэр, А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Критика кантовской философии : в 2-х томах ; т. 1 / А. Шопенгауэр ; отв. ред. Б. В. Мееровский, И. С. Нарский. – Москва : Наука, 1993. – 672 с.
181. Щербич, Л. И. Культурные универсалии и социализация : гендерный аспект / Л. И. Щербич // Система ценностей современного общества. – 2011. – № 19. – С. 150–157.
182. Эллинские поэты VIII—III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. – Москва : Ладомир, 1999. – 379 с.
183. Юм, Д. Сочинения : в 2-х томах ; т. 1 / Д. Юм. – Москва : Мысль, 1996. – 733 с.
184. Яньшин, П. В. Эмоциональный цвет : эмоциональный компонент в психологической структуре цвета / П. В. Яньшин. – Самара : Издательство СамГПУ, 1996. – 110 с.
185. A Cultural History of Color in Antiquity / ed. by D. Wharton, K. Wolf, C. P. Biggam. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – 288 p.
186. A Cultural History of Color in the Age of Enlightenment / ed. by C. P. Biggam, K. Wolf. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – 264 p.
187. A Cultural History of Color in the Medieval Age / C. P. Biggam, K. Wolf. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – 272 p.
188. A Cultural History of Color in the Renaissance / ed. by S. Dupré, A. Buono. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – 264 p.
189. Abbott, J. T. Focal colors across languages are representative members of color categories / J. T. Abbott, T. L. Griffiths, T. Regier // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2016. – Vol. 113. – No. 40. – P. 11178–11183.

190. Abramov, I. Physiological Mechanisms of Color Vision / I. Abramov // Color Categories in Thought and Language / ed. by C. L. Hardin, L. Maffi. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 89–117.
191. Adams, E. M. The nature of the sense-datum theory / E. M. Adams // Mind. – 1958. – Vol. 67. – No. 266. – P. 216–226.
192. Adams, Z. The myth of the common sense conception of the color / Z. Adams, N. Hansen // Shifting Concepts : The Philosophy and Psychology of Conceptual Variability / ed. by Å. Wikforss, T. Marques. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – P. 106–127.
193. Akins, K. Black and white and colour / K. Akins // Consciousness inside and out : Phenomenology, Neuroscience and the Nature of Experience / ed. by R. Brown. – Dordrecht ; Heidelberg ; London ; New York : Springer, 2014. – P. 181–183.
194. Albers, A. M. Color categories in aesthetic preferences for paintings / A. M. Albers, F. Schiller, K. Gegenfurtner, S. Nascimento // Journal of Vision. – 2018. – Vol. 18. – No. 10. – P. 869–869.
195. Allen, G. Development of the Sense of Colour / G. Allen // Mind. – 1878. – Vol. 3. – No. 9. – P. 129–132.
196. Allen, G. The colour-sense : its origin and development / G. Allen. – London : Tubner, 1879. – 282 p.
197. Allen, K. The value of perception / K. Allen // Philosophy and Phenomenological Research. – 2020. – Vol. 100. – No. 3. – P. 633–656.
198. Andrews, D. The Russian color categories sinij and goluboj : an experimental analysis of their interpretation in the standard and émigré languages / D. Andrews // Journal of Slavic Linguistics. – 1994. – No. 2. – P. 9–28.
199. Aranyosi, I. Preteriception : Memory as past-perception / I. Aranyosi // Synthese. – 2021. – Vol. 198. – No. 11. – P. 10765–10792.
200. Armstrong, D. M. Colour-realism and the argument from microscopes / D. M. Armstrong // Contemporary Philosophy in Australia / ed. by R. Brown,

C. D. Rollins. – London : George Allen & Unwin LTD; New York : Humanities Press, 2014. – P. 119–131.

201. Arnkil, H. The art of colour harmony : the enigmatic concept of complementary colours / H. Arnkil // Proceedings of AIC 2015 TOKYO Color and Image Midterm Meeting of the International Colour Association (AIC). – Tokyo : Color Science Association of Japan, 2015. – P. 974–979.

202. Arstila, V. True colours, false theories / V. Arstila // Australasian Journal of Philosophy. – 2003. – Vol. 81. – No. 1. – P. 41–50.

203. Averill, E. W. The relational nature of color / E. W. Averill // The Philosophical Review. – 1992. – Vol. 101. – No. 3. – P. 551–588.

204. Averill, E. W. Two theories of transparency / E. W. Averill, J. Gottlieb // Erkenntnis. – 2021. – Vol. 86. – P. 553–573.

205. Ayer, A. J. The Problem of knowledge / A. J. Ayer. – London : Macmillan, 1956. – 258 p.

206. Baker, T. et al. Introduction : early modern color worlds / T. Baker et al. // Early Science and Medicine. – 2015. – Vol. 20. – No. 4–6. – P. 289–307.

207. Barasch, M. Light and color in the Italian Renaissance theory of art / M. Barasch. – New York : New York University Press, 1978. – 239 p.

208. Barsalou, L. W. Grounded cognition / L. W. Barsalou // Annual Review of Psychology. – 2008. – No. 9. – P. 617–645.

209. Batchelor, D. Chromophobia / Batchelor D. – London : Reaktion Books, 2000. – 128 p.

210. Bennett, J. Locke, Berkeley, Hume : Central Themes / J. Bennett. – Oxford : Clarendon Press, 1971. – 372 p.

211. Bennett, S. Beyond the ‘digital natives’ debate : Towards a more nuanced understanding of students' technology experiences / S. Bennett, K. Maton // Journal of Computer Assisted Learning. – 2010. – Vol. 26. – No. 5. – P. 321–331.

212. Benson, J. L. Greek color theory and the four elements / J. L. Benson. – Amherst : University of Massachusetts Amherst Libraries, 2000. – 166 p.

213. Benson, L. et al. The Colour conspiracy : A summary of colour forecasting in the textile and clothing industry and its influence on future predictions for a UK Mail Order Company / L. Benson et al. // *Design Journal*. – 1999. – Vol. 1. – No. 4. – P. 311–320.
214. Berger, J. A defense of holistic representationalism / J. Berger // *Mind & Language*. – 2018. – Vol. 33. – No. 2. – P. 161–176.
215. Bermúdez, J. L. Naturalized sense data / J. L. Bermúdez // *Philosophical and Phenomenological Research*. – 2000. – Vol. LXI. – No. 2. – P. 353–374.
216. Billmeyer, F. W. Survey of color order systems / F. W. Billmeyer // *Color Research and Application*. – 1987. – Vol. 12. – No. 4. – P. 173–186.
217. Block, N. On a confusion about a function of consciousness / N. Block // *Behavioral and brain sciences*. – 1995. – Vol. 18. – No. 2. – P. 227–247.
218. Boghossian, P. A. Colour as a secondary quality / P. A. Boghossian, J. D. Velleman // *Mind*. – 1989. – Vol. 98. – No. 389. – P. 81–103.
219. Bornstein, M. H. Color vision and color naming : a psychophysiological hypothesis of cultural difference / M. H. Bornstein // *Psychological Bulletin*. – 1973. – Vol. 80. – No. 4. – P. 257–285.
220. Bornstein, M. H. Color vision and hue categorization in young human infants / M. H. Bornstein, W. Kessen, S. Weiskopf // *Journal of Experimental Psychology : Human Perception and Performance*. – 1976. – Vol. 2. – No. 1. – P. 115–129.
221. Bornstein, M. H. On the development of color naming in young children : Data and theory / M. H. Bornstein // *Brain and Language*. – 1985. – Vol. 26. – No. 1. – P. 72–93.
222. Boynton, R. M. Locating basic colors in the OSA space / R. M. Boynton, C. X. Olson // *Color Research and Application*. – 1987. – Vol. 12. – No. 2. – P. 94–105
223. Brecolaki, H. Archaeology of Colour : Technical Art History Studies in Greek and Roman Painting and Polychromy / H. Brecolaki. – Athens : Brepols, 2023. – 450 p.

224. Brino, G. Italian City Colour Plans (1978–2007) / G. Brino // Colour for Architecture Today / ed. by T. Porter and B. Mikellides. – London : Taylor & Francis, 2009. – P. 30–35.
225. Brogaard, B. The self-locating property theory of color / B. Brogaard // Minds and Machines. – 2015. – Vol. 25. – No. 2. – P. 133–147.
226. Brouwer, G. J. Categorical clustering of the neural representation of color / G. J. Brouwer, D. J. Heeger // Journal of Neuroscience. 2013. – Vol. 33. – No. 39. – P. 15454–15465.
227. Brown, H. I. Direct realism, indirect realism, and epistemology / H. I. Brown // Philosophy and Phenomenological Research. – 1992. – Vol. 52. – No. 2. – P. 341–363.
228. Brown, R. W. A study in language and cognition / R. W. Brown, E. H. Lenneberg // The Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1954. – Vol. 49. – No. 3. – P. 454–462.
229. Byrne, A. Color primitivism / A. Byrne, D. R. Hilbert // Erkenntnis. – 2007. – Vol. 66. – No. 1–2. – P. 73–105.
230. Byrne, A. Color realism and color science / A. Byrne, D. R. Hilbert // Behavioral and Brain Sciences. – 2003. – No. 26. – P. 3–21.
231. Byrne, A. Objectivist reductionism / A. Byrne, D. R. Hilbert // The Routledge Handbook of Philosophy of Colour / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. – London ; New York : Routledge, 2020. – P. 287–298.
232. Byrne, A. The science of colour and colour vision / A. Byrne, D. R. Hilbert // The Routledge Handbook of Philosophy of Colour / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. – London ; New York : Routledge, 2020. – P. 123–139.
233. Byrne, A. Truest blue / A. Byrne, D. R. Hilbert // Analysis. – 2007. – Vol. 67. – No. 1. – P. 87–92.
234. Caivano, J. L. Black, white, and grays : Are they colors, absence of color or the sum of all colors? / J. L. Caivano // Color Research and Application. – 2022. – Vol. 47. – No. 2. – P. 252–270.

235. Campbell, J. A Simple view of colour / J. Campbell // *Reality, Representation and Projection* / ed. by J. Haldane, C. Wright. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – P. 257–268.
236. Campbell, J. A. Does that which makes the sensation of blue a mental fact escape us? / J. A. Campbell // *The Routledge Handbook of Philosophy of Colour* / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. – London ; New York : Routledge, 2020. – P. 408–420.
237. Carnap, R. Empiricism, Semantics, and Ontology / R. Carnap // *Revue Internationale de Philosophie*. – 1950. – Vol. 4. – P. 20–40.
238. Carnap, R. Logical Foundations of Probability / R. Carnap. – Chicago : University of Chicago Press, 1963. – 365 p.
239. Carroll, N. The philosophy of art and aesthetics, psychology, and neuroscience / N. Carroll, M. Moore, W. P. Seeley // *Aesthetic science. Connecting minds, brains, and experience* / ed. by A. P. Shimamura, S. E. Palmer. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 31–62.
240. Caskey-Sirmons, L. A. Semantic shift and bilingualism : Variation in the color terms of five languages / L. A. Caskey-Sirmons, N. P. Hickerson // *Anthropological linguistics*. – 1977. – Vol. 19. – No. 8. – P. 358–367.
241. Cassidy, T. D. Colour forecasting / T. D. Cassidy // *Textile Progress*. – 2019. – Vol. 51. – No. 1. – P. 1–137.
242. Casson, R. W. Schemata in cognitive anthropology / R. W. Casson // *Annual review of anthropology*. – 1983. – Vol. 12. – No. 1. – P. 429–462.
243. Chalmers, D. J. What is conceptual engineering and what should it be? / D. J. Chalmers // *Inquiry*. – 2020. – Vol. 63. – P. 1–17.
244. Chalmers, D. Perception and the Fall from Eden / D. Chalmers // *Perceptual Experience* / ed. by T. Gendler, J. Hawthorne. – New York : Oxford University Press, 2006. – P. 49–125.
245. Chalmers, D. The Character of consciousness / D. Chalmers. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 625 p.

246. Chemero, A. Radical embodied cognitive science / A. Chemero // Review of General Psychology. – 2013. – Vol. 17. – No. 2. – P. 145–150.
247. Chirimuuta, M. Outside color : Perceptual science and the puzzle of color in philosophy / M. Chirimuuta. – Cambridge ; London : MIT press, 2017. – 263 p.
248. Chisholm, R. M. Perceiving : A philosophical study / R. M. Chisholm. – Ithaca : Cornell University Press, 1957. – 203 p.
249. Churchland, P. On the reality (and diversity) of objective colors : How color-qualia space is a map of reflectance-profile space / P. Churchland // Philosophy of Science. – 2007. – Vol. 74. – No. 2. – P. 119–149.
250. Clark, S. Vanities of the Eye : Vision in Early Modern European Culture / S. Clark. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 415 p.
251. Cochrane, S. The Munsell Color System : A scientific compromise from the world of art / S. Cochrane // Studies in History and Philosophy of Science. – 2014. – No. 47. – P. 26–41.
252. Cohen, J. Colour relationalism / J. Cohen // The Routledge Handbook of Philosophy of Colour / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. – London ; New York : Routledge, 2020. – P. 311–326.
253. Cohen, J. Précis of The Red and the Real : An Essay on Color Ontology / J. Cohen // Analytic Philosophy. – 2012. – Vol. 53. – No. 3. – P. 288–296.
254. Cohen, J. Subjectivism, physicalism, or none of the above? Comments on Ross's 'The Location Problem for Color Subjectivism' / J. Cohen // Consciousness and Cognition. – 2001. – No. 10. – P. 94–104.
255. Color ontology and color science / ed. by J. Cohen, M. Matthen. – Cambridge ; London : Mit Press, 2010. – 438 p.
256. Conklin, H. C. Color categorization / H. C. Conklin // American Anthropologist. – 1973. – Vol. 75. – P. 931–942.
257. Conway, B. R. Color appearance and the end of Hering's Opponent-Colors Theory / B. R. Conway, S. Malik-Moraleda, E. Gibson // Trends in Cognitive Sciences. – 2023. – Vol. 27. – No. 9. – P. 791–804.

258. Conway, B. R. et al. Communication efficiency of color naming across languages provides a new framework for the evolution of color terms / Conway B. R. et al. – Текст : электронный // *Cognition*. – 2020. – Vol. 195. – URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/138254> (дата обращения: 27.05.2024).

259. Cory, T. S. How light makes color visible : the reception of some greco-arabic theories (Aristotle, Avicenna, Averroes) in medieval Paris, 1240s–50s / T. S. Cory // *Contextualizing Premodern Philosophy*. – London : Routledge, 2023. – P. 181–224.

260. Crawford L. E. Linguistic and non-linguistic spatial categorization / L. E. Crawford, T. Regier, J. Huttenlocher // *Cognition*. – 2000. – Vol. 75. – No. 3. – P. 209–235.

261. Crone, R. A. A history of color: the evolution of theories of light and color / R. A. Crone. – Dordrecht : Springer, 2012. – 292 p.

262. Cutter, B. Tracking representationalism and the painfulness of pain / B. Cutter, M. Tye // *Philosophical Issues*. – 2011. – Vol. 21. – P. 90–109.

263. Cutter, B. Unknowable colour facts / B. Cutter // *Mind*. – 2021. – Vol. 130. – No. 519. – P. 909–941.

264. D'Andrade, R. A folk model of the mind / R. D'Andrade // *Cultural Models in Language and Thought* / ed. by Holland D., Quinn N. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – P. 112–148.

265. D'Andrade, R. G. Cultural meaning systems / R. G. D'Andrade // *Behavioral and Social Science Research* / ed. by R. McC. Adams. – Washington : National Academy of Sciences, 1984. – P. 197–243.

266. D'Andrade, R. G. The development of cognitive anthropology / R. G. D'Andrade. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 272 p.

267. Da Silva, J. J. On color: The Husserlian material a priori / J. J. Da Silva // *How Colours Matter to Philosophy* / ed. by Marcos Silva. – Cham : Springer, 2017. – P. 97–105.

268. Dawkins, R. The selfish gene / R. Dawkins. – Oxford : Oxford university press, 2016. – 464 p.

269. De Bolla, P. The education of the eye : painting, landscape, and architecture in eighteenth-century Britain / P. De Bolla. – Stanford : Stanford University Press, 2003. – 296 p.
270. Decock, L. Conceptual change and conceptual engineering : the case of colour concepts / L. Decock // Inquiry. – 2021. – Vol. 64. – No. 1–2. – P. 168–185.
271. Dedrick, D. Colour classification in natural languages / D. Dedrick // Knowledge Organization. – 2022. – Vol. 48. – No. 7–8. – P. 563–579.
272. Dedrick, D. Colour language, thought, and culture // The Routledge Handbook of Language and Culture / ed. by F. Sharifian. – London : Routledge, 2014. – P. 270–293.
273. Dedrick, D. Colour, colour language, and culture / D. Dedrick // The Routledge Handbook of Philosophy of Colour / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. – London, New York : Routledge, 2020. – P. 439–455.
274. Dedrick, D. The origin and development of colour names and categories, and the biological basis for colour categories / D. Dedrick // Proceedings of the 15th Congress of the International Colour Association 2023 : col. of scien. art. – Chiangrai: International Colour Association, 2023. – P. 443–450.
275. Derksen, L. The social context of recycling / L. Derksen, J. Gartrell // American Sociological Review. – 1993. – P. 434–442.
276. Deutscher, G. Through the language glass : why the world looks different in other languages? / G. Deutscher. – New York : Metropolitan Books, 2010. – 304 p.
277. Di Giacomo, D. et al. Technophobia as emerging risk factor in aging : Investigation on computer anxiety dimension / D. Di Giacomo et al. // Health Psychology Research. – 2020. – Vol. 8. – No. 1. – P. 1–4.
278. Diane, T. Colour forecasting / T. Diane, T. Cassidy. – New York : John Wiley & Sons, 2009. – 192 p.
279. Dietz, T. Social structural and social psychological bases of environmental concern / T. Dietz, P. C. Stern, G. A. Guagnano // Environment and Behavior. – 1998. – Vol. 30. – No. 4. – P. 450–471.

280. Dorsch, F. Colour resemblance and colour realism / F. Dorsch // *Rivista di estetica*. – 2010. – No. 43. – P. 85–108.
281. Dretske, F. *Naturalizing the mind* / F. Dretske. – Cambridge : MIT Press, 1995. – 224 p.
282. Dummett, M. *Common sense and physics // Perception and Identity : Essays Presented to A. J. Ayer with his Replies to them* / M. Dummett / ed. by G. F. Macdonald. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1979. – P. 1–40.
283. Durkheim, É. *The Evolution of educational thought* / É. Durkheim. – London : Routledge, 1977. – 388 p.
284. *Early Greek Philosophy : western great thinkers : in 9 volumes ; vol. 5* / ed. by A. Lask, G. W. Most. – Cambridge, London : Harvard University Press, 2016. – 807 p.
285. Edwards, C. *Introduction* / C. Edwards // *A Cultural History of Color in the Age of Enlightenment* / ed. by C.P. Biggam, K. Wolf. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 1–20.
286. Engeström, Y. *Learning by expanding : An activity-theoretical approach to developmental research* / Y. Engeström. – Helsinki : Orienta-Konsultit, 1987. – 269 p.
287. Ervin, S. M. *Semantic shift in bilingualism* / S. M. Ervin // *The American Journal of Psychology*. – 1961. – Vol. 74. – No. 2. – P. 233–241.
288. Fairchild, M. D. *Color appearance models and complex visual stimuli* / M. D. Fairchild // *Journal of Dentistry*. – 2010. – Vol. 38. – P. 25–33.
289. Farina, M. *Embodied cognition : dimensions, domains and applications* / M. Farina // *Adaptive Behavior*. – 2021. – Vol. 29. – No. 1. – P. 73–88.
290. Fernie, E. C. *Romanesque architecture : the first style of the European age* / E. C. Fernie. – New Haven : Yale University Press, 2014. – 300 p.
291. Fider, N. A. *Differences in color categorization manifested by males and females : a quantitative World Color Survey study* / N. A. Fider, N. L. Komarova. – Текст : электронный // *Palgrave Communications*. – 2019. – Vol. 5. – No. 1.

– URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-019-0341-7> (дата обращения: 16.07.2024).

292. Fine, A. *Color theory : A critical introduction* / A. Fine. – London ; New York : Bloomsbury Publishing, 2021. – 377 p.

293. Finlay, R. *Weaving the rainbow : visions of color in world history* / R. Finlay // *Journal of World History*. – 2007. – P. 383–431.

294. Forbes, S. H. *Colour perception changes with basic colour word comprehension* / S. H. Forbes, K. Plunkett. – Текст : электронный // *Developmental Science*. – 2023. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37127947/> (дата обращения: 16.07.2024).

295. Forbes, S. H. *The role of colour labels in mediating toddler visual attention* / S. H. Forbes, K. Plunkett // *Cognition*. – 2019. – Vol. 186. – P. 159–170.

296. Foss, C. E. *Analysis of the Ostwald color system* / C. E. Foss, D. Nickerson, W. C. Granville // *JOSA*. – 1944. – Vol. 34. – No. 7. – P. 361–381.

297. French, R. M. et al. *The role of bottom-up processing in perceptual categorization by 3-to 4-month-old infants : simulations and data* / R. M. French et al. // *Journal of Experimental Psychology : General*. – 2004. – Vol. 133. – No. 3. – P. 382–391.

298. Frey, R. M. *The incidence of color blindness among deaf children* / R. M. Frey, I. B. Krause // *Exceptional Children*. – 1971. – Vol. 37. – No. 5. – P. 393–394.

299. Freyd, J. *Shareability : the social psychology of epistemology* / J. Freyd // *Cognitive Science*. – 1983. – No. 7. – P. 191–220.

300. Gage, J. *Color and culture : Practice and meaning from antiquity to abstraction* / J. Gage. – London : Thames & Hudson, 1999. – 344 p.

301. Gage, J. *Color in Art* / J. Gage. – London : Thames & Hudson, 2023. – 306 p.

302. Garbarini, F. *At the root of embodied cognition : Cognitive science meets neurophysiology* / F. Garbarini, M. Adenzato // *Brain and Cognition*. – 2004. – Vol. 56. – No. 1. – P. 100–106.

303. Geertz, C. The interpretation of culture / C. Geertz. – New York : Basic Books, 1973. – 470 p.
304. Geiger, L. Contributions to the History of the Development of the Human Race : Lectures and dissertations / L. Geiger. – London : Trübner & Company, 1880. – 156 p.
305. Gert, J. A realistic colour realism / J. Gert // Australasian Journal of Philosophy. – 2006. – Vol. 84. – No. 4. – P. 565–589.
306. Gibson, E. et al. Color naming across languages reflects color use / E. Gibson et al. // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 114. – No. 40. – P. 10785–10790.
307. Gijsenij, A. et al. Analyzing a decade of colors of the year / A. Gijsenij et al. // Color Research and Application. – 2021. – Vol. 4. – No. 1. – P. 258–270.
308. Ginsborg, H. Reasons for belief / H. Ginsborg // Philosophy and Phenomenological Research. – 2006. – No. 72 (2). – P. 286–318.
309. Gladstone, W. E. Studies on Homer and the Homeric age / W. E. Gladstone. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 640 p.
310. Gladstone, W. E. The colour-sense / W. E. Gladstone // The Nineteenth century and after : a monthly review. – 1877. – Vol. 2. – No. 8. – P. 366–388.
311. Glock, H. J. Quine and Davidson on language, thought and reality / H. J. Glock. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 311 p.
312. Goodenough, W. H. In pursuit of culture / W. H. Goodenough // Annual review of Anthropology. – 2003. – Vol. 32. – No. 1. – P. 1–12.
313. Granville, W. C. The color harmony manual, a color atlas based on the Ostwald color system / W. C. Granville // Color Research and Application. – 1994. – Vol. 19. – No. 2. – P. 77–98.
314. Griber, Y. A. “Edible” colour names: age-related differences in Russian / Y. A. Griber, D. Mylonas, G. V. Paramei // Proceedings of the International Color Association (AIC) Conference : col. of scien. art. – Newtown : International Colour Association, 2019. – P. 256–262.

315. Griber, Y. A. Age-related differences in richness and diversity of Russian color lexicon / Y. A. Griber, D. Mylonas, G. V. Paramei // *Proceedings of the International Colour Association (AIC) Conference : col. of scien. art.* – Milan : International Colour Association, 2021. – P. 1017–1022.

316. Griber, Y. A. et al. “Playing” with Color : How Similar Is the “Geometry” of Color Harmony in the CIELAB Color Space across Countries? / Y. A. Griber et al. – Текст : электронный // *Arts.* – 2024. – Vol. 13. – No. 2. – URL: <https://www.mdpi.com/2076-0752/13/2/53> (дата обращения: 23.04.2024).

317. Griber, Y. A. Intergenerational differences in Russian color naming in the globalized era : linguistic analysis / Y. A. Griber, D. Mylonas, G. V. Paramei. – Текст : электронный // *Humanities and Social Sciences Communications.* – 2021. – Vol. 8. – No. 1. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-021-00943-2> (дата обращения: 05.06.2024).

318. Griber, Y. A. Objects as culture-specific referents of color terms in Russian / Y. A. Griber, D. Mylonas, G. V. Paramei // *Color Research and Application.* – 2018. – Vol. 43. – No. 6. – P. 958–975.

319. Halbwachs, M. *The Collective memory* / M. Halbwachs. – London : Harper Colophon, 1950. – 186 p.

320. *Handbook of categorization in cognitive science* / ed. by H. Cohen, C. Lefebvre. – Oxford : Elsevier, 2005. – 1136 p.

321. Hardin, C. L. *Color for philosophers : unweaving the rainbow* / C. L. Hardin. – Indianapolis : Hackett, 1988. – 268 p.

322. Hardin, C. L. Frank talk about the colours of sense-data / C. L. Hardin // *Australasian Journal of Philosophy.* – 1985. – Vol. 63. – No. 4. – P. 485–493.

323. Hardy, J. L. et al. Color naming, lens aging, and grue : what the optics of the aging eye can teach us about color language / J. L. Hardy et al. // *Psychological Science.* – 2005. – Vol. 16. – No. 4. – P. 321–327.

324. Hidaka, K. *The Art of Color Categorization* / K. Hidaka. – Cham : Springer Nature Switzerland, 2024. – 193 p.

325. Hiscock, N. The white mantle of churches : architecture, liturgy, and art around the millennium / N. Hiscock. – Turnhout : Brepols, 2003. – 226 p.
326. Holland, D. Culture and cognition / D. Holland, N. Quinn // Cultural Models in Language and Thought / ed. by Holland D., Quinn N. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 400 p.
327. Holtzschue, L. Understanding color : an introduction for designers / L. Holtzschue. – New York : John Wiley & Sons, 2017. – 380 p.
328. Huisman, J. L. A. Stability and change in the colour lexicon of the Japonic languages / J. L. A. Huisman, R. W. N. M. van Hout, A. Majid // Studies in Language. – 2022. – Vol. 46. – No. 2. – P. 323–351.
329. Hutchins, E. Distributed cognition / E. Hutchins // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / ed. by N. J. Smelser, P. B. Baltes. – Oxford : Elsevier, 2001. – P. 2068–2072.
330. Hyman, J. The objective eye : Color, form, and reality in the theory of art / J. Hyman. – Chicago : University of Chicago Press, 2019. – 300 p.
331. Ierodiakonou, K. Empedocles on Colour and Colour Vision / K. Ierodiakonou // Oxford Studies in Ancient Philosophy. – 2005. – Vol. 29. – P. 1–37.
332. Ierodiakonou, K. Hellenistic Philosophers on the Phenomenon of Changing Colours / K. Ierodiakonou // The Frontiers of Ancient Science. Essays in Honor of Heinrich von Staden / ed. by B. Holmes, K.-D. Fischer. – Berlin : De Gruyter, 2015. – P. 227–250.
333. Jackson, F. Perception / F. Jackson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 180 p.
334. Jameson, K. A. Culture and cognition : What is universal about the representation of color experience? / K. A. Jameson // Journal of Cognition and Culture. – 2005. – Vol. 5. – No. 3–4. – P. 293–348.
335. Jameson, K. A. Why GRUE? An interpoint-distance model analysis of composite color categories / K. A. Jameson // Cross-cultural Research. – 2005. – Vol. 39. – No. 2. – P. 159–204.

336. Jameson, K. It's not really red, green, yellow, blue : an inquiry into perceptual color space / K. Jameson, R. G. D'Andrade // *Color Categories in Thought and Language* / ed. by C. Hardin, L. Maffi. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 295–319.
337. Jaster, R. The ability to do otherwise and the new dispositionalism / R. Jaster // *Inquiry*. – 2022. – Vol. 65. – No. 9. – P. 1149–1166.
338. Johnson, M. The body in the mind / M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 621 p.
339. Johnston, M. How to speak of the colors / M. Johnston // *Philosophical Studies : An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. – 1992. – Vol. 68. – No. 3. – P. 221–263.
340. Jonauskaite, D. et al. A comparative analysis of colour–emotion associations in 16–88-year-old adults from 31 countries / D. Jonauskaite et al. // *British Journal of Psychology*. – 2024. – Vol. 115. – No. 2. – P. 275–305.
341. Jonauskaite, D. et al. Pink for girls, red for boys, and blue for both genders : Colour preferences in children and adults / D. Jonauskaite et al. // *Sex Roles*. – 2019. – Vol. 80. – P. 630–642.
342. Jonauskaite, D. et al. The sun is no fun without rain : Physical environments affect how we feel about yellow across 55 countries / D. Jonauskaite et al. – Текст : электронный // *Journal of Environmental Psychology*. – 2019. – Vol. 66. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S02724944-19303469> (дата обращения: 27.05.2024).
343. Jonauskaite, D. et al. Universal patterns in color-emotion associations are further shaped by linguistic and geographic proximity / D. Jonauskaite et al. // *Psychological Science*. – 2020. – Vol. 31. – No. 10. – P. 1245–1260.
344. Jones, W. J. German colour terms : A study in their historical evolution from earliest times to the present / W. J. Jones. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2013. – 663 p.

345. Judd, D. B. Fundamental studies of color vision from 1860 to 1960 / D. B. Judd // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 1996. – Vol. 55. – No. 6. – P. 1313–1330.
346. Jung, I. Colour associations for the words feminine and masculine in nine different countries / I. Jung, Y. A. Griber // *Proceedings of the International Color Association (AIC) Conference : col. of scien. art.* – Newtown : The International Colour Association, 2019. – P. 63–69.
347. Kalderon, M. E. Color pluralism / M. E. Kalderon // *The Philosophical Review*. – 2007. – Vol. 116. – No. 4. – P. 563–601.
348. Kay, P. et al. The world color survey / P. Kay et al. – Stanford : CSLI Publications, 2009. – 620 p.
349. Kay, P. Language, thought and color : recent developments / P. Kay, T. Regier // *Trends in cognitive sciences*. – 2006. – Vol. 10. – No. 2. – P. 51–54.
350. Kelley, T. World to word : Nomenclature systems of color and species : dis...Phd in English and History / T. Kelley. – Kansas City, 2017. – 227 p.
351. Kingdom, F. Simultaneous contrast : the legacies of Hering and Helmholtz / F. Kingdom // *Perception*. – 1997. – Vol. 26. – No. 6. – P. 673–677.
352. Kirberg, A. Forecasting, standardization, and the Americanization of color : The formative years of the textile color card association of the United States (1914–1924) / A. Kirberg // *Dress*. – 2015. – Vol. 41. – No. 2. – P. 81–94.
353. Kirchner, E. The art of painting rainbows—between color science and painter's practice / E. Kirchner, P. Koken // *Color Research and Application*. – 2022. – Vol. 47. – No. 6. – P. 1372–1391.
354. Kuehni, R. G. Color ordered : a survey of color systems from antiquity to the present / R. G. Kuehni, A. Schwarz. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 407 p.
355. Kuehni, R. G. Determination of unique hues using Munsell color chips / R. G. Kuehni // *Color Research and Application*. – 2001. – No. 26. – P. 61–66.

356. Kuehni, R. G. Development of the idea of simple colors in the 16th and early 17th centuries / R. G. Kuehni // *Color Research and Application*. – 2007. – Vol. 32. – No. 2. – P. 92–99.
357. Kuehni, R. G. Mayer Tobias / R. G. Kuehni // *Encyclopedia of Color Science and Technology* / ed. by R. Shamey. – Cham : Springer, 2023. – P. 1143–1145.
358. Kuehni, R. G. The early development of the Munsell system / R. G. Kuehni // *Color Research and Application*. – 2001. – No. 27 (1). – P. 20–27.
359. Kueppers, H. The basic law of color theory / H. Kueppers. – New York : Barron's Educational Series, 1982. – 220 p.
360. Kuriki, I. et al. The modern Japanese color lexicon / I. Kuriki et al. – Текст : электронный // *Journal of vision*. – 2017. – Vol. 17. – No. 3. – URL: <https://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2608579> (дата обращения: 16.07.2024).
361. Labov, W. The intersection of sex and social class in the course of linguistic change / W. Labov // *Language variation and change*. – 1990. – Vol. 2. – No. 2. – P. 205–254.
362. Laeng, B. et al. Latitude-of-birth and season-of-birth effects on human color vision in the Arctic / B. Laeng et al. // *Vision Research*. – 2007. – Vol. 47. – No. 12. – P. 1595–1607.
363. Landa, E. R. Charting color from the eye of the beholder / E. R. Landa, M. D. Fairchild // *American scientist*. – 2005. – Vol. 93. – No. 5. – P. 436–443.
364. Lazar-Meyn, H. Colour terms in Nova Scotia / H. Lazar-Meyn // *Progress in Colour Studies* / ed. by C. P. Biggam, C. Kay. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2006. – P. 145–157.
365. Leaman, O. Averroes and his Philosophy / O. Leaman. – London : Routledge, 2013. – 224 p.
366. Lee Blaszczyk, R. The Color Revolution / R. Lee Blaszczyk. – Cambridge : MIT Press, 2012. – 400 p.

367. Lee, B. B. The evolution of concepts of color vision / B. B. Lee // *Neurociencias*. – 2008. – Vol. 4. – No. 4. – P. 209–224.
368. Lee, M. M. Body, dress, and identity in ancient Greece / M. M. Lee. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 365 p.
369. Lemire, B. Domesticating the exotic: floral culture and the East India calico trade with England, c. 1600–1800 / B. Lemire // *Textile*. – 2003. – Vol. 1. – No. 1. – P. 64–85.
370. Leonhard, K. Art / K. Leonhard // *A Cultural History of Color in the Age of Enlightenment* / ed. by C. P. Biggam, K. Wolf. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 151–172.
371. Levinson, S. C. Yéli Dnye and the theory of basic color terms / S. C. Levinson // *Journal of Linguistic Anthropology*. – 2000. – Vol. 10. – No. 1. – P. 3–55.
372. Lindsey, D. T. et al. Hunter-gatherer color naming provides new insight into the evolution of color terms / D. T. Lindsey et al. // *Current Biology*. – 2015. – Vol. 25. – No. 18. – P. 2441–2446.
373. Lindsey, D. T. Lexical color categories / D. T. Lindsey, A. M. Brown // *Annual Review of Vision Science*. – 2021. – Vol. 7. – P. 605–631.
374. Lindsey, D. T. The color lexicon of American English / D. T. Lindsey, A. M. Brown – Текст : электронный // *Journal of vision*. – 2014. – Vol. 14. – No. 2. – URL: <https://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2121523> (дата обращения: 16.07.2024).
375. Liu, Z. Y. Six-year-old children's ability on category learning : Category representation, attention and learning strategy / Z. Y. Liu, Z. Y. Song, C. A. Seger // *Acta Psychologica Sinica*. – 2012. – Vol. 44. – No. 5. – P. 634–646.
376. Lluch, J. S. Color for Architects : Architecture Brief / J. S. Lluch. – New York : Princeton Architectural Press, 2019. – 477 p.
377. Loske, A. Colour : A Visual History / A. Loske. – Lewes : Hachette, 2019. – 240 p.

378. MacLaury, R. E. Color and cognition in Mesoamerica : constructing categories as vantages. – Texas : University of Texas press, 1997. – 616 p.
379. MacLaury, R. E. Introducing vantage theory / R. E. MacLaury // Language Sciences. – 2002. – Vol. 24. – No. 5–6. – P. 493–536.
380. Malacara, D. Color Vision and Colorimetry : Theory and Applications / D. Malacara. – Washington : SPIE Press, 2002. – 188 p.
381. Malt, B. C. et al. Knowing versus naming : Similarity and the linguistic categorization of artifacts / B. C. Malt et al. // Journal of Memory and Language. – 1999. – Vol. 40. – No. 2. – P. 230–262.
382. Martindale, C. The clockwork muse : the predictability of artistic change / C. Martindale. – New York : Basic Books, 1990. – 432 p.
383. Martinez, J. A. Galileo on primary and secondary qualities / J. A. Martinez // Journal of the History of the Behavioral Sciences. – 1974. – No. 10 (2). – P. 160–169.
384. Mason, W. Father Castel and his color clavecin / W. Mason // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. – 1958. – Vol. 17. – No. 1. – P. 103–116.
385. Matthen, M. Biological functions and perceptual content / M. Matthen // The Journal of Philosophy. – 1988. – Vol. 85. – No. 1. – P. 5–27.
386. Matthen, M. The disunity of color / M. Matthen // The Philosophical Review. – 1999. – Vol. 108. – No. 1. – P. 47–84.
387. Maund, B. Clarifying the problem of color realism / B. Maund // Behavioral and Brain Sciences. – 2003. – Vol. 26. – No. 1. – P. 40–41.
388. Maund, B. Colour – a case for conceptual fission / B. Maund // Australasian Journal of Philosophy. – 1981. – Vol. 59. – No. 3. – P. 308–322.
389. Maund, B. Colour relationalism and colour irrealism/eliminativism/fictionalism / B. Maund // Croatian Journal of Philosophy. – 2012. – Vol. 12. – No. 3. – P. 379–398.
390. Maund, B. The illusory theory of colours : an anti-realist theory / B. Maund // Dialectica. – 2006. – Vol. 60. – No 3. – P. 245–268.

391. McDowell, J. Values and secondary qualities / J. McDowell // *Morality and Objectivity : A Tribute to J. L. Mackie* / ed. by T. Honderich. – London : Routledge and Kegan Paul, 1985. – P. 110–127.
392. McGinn, C. Another look at color / C. McGinn // *Journal of Philosophy*. – 1996. – No. 93. – P. 537–553.
393. McGinn, C. The subjective view / C. McGinn. – Oxford : Clarendon Press, 1983. – 164 p.
394. McLaughlin, B. The place of color in nature / B. McLaughlin // *Colour Perception : Mind and the Physical World* / ed. by R. Mausfeld, D. Heyer. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – P. 475–507.
395. Miller, D. G. English lexicogenesis / D. G. Miller. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 320 p.
396. Milroy, J. Mechanisms of change in urban dialects : the role of class, social network and gender / J. Milroy, L. Milroy // *International Journal of Applied Linguistics*. – 1993. – Vol. 3. – No. 1. – P. 57–77.
397. Misztal, B. A. Durkheim on collective memory / B. A. Misztal // *Journal of Classical Sociology*. – 2003. – Vol 3. – No. 2. – P. 123–143.
398. Mizrahi, V. Naïve realism and the colors of afterimages / V. Mizrahi // *Review of Philosophy and Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – No. 1. – P. 207–227.
399. Moore, G. E. Some main problems of philosophy / G. E. Moore. – London : George, Allen and Unwin, 1953. – 400 p.
400. Münsterberg, H. Psychology : general and applied / H. Münsterberg. – New York : Appleton, 1914. – 508 p.
401. Mylonas, D. Gender differences in colour naming / D. Mylonas, G. V. Paramei, L. MacDonald // *Colour Studies : A Broad Spectrum* / ed. by A. Wendy, C. P. Biggam, C. Hough, C. Kay. – Amsterdam : John Benjamins, 2014. – P. 225–239.
402. Nadal, A. O. Descartes on the distinction between primary and secondary qualities / A. O. Nadal // *British Journal for the History of Philosophy*. – 2019. – Vol. 27. – No. 6. – P. 1113–1134.

403. Nathan, N. Simple colours / N. Nathan // *Philosophy*. – 1986. – Vol. 61. – No. 237. – P. 345–353.
404. Nickerson, D. Color measurements of standards for grades of cotton / D. Nickerson // *Textile Research journal*. – 1946. – No. 16. – P. 441–449.
405. Nickerson, D. History of the Munsell color system and its scientific application / D. Nickerson // *JOSA*. – 1940. – Vol. 30. – No. 12. – P. 575–586.
406. Nijboer, T. C. W. et al. Colour agnosia impairs the recognition of natural but not of non-natural scenes / T. C. W. Nijboer et al. // *Cognitive Neuropsychology*. – 2007. – Vol. 24. – No. 2. – P. 152–161.
407. Noë, A. Action in perception / A. Noë. – Cambridge : MIT Press, 2004. – 277 p.
408. Noë, A. Real presence / A. Noë // *Philosophical Topics*. – 2005. – Vol. 33. – No. 1. – P. 235–264.
409. Oliva, A. Diagnostic colors mediate scene recognition / A. Oliva, P. G. Schyns // *Cognitive Psychology*. – 2000. – Vol. 1. – No. 2. – P. 176–210.
410. Otto S. Ecological behavior across the lifespan : Why environmentalism increases as people grow older / S. Otto, F. G. Kaiser // *Journal of Environmental Psychology*. – 2014. – Vol. 40. – P. 331–338.
411. Owen, K. The development of categorization in early childhood : a review / K. Owen, C. Barnes // *Early Child Development and Care*. – 2021. – Vol. 191. – No. 1. – P. 13–20.
412. Palmer, S. E. An ecological valence theory of human color preference / S. E. Palmer, K. Schloss // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2010. – Vol. 107. – No. 19. – P. 8877–8882.
413. Paramei, G. V. An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples / G. V. Paramei, Y. A. Griber, D. Mylonas // *Color Research and Application*. – 2018. – No. 43. – P. 358–374.
414. Paramei, G. V. Color Categorization : Patterns and Mechanisms of Evolution / G. V. Paramei // *Encyclopedia of Color Science and Technology* / ed. by M. R. Luo. – New York : Springer-Verlag New York, 2016. – P. 397–403.

415. Paramei, G. V. Color discrimination across four life decades assessed by the Cambridge Colour Test / G. V. Paramei // *JOSA*. – 2012. – Vol. 29. – No. 2. – P. A290–A297.
416. Park, C. Sacred worlds : An introduction to geography and religion / C. Park. – London : Routledge, 2002. – 346 p.
417. Parkhurst, C. Who invented the color wheel? / C. Parkhurst, R. L. Feller // *Color Research and Application*. – 1982. – Vol. 7. – No. 3. – P. 217–230.
418. Pautz, A. How does colour experience represent the world? / A. Pautz // *The Routledge Handbook of Philosophy of Colour* / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. – London, New York : Routledge, 2020. – P. 367–389.
419. Pavlidis, G. The Modern Era of Colour Theory / G. Pavlidis // *A Brief History of Colour Theory : Foundations of Colour Science*. – Cham : Springer International Publishing, 2022. – P. 23–125.
420. Peacocke, C. Colour concepts and colour experience / C. Peacocke // *Synthese*. – 1984. – Vol. 58. – P. 365–381.
421. Persaud, K. et al. Evaluating recall error in preschoolers : category expectations influence episodic memory for color / K. Persaud et al. // *Cognitive Psychology*. – 2021. – Vol. 124. – P. 101357–101424.
422. Peruzzi, G. Helmholtz and the geometry of color space : gestation and development of Helmholtz's line element / G. Peruzzi, V. Roberti // *Archive for History of Exact Sciences*. – 2023. – Vol. 77. – P. 201–220.
423. Philip, B. Color theory in science and art : Ostwald and the Bauhaus / B. Philip, M. Ruben // *Angewandte Chemie International Edition*. – 2004. – No. 43 (37). – P. 4842–4847.
424. Pinker, S. The cognitive niche : Coevolution of intelligence, sociality, and language / S. Pinker // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2010. – Vol. 107. – No. 2. – P. 8993–8999.
425. *Pioneers of Color Science* / ed. by R. Shamey, R. G. Kuehni. – Cham : Springer, 2020. – 402 p.

426. Price, H. H. Perception / H. H. Price. – London : Methuen & Co, ltd., 1950. – 332 p.
427. Pulliam, H. Color / H. Pulliam // Studies in Iconography. – 2012. – Vol. 33. – P. 3–14.
428. Rakison, D. H. When a rose is just a rose : The illusion of taxonomies in infant categorization / D. H. Rakison // Infancy. 2000. – Vol. 1. – No. 1. – P. 77–90.
429. Ray, V. F. Techniques and problems in the study of human color perception / V. F. Ray // Southwestern Journal of Anthropology. – 1952. – Vol. 8. – No. 3. – P. 251–259.
430. Redies, C. Combining universal beauty and cultural context in a unifying model of visual aesthetic experience / C. Redies. – Текст : электронный // Frontiers in human neuroscience. – 2015. – Vol. 9. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/humanneuroscience/articles/10.3389/fnhum.2015.00218/full> (дата обращения: 20.09.2024).
431. Regier, T. Color naming reflects optimal partitions of color space / T. Regier, P. Kay, N. Khetarpal // PNAS. – 2007. – No. 104 (4). – P. 1436–1441.
432. Rivers, W. H. R. Primitive color vision / W. H. R. Rivers // Popular Science Monthly. – 1901. – No. 59. – P. 44–58.
433. Robert Grosseteste. The dimensions of colour : Robert Grosseteste's De colore / Robert Grosseteste, G. Dinkova-Bruun, G. Dinkova-Bruun. – Durham : Durham University, 2013. – 104 p.
434. Roberts, J. The self-management of cultures / J. Roberts // Explorations in Cultural Anthropology : Essays in Honor of George Peter Murdock / ed. by V. Goodenough. – New York : McGraw-Hill Book Co, 1964. – P. 433–454.
435. Robertson, A. R. Historical development of CIE recommended color difference equations / A. R. Robertson // Color Research and Application. – 1990. – Vol. 15. – No. 3. – P. 167–170.
436. Robinson, H. Perception / H. Robinson. – London : Routledge, 1994. – 272 p.

437. Rodríguez-Carmona, M. Sex-related differences in chromatic sensitivity / M. Rodríguez-Carmona, T. S. Lindsay, A. Harlow, J. Barbur // *Visual Neuroscience*. – 2008. – No. 25. – P. 433–440.
438. Roos, A. M. *Philosophy* / A. M. Roos // *A Cultural History of Color in the Age of Enlightenment* / ed. by C. P. Biggam, K. Wolf. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 21–36.
439. Rosch, E. Natural categories / E. Rosch // *Cognitive Psychology*. – 1973. – Vol. 4. – No. 3. – P. 328–350.
440. Rosenthal, D. M. Color, mental location, and the visual field / D. M. Rosenthal // *Consciousness and Cognition*. – 2001. – No. 10. – P. 85–93.
441. Rosenthal, I. et al. Color statistics of objects, and color tuning of object cortex in macaque monkey / I. Rosenthal et al. – Текст : электронный // *Journal of Vision*. – 2018. – Vol. 18. – No. 11. – URL: <https://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2705814> (дата обращения: 27.05.2024).
442. Ross, P. W. Fitting color into the physical world / P. W. Ross // *Philosophical Psychology*. – 2010. – Vol. 23. – No. 5. – P. 575–599.
443. Ross, P. W. Spectrum inversion / P. W. Ross // *The Routledge Handbook of Philosophy of Colour* / ed. by D. H. Brown, F. Macpherson. – London ; New York : Routledge, 2020. – P. 226–243.
444. Rossi, M. *The republic of color : science, perception, and the making of modern America* / M. Rossi. – Chicago : University of Chicago Press, 2019. – 330 p.
445. Russell, B. *The Analysis of matter* / B. Russell. – New York : Harcourt, Brace, 1927. – 408 p.
446. Sapir, E. American Indian grammatical categories / E. Sapir, M. Swadesh // *Word*. – 1946. – Vol. 2. – No. 2. – P. 103–112.
447. Sapir, E. Language and environment / E. Sapir // *American Anthropologist*. – 1912. – Vol. 14. – No. 2. – P. 226–242.

448. Sassi, M. M. Philosophical theories of colour in ancient greek thought and their relevance today / M. M. Sassi // *Ancient Philosophy Today : DIALOGOI*. – 2022. – Vol. 4. – No. 2. – P. 155–175.
449. Saunders, B. A. C. The trajectory of color / B. A. C. Saunders, J. Brakel // *Perspectives on Science*. – 2002. – Vol. 10. – No. 3. – P. 302–355.
450. Saysani, A. Colour envisioned : Concepts of colour in the blind and sighted / A. Saysani, M. C. Corballis, P. M. Corballis // *Visual Cognition*. – 2018. – Vol. 26. – No. 5. – P. 382–392.
451. Saysani, A. How the Blind “See” Colour : diss. ...Phd in Psychology / Armin Saysani ; University of Auckland. – Auckland, 2017. – 216 p.
452. Saysani, A. The colour of words : how dichromats construct a colour space / A. Saysani, M. C. Corballis, P. M. Corballis // *Visual Cognition*. – 2018. – Vol. 26. – No. 8. – P. 601–607.
453. Schanda, J. CIE colorimetry and colour displays / J. Schanda // *Color and Imaging Conference*. – 1996. – Vol. 4. – P. 230–234.
454. Schubring, R. Quality Assessment of Seafood and Seafood Products by Color Measurement / R. Schubring, F. Toldrá // *Handbook of Seafood and Seafood Products Analysis* / ed. by F. Toldrá, L. Nollet. – Boca Raton : CRC Press, 2024. – P. 409–430.
455. Seel, M. The Aesthetics of Appearing / M. Seel. – Stanford : Stanford University Press, 2004. – 256 p.
456. Seeley, W. P. Attentional engines : A perceptual theory of the arts / W. P. Seeley. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – 288 p.
457. Sellars, W. Abstract entities / W. Sellars // *The Review of Metaphysics*. – 1963. – Vol. 16. – No. 4. – P. 627–671.
458. Sharifian, F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language / F. Sharifian // *Body, language, and mind*. – 2008. – Vol. 2. – P. 109–136.
459. Shen, J. Reexamining the relations between socio-demographic characteristics and individual environmental concern : Evidence from Shanghai data /

J. Shen, T. Saijo // *Journal of Environmental Psychology*. – 2008. – Vol. 28. – No. 1. – P. 42–50.

460. Shoemaker, S. Self-knowledge and “inner sense” : Lecture I : The object perception model / S. Shoemaker // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1994. – Vol. 54. – No. 2. – P. 249–269.

461. Silvestrini, N. Color systems in art and science / N. Silvestrini, E. P. Fischer, U. Baumann, K. Stromer. – Zürich : Regenbogen Verlag, 1996. – 226 p.

462. Simoncelli, C. Language and color perception : the case of the Italian and French blue semantics : a contrastive analysis of linguistic categorizations and cognitive functions in monolingual and bilingual : dis...Phd in Linguistics / C. Simoncelli. – Paris, 2022. – 511 p.

463. Siuda-Krzywicka, K. et al. Color categorization independent of color naming / K. Siuda-Krzywicka et al. // *Cell reports*. – 2019. – Vol. 28. – No. 10. – P. 2471–2479.

464. Siuda-Krzywicka, K. et al. Color naming and categorization depend on distinct functional brain networks / K. Siuda-Krzywicka et al. // *Cerebral Cortex*. – 2021. – Vol. 31. – No. 2. – P. 1106–1115.

465. Siuda-Krzywicka, K. et al. When colours split from objects : The disconnection of colour perception from colour language and colour knowledge / K. Siuda-Krzywicka et al. // *Cognitive Neuropsychology*. – 2020. – Vol. 37. – No. 5–6. – P. 325–339.

466. Sivik, L. Color systems for cognitive research / L. Sivik // *Color Categories in Thought and Language* / ed. by C. L. Hardin, L. Maffi. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 163–193.

467. Skelton, A. E. et al. Biological origins of color categorization / A. E. Skelton et al. // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2017. – Vol. 114. – No. 21. – P. 5545–5550.

468. Skelton, A. E. Infant color perception : Insight into perceptual development / A. E. Skelton, J. Maule, A. Franklin // *Child Development Perspectives*. – 2022. – Vol. 16. – No. 2. – P. 90–95.
469. Smart, J. J. C. Materialism / J. J. C. Smart // *The Journal of Philosophy*. – 1963. – Vol. 60. – No. 22. – P. 651–662.
470. Smith, A. M. Philosophy and science : scholastic color theory / A. M. Smith / ed. by C. P. Biggam., K. Wolf // *A Cultural History of Color in the Medieval Age*. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 25–44.
471. Spence, C. Coloured hearing, colour music, colour organs, and the search for perceptually meaningful correspondences between colour and sound / C. Spence, N. Di Stefano. – Текст : электронный // *i-Perception*. – 2022. – Vol. 13. – No. 3. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/204166-95221092802> (дата обращения: 27.05.2024).
472. Stansfield, J. Can future colour trends be predicted on the basis of past colour trends? : An empirical investigation / J. Stansfield, T. W. A. Whitfield // *Color Research and Application*. – 2005. – Vol. 30. – No. 3. – P. 235–242.
473. Sun, M. et al. Neural hierarchy of color categorization : From prototype encoding to boundary encoding / M. Sun et al. – Текст : электронный // *Frontiers in Neuroscience*. – 2021. – Vol. 15. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/neuroscience/articles/10.3389/fnins.2021.679627/full> (дата обращения: 27.05.2024).
474. Syme, P. Werner's nomenclature of colours / P. Syme. Edinburgh : William Blackwood, 1821. – 83 p.
475. Taylor, J. R. Linguistic categorization / J. R. Taylor. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 326 p.
476. Twomey, C. R. et al. What we talk about when we talk about colors / C. R. Twomey et al. – Текст : электронный // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2021. – Vol. 118. – No. 39. – URL: <https://www.pnas.org/doi/full/10.1073/pnas.2109237118> (дата обращения: 05.06.2024).

477. Tye, M. *Consciousness Revisited* / M. Tye. – Cambridge : MIT Press, 2009. – 229 p.
478. Tye, M. The truth about true blue / M. Tye // *Analysis*. – 2006. – Vol. 66. – No. 4. – P. 340–344.
479. Tylor, E. B. *Primitive Culture* : in 2 volumes ; vol. 1 / E. B. Tylor. – New York : Henry Holt, 1920. – 520 p.
480. Van Brakel, J. The plasticity of categories : The case of colour / J. Van Brakel // *The British Journal for the Philosophy of Science*. – 1993. – Vol. 44. – No. 1. – P. 103–135.
481. Wagner, K. Slow mapping : Color word learning as a gradual inductive process / K. Wagner, K. Dobkins, D. Barner // *Cognition*. – 2013. – Vol. 127. – No. 3. – P. 307–317.
482. Waller, R. W. A catalogue of simple and mixt colours with a specimen of each colour prefixt to its proper name / R. W. Waller // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. – 1686. – No. 26. – P. 24–32.
483. Watkins, M. Seeing red, the metaphysics of colours without the physics / M. Watkins // *Australasian Journal of Philosophy*. – 2005. – Vol. 83. – No. 1. – P. 33–52.
484. Webster, M. Color categories and color appearance / M. Webster, P. Kay // *Cognition*. – 2011. – No. 122. – P. 375–392.
485. Welbourne, L. E. Human colour perception changes between seasons / L. E. Welbourne, A. B. Morland, A. R. Wade // *Current Biology*. – 2015. – Vol. 25. – No. 15. – P. 646–647.
486. Westfall, R. S. The development of Newton's theory of color / R. S. Westfall // *Isis*. – 1962. – Vol. 53. – No. 3. – P. 339–358.
487. Whitfield, A. Individual differences in evaluation of architectural colour : categorization effects / A. Whitfield // *Perceptual and Motor Skills*. – 1884. – Vol. 59. – No. 1. – P. 183–186.
488. Wierzbicka, A. The meaning of color terms : Semantics, culture, and cognition / A. Wierzbicka // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – No. 1. – P. 99–150.

489. Wissler, C. *Man and Culture* / C. Wissler. – New York : Crowell, 1923. – 388 p.
490. Witzel, C. Categorical facilitation with equally discriminable colors / C. Witzel, K. R. Gegenfurtner. – Текст : электронный // *Journal of Vision*. – 2015. Vol. 15. – No. 8. – URL: <https://jov.arvojournals.org/article.aspx?articleid=2381517> (дата обращения: 27.05.2024).
491. Witzel, C. Is there a lateralized category effect for color? / C. Witzel, K. R. Gegenfurtner – Текст : электронный // *Journal of Vision*. – 2011. – Vol. 11. – No. 16. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22019716/> (дата обращения: 27.05.2024).
492. Wright, K. F. *Artifacts* / K. F. Wright // *A Cultural History of Color in the Age of Industry* / ed. by A. Loske. – London : Bloomsbury Publishing, 2022. – P. 209–226.
493. Yang, Y. Sex-and level-related differences in the Chinese color lexicon / Y. Yang // *Word*. – 1996. – Vol. 47. – No. 2. – P. 207–220.
494. Yendrikhovskij, S. N. Computing color categories from statistics of natural images / S. N. Yendrikhovskij // *Journal of Imaging Science and Technology*. – 2001. – Vol. 45. – No. 5. – P. 409–417.
495. Zaslavsky, N. et al. The evolution of color naming reflects pressure for efficiency : Evidence from the recent past / N. Zaslavsky et al. // *Journal of Language Evolution*. – 2022. – Vol. 7. – No. 2. – P. 184–199.
496. Zolberg, V. L. A cultural sociology of the arts / V. L. Zolberg // *Current Sociology*. – 2015. – Vol. 63. – No. 6. – P. 896–915.
497. Cardano, G. *Hieronimi Cardani medici mediolanensis de subtilitate libri XXI* / G. Cardano. – Nürnberg : Johannes Petri, 1550. – 492 p.
498. Descartes, R. *Compendium musicae* / R. Descartes. – Amstelodami : Apud Joannem Janssonium juniorem, 1650. – 46 p.
499. Durkheim, É. *Les règles de la méthode sociologique* / É. Durkheim // *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. – 1894. – Vol. 37. – P. 465–498.

500. Magnus, H. Die geschichtliche Entwicklung des Farbensinnes / H. Magnus. – Leipzig : Von Veit, 1877. – 56 s.

501. Michler, J. La cathédrale Notre-Dame de Chartres : reconstitution de la polychromie originale de l'intérieur / J. Michler // Bulletin Monumental. – 1989. – Vol. 147. – No. 2. – P. 117–131.

502. Rönnerstam, C. Nomenclatura et species colorum miniatae picturae : Researching seventeenth-century pigments in Sweden / C. Rönnerstam, L. Hälldahl // Studies in Conservation. – 2006. – Vol. 51. – No. 2. – P. 254–259.

503. Tarde, G. Les lois de l'imitation. Etude sociologique / G. Tarde. – Paris : Books on Demand, 2021. – 358 p.

Приложение 1

ЦВЕТОВЫЕ СХЕМЫ

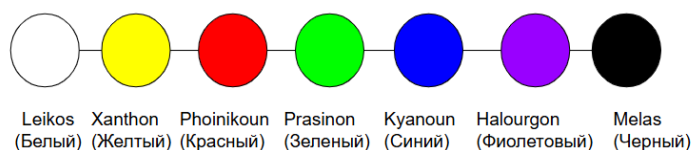

Рис. 1. Линейная цветовая система Аристотеля (ок. 330 г. до н.э.)¹

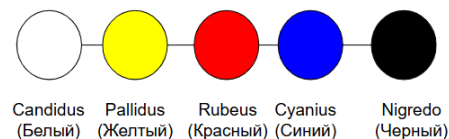

Рис. 2. Линейная цветовая система Халкидия (ок. 325 г.)²

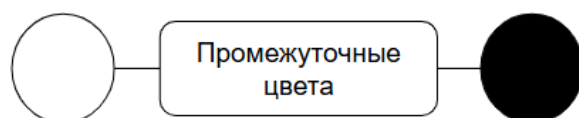

Рис. 3. Линейная цветовая система Боэция (ок. 523 г.)³

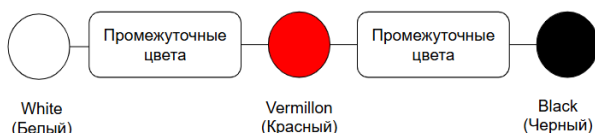

Рис. 5. Линейная цветовая система Теофила (ок. 1120 г.)⁵

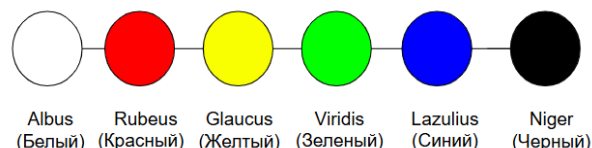

Рис. 7. Линейная цветовая система Дитриха Фрайбергского (ок. 1310 г.)⁷

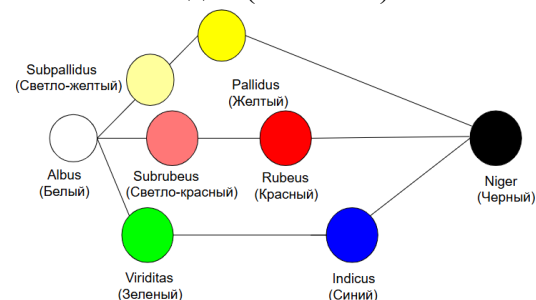

Рис. 4. Линейная цветовая система Авиценны (ок. 1015 г.)⁴

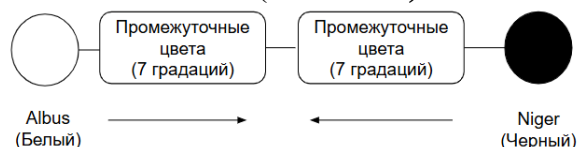

Рис. 6. Линейная цветовая система Роберта Гроссетеста (ок. 1230 г.)⁶

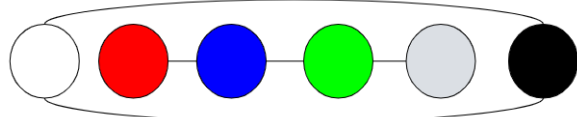

Рис. 8. Линейная цветовая система Л. Б. Альберти (ок. 1435 г.)⁸

¹ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: *Аристотель*. О чувственном восприятии // Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 117.

² Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: *Wrobel I. Platonis Timaeus interprete Chalcidio cum eiusdem commentario*. Whitefish: Kessinger Publishing, 2009. P. 357–358.

³ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: *Боэций*. Указ. соч. С. 19.

⁴ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: *Avicenna Latinus. Liber de anima seu sextus de naturalibus* / ed. by S. van Riet. Leiden: BRILL, 1968. P. 205–206.

⁵ Авторская реконструкция схемы на основе ее вербального описания из источника: *Theophilus. De diversis artibus, manuscript* // *The various Arts, De diversis artibus* / ed. and trans. by C. R. Dodwell. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 14–15.

⁶ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: *Grosseteste R., Dinkova-Bruun G.*, *Dinkova-Bruun G.* Op. cit. P. 17.

⁷ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: *Dietrich von Freiberg. Magistri Theodorici ordinis fratrum praedicatorum tractatus de coloribus* // *Corpus Philosophorum Teutonicorum Medii Aevi*, vol. 4 / ed. by M. R. Pagnoni-Sturlese, R. Rehn, L. Sturlese, W. A. Wallace. Hamburg: Meiner, 1985. P. 281.

⁸ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: *Альберти Л. Б.* Три книги о живописи // *Десять книг о зодчестве. Т.2* / под общ. ред. А. Г. Габричевского. М.: Всесоюз. Акад. Архитектуры, 1935. С. 31.

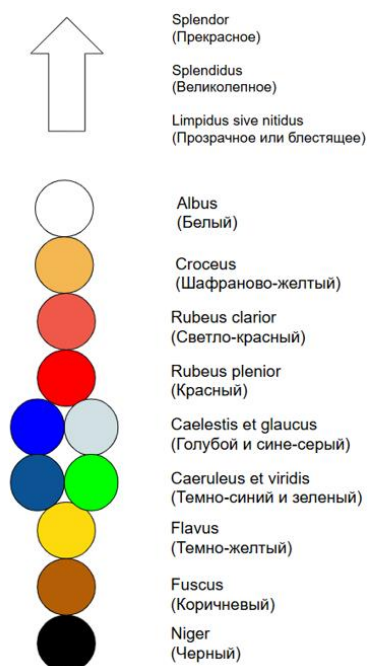

Рис. 9. Линейная цветовая система М. Фичино
(ок. 1480 г.)¹

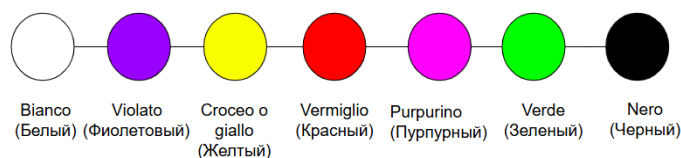

Рис. 11. Линейная цветовая система Л. Дольче
(1565 г.)³

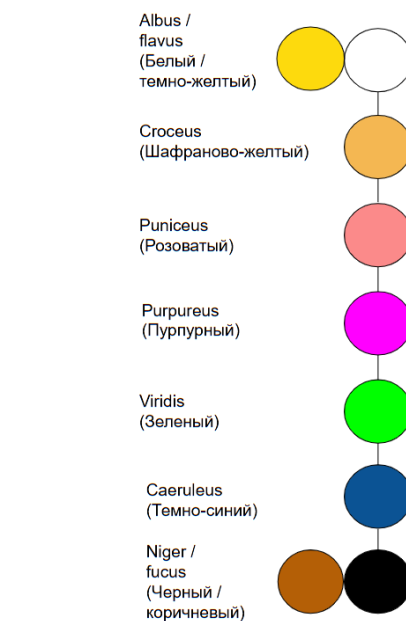
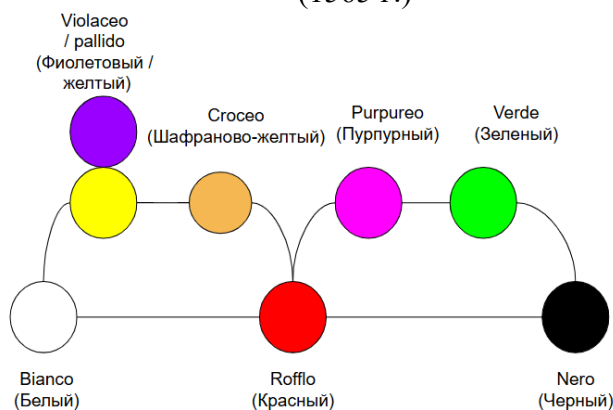

Рис. 10. Линейная цветовая система
Дж. Кардано (1550 г.)²

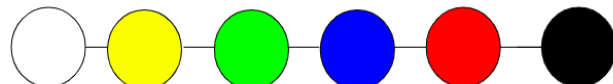

Рис. 12. Линейная цветовая система Леонардо да Винчи (ок. 1550 г.)⁴

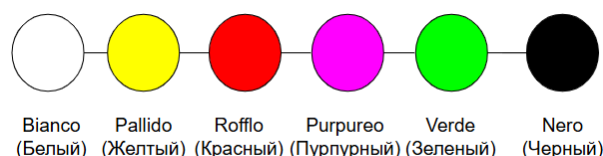

Рис. 13. Линейная цветовая система по примеру Аристотеля (справа) и цветовой порядок с дополнительным делением на «холодные» и «теплые» цвета (слева) Дж. П. Ломаццо (1584 г.)⁵

¹ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: Barasch M. Op. cit. P. 177–178.

² Cardano G. Op. cit. P. 362–363.

³ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: Dolce L. Dialogo di M Lodovico Dolce, nel quale si ragiona delle qualità, diversità, e proprietà de i colori. Venezia: Gio. Battista Marchiò Sessa, et Fratelli, 1565. P. 14.

⁴ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: Леонардо да Винчи. Указ. соч. С. 141.

⁵ Реконструкция схемы на основе вербального описания в источнике: Dolce L. Dialogo nel quale si ragiona della qualita, diversita, e proprieta dei colori. Milano: Paolo Gottardo Pontio, 1565. P. 242.

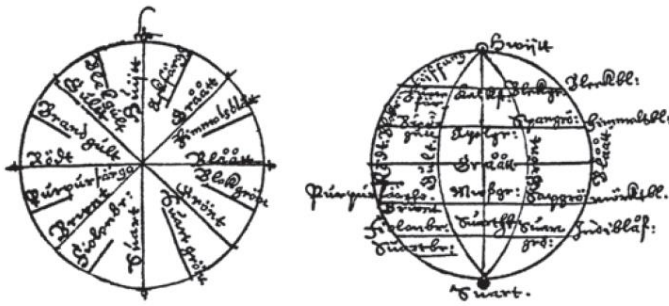

Рис. 14. Цветовой круг З. Форсиуса (1611 г.) и реконструкция основных цветов (отмечены в круге пересекающимися хордами)¹

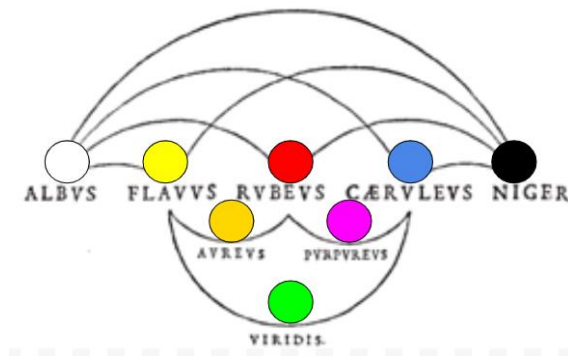

Рис. 15. Линейная цветовая система Ф. Д'Агилона (1613 г.)²

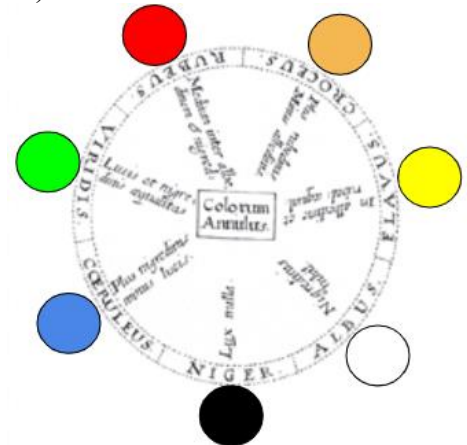

Рис. 16. Цветовой круг Р. Фладда (1629 г.)³

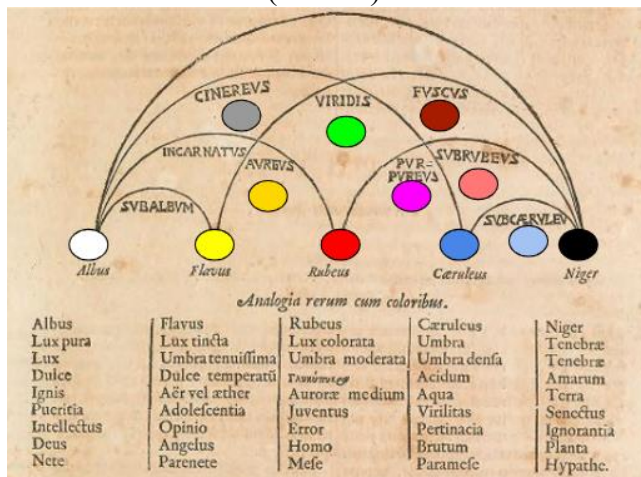

Рис. 17. Цветовая схема А. Кирхера (1646 г.)⁴

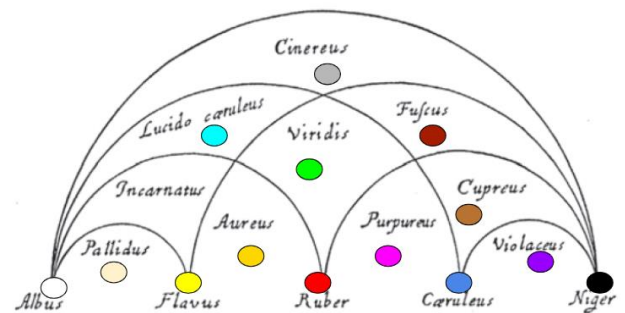

Рис. 18. Модифицированная цветовая схема А. Кирхера, созданная З. Трабером (1675 г.)⁵

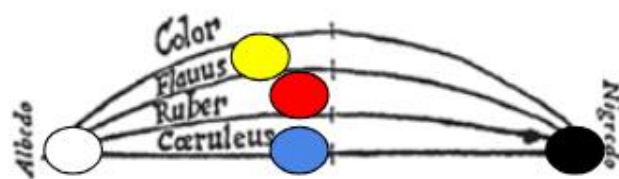
¹ Реконструкция основных цветов (справа) на основе вербального описания в источнике: Forsius S. A. *Physica*, manuscript. Stockholm: Royal Library, 1611. P. 419–420.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: D'Aguilon F. *Opticorum libri sex: philosophiis juxta ac mathematicis utiles*. Antwerp: Plantin, 1613. P. 40.

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Fludd R. *Medicina catholica*. Vol. 1. Frankfurt: Rötelli, 1629. P. 154.

⁴ Kircher A. *Athanasii Kircheri Fuldensis Ars magna lucis et umbrae in decem libros digesta*. Rome: Scheus and Grignani, 1646. P. 49; Incarnatus – воплощенный.

⁵ Traber Z. *Nervus opticus*. Vienna: Cosmerovius, 1690. P. 17.

Scala Rubedinis.

Gradus eius.	Grana ceruffæ.	Grana Cinna- baris.	Utriusque proportio minima.
11 ^{us} .	Satura Rubedo.		
10 ^{us} .	gr. 40.	gr. X.	C. 4. Ci. gr. I.
9 ^{us} .	gr. 60.	gr. IX.	C. 6. Ci. gr. I.
8 ^{us} .	gr. 80.	gr. VIII.	C. 10. Ci. gr. I.
7 ^{us} .	gr. 100.	gr. VII.	C. 14. Ci. gr. I.
6 ^{us} .	gr. 120.	gr. VI.	C. 20. Ci. gr. I.
5 ^{us} .	gr. 140.	gr. V.	C. 28. Ci. gr. I.
4 ^{us} .	gr. 160.	gr. IV.	C. 4. Ci. gr. I.
3 ^{us} .	gr. 180.	gr. III.	C. 6. Ci. gr. I.
2 ^{us} .	gr. 200.	gr. II.	C. 10. Ci. gr. I.
1 ^{us} .	gr. 220.	gr. I.	C. 22. Ci. gr. I.
Simplex albedo, basis scalæ.			

Рис. 19. Цветовая схема и цветовые шкалы в виде таблиц Ф. Глиссона (1677 г.)¹

Рис. 20. Таблица смешения цветов Р. Уоллера (1686 г.)²

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Kuehni R. G., Stanziola R. Francis Glisson's color specification system of 1677 // Color Research and Application. 2002. No. 27. P. 15–19.

² Waller R. W. A catalogue of simple and mixt colours with a specimen of each colour prefix to its proper name // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1686. No. 26. P. 29–30.

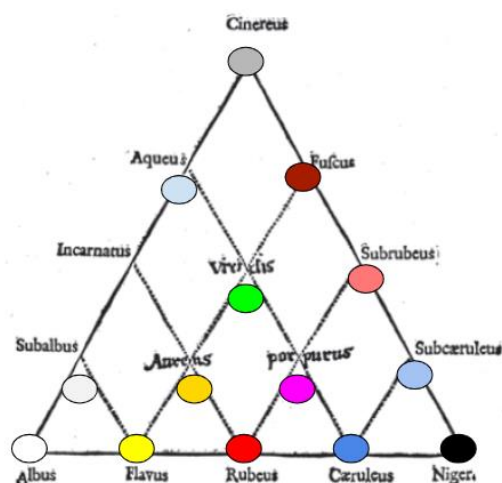
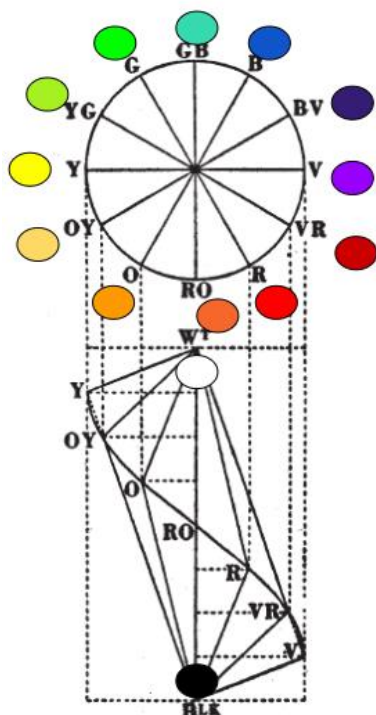
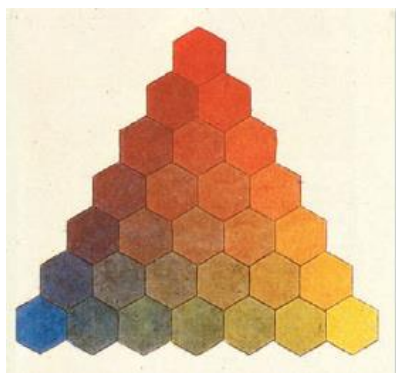
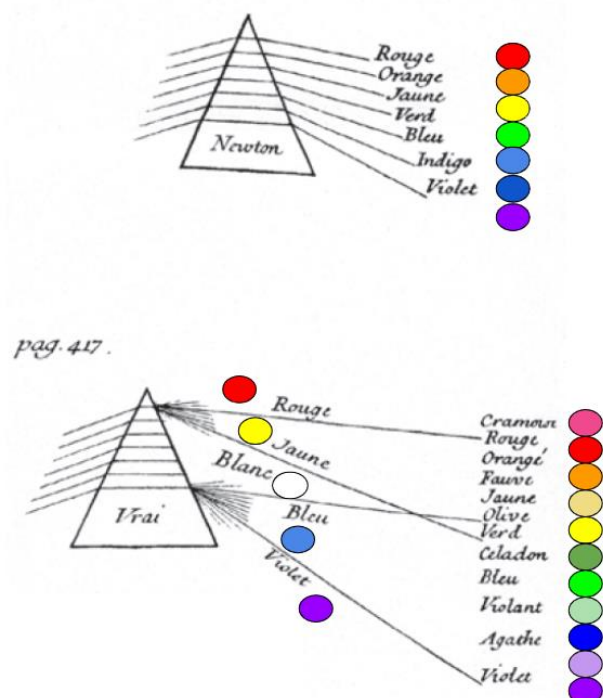
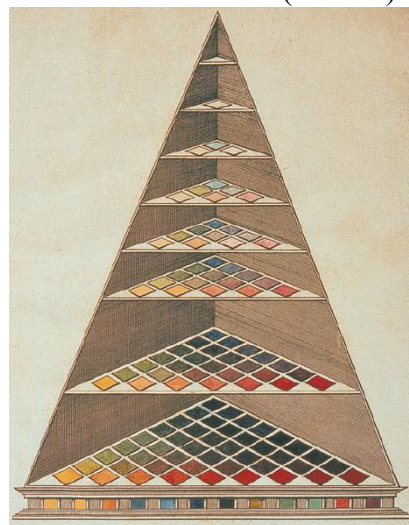

Рис. 21. Треугольная цветовая схема и таблица светлоты И. Цана (1685 г.)¹

Technisches Farben-System.						25
Reihenfolge der Farben.		Lichtwerth (Weiss = 49)	Veränderung durch beigemischartes Neutralschwarz.	Theoretischer Inhalt an		
No.				Roth	Gelb	Blau
WARMER FARBEN	1 Roth-Violett	17	Grau-Violett No. 1	5	0	3
	2 Violettes Roth	20	do. „ 2	5	0	2
	3 Violettfarbenes Roth . .	23	do. „ 3	5	0	1
	4 Roth	26	Braun-Roth.	5	0	0
	5 Orangefarbenes Roth . .	27	do. „ 5	5	1	0
	6 Orange-Roth	28	do. „ 6	5	2	0
	7 Roth-Orange	29	do. „ 7	5	3	0
	8 Röthlich Orange	30	do. „ 8	5	4	0
	9 Orange	31	Braun.	5	5	0
	10 Gelblich Orange	32	do. „ 10	4	5	0
	11 Gelb-Orange	33	do. „ 11	3	5	0
	12 Orange-Gelb	34	do. „ 12	2	5	0
	13 Orangefarbenes Gelb . .	35	do. „ 13	1	5	0
	14 Gelb	36	Grau-Gelb.	0	5	0
	15 Grünlich Gelb	37	Oliv-Grün „ 15	0	5	1
KALTE FARBEN	16 Grün-Gelb	31	Oliv-Grün No. 16	0	5	2
	17 Gelb-Grün	28	do. „ 17	0	5	3
	18 Gelblich Grün	25	Grau-Grün „ 18	0	5	4
	19 Grün	22	Grau-Grün.	0	5	5
	20 Bläulich Grün	21	do. „ 20	0	4	5
	21 Blau-Grün	20	do. „ 21	0	3	5
	22 Grün-Blau	19	Grau-Blau „ 22	0	2	5
	23 Grünlich Blau	18	do. „ 23	0	1	5
	24 Blau	17	Grau-Blau.	0	0	5
	25 Violettfarbenes Blau . .	16	do. „ 25	1	0	5
	26 Violett-Blau	15	do. „ 26	2	0	5
	27 Blau-Violett	14	Grau-Violett „ 27	3	0	5
	28 Bläulich Violett	13	do. „ 28	4	0	5
	29 Violett	12	Grau-Violett.	5	0	5
	30 Röthlich Violett	11	do. „ 30	5	0	4

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Zahn J. Oculus artificialis teledioptricus sive telescopium. Würzburg: S.Q. Heyl, 1685. P. 111.

Рис. 22. Цветовые таблицы Г. Гофманна (1892 г.)¹Рис. 23. Цветовое тело «Пространство цветовых тонов» А. Поупа (1922 г.)²Рис. 25. Цветовой треугольник Т. Майера (1758 г.)⁴Рис. 24. Схема цветов для окулярного клавиша Л.-Б. Кастеля (1740 г.)³Рис. 26. Цветовая пирамида И. Г. Ламберта (1772 г.)⁵

¹ Hoffmann H. Systematische Farbenlehre: Für die Technik: insbesondere für den Gebrauch in Buchdruckereien. Zwickau: Förster & Borties, 1892. S. 25.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Pope A. Tone relations in painting. Cambridge: Harvard university press, 1922. P. 14.

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Castel L.-B. L'optique des couleurs. Paris: Briasson, 1740. P. 417.

⁴ Mayer T. De affinitate colorum commentatio // Opera inedita Tobiae Mayeri: the first translation of the Lichtenberg edition of 1775 / ed. by G. C. Lichtenberg, E. G. Forbes. New York: Macmillan, 1971. P. 22–151; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 73.

⁵ Lambert J. H. Beschreibung einer mit dem Calauischen Wachse ausgemalten Farbpyramide wo die Mischung jeder Farbe aus Weiss und drey Grundfarben angeordnet, dargelegt und derselben Berechnung und vielfacher Gebrauch gewiesen wird, Berlin: Haude und Spener, 1772. 126 S; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 75.

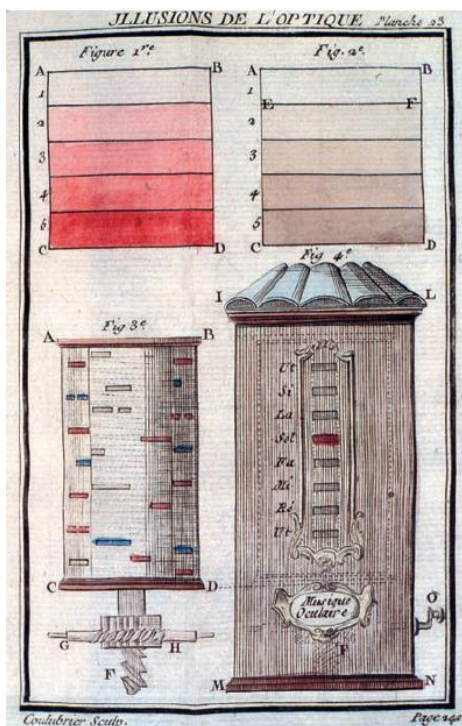

Рис. 27. Цветовой цилиндр Э.-Ж. Гийо (1770 г.)¹

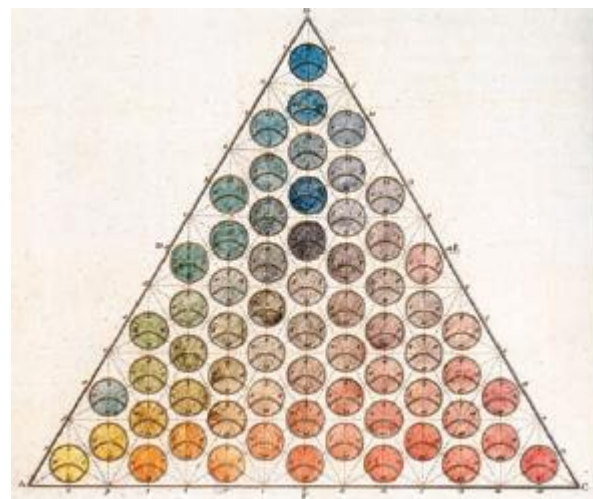

Рис. 28. Модифицированный цветовой треугольник Т. Майера, созданный А. Л. Пфаннenschмидом (1781 г.)²

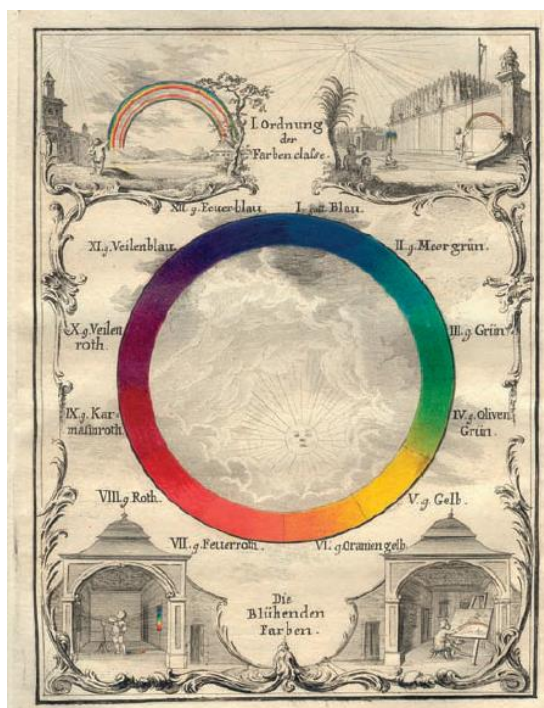
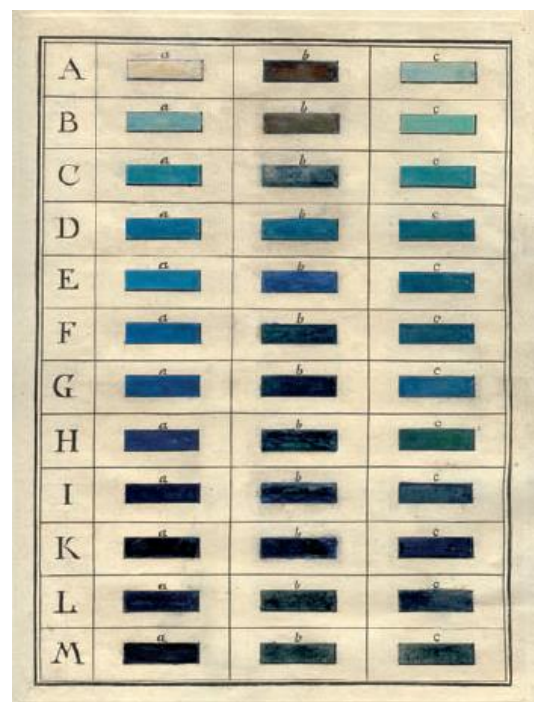

Рис. 29. Цветовой круг и таблицы светлоты И. Шиффермюллера (1772)³

¹ Guyot E.-G. Nouvelles récréations physiques et mathématiques. Paris: Gueffier, 1770. 528 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 288.

² Pfannenschmidt, A. L., Schulz E. R. Versuch einer Anleitung zum Mischen aller Farben aus blau, gelb und roth, nach beiliegendem Triangel, Hannover: E. R. Schulz, 1781. P. 165.

³ Schiffermüller I. Versuch eines Farbensystems. Vienna: A. Bernardi, 1772. P. 14, 40.

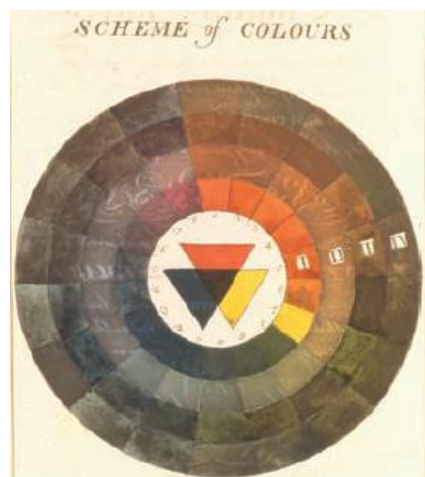
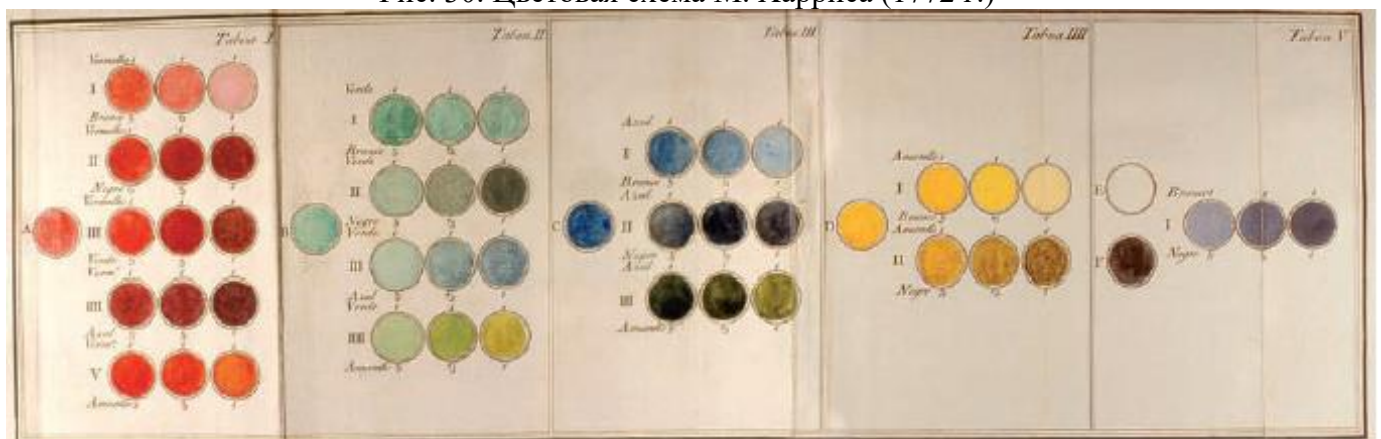

Рис. 30. Цветовая схема М. Харриса (1772 г.)¹

*SCHEMA DAS CORES GENERICAS
COM AS SUAS RESPECTIVAS ESPECIES.*

<i>Cores genericas.</i>	<i>Cores especificas.</i>	<i>Cores genericas.</i>	<i>Cores especificas.</i>
<i>Vermelho.</i>	<i>Verm-claro.</i> <i>Verm-escuro.</i> <i>Verm-Verde.</i> <i>Verm-azul.</i> <i>Verm-amar.</i>	<i>Amarillo.</i>	<i>Amar-claro.</i> <i>Amar-escuro.</i> <i>Amar-Verm.</i> <i>Amar-Verde.</i> <i>Amar-azul.</i>
<i>Verde.</i>	<i>Varde-claro.</i> <i>Verde-escuro.</i> <i>Verde-Verm.</i> <i>Verde-azul.</i> <i>Verde-amar.</i>	<i>Branco.</i>	<i>Branc-escur.</i> <i>Branc-Verm.</i> <i>Branc-Verd.</i> <i>Branc-azul.</i> <i>Branc-amar.</i>
<i>Azul.</i>	<i>Azul-claro.</i> <i>Azul-escuro.</i> <i>Azul-Verm.</i> <i>Azul-Verde.</i> <i>Azul-amar.</i>	<i>Negro.</i>	<i>Negro-claro.</i> <i>Negro-Verm.</i> <i>Negro-Verde.</i> <i>Negro-azul.</i> <i>Negro-amar.</i>

Рис. 31. Цветовые шкалы и таблица Д. Де Карвальо э Сампайо (1788)²

¹ Harris M. Exposition of English insects, with curious remarks. London: 1776, Robson and Co. P. 8.

² D. de Carvalho e Sampayo. Dissertação sobre as cores primitivas. Lisboa: Na Regia officina typografica, 1788. P. 102, 166.

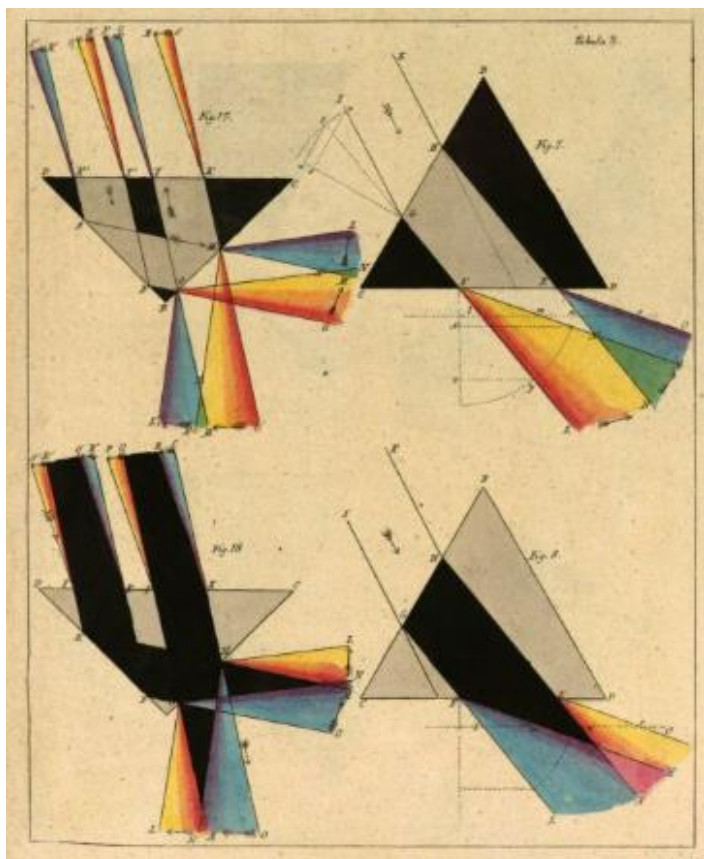

Рис. 32. Схема разложения света на отдельные лучи при помощи стеклянной призмы И. Ф. К. Вернебурга (1817 г.)¹

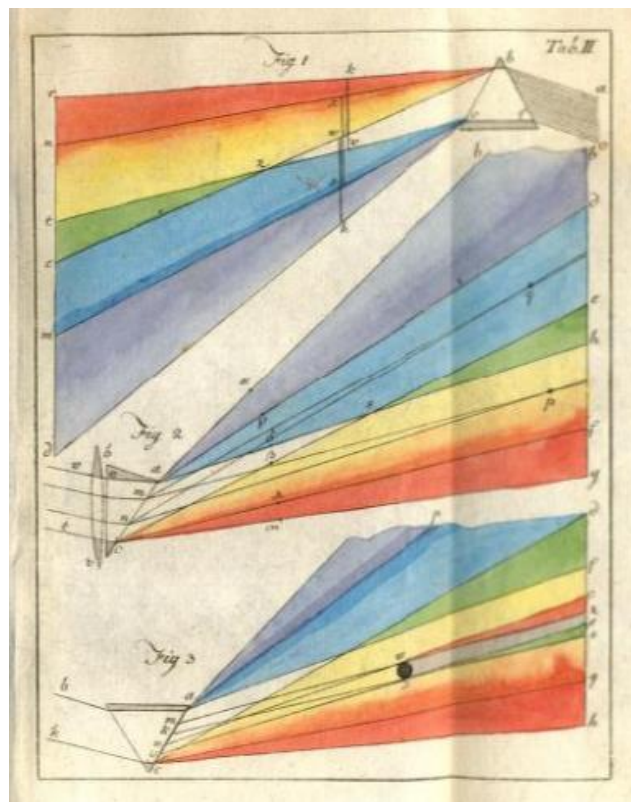

Рис. 33. Схема разложения света на отдельные лучи при помощи стеклянной призмы К. Э. Вунша (1792 г.)²

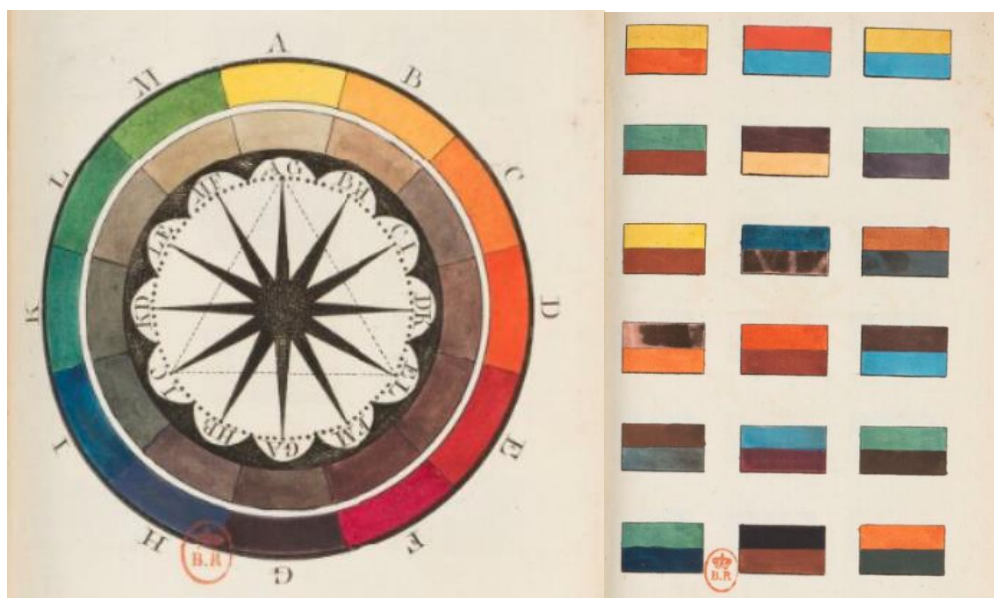

Рис. 34. Круговая цветовая схема и таблицы Ф. Г. Баумгертнера, Э. Мюллера (1803 г.)³

¹ *Werneburg J. F. C. Merkwürdige Phänomene an und durch verschiedene Prismen: Zur richtigen Würdigung der Newtonschen und Göthe'schen Farbenlehre.* Nürnberg: Schrag, 1817. S. 47.

² *Wünsch C. E. Versuche und Beobachtungen über die Farben des Lichtes.* Leipzig: JGI Breitkopf & Company, 1792. S. 116.

³ *Baumgärtner F. G., Müller E. Esthetique de la toilette ou du beau dans la toilette,* Leipzig: Au comptoir d'industrie, 1803. P. 161, 163.

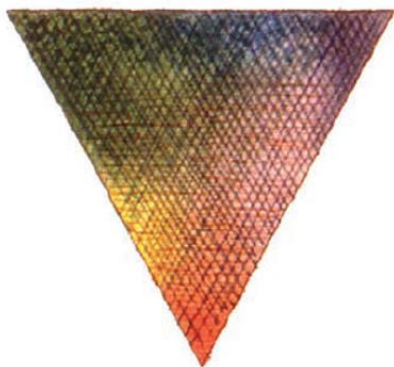

Рис. 35. Цветовой треугольник Т. Юнга (1807 г.)¹

Рис. 36. Цветовой круг Ш. Анри (1888 г.)²

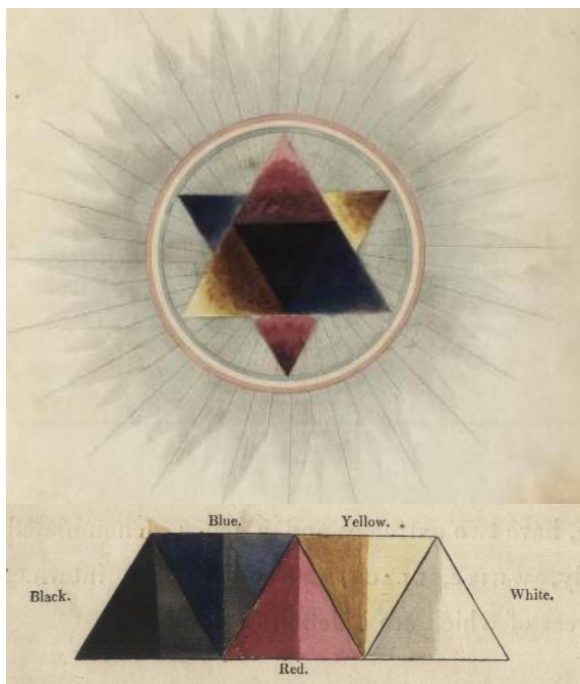

Рис. 37. Круговая цветовая схема Дж. Филда (1817 г.)³

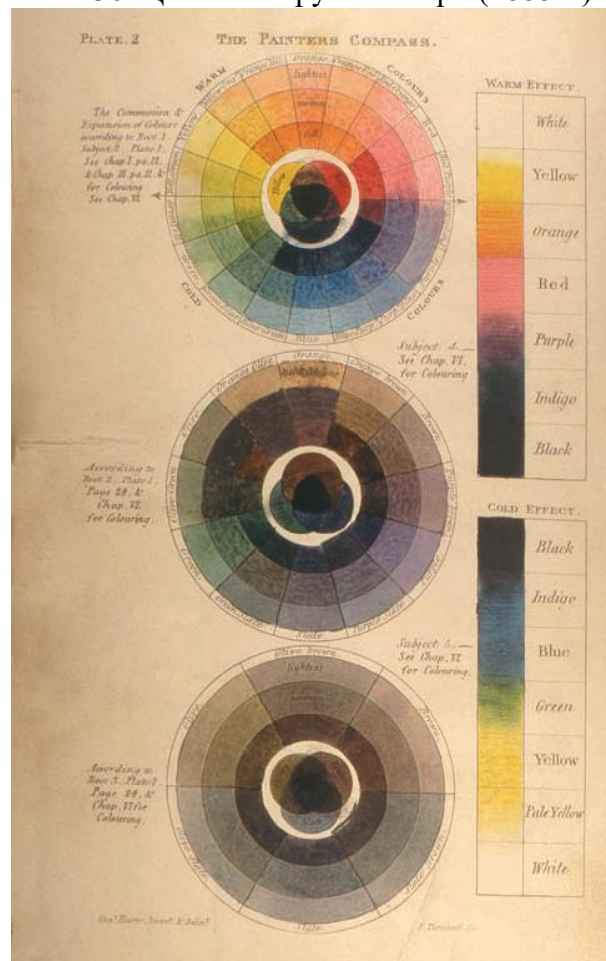

Рис. 38. Цветовая схема Ч. Хейтера (1826 г.)⁴

¹ Young T. A. course of lectures on natural philosophy and the mechanical arts. London: Forgotten books, 2020. 639 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 129.

² Henry C. Cercle chromatique présentant tout les compléments et toutes les harmonies de couleurs, avec une introduction sur la théorie générale du contraste, du rythme et de la mesure. Paris: Ch. Verdin, 1888. 174 p; Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 87.

³ Field G. Chromatics; Or, and Essay on the Analogy and Harmony of Colours. London: A. J. Valpy, 1817. P. 4, 16.

⁴ Hayter C. A new practical treatise on the three primitive colours. London: Booth, 1826. P. 28.

Рис. 39. Круговая цветовая схема Ж. Ф. Л. Мериме (1830 г.)¹

Рис. 40. Цветовой круг М. Джейкобса (1923 г.)²

Рис. 41. Таблица смешения цветов (акварельные краски) и цветовая схема Дж. Барнарда (1855 г.)³

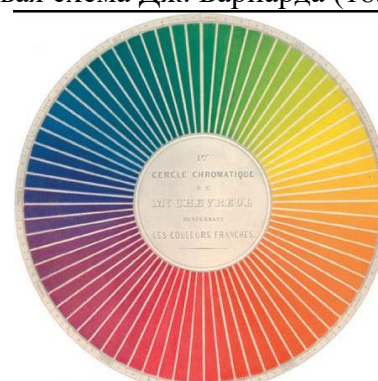
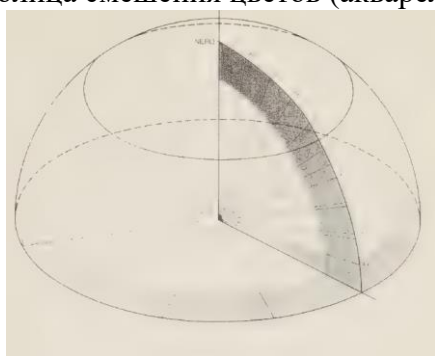

Рис. 42. Цветовая полусфера М. Шевреля (1860 г.)⁴

¹ *Mérimée J. F. L. De La Peinture a L'Huile. Paris: Mme Huzard, 1830. P. 224.*

² *Jacobs M. The art of colour. Garden City, New York: Doubleday, Page & Company, 1923. P. 10.*

³ *Barnard G. The Theory and Practice of Landscape Painting in Water-colours: Illustrated by a Series of Twenty-six Drawings and Diagrams in Colours, and Numerous Woodcuts. London: G. Routledge, 1871. P. 38, 186, 364.*

⁴ *Chevreul M. The principles of harmony and contrast of colours. Norderstedt: Books on Demand, 2023. 516 p; цит. по: Silvestrini N., Fischer E. P., Baumann U., Stromer K. Op. cit. P. 75; Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 85.*

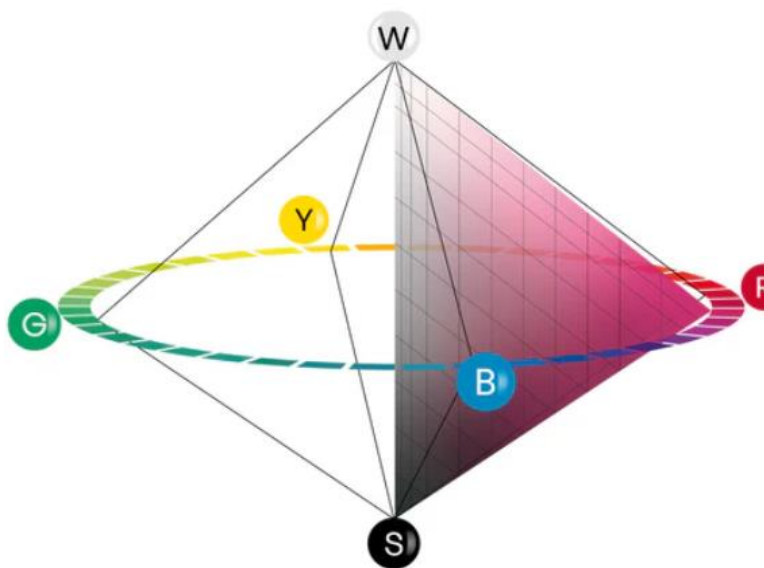

Рис. 43. Цветовое пространство NCS (1978 г.)¹

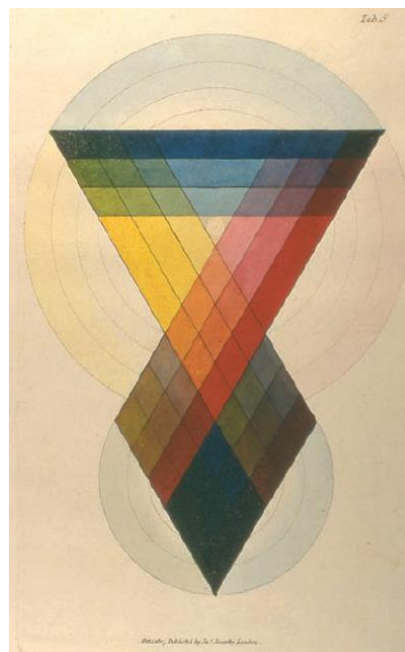

Рис. 44. Цветовая схема Дж. Соуэрби (1809 г.)²

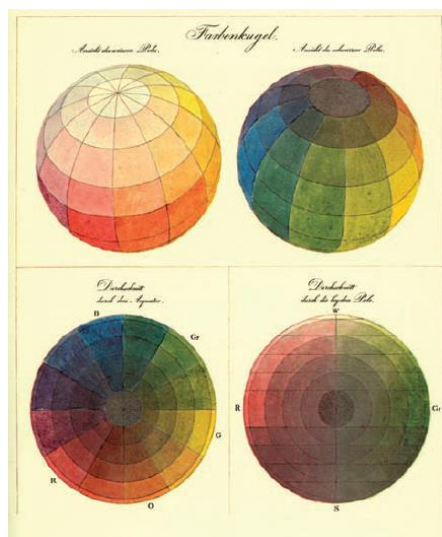

Рис. 45. Цветовая сфера Ф. О. Рунге (1810 г.)³

Рис. 46. Цветовая схема в виде цветка и цветные таблицы Ш. Лакутюра (1890 г.)⁴

¹ NCS Colour Space [Электронный ресурс] URL: <https://ncscolour.com/pages/the-system>

² Sowerby J. A new elucidation of colours, original prismatic and material; showing their concordance in the three primitives, yellow, red and blue: and the means of producing, measuring and mixing them: with some observations on the accuracy of Sir Isaac Newton. London: Taylor, 1809. P. 68.

³ Runge P. O. Farben-Kugel, oder Construction des Verhältnisses aller Mischungen der Farben zu einander, und ihrer vollständigen Affinität, mit angehängtem Versuch einer Ableitung der Harmonie in den Zusammenstellungen der Farben. Hamburg: F. Perthes, 1810. P. 24.

⁴ Lacouture C. Répertoire chromatique, solution raisonnée et pratique des problèmes les plus usual dans l'étude et l'emploi des couleurs. Paris: Gauthier-Villars et fils, 1890. P. 6.

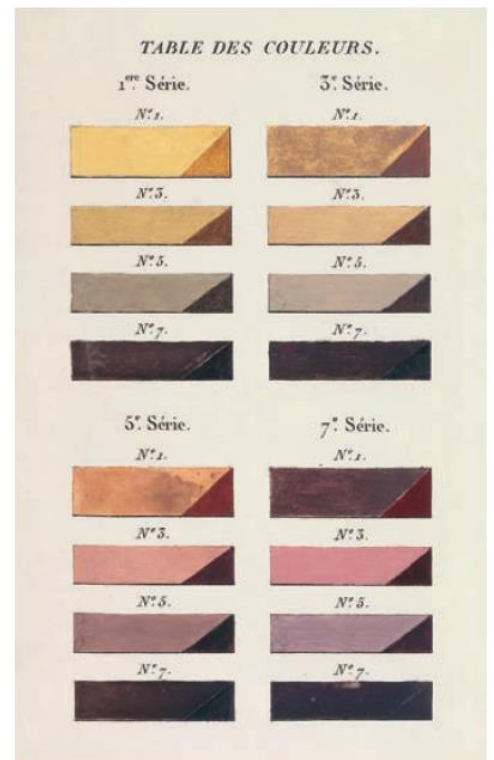
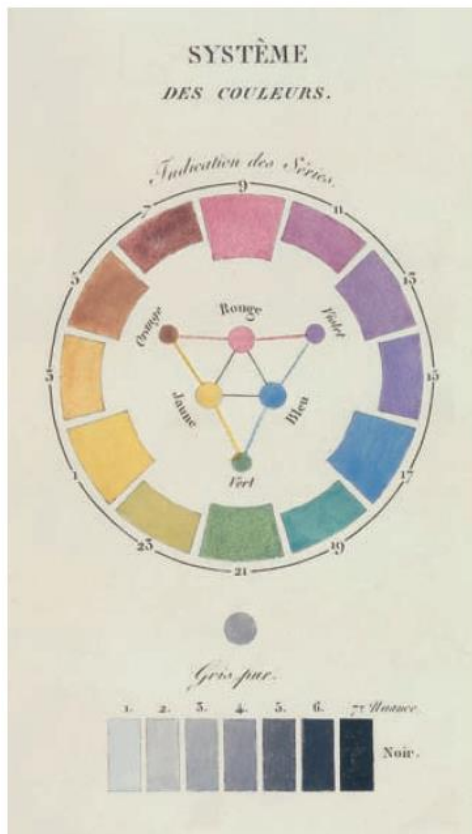

Рис. 47. Цветовой круг и таблицы Г. Грегуара (ок. 1810 г.)¹

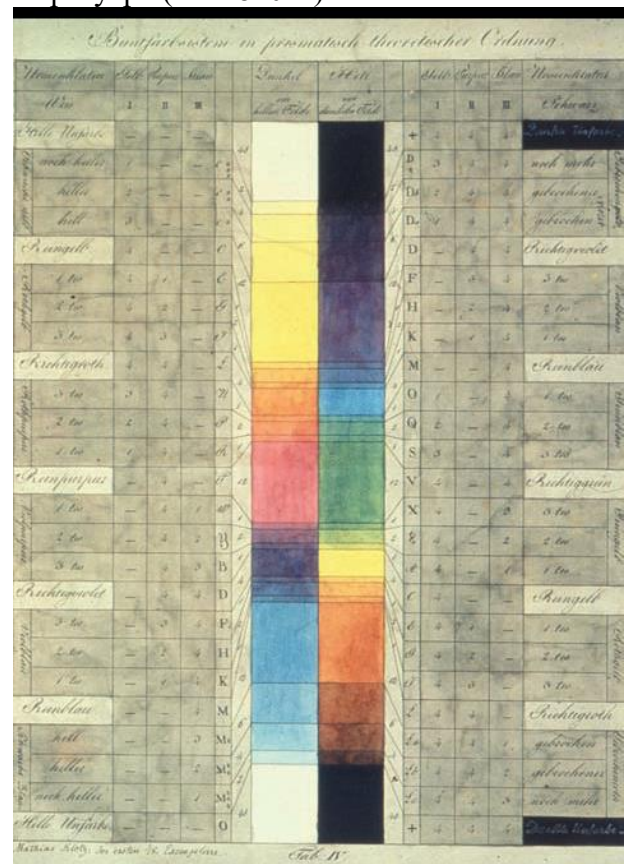
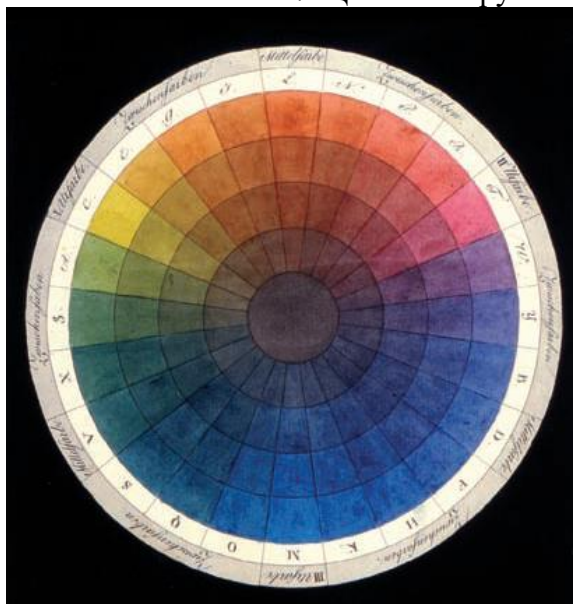

Рис. 48. Цветовая схема и таблица М. Клоца (1816 г.)²

¹ Цит. по: Kuehni R. G. Forgotten pioneers of color order. Part I: Gaspard Grégoire (1751–1846) // Color Research and Application. 2008. Vol. 33. No. 1. P. 7.

² Klotz M. Gründliche Farbenlehre, München: Lindauer, 1816. P. 46, 50.

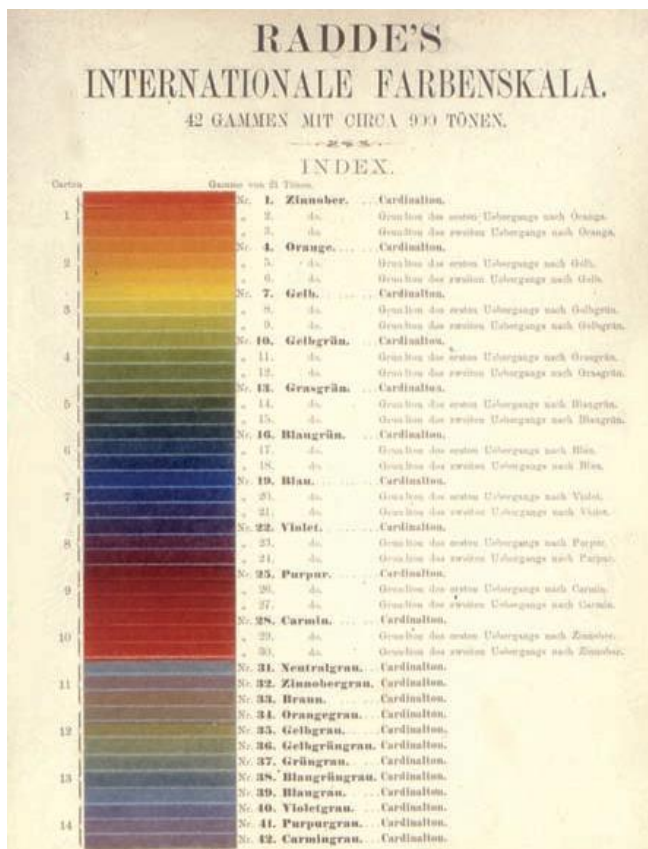

Рис. 49. Линейная цветовая система О. Радде (1878 г.).¹

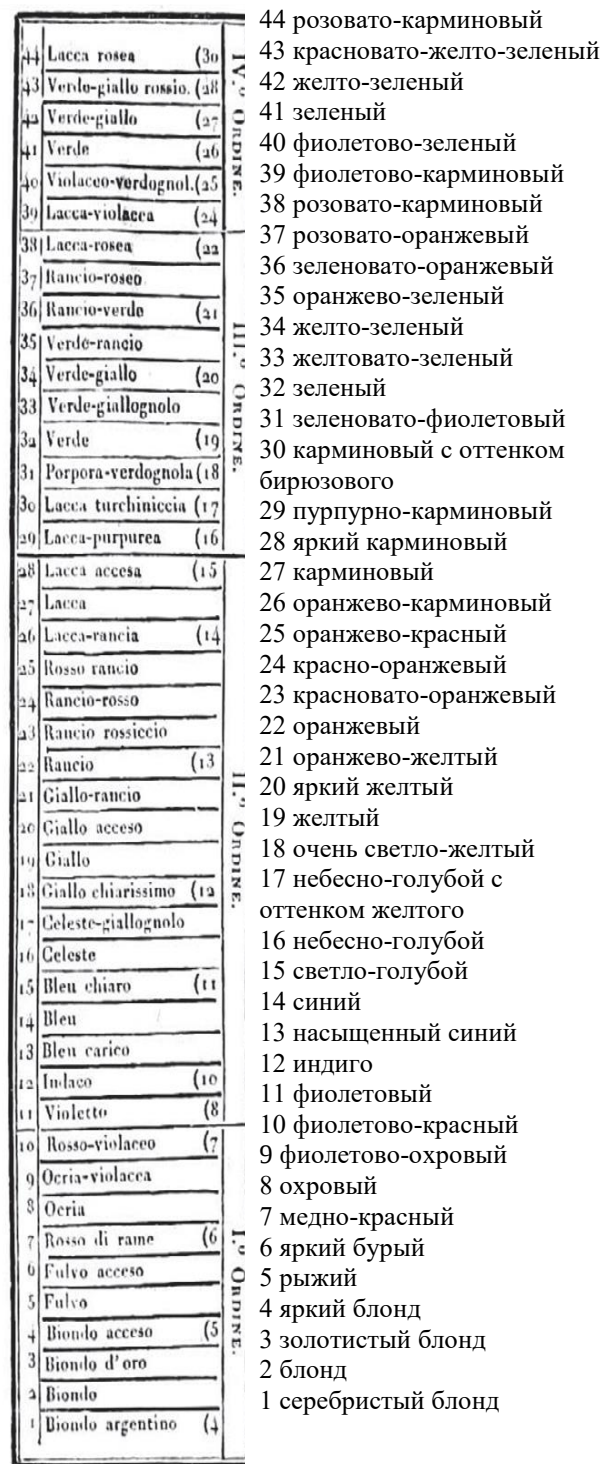

Рис. 50. Цветовая шкала Л. Нобили (1830 г.).²

¹ Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 86.

² Ibid. P. 50.

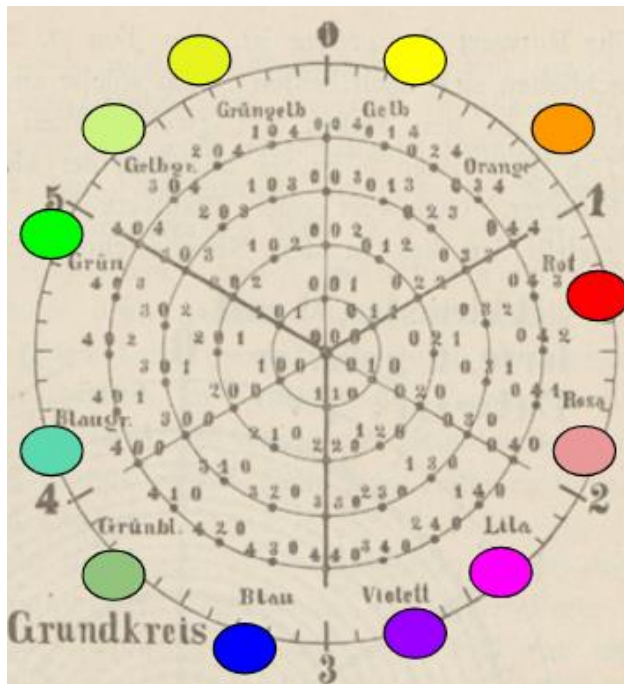

Рис. 51. Схема цветового круга Э. Детлефсена (1905 г.)¹

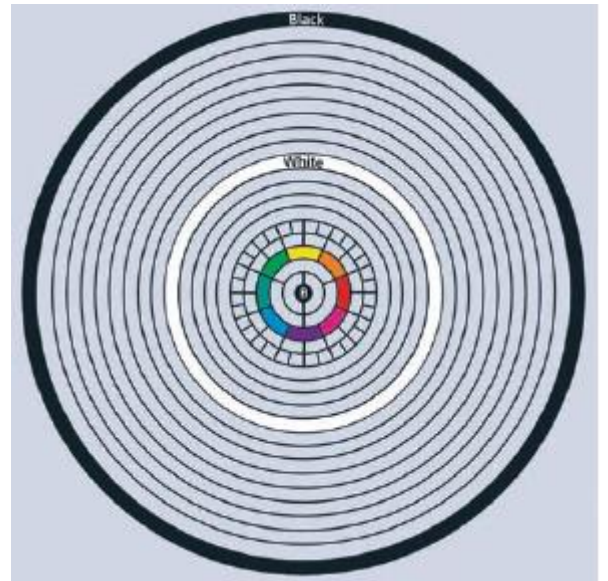

Рис. 52. Цветовая схема И. К. Фриша (1788 г.)²

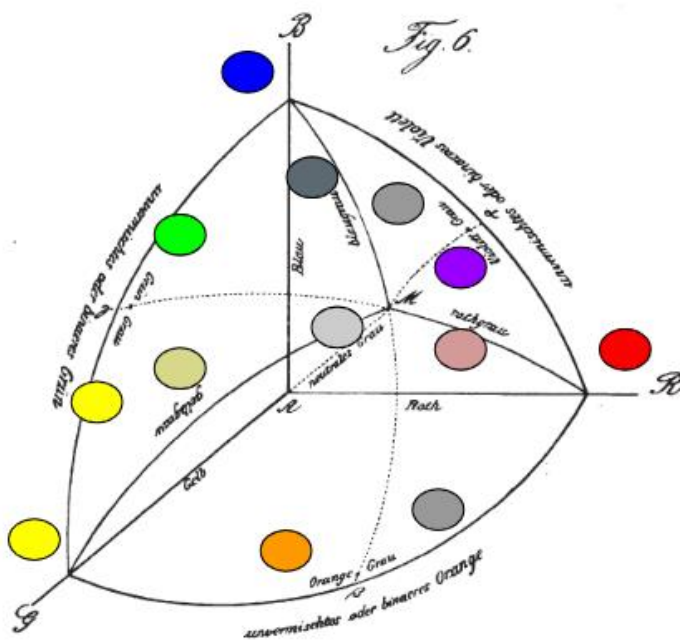

Рис. 53. Цветовое тело К. Доплера (1847 г.)³

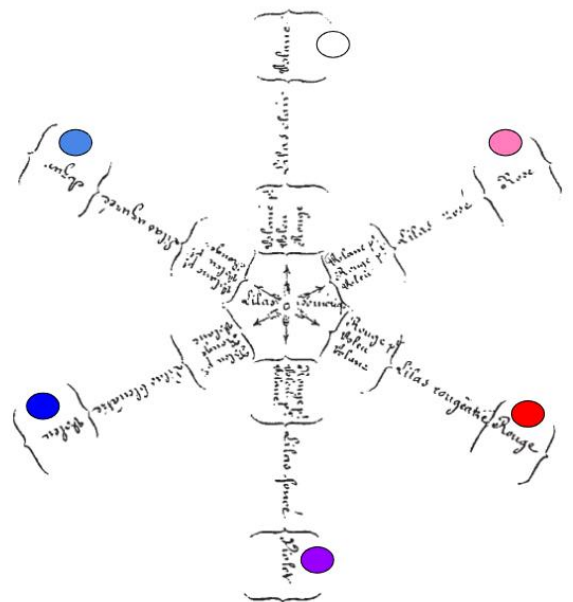

Рис. 54. Цветовая схема Ж.-К.-М. Соля (1849 г.)⁴

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Detlefsen E. Blütenfarben*. Wismar: Eberhardt'schen Hof- und Ratsbuchdruckerei, 1905. 33 S.

² Цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 63.*

³ Цит. по: *Eden A. The Search for Christian Doppler*. Vienna: Springer Vienna, 1992. 152 p; реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 231.*

⁴ *Sol J.-C.-M. La palette théorique ou classification des couleurs*. Paris: Hachette Livre BNF, 2017. 68 p; реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 291.*

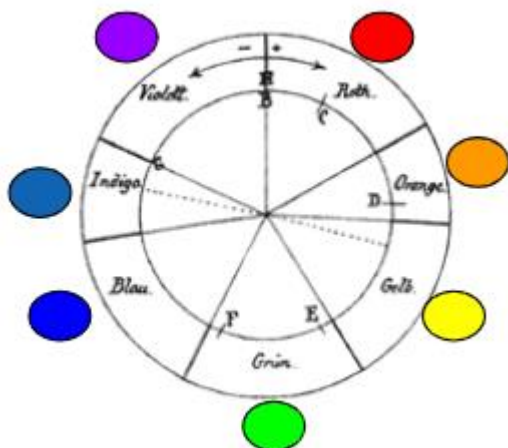

Рис. 55. Цветовая схема Г. Г. Грассмана (1853 г.)¹

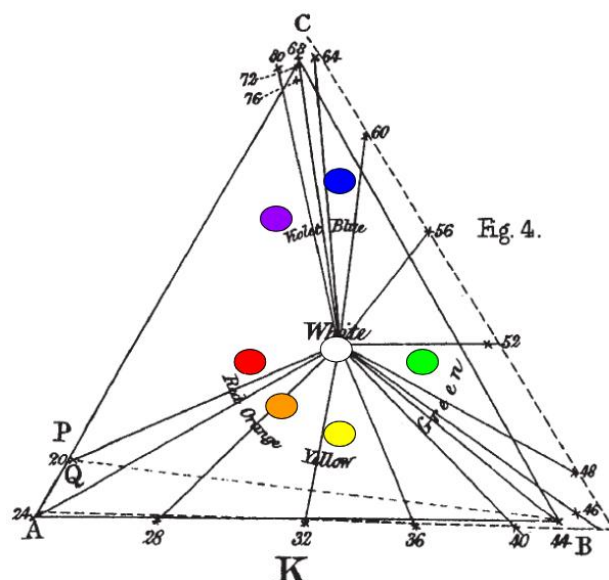

Рис. 56. Схема цветового треугольника Дж. К. Максвелла (1860 г.)²

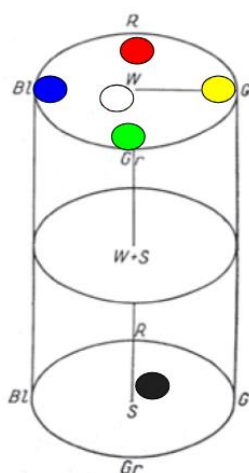

Рис. 57. Схема цветовой модели в виде цилиндра Ф. Хиллебранда (1889 г.)³

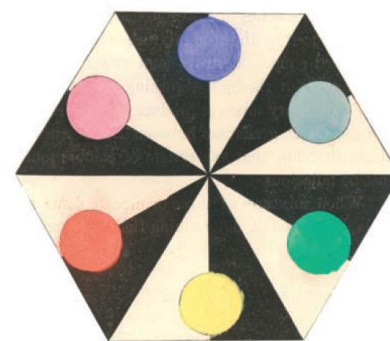

Рис. 58. Схема основных цветов У. Бенсона (1868 г.)⁴

¹ Grassmann H. Zur theorie der farbenmischung // Annalen der Physik. 1853. Vol. 165, No. 5. P. 69–84; реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 134.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Maxwell J. C. On the theory of compound colours, and the relations of the colours of the spectrum // Proceedings of the Royal Society. 1860. Vol. 10. P. 85.

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Hillebrand F. Über die spezifische Helligkeit der Farben (mit Vorbemerkungen von E. Hering) // Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien Mathematisch-Naturwissenschaftliche Klasse. 1889. Bd. 98. S. 70–122.

⁴ Benson W. Principles of the Science of Colour: Concisely Stated to Aid and Promote Their Useful Application in the Decorative Arts. London: Chapman and Hall, 1868. P. 10.

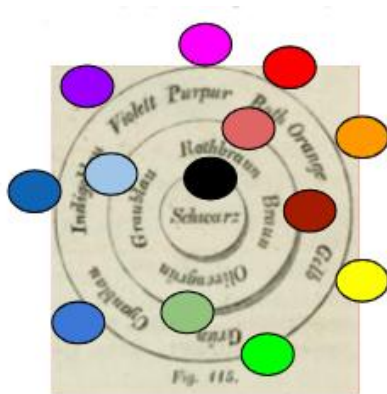

Рис. 59. Схема цветового конуса Г. Гельмгольца (1866 г.)¹

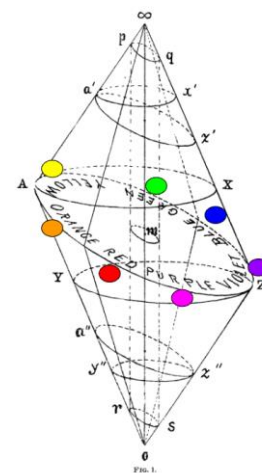

Рис. 60. Схема цветового тела виде наклонного двойного конуса О. Киршманна (1895 г.)²

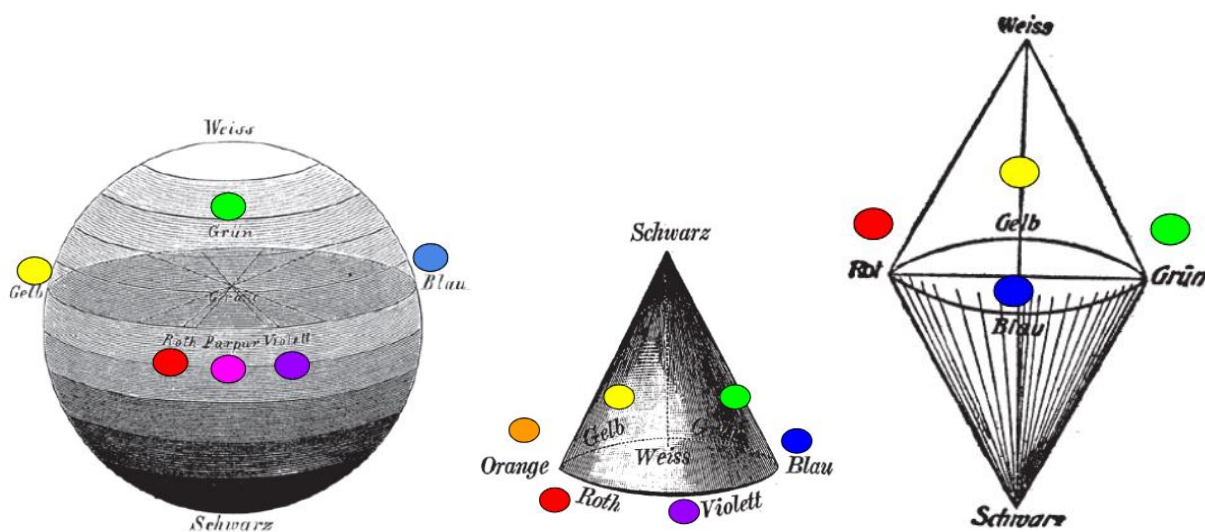

Рис. 61. Цветовые сфера (1874 г.)³, конус (1892 г.) и двойной конус (1896 г.)⁴ В. Вундта

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Helmholtz H. Handbuch der physiologischen Optik. Leipzig: L. Voss, 1867. P. 283.*

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Kirschmann A. Color-saturation and its quantitative relations // The American Journal of Psychology. 1896. Vol. 7, No. 3. P. 394.*

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Wundt W. Grundzuge der physiologischen Psychologie. Leipzig: W. Engelmann, 1874. S. 394.*

⁴ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 235.*

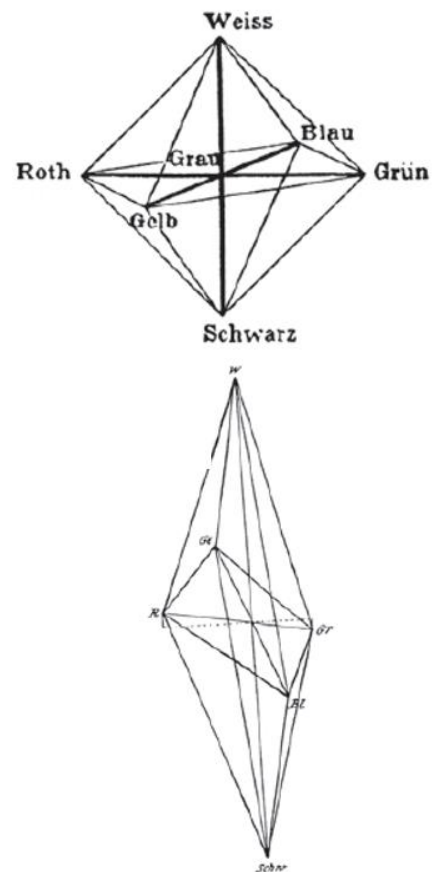
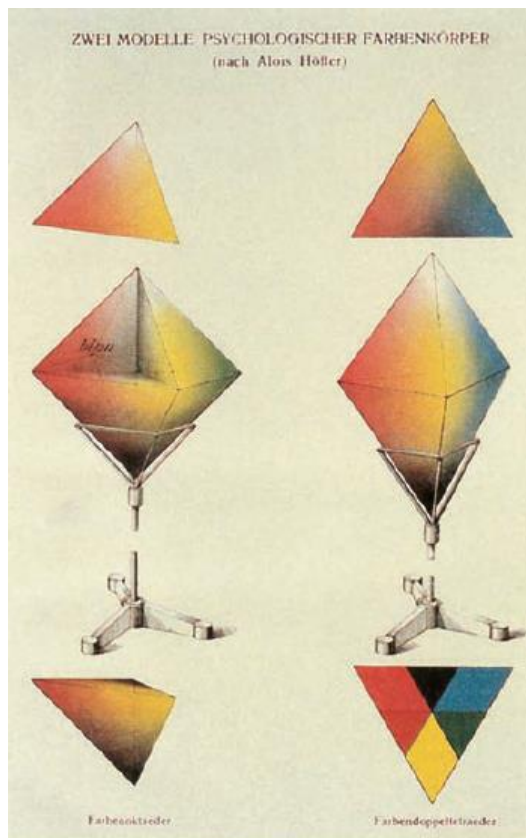

Рис. 62. Цветовые модели в виде октаэдра (1897 г.) и (1911 г.)¹ А. Хефлера

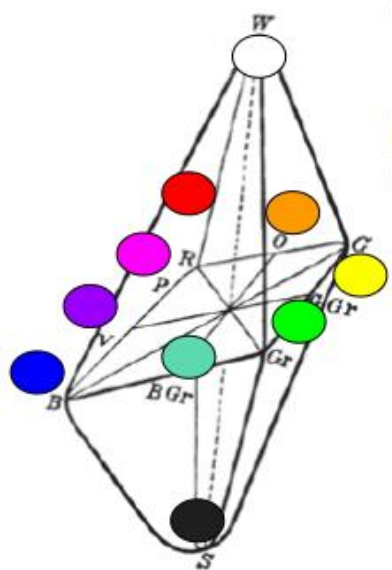

Рис. 63. Схема цветовой модели в виде наклонной двойной пирамиды Э. Б. Титченера (1901)²

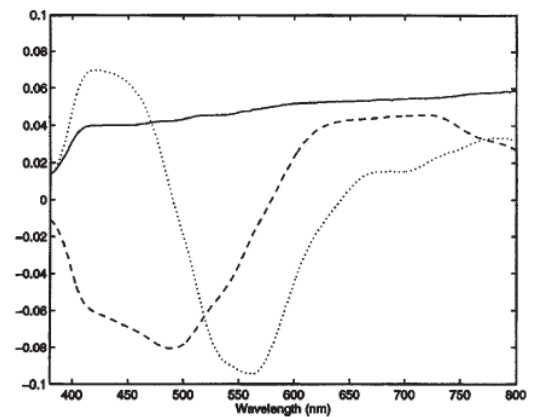

Рис. 64. График первой системы, основанной на физическом порядке, Р. Ленца и соав. (1996 г.)³

¹ Höfler A. Psychologie. Vienna: Tempsky, 1897. S. 113; Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 102.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Titchener E. B. Experimental psychology, Vol. 1. New York: Macmillan, 1901-1905. 244 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 103.

³ Lenz R. et al. Unsupervised filtering of color spectra // JOSA A. 1996. Vol. 13, No. 7. P. 1318.

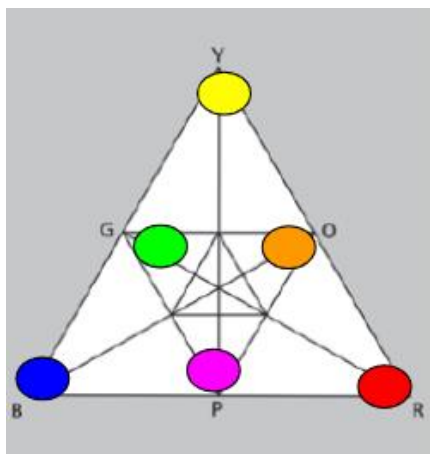

Рис. 65. Цветовая схема Д. Р. Хей (1845 г.)¹

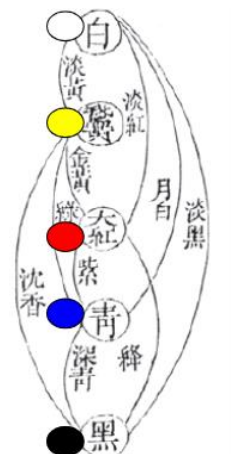

Рис. 66. Цветовая схема Ф. Чжена (1847 г.)²

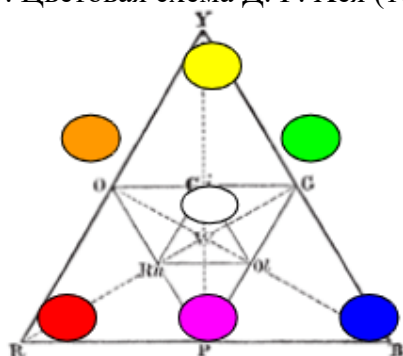

Рис. 67. Цветовая схема Дж. Д. Форбса, полученная при анализе треугольника Т. Майера (1849 г.)³

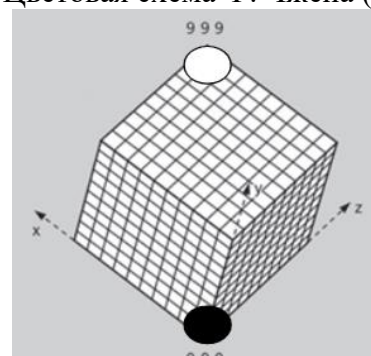

Рис. 68. Цветовой куб Ж. Карпантье (1885 г.)⁴

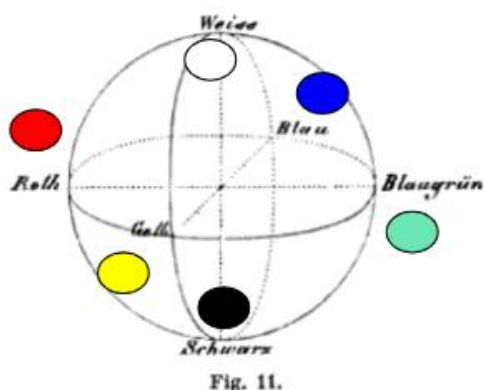

Рис. 69. Цветовая сфера Э. В. фон Брюке (1866 г.)⁵

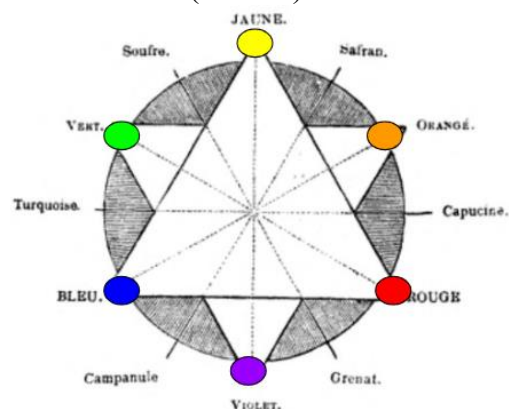

Рис. 70. Цветовая схема в виде треугольников Ш. Блана (1867 г.)⁶

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Hay D. R. A nomenclature of colours applicable to the arts and natural sciences, to manufacturers, and other purposes of general utility*, Edinburgh: Blackwood, 1845. 252 p; цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 78.*

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 49.*

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Forbes J. D. Hints towards a classification of colours // The London, Edinburgh, and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science*. 1849. Vol. 34, No. 228. P. 169.

⁴ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 254.*

⁵ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Brücke E. W. Die Physiologie der Farben für die Zwecke der Kunstgewerbe*. Leipzig: S. Hirzel, 1887. S. 60.

⁶ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Blanc Ch. Grammaire des arts du dessin: architecture, sculpture, peinture*. Paris: J. Renouard, 1867. P. 608.

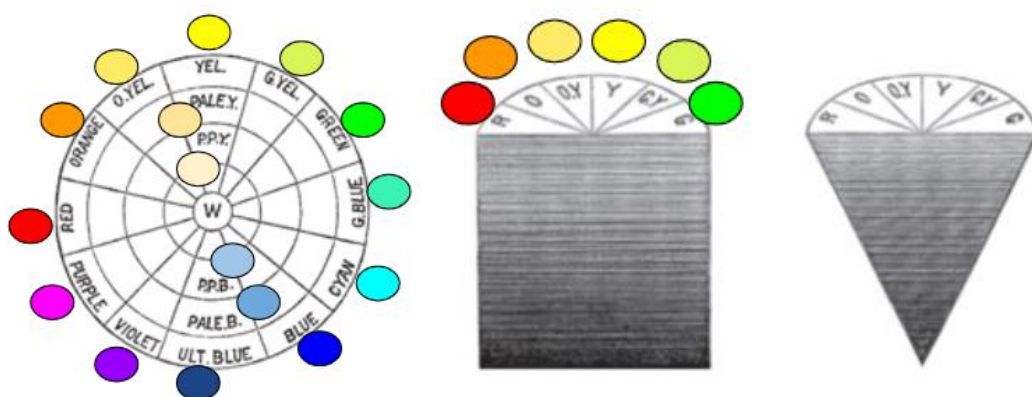

Рис. 71. Цветовая схема, цилиндр и конус О. Н. Руда (1879 г.)¹

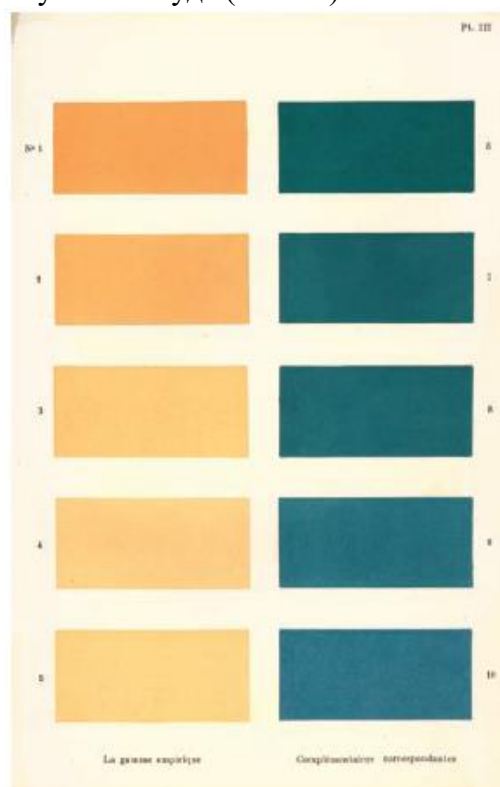
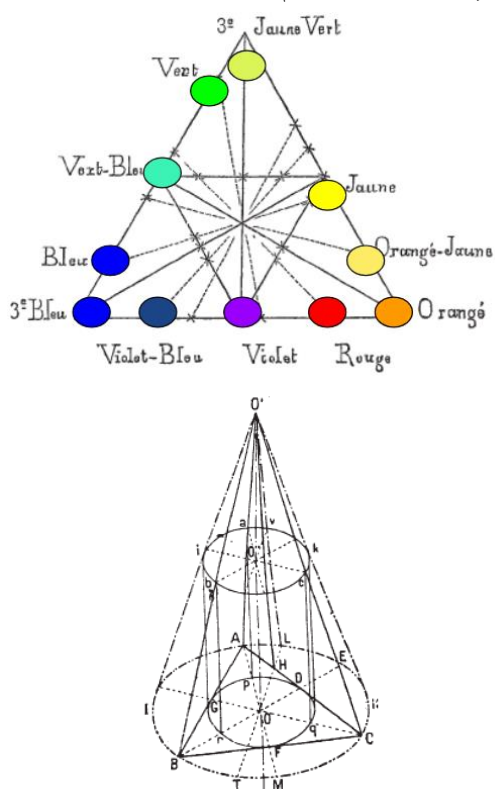

Рис. 72. Схема цветового треугольника (1881 г.)², цветового тела и цветовые таблицы (1910 г.)³
Д.-О. Розенстиля

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Rood O. N. Modern chromatics with applications to art and industry. New York: D. Appleton and Company, 1879. P. 214, 216.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 241, 242.

³ Rosenstiel A. Conséquences de la théorie de Young // Journal of Physics: Theories and Applications. 1910. Vol. 9, No. 1. P. 519.

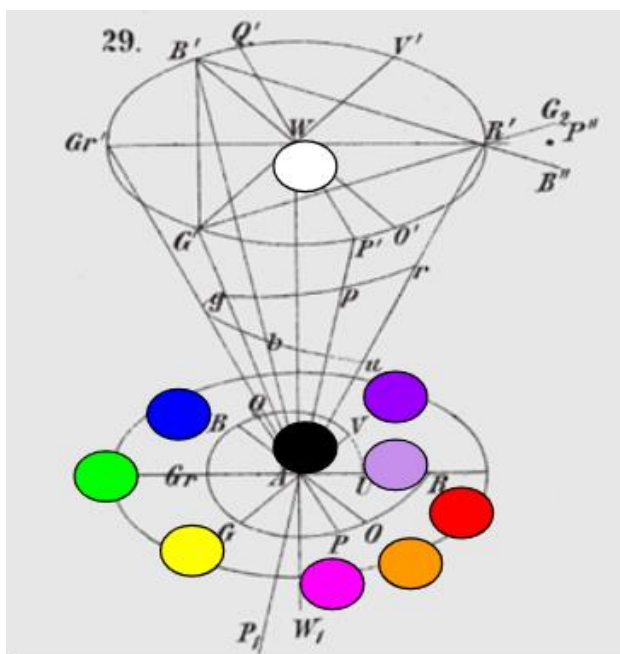

Рис. 73. Схема цветового конуса Г. Шеффлера (1883 г.)¹

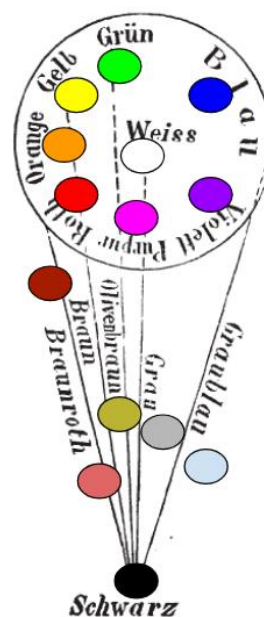

Рис. 74. Цветовой конус Г. Т. Циена (1891 г.)²

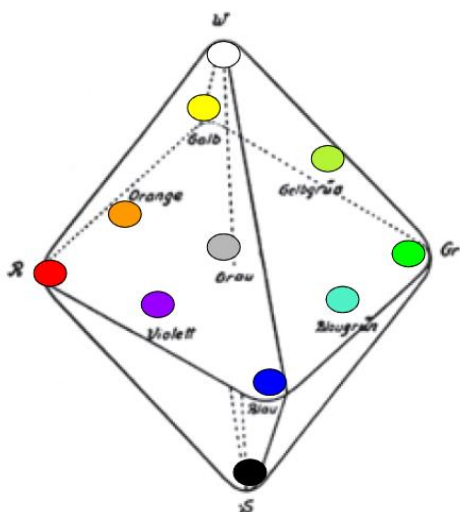

Рис. 75. Схема цветового наклонного октаэдра Г. Эббингауза (1893 г.)³

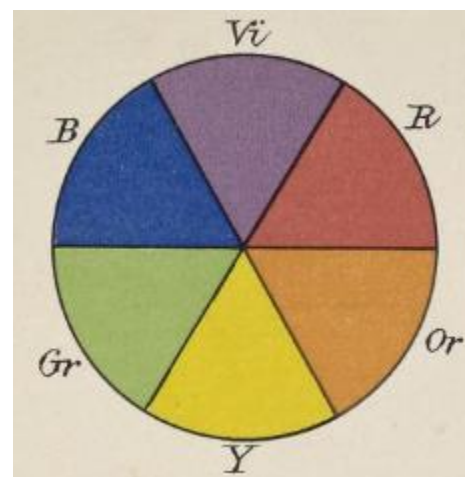

Рис. 76. Схема основных цветов Дж. У. Ловибонда (1893 г.)⁴

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Scheffler H. Die Theorie des Lichtes, physikalisch und physiologisch: mit specieller Begründung der Farbenblindheit.* Leipzig: F. Foerster, 1883. 168 S; цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit.* P. 303.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Ziehen G. T. Leitfaden der physiologischen Psychologie.* Jena : G. Fischer, 1900. S. 84.

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie.* Leipzig: Veit, 1897. 694 p; цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit.* P. 102.

⁴ *Lovibond J. W. Measurement of Light and Colour Sensations: A New Method of Investigating the Phenomena of Light and Colour by Means of the Selective Absorption in Coloured Glass, Graded Into Scales of Equivalent Colour Value.* London: G. Gill and Sons, 1984. P. 26.

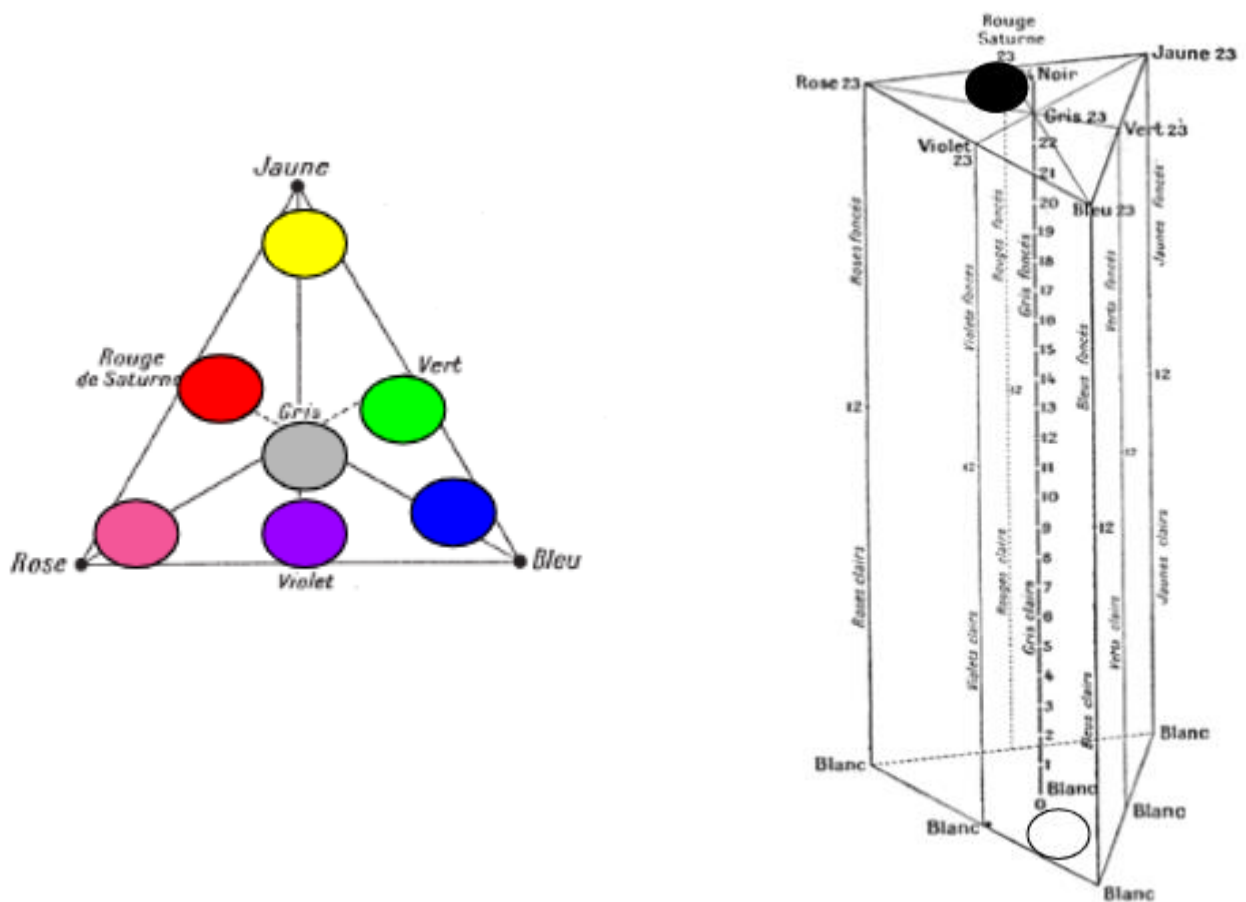

Рис. 77. Схема цветового треугольника и треугольной призмы Ж. Д'Юдина (1903 г.)¹

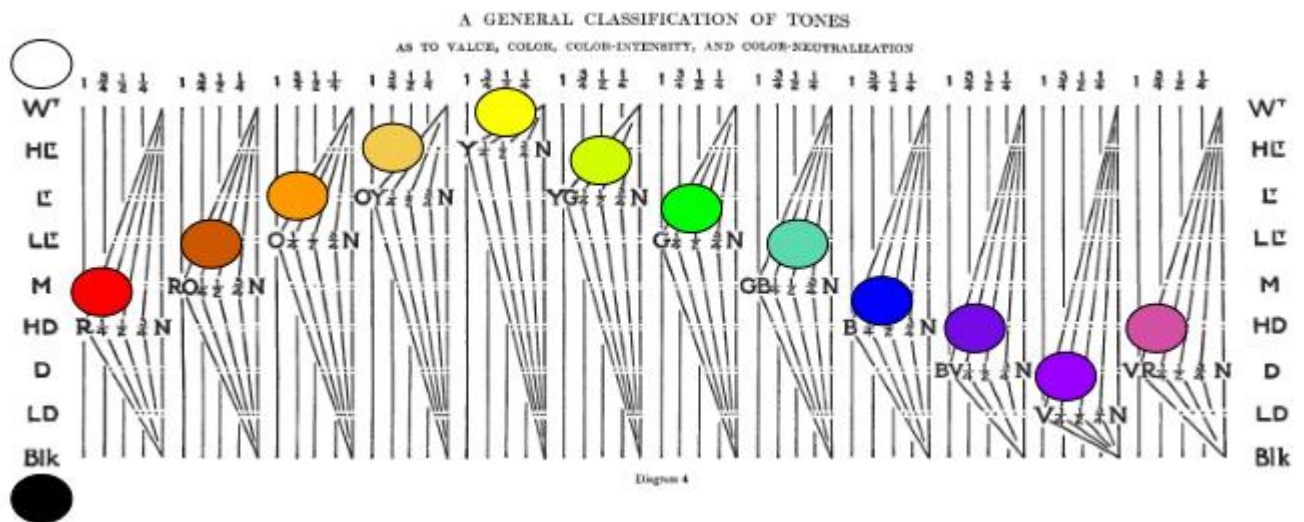

Рис. 78. Цветовая схема «Общая классификация тонов» [General Classification of Tones] Д. У. Росса (1907 г.)²

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: D'Udine J. L'orchestration des couleurs: analyse, classification et synthèse mathématiques des sensations colorées. Paris: A. Joanin et cie, 1903. P. 29.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Ross D. W. A theory of pure design. Boston, New York: Houghton, Mifflin and Company, 1907. P. 172–173.

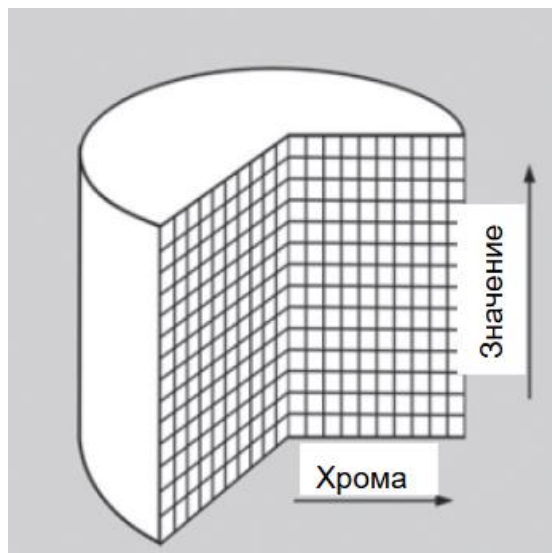

Рис. 79. Цветовой цилиндр А. Эймса (ок. 1910 г.)¹

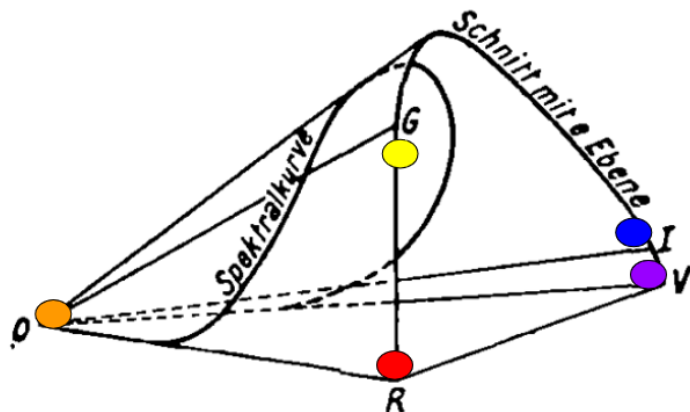

Рис. 81. Проекция цветового пространства, формируемого спектральными цветами Э. Шредингера (1920 г.)³

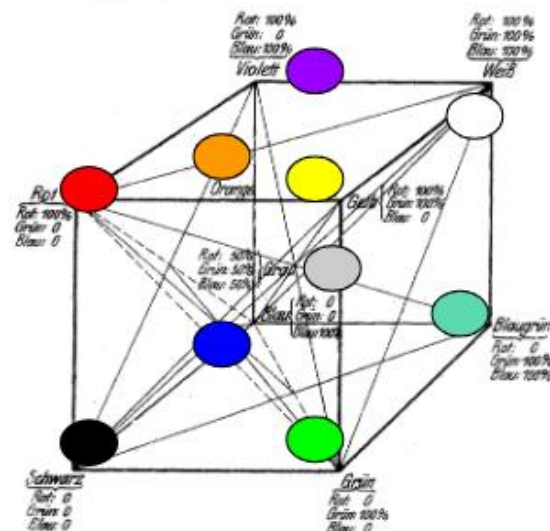

Fig. 2. Farbenwürfel.

Рис. 80. Цветовой куб Л. Блоха (1915 г.)²

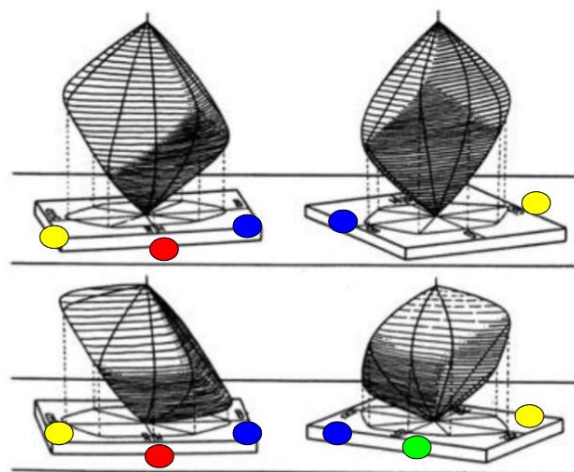

Рис. 82. Схема цветового тела для цветов объектов Р. Лютера (1927 г.)⁴

¹ Ames A. Systems of Color Standards // JOSA. 1921. Vol. 5, No. 2. P. 160–170; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 113.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Bloch L. Die Messung und zahlenmäßige Darstellung der Körperfarben // Naturwissenschaften. 1915. Bd. 3, No. 26. S. 337.

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Schrödinger E. Grundlinien einer theorie der farbenmetrik im tagessehen // Annalen der Physik. 1920. Bd. 368, No. 21. S. 429.

⁴ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Luther R. Aus dem Gebiete der Farbreiz-Metrik // Physik. 1927. Vol. 8. S. 554.

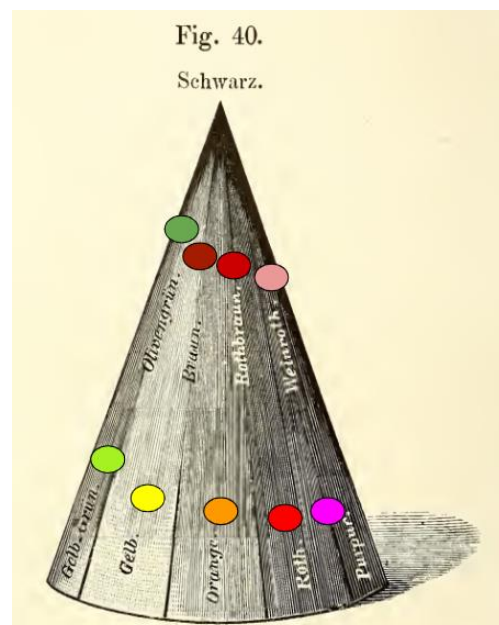
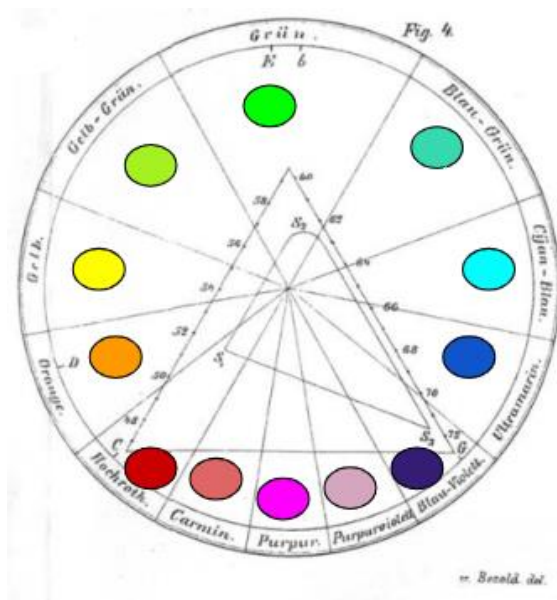

Рис. 83. Цветовая схема (1873 г.)¹ и цветовой конус (1874 г.)² В. Бецольда

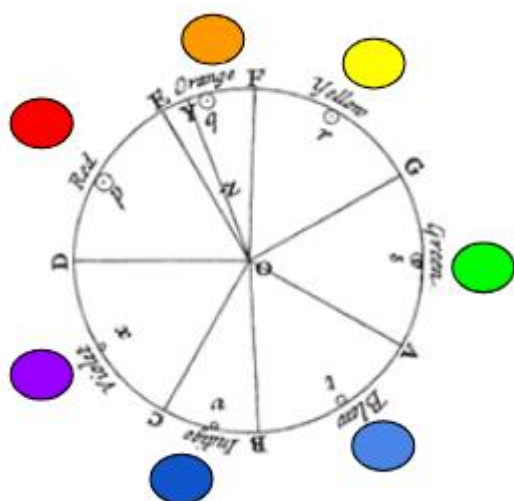

Рис. 84. Цветовой круг И. Ньютона (1704 г.)³

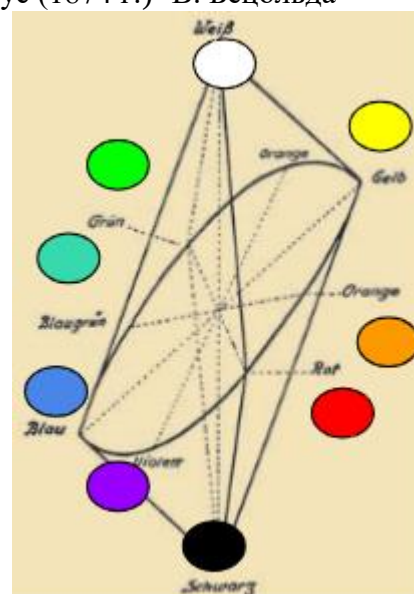

Рис. 85. Схема цветowego тела Г. Подесты (1930 г.)⁴

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Bezold W. Über das Gesetz der Farbenmischung und die physiologischen Grundfarben // Annalen der Physik. 1873. Bd. 226, No. 10. S. 247.*

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Bezold W. Die Farbenlehre im Hinblick auf Kunst und Kunstgewerbe. Braunschweig: G. Westermann, 1874. S. 148.*

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Ньютон И. Указю соч. С. 144.*

⁴ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Podestà H. Beiträge zur Systematik der Farbempfindungen // Neue Psychologische Studien. 1930. Bd. 6. S. 60–96; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 104.*

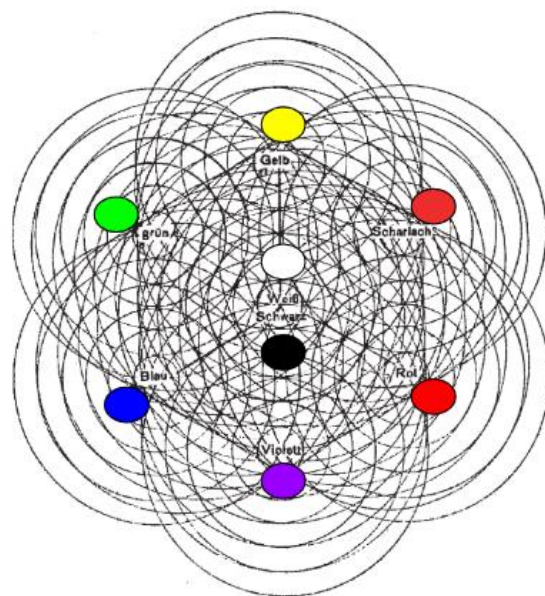
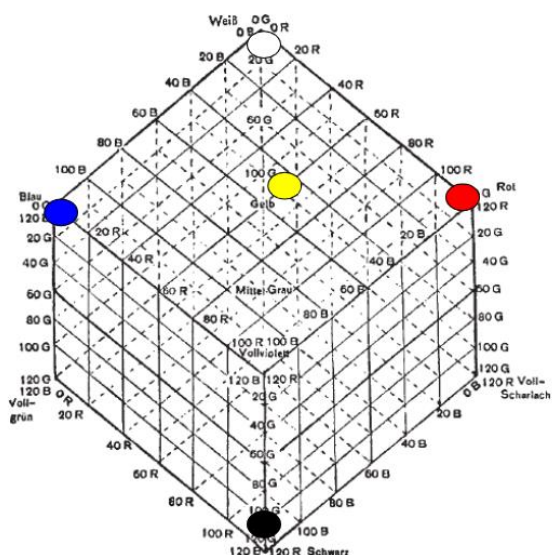

Рис. 86. Цветовой куб и схема смешения цветов М. Беке (1923–1924 гг.)¹

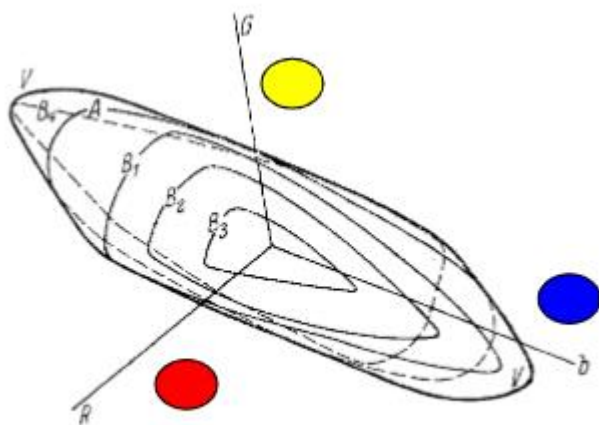

Fig. 2.

Рис. 87. Схема цветового тела Н. Д. Ниберга (1928 г.)²

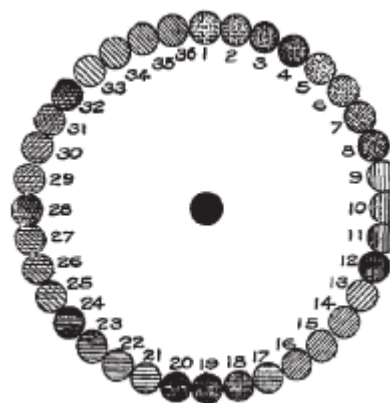

Рис. 88. Схема цветового круга Й. М. Фогеля, К. С. Плаута (1927 г.)³

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Kuehni R. G., Schwarz A.* Op. cit. P. 255–256.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Nyberg N.* Zum aufbau des farbenkörpers im raume aller lichtempfindungen // *Physik.* 1929. Bd. 52, No. 5. S. 417.

³ *Vogel J. M., Plaut C. S.* Farbentafel // *Swiss Patent 120551.* 1927; цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A.* Op. cit. P. 261.

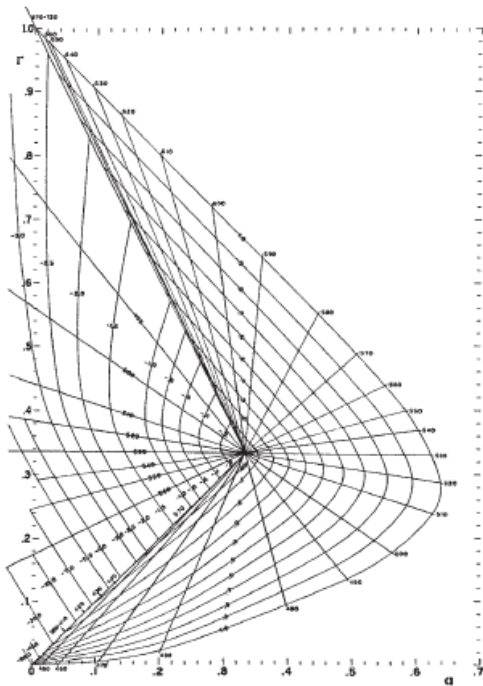

Рис. 89. График цветности для цветовой системы СIE
Д. Б. Джадда (1932 г.)¹

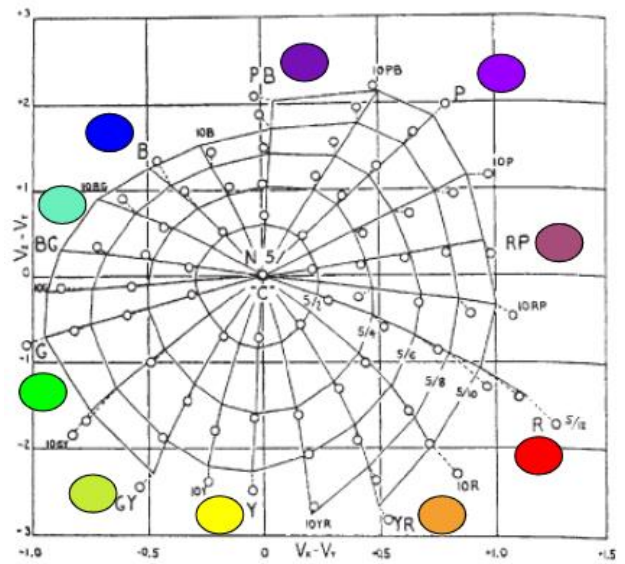

Рис. 90. График хроматический значений
Э. К. Адамса для цветовой системы А. Ман-
селла (1942 г.)²

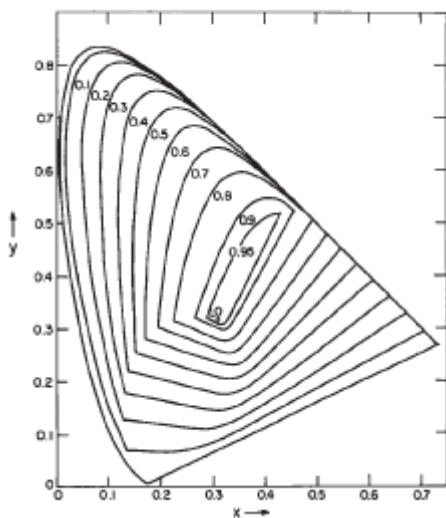

Рис. 91. График Д. Л. МакАдама, изображающий цве-
товое пространство цветов объектов для источника
света С и при наблюдении под углом 2° (1935 г.)³

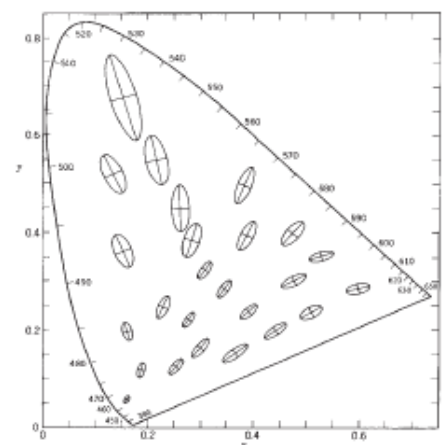

Рис. 92. Линейный элемент⁴ Л. МакАдама
(1942 г.)⁵

¹ Judd D. B. Chromaticity sensibility to stimulus differences // JOSA. 1932. Vol. 22, No. 2. P. 80.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Adams E. Q. XZ Planes in the 1931 ICI System of Colorimetry // JOSA. 1942. Vol. 32, No. 3. P. 170.

³ MacAdam D. L. Maximum visual efficiency of colored materials // JOSA. 1935. Vol. 25, No. 11. P. 365.

⁴ Линейные элементы представляют собой математические модели взаимосвязи между фундаментальными цветовыми реакциями (откликами (реакциями) колбочек, иногда функциями сопоставления цветов) и едва заметными различиями в цвете. Понятие «линейного элемента» было введено в 1891 г. Г. фон Гельмгольцем. В евклидовом пространстве едва заметные различия можно указать как квадратный корень из суммы квадратов разностей трех осей. Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 158.

⁵ MacAdam D. L. Visual sensitivities to color differences in daylight // JOSA. 1942. Vol. 32, No. 5. P. 271.

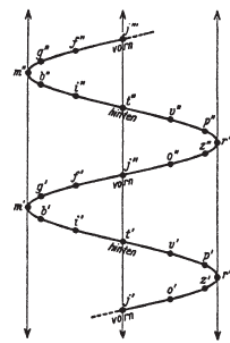
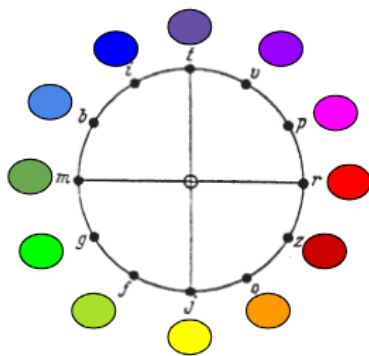

Рис. 93. Схема цветового круга и смешения цветов Э. Бартеля (1933 г.)¹

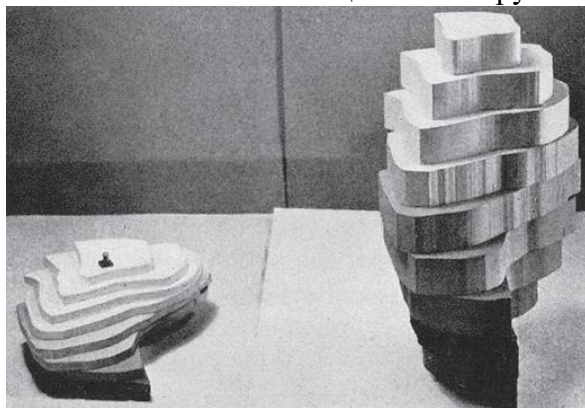

Рис. 94. Психологическая цветовая модель Д. Никерсон (на основе цветовой модели А. Манселла) (1936, 1943 гг.)²

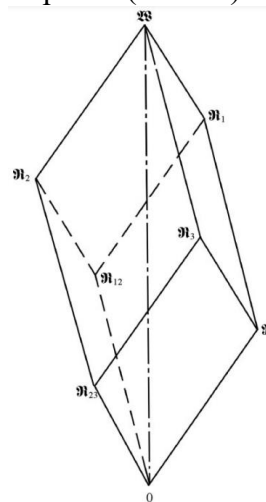

Рис. 95. Схема смешения трех идеализированных полутонных печатных пигментов в виде параллелепипеда Г. Нойгебауэра (1935 г.)³

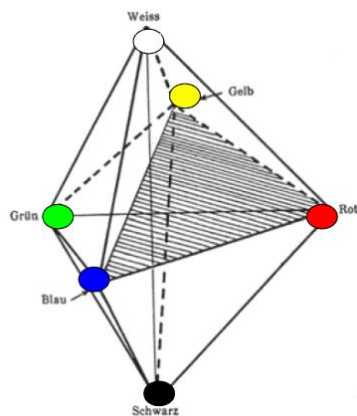

Рис. 96. Схема цветового тела в виде неправильного октаэдра А. Бернейса (1937 г.)⁴

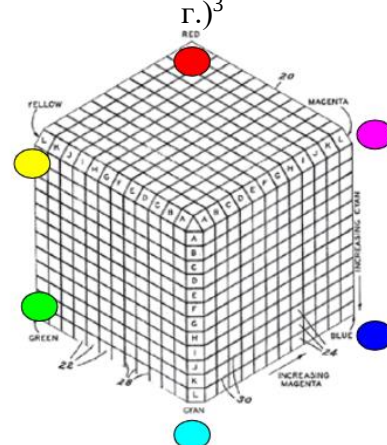

Рис. 97. Схема цветового куба С. Дж. Уэдлейка (1969 г.)⁵

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Kuehni R. G., Schwarz A.* Op. cit. P. 307.

² *Nickerson D., Newhall S. M.* A psychological color solid // *JOSA*. 1943. Vol. 33, No. 7. P. 420.

³ Цит. по: *Wyble D., Kraushaar A.* The theoretical basis of multicolor letterpress printing, Hans E. J. Neugebauer // *Color Research and Application*. 2005. Vol. 30, No. 5. P. 329.

⁴ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Bernays A.* Versuch einer neuen Farbenordnung // *Vierteljahresschrift der Naturforschenden Gesellschaft in Zürich*. 1937. Bd. 82. S. 161–196; цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A.* Op. cit. P. 104.

⁵ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Wedlake C. J.* Visual arts matching charts // *U.S. Patent 3,474,546*. 1969. P. 2.

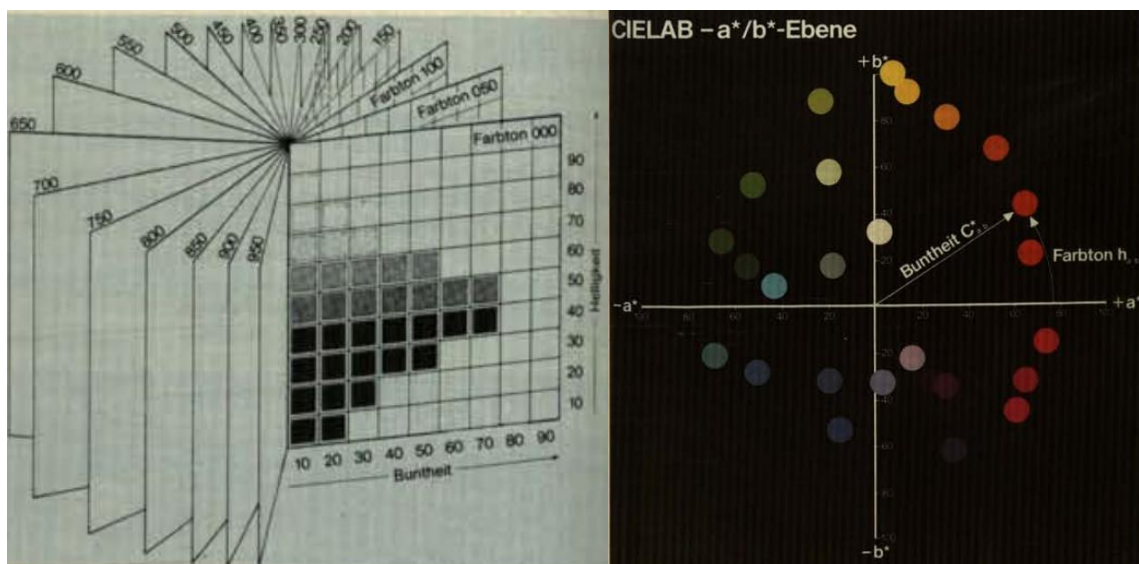

Рис. 98. Цветовая система «Евроколор» и график распределения основных цветов [Eurocolor] Л. Галла, Г. Купзика (1979 г.)¹: Buntheit – насыщенность, Farbton – цветовой тон, Helligkeit – светлота

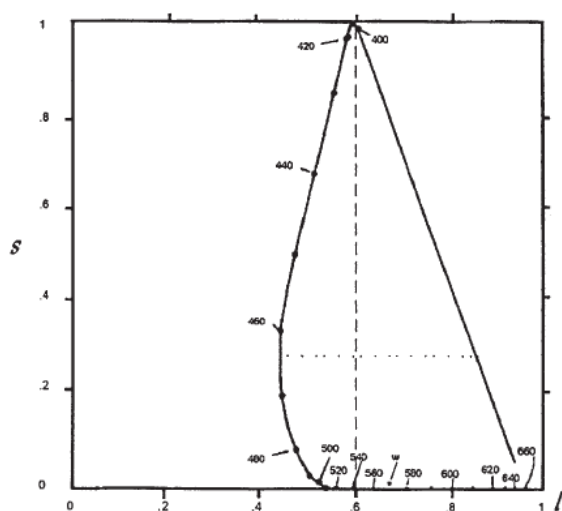

Рис. 99. График реакции колбочек на свет [Cone excitation diagram] Д. И. А. Маклауда, Р. М. Бойнтон (1979 г.)²

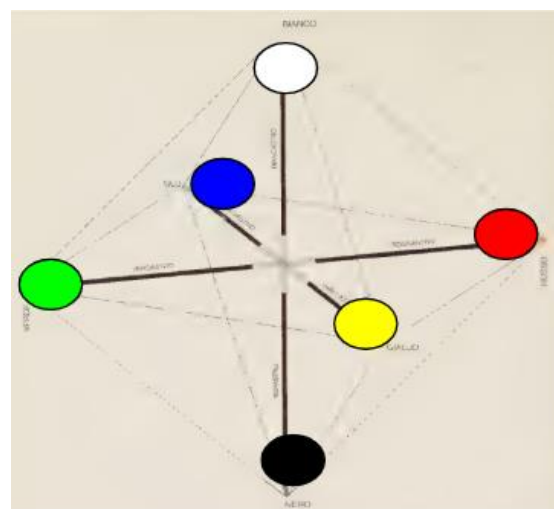

Рис. 100. Схема цветового тела в виде октаэдра Э. Г. Боринга (1942 г.)³

¹ Gall L. Die Realisierung des CIELAB-Systems im Eurocolor-Atlas // Farbe + Design. 1984. Bd. 29/30. S. 5–6.

² MacLeod D. I. A., Boynton R. M. Chromaticity diagram showing cone excitation by stimuli of equal luminance // JOSA. 1979. Vol. 69, No. 8. P. 1184.

³ Boring E. G. Sensation and perception in the history of experimental psychology. New York: Appleton-Century-Crofts, Inc., 1942. 660 p; реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Silvestrini N., Fischer E. P., Baumann U., Stromer K. Op. cit. P. 144.

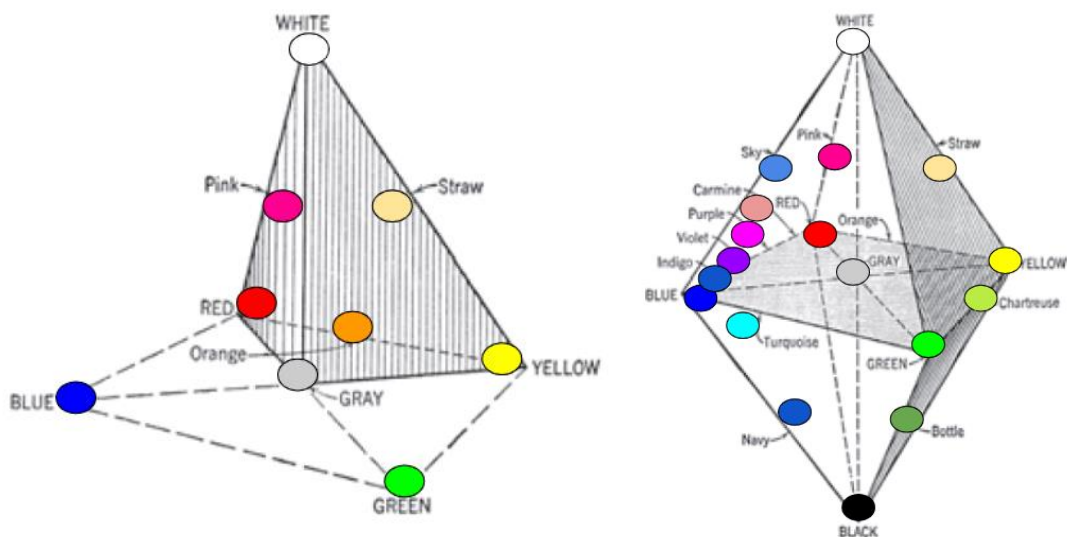

Рис. 101. Схема цветового октаэдра и тетраэдра Э. Г. Э. Боринга, Х. С. Э. Лангфелда, Х. П. Э. Велда (1948 г.)¹

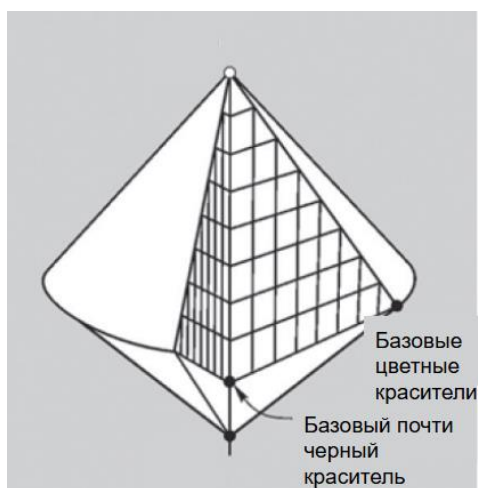

Рис. 102. Цветовая система NuHue для клиентов компании Martin-Senour Company [Nu-Hue Custom Color System] в виде двойного конуса (1946 г.)²

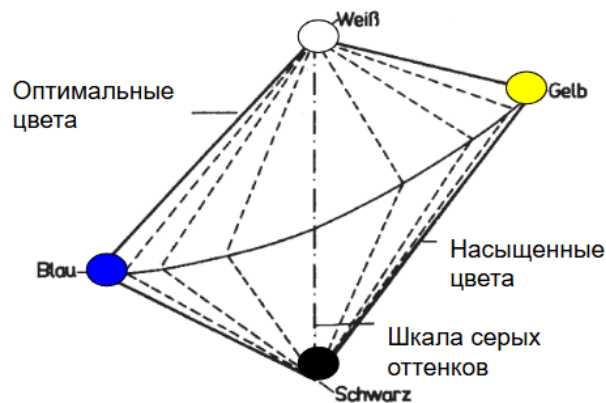

Рис. 103. Схема цветового тела для стандарта ГДР TGL (1965 г.)³

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Boring E. G. E., Langfeld H. S. E., Weld H. P. E. Foundations of psychology. New York: Wiley, 1948. P. 273.

² Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 263.

³ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 248.

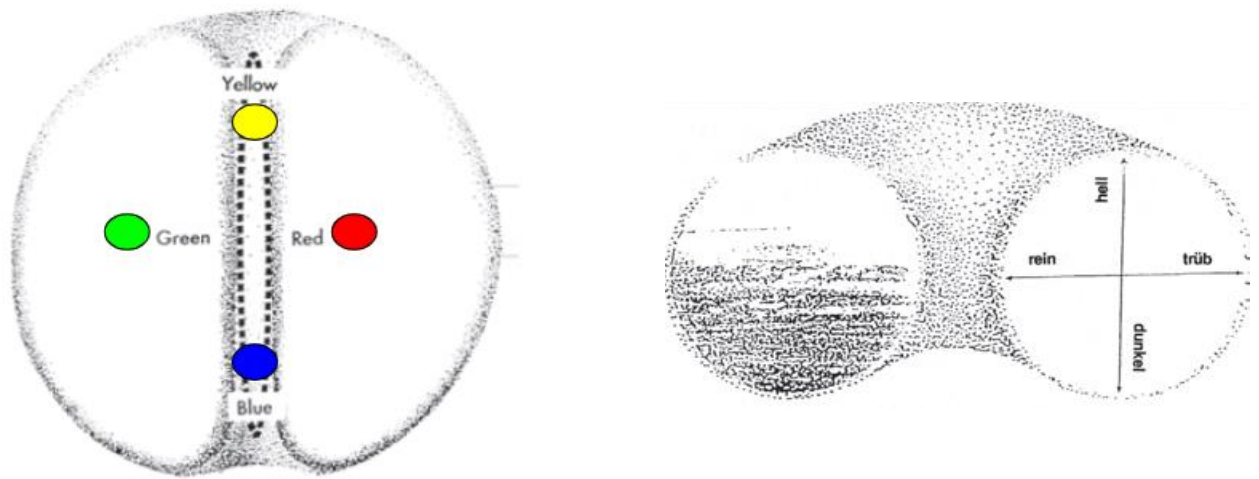

Рис. 107. Схемы цветового пространства Г. Хеллвига (1990 г.)¹:
hell – светлый, dunkel – темный, rein – чистый, trüb – мутный

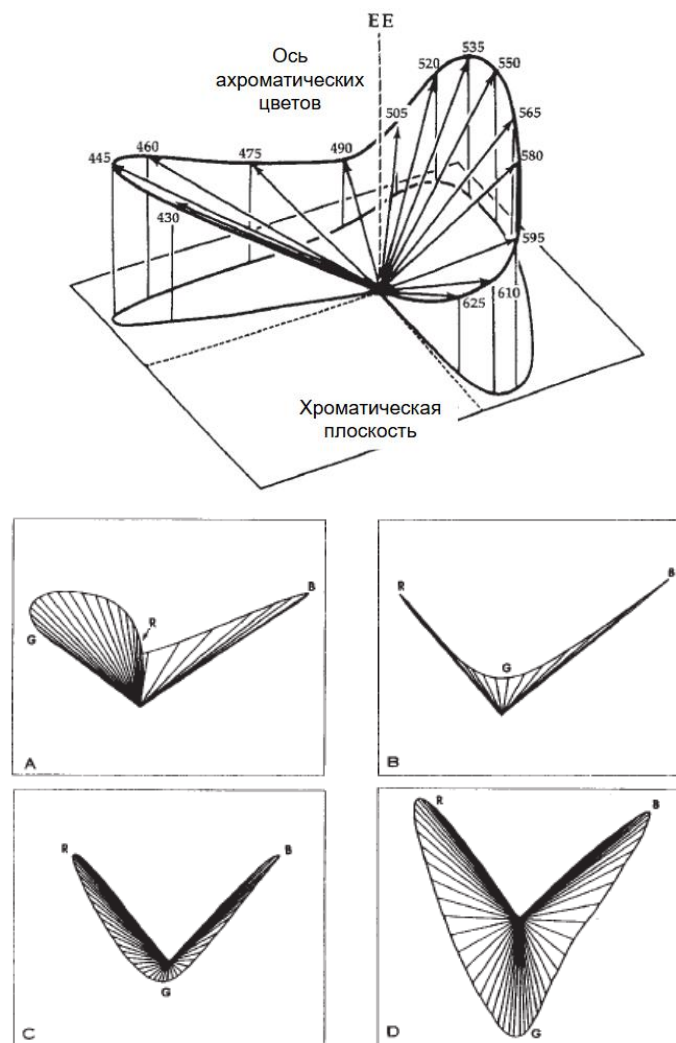

Рис. 108. График цветового пространства и его проекции Й. Б. Козна (1982 г.)²

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Hellwig G. Zur Ordnung der Farben // Farbe und Design. 1990. Bd. 49/50. S. 57–62; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 324.*

² *Cohen J. B., Kappauf W. E. Metameric color stimuli, fundamental metamers, and Wyszecki's metamerics blacks // American Journal of Psychology. 1982. Vol. 95, No. 4. P. 537–564; Cohen J. B., Kappauf W. E. Color*

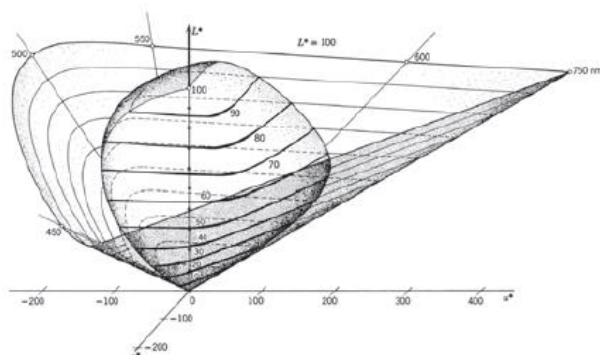

Рис. 109. Схема цветового пространства CIEuv (1976 г.)¹

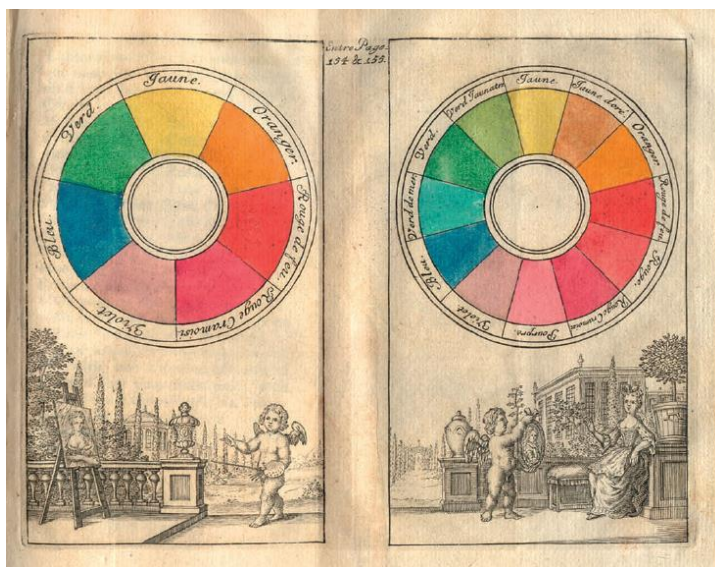

Рис. 110. Цветовой круг К. Буте (1708 г.)²

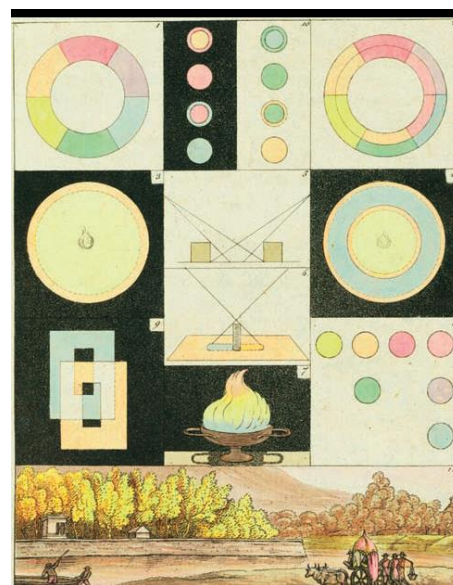

Рис. 111. Цветовой круг И. В. Гете (1810 г.)³

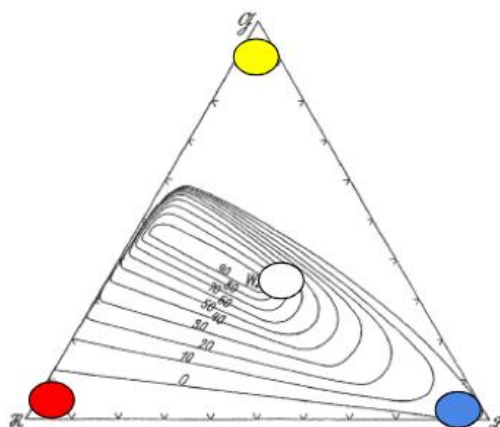

Рис. 112. Схема цветового тела З. Реша (1928 г.)⁴

mixture and fundamental metamers: theory, algebra, geometry, application // American Journal of Psychology. 1985. Vol. 98, No. 2. P. 212.

¹ CIE Recommendations on Uniform Color Spaces, Color-Difference Equations, and Metric Color Terms // Color Research and Application. Vol. 2, No. 1. P. 5–6; Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 168.

² Boutet C. Traité de la peinture en miniature. La Haye: L. et H. van Dole, 1708. P. 153–154.

³ Гете И. В. Учение о цвете / пер. с нем. В. Лихтенштадта. М.: АСТ, 2021. 256 с; Goethe J. W. Farbenlehre. Tübingen: J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1810. S. 25.

⁴ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Rösch S. Die Kennzeichnung der Farben // Physik. 1928. Bd. 29. S. 83–91; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 140.

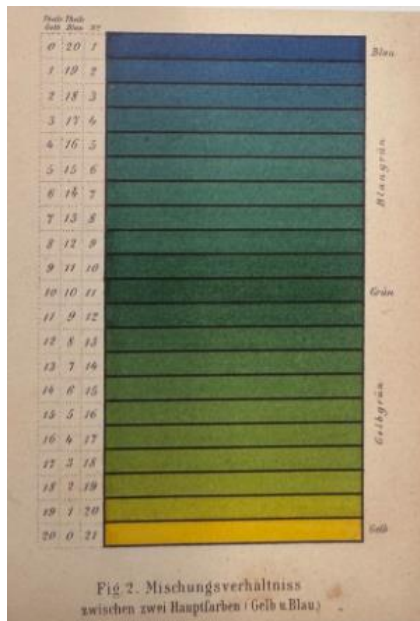
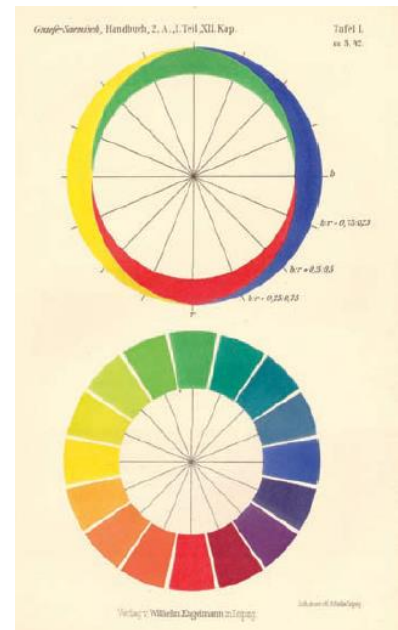
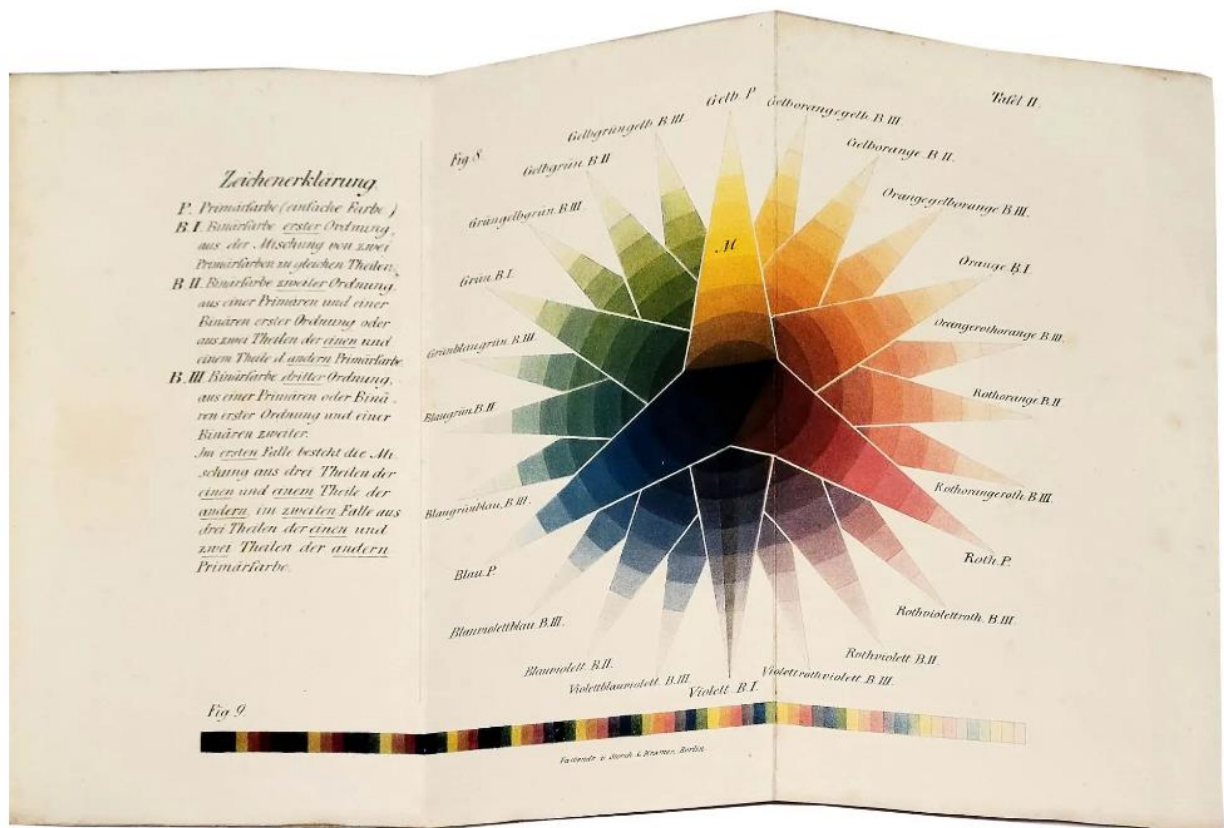
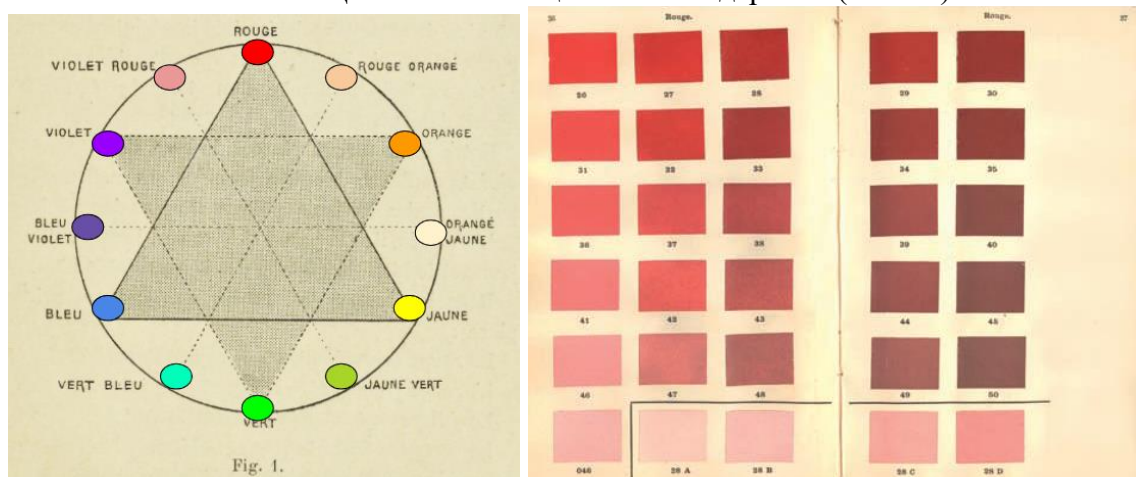
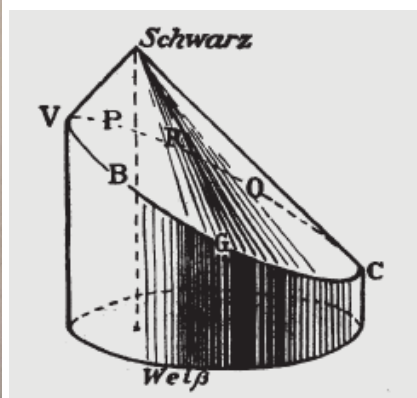
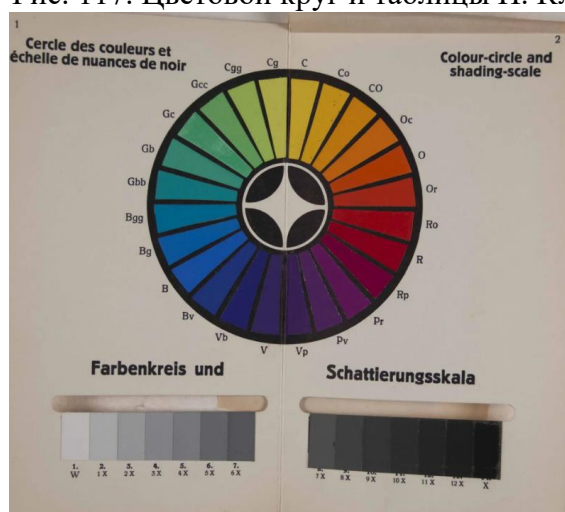
Рис. 113. Цветовые шкалы Ф. Йеннике (1878 г.)¹Рис. 114. Цветовой круг Э. Геринга (1878 г.)²Рис. 115. Цветовой круг Р. Адамса (1862 г.)³¹ Цит. по: Spillmann W. Op. cit. S. 78.² Hering E. 1905-1911. Grundzüge der Lehre vom Lichtsinn, Berlin: Springer, 1920. S. 43.³ Adams R. Die Farben-Harmonie in ihrer Anwendung auf die Damentoilette. Leipzig: J. J. Weber, 1862. S. 320.

Рис. 116. Цветовые таблицы Э. Н. Вандерпола (1902 г.)¹Рис. 117. Цветовой круг и таблицы П. Клинксика и Т. Валетта (1908 г.)²

¹ Vanderpoel E. N. Color Problems. London: Longmans, Green and Co., 1902. P. 166, 256, 304.

² Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Klincksieck P., Valette T. Code des couleurs, à l'usage des naturalists, artistes, commerçants et industriels. Paris: P. Klincksieck, 1908. P. 22, 34.

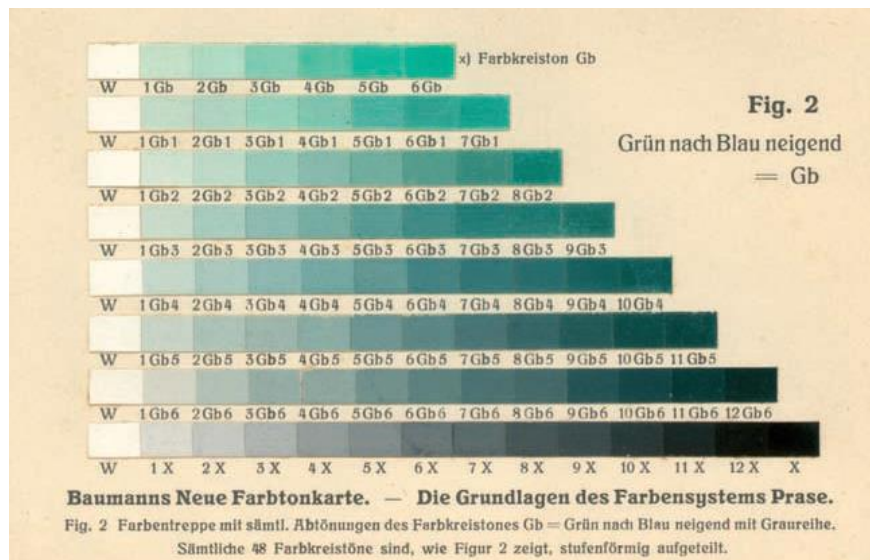

Рис. 118. Цветовой круг (1912 г.)¹, цветовое тело (1945 г.)² и таблицы О. Празе

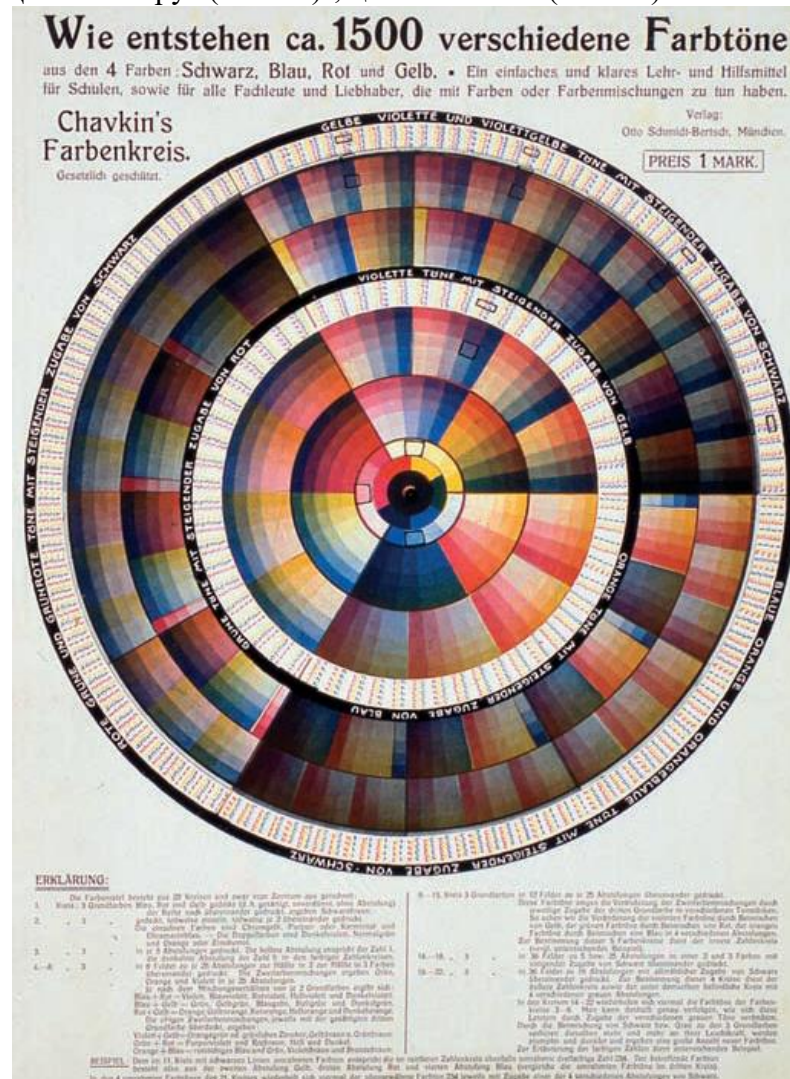

Рис. 119. Цветовой круг Н. Чавкина (1912 г.)³

¹ Baumann P. Baumanns neue Farbtonkarte, System Prase. Aue: P. Baumann, 1912. S. 1–2.

² Цит. по: Bendin E. W. Otto Prase 1874-1956 - Pionier der Farbenlehre. Berlin: Edition Bendin, 2024. 80 p;
Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 257.

³ Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 195.

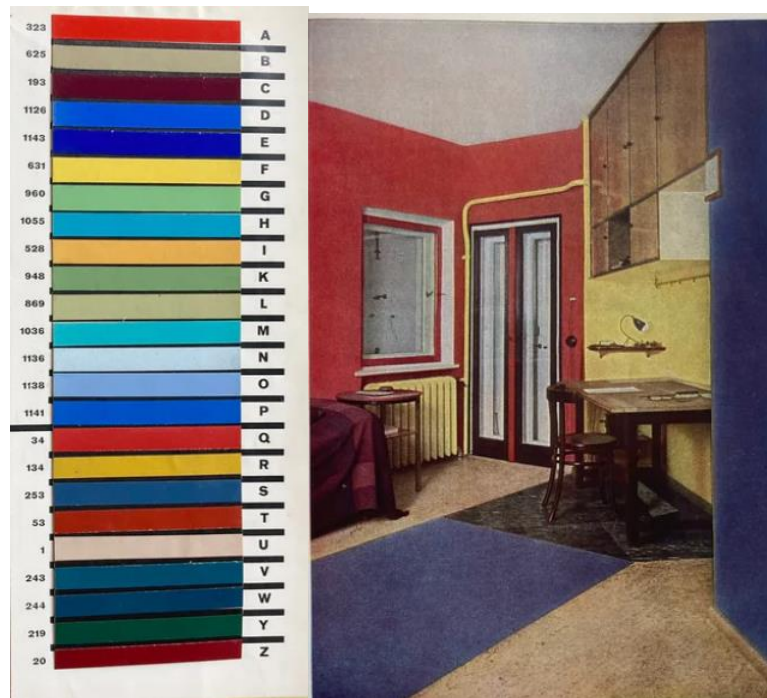

Рис. 120. Цветовые таблицы Б. Таута и пример дизайна интерьера (1927 г.)¹

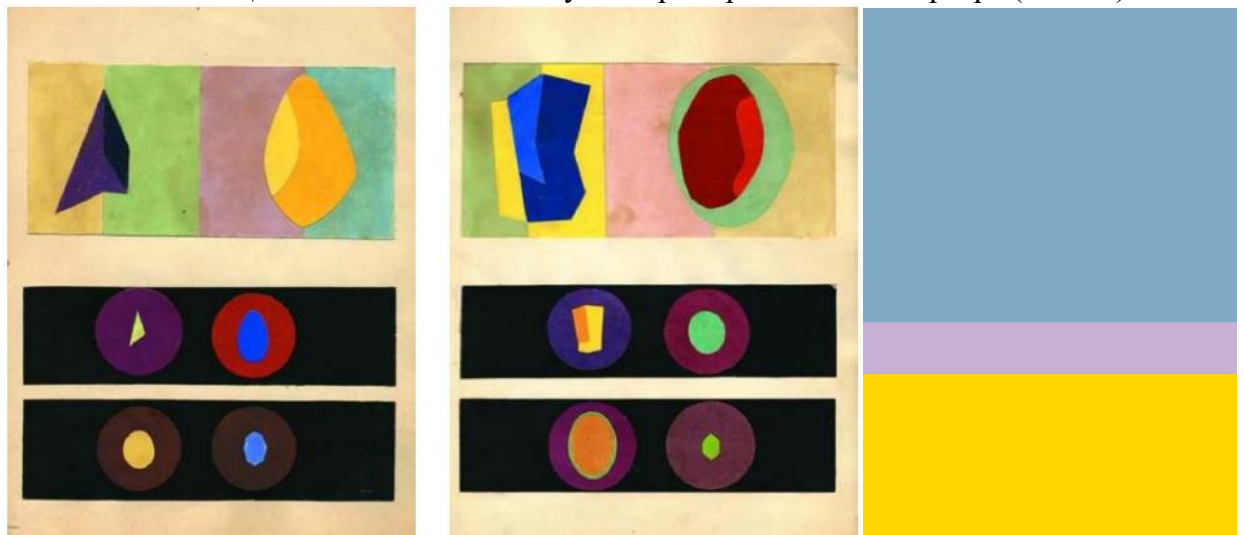

Рис. 121. Цветовые таблицы М. В. Матюшина (1932)²

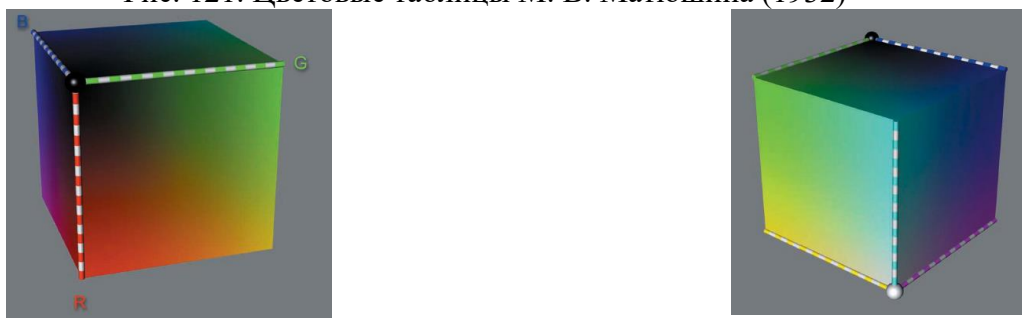

Рис. 122. Цветовые пространства RGB и CMYK (1970-е)³

¹ Taut B. Ein Wohnhaus. Kluis: Franckh'sche Verlagshandlung W. Keller & Co, 1927. S. 3, 114.

² Матюшин М. В. Справочник по цвету. М.: Д. Аронов, 2007. С. 11, 41.

³ Цит. по: Welsch N., Liebmann C. C. Op. cit. S. 128, 131.

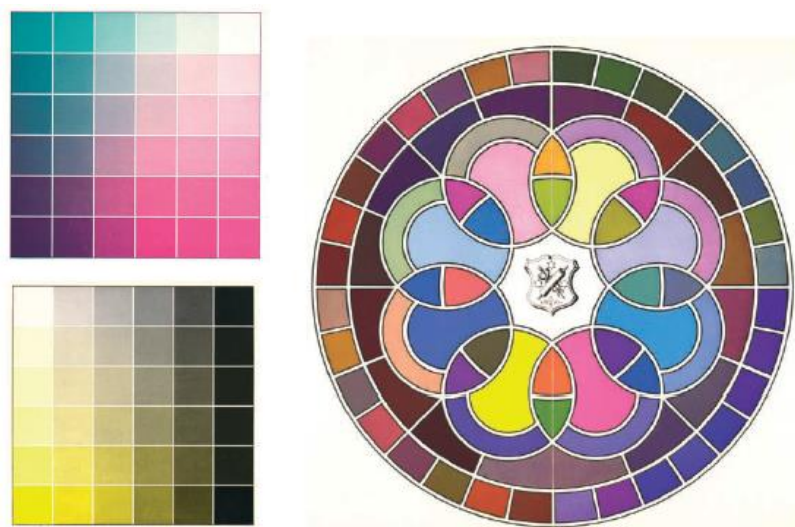

Рис. 123. Цветовые таблицы и схема смешения цветов Л. Герстакера (1934 г.)¹

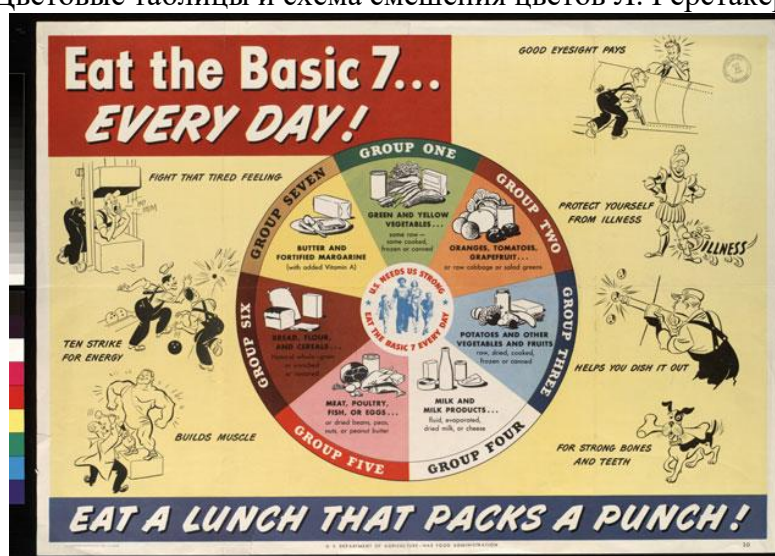

Рис. 124. Цветовой круг от Военного управления продовольствием США [War Food Administration] (1943 г.)²

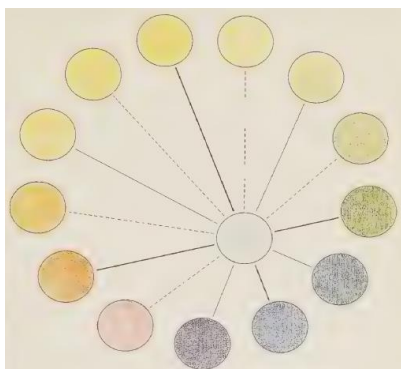

Рис. 125. Цветовой круг Ф. Биррена (1934 г.)³

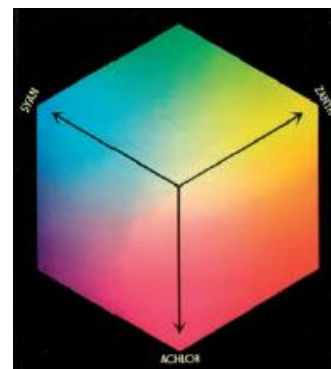

Рис. 126. Цветовой шестиугольник Г. Э. Айвза (1935 г.)⁴

¹ Gerstacker L. Farbenmischbuch. Stuttgart: Union, 1954. 76 S; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 198–199.

² Цит. по: Hidaka K. Op. cit. P. 131.

³ Цит. по: Silvestrini N., Fischer E. P., Baumann U., Stromer K. Op. cit. P. 167.

⁴ Ives H. E. The transformation of color mixture equations from one system to another. II. Graphical aids // Journal of the Franklin Institute. 1923. Vol. 195, No. 1. P. 23–44; Ives H. E. Color chart and method of making the same // U.S. Patent 2,128,676. 1938; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 204.

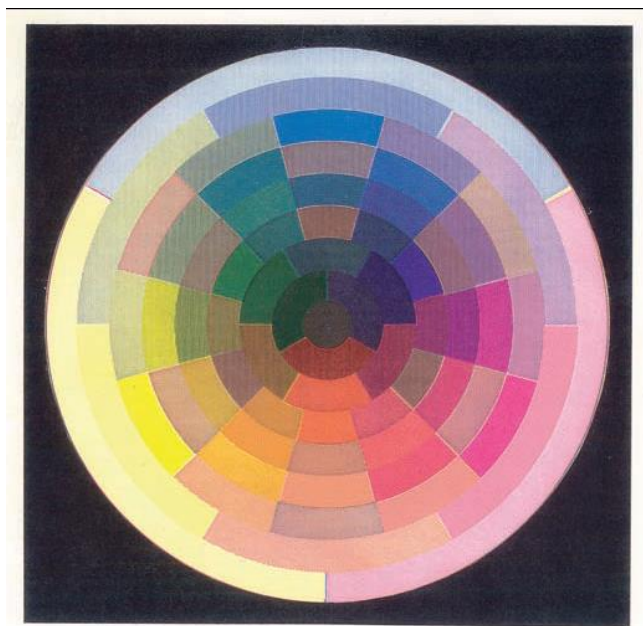

Рис. 127. Круговая цветовая схема Дж. С. Варбурга (1899 г.)¹

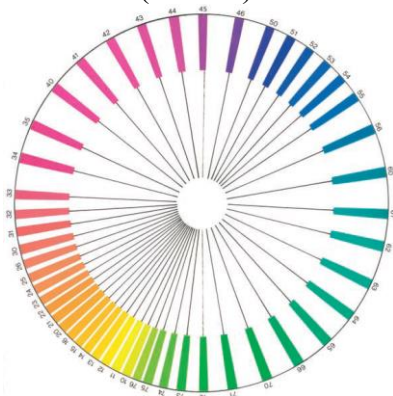

Рис. 129. Цветовая система «Колоройд» [Coloroid] А. Немчица (1975 г.)³

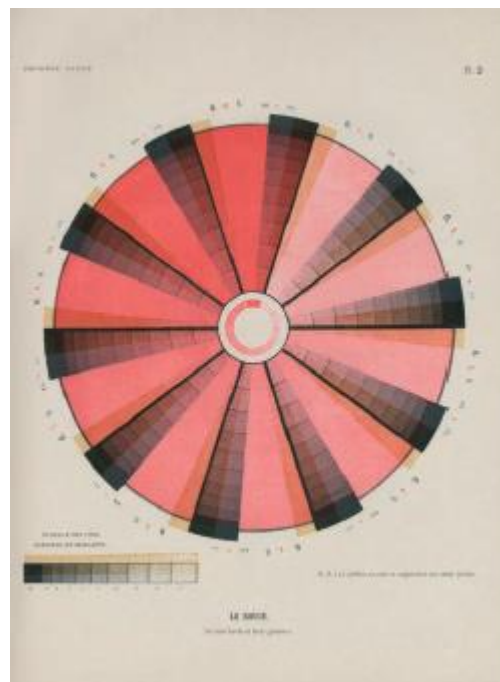

Рис. 128. Круговая цветовая схема Р. Штейнхейля (1896 г.)²

Рис. 130. Цветовой круг И. Иттена (1921 г.)⁴

¹ Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 194.

² Steinheil R. La Reproduction des couleurs par la superposition des trois couleurs simples. Paris: Berger-Levrault, 1896. P. 68.

³ Nemcsics A., Caivano J. L. Color order systems // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by M. R. Luo. New York: Springer Science, Business Media, 2015. P. 339.

⁴ Иттен И. Искусство цвета / пер. с нем. М.: Д. Аронов, 2024. С. 33.

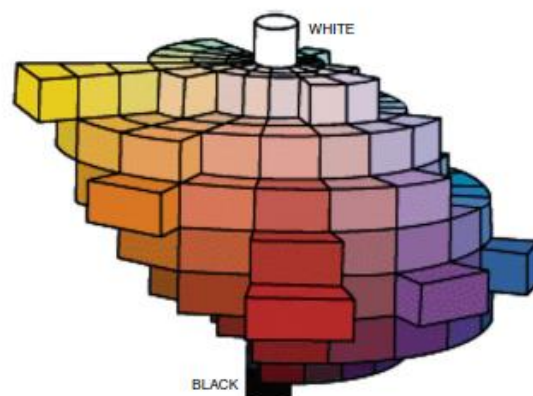
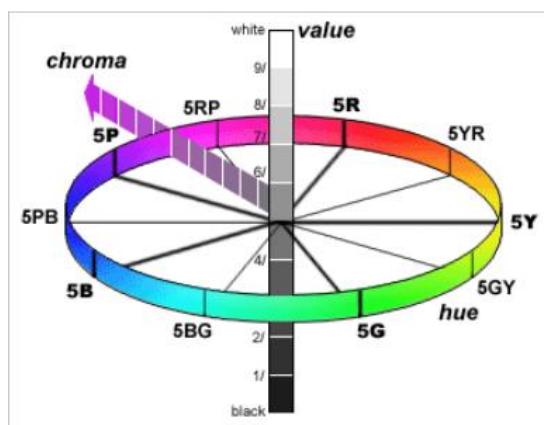

Рис. 131. Цветовая модель А. Манселла (1905 г.)¹

Рис. 132. Цветовой модель и цветовой круг В. Оствальда (1917 г.)²

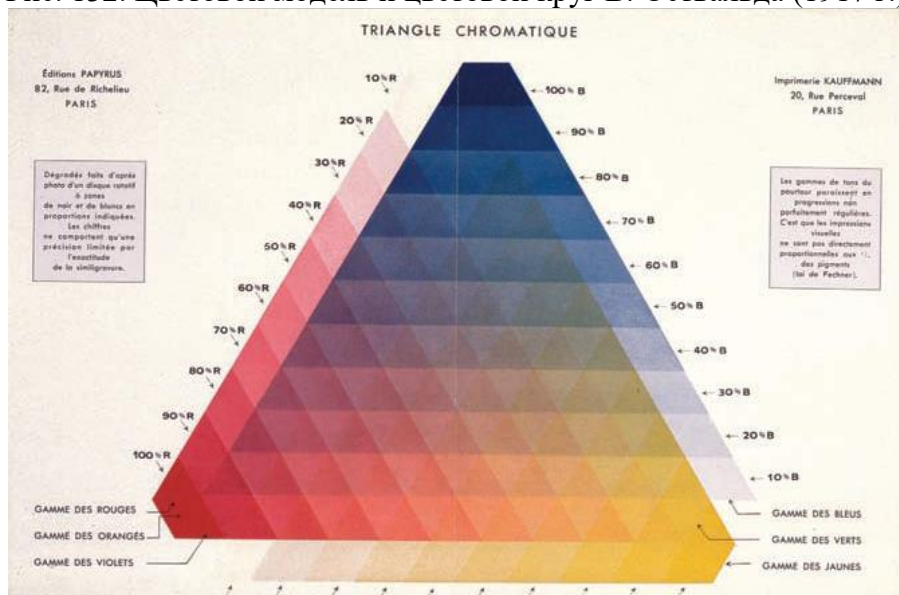

Рис. 133. Цветовой треугольник А. Пейнтера (1936 г.)³

¹Munsell A. H. A color notation. New York: E-artnow, 2020. 89 p; Munsell color system: [Электронный ресурс] URL: <https://munsell.com/color-blog/conical-spiral-color-harmony/> (дата обращения 24.08.2024); цит. по: Nemcsicsa A., Caivano J. L. Color order systems // Encyclopedia of Color Science and Technology / ed. by M. R. Luo. New York: Springer Science, Business Media, 2015. P. 335.

²Ostwald W. Der Farbkörper und seine Anwendung zur Herstellung farbiger Harmonien, Leipzig: Unesma, 1919. 24 S; Оствальд В. Цветоведение: теория цветового пространства / под ред. С. В. Кравкова; пер. с нем. М., Л.: Промиздат, 1926. С. 213; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 246.

³Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 197.

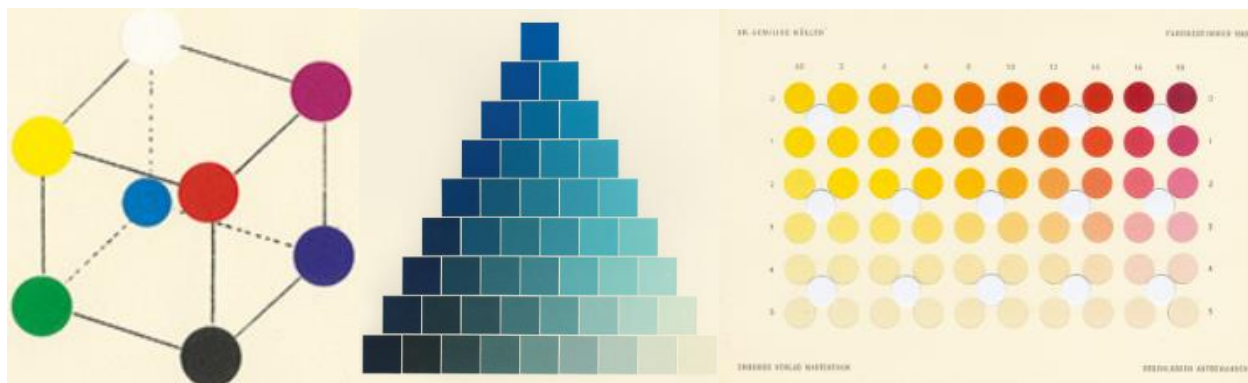

Рис. 134. Цветовой куб (1952 г.) и таблицы (1945 г.)¹ Э. Мюллера

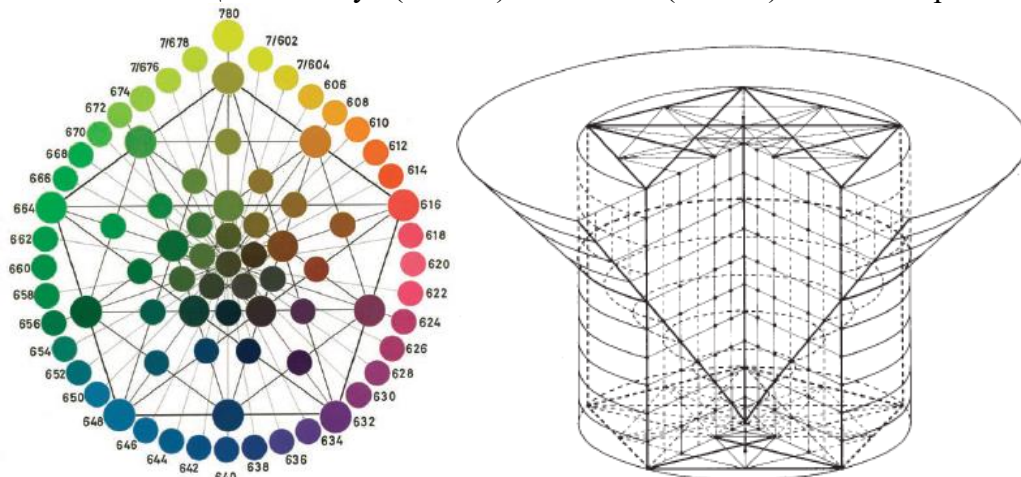

Рис. 135. Цветовой пятиугольник [Color Activ Fünfeck] (1939 г.) и его преобразование в цилиндр и конус (1968 г.)² Г. Фрилинга

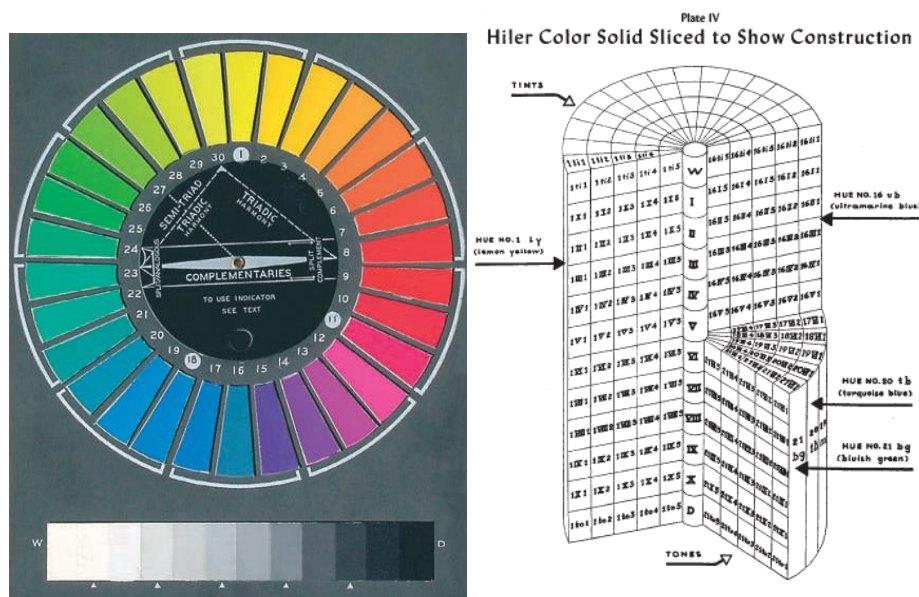

Рис. 136. Цветовой круг (1937 г.)³ и цилиндр (1942 г.)⁴ Х. Хайлера

¹ Цит. по: Das Werk:[Электронный ресурс] URL: https://aemiliusmueller.ch/?page_id=350 (дата обращения 24.08.2024)

² Frieling H. Die Sprache der Farben, München: Oldenbourg, 1939. 193 S; Frieling H. Gesetz der Farbe, Göttingen: Musterschmidt, 1968. 283 S; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 313.

³ Ibid. P. 262.

⁴ Hiler H. Color harmony and pigments. Chicago, New York: Favor, Ruhl & Company, 1942. P. 49.

	violet	bleu violet	bleu	vert	jaune	orange	rouge
1	2	3	4	5	6	7	8
rouge	pourpre	pourpre bleu	violet	blanc	orange	orange rouge	rouge
2	4	6	8	10	12	14	16
orange	blanc	blanc	blanc	blanc	orange	orange	orange
3	6	9	12	15	18	21	24
jaune	blanc	blanc	vert	jaune vert	jaune	orange	orange
4	8	12	16	20	24	28	32
vert	blanc	blanc	vert	vert	jaune	blanc	blanc
5	10	15	20	25	30	35	40
bleu	bleu violet	bleu violacé	bleu	bleu vert	vert	blanc	violet
6	12	18	24	30	36	42	48
bleu violet	bleu violacé	bleu violacé	blanc	blanc	blanc	pourpre	bleu
7	14	21	28	35	42	49	56
violet	violet	violet	blanc	blanc	blanc	pourpre	pourpre
8	16	24	32	40	48	56	64

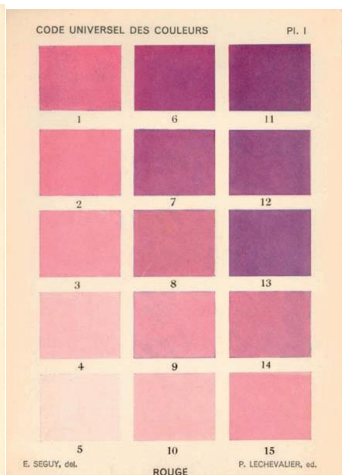
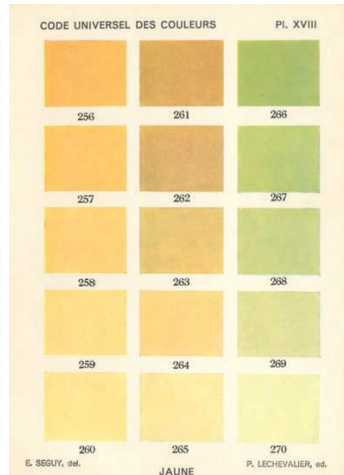

Рис. 137. Цветовые таблицы Е. Сеги (1936 г.)¹: rouge – красный, bleu – синий, jaune – желтый, orange – оранжевый, blanc – белый, vert – зеленый, pourpre – пурпурный, violet – фиолетовый

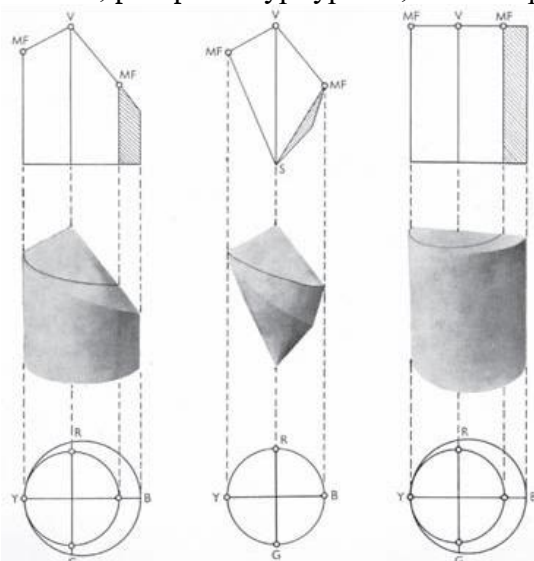
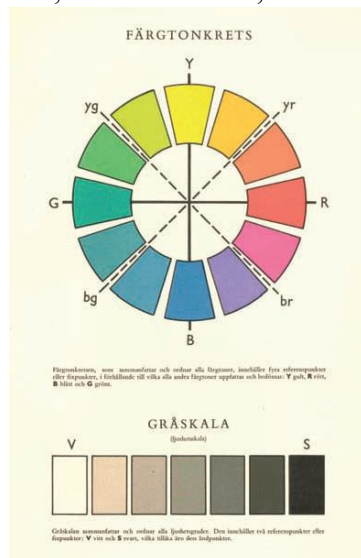

Рис. 138. Цветовой круг и схемы цветных тел Т. Йоханссона (1937 г.)²

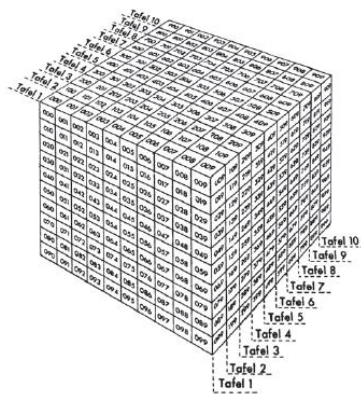

Рис. 139. Цветовой куб (1943 г.) и таблицы (1952 г.) А. Хикетьера³

¹ Séguy E. Code universel des couleurs. Paris: P. Lechevalier, 1936. 68 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 295–296.

² Johansson T. Färg, Den allmänna färglären grunder. Stockholm: Lindfors, 1937. 138 S; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 107.

³ Hickethier A. Farbenphotographie, Farbendruck und Farbenordnung // Deutsches Buchgewerbe. 1943. Bd. 1. S. 140–145; Hickethier A. Farbenordnung Hickethier. Hannover: Osterwald, 1952. 100 S; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 201.

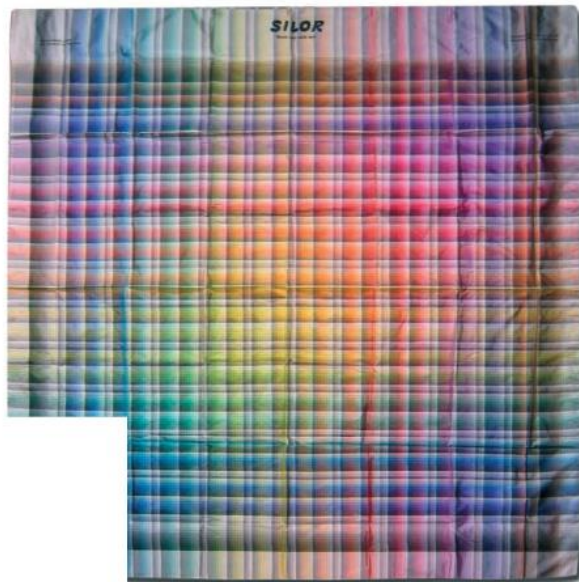

Рис. 140. Цветовая система в виде тканного полотна от компании Setarti AG (1947 г.)¹

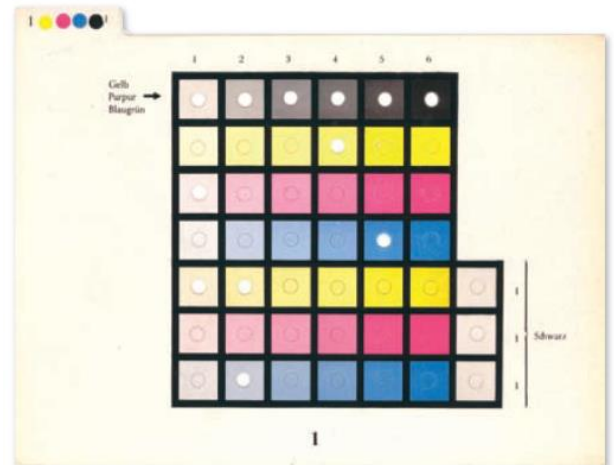
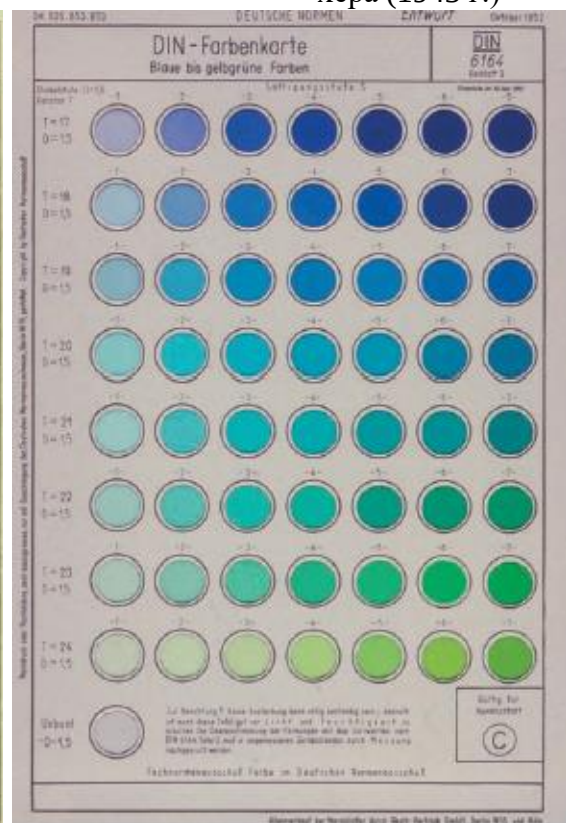
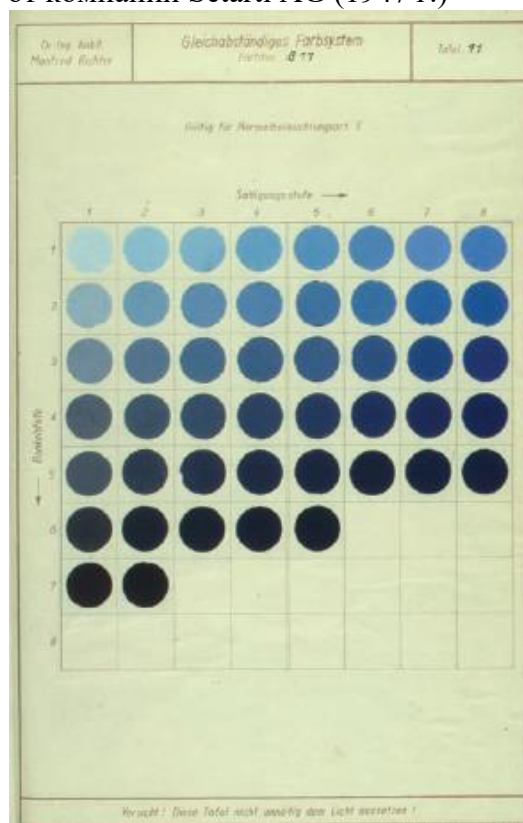

Рис. 141. Цветовые таблицы К. Бле-хера (1943 г.)²

¹ Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 299.

² Bleicher C. Die Herstellung mehrfarbiger Reproduktionen nach bunten Durchsichtsbildern durch Druck. Leipzig: Staatliche Akademie für graphische Künste und Buchgewerbe, 1943. 32 S; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 199.

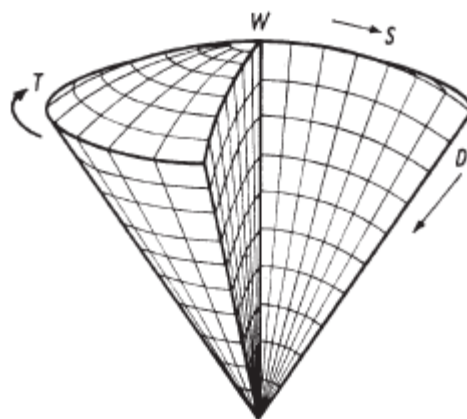
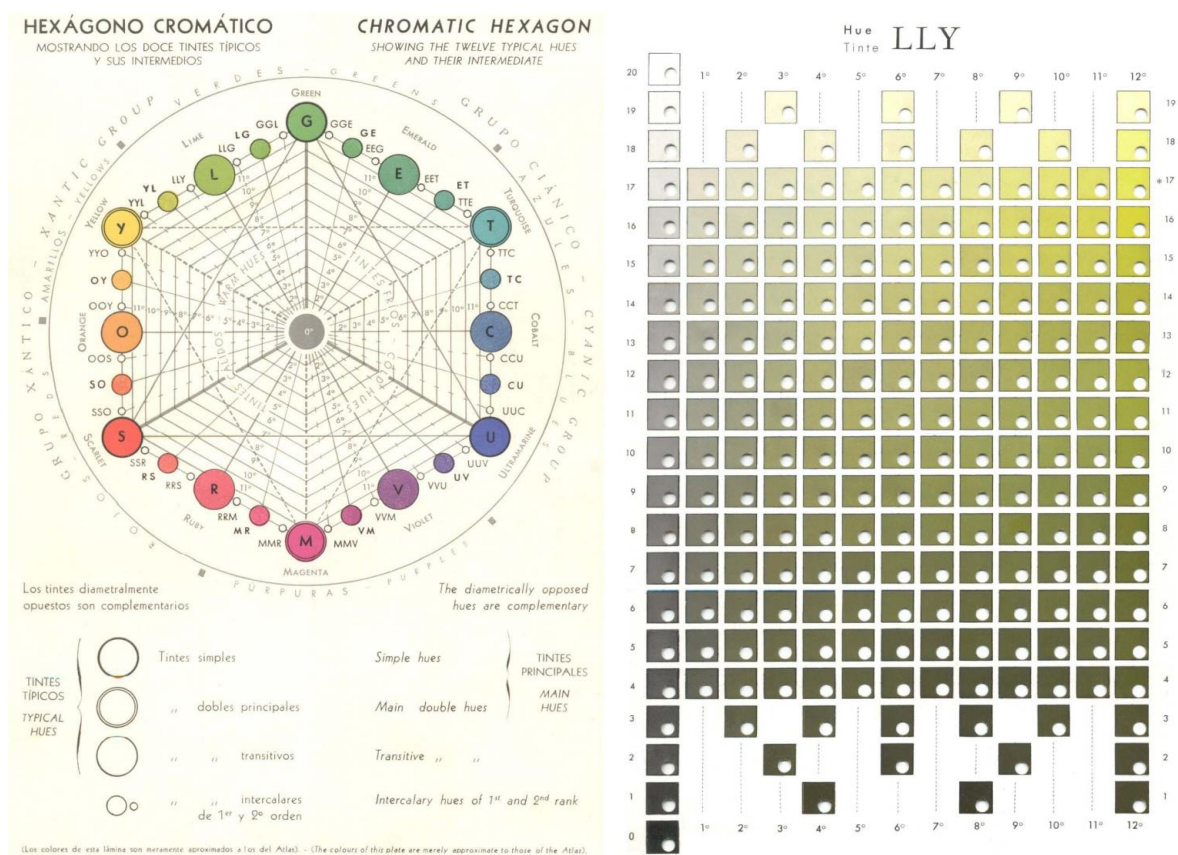

Рис. 142. Цветовые таблицы М. Рихтера для стандарта DIN 6164 (1947 г.) и схема цветового тела (1976 г.)¹

• 14 •

Рис. 143. Цветовой шестиугольник и таблицы К. и Х. Вильялобосов (1947 г.)²

¹ Цит. по: Kuehni R. G., Schwarzs A. Op. cit. P. 162–163.

² Villalobos-Dominguez C., Villalobos J. Atlas de los colores. Buenos Aires: El Ateneo, 1947. P. 30, 95.

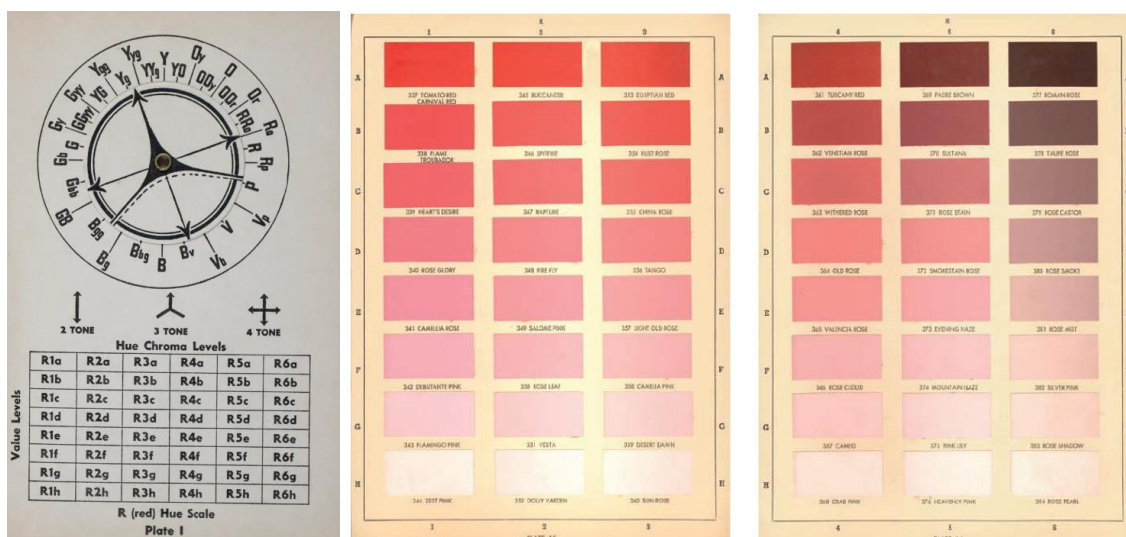

Рис. 144. Схема цветового круга и таблицы Г. и Г. Плосеров (1948 г.)¹

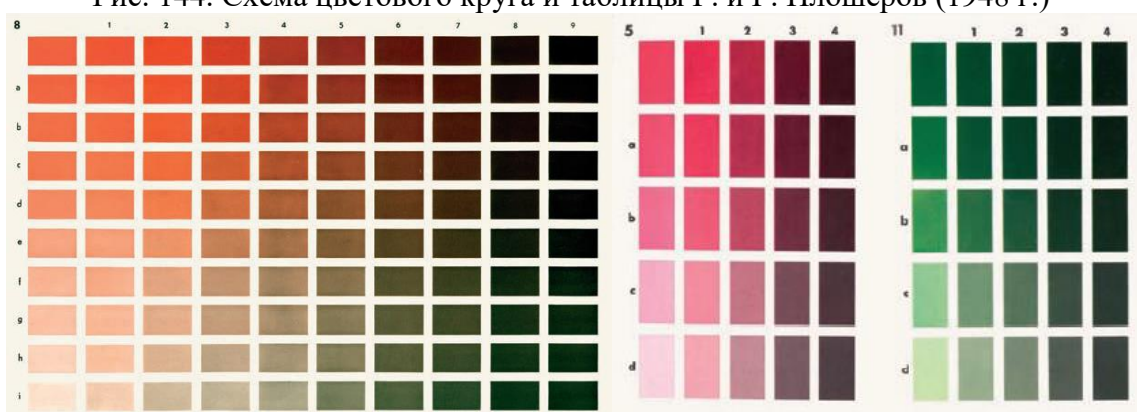

Рис. 145. Цветовые таблицы Л. Ческина (1949 г.)²

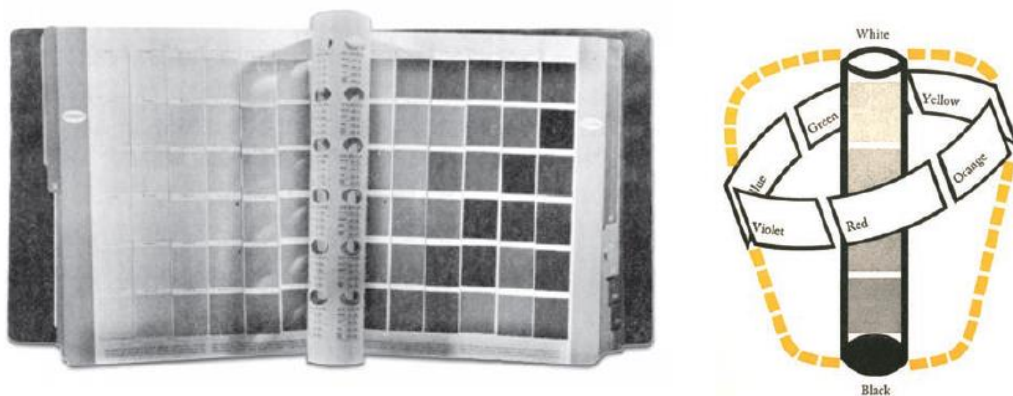

Рис. 146. Табличное представление цветовой системы «Колорайзер» от компании Colorizer Associates (1949 г.) и схема цветового пространства³

¹ Plochere G., Plochere G. Plochere color system in book form, a guide to color and harmony. Los Angeles: G. and G. Plochere, 1960. P. 11, 26–27.

² Cheskin L. Cheskin color system, New York: Macmillan, 1949. 24 p; Cheskin L. Color Guide for Marketing Media. New York: The Macmillan Company, 1954. 209 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 268–269.

³ Birren F. Color systems & color standards. Fort Wayne: General Color Cards, 1965. 28 p; Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 269–270.

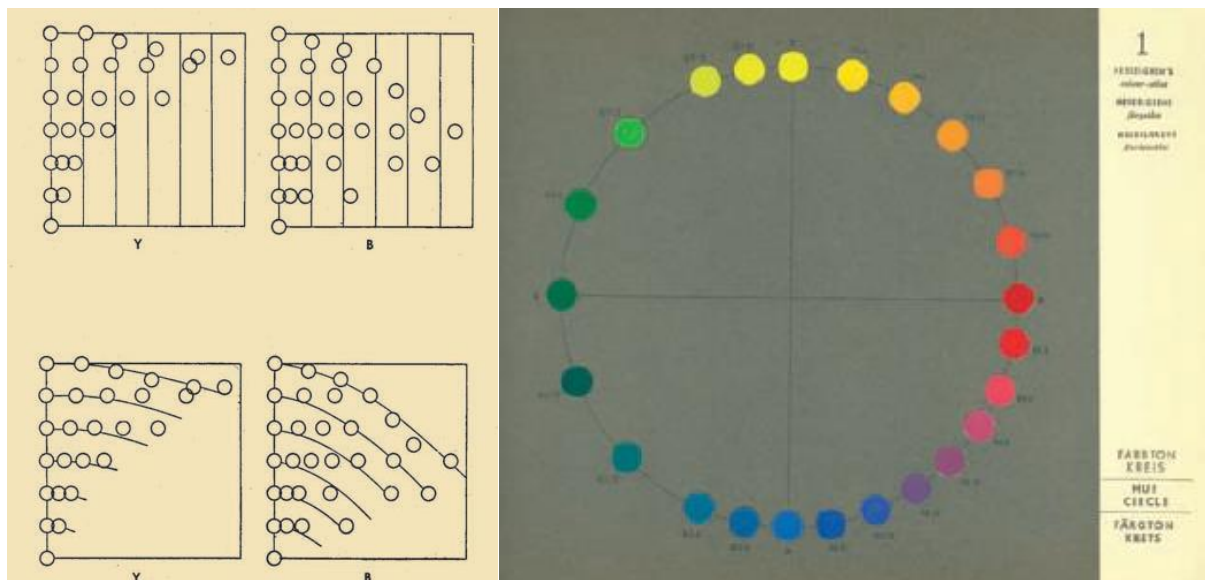

Рис. 147. Цветовой круг и схема линий постоянной насыщенности С. Хессельгрена (1953 г.)¹

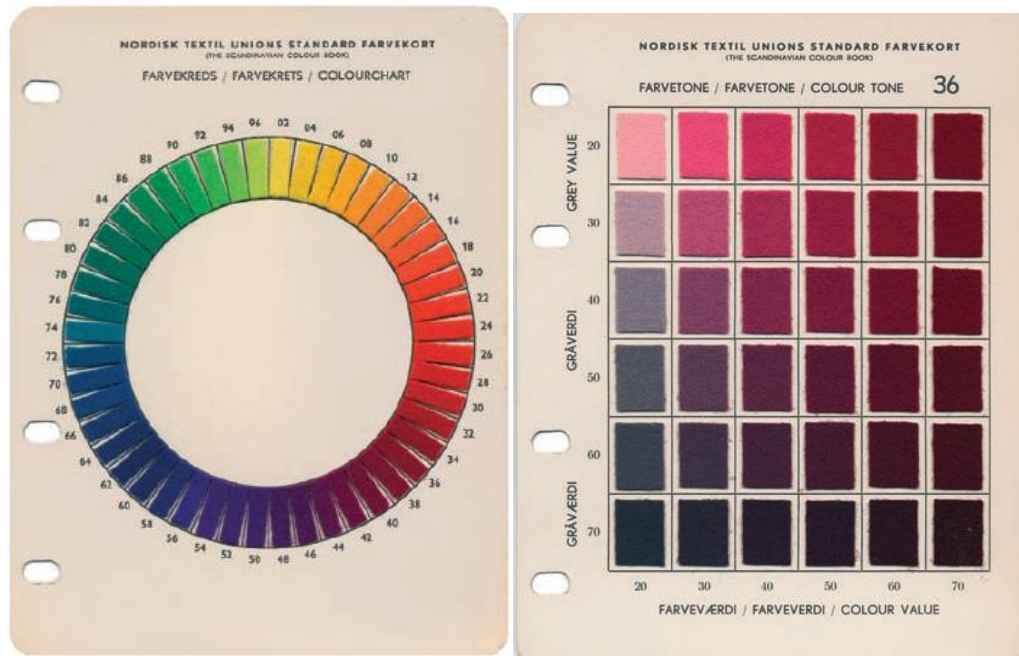

Рис. 148. Цветовой круг и таблицы С. А. Бардинга (1956 г.)²

¹ Hesselgren S. Hesselgrens Färgatlas. Color center, 1978. 50 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 108–109.

² Barding S. A. Nordisk Textil Unions standard farvekort. Copenhagen: S. A. Barding, 1956. 2 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 111.

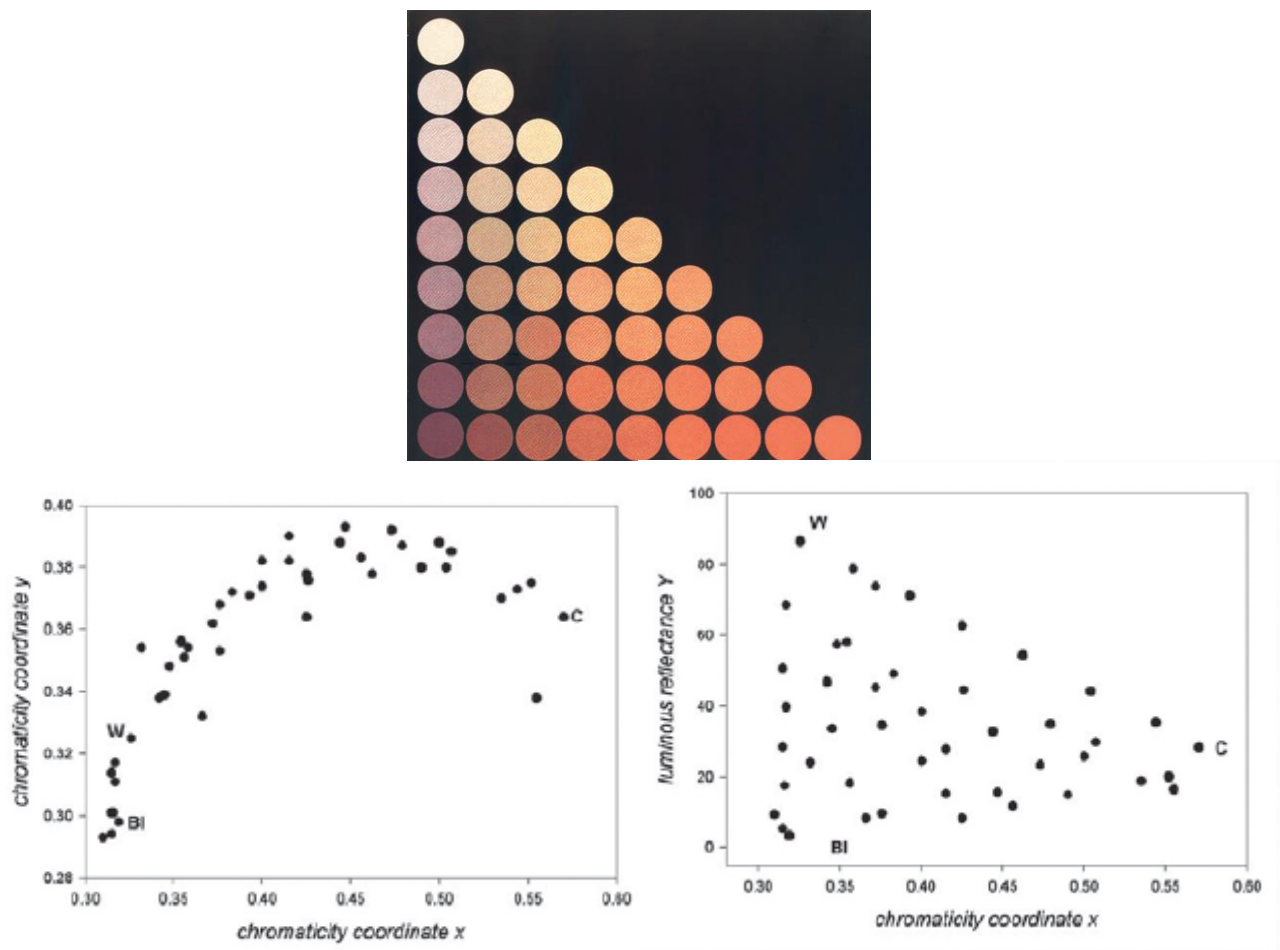

Рис. 149. Цветовые таблицы, графики отношения насыщенности к светлоте (слева) и распределения используемых в атласе пигментов (справа) Ф. Брауна (1956 г.)¹

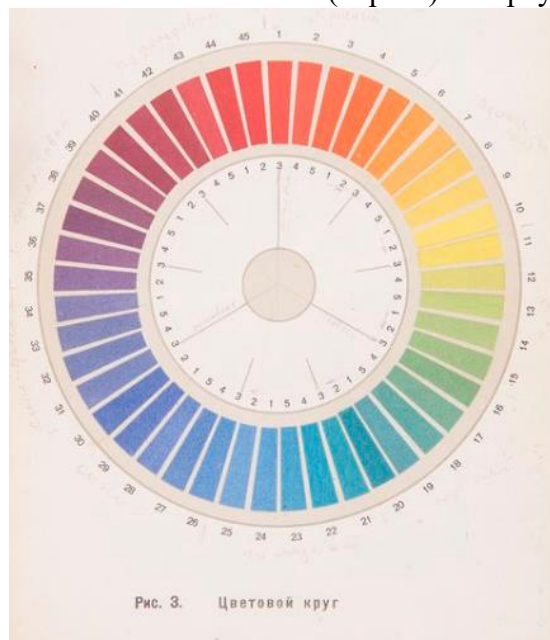

Рис. 150. Цветовой круг Е. Б. Рабкина (1956 г.)²

¹ Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 270–271.

² Рабкин Е. Б. Атлас цветов. М.: Медгиз, 1956. С. 57.

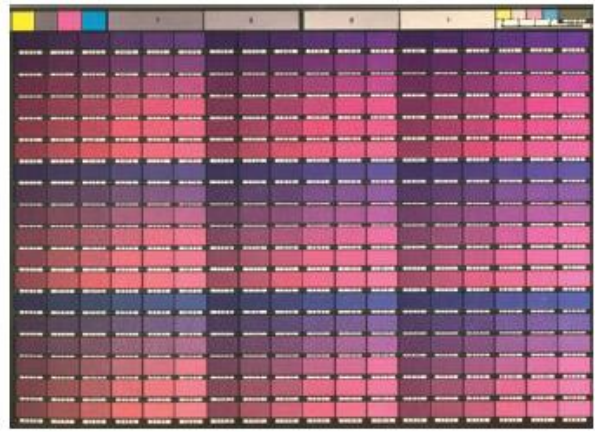
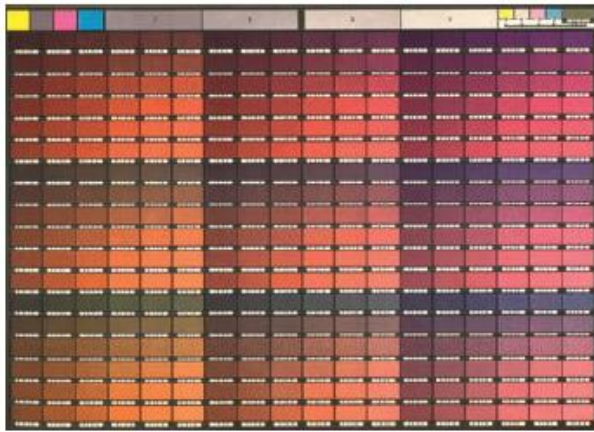

Рис. 151. Цветовые таблицы для полутоновой печати Х. Вецеля (1959 г.)¹

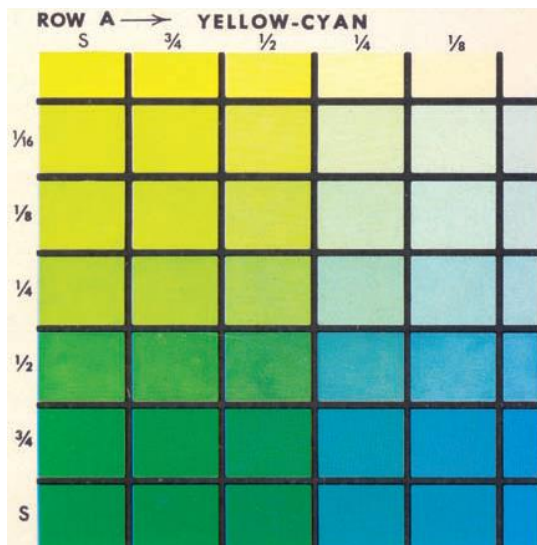

Рис. 152. Цветовые таблицы, разработанные Научно-исследовательской организацией по изучению офсетной печати [Lithographic Technical Foundation] (1957 г.)²

Рис. 153. Ойземанн С. Цветовая модель «Юколог» [Eucolor System], разработанная для компании Ispo (ок. 1975 г.)³

¹ Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 206.

² Lithographic Technical Foundation. LTF color chart. New York: Lithographic Technical Foundation, 1957. 34 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 205.

³ Eusemann S. Farbklänge im Innenausbau. Würzburg: Universitätsdruckerei Stürtz Verlag, 1975. 69 S; Eusemann S. Vorrichtung zur Bestimmung harmonischer Farbkombinationen // German Patent DE 3033797C2, 1980; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 278.

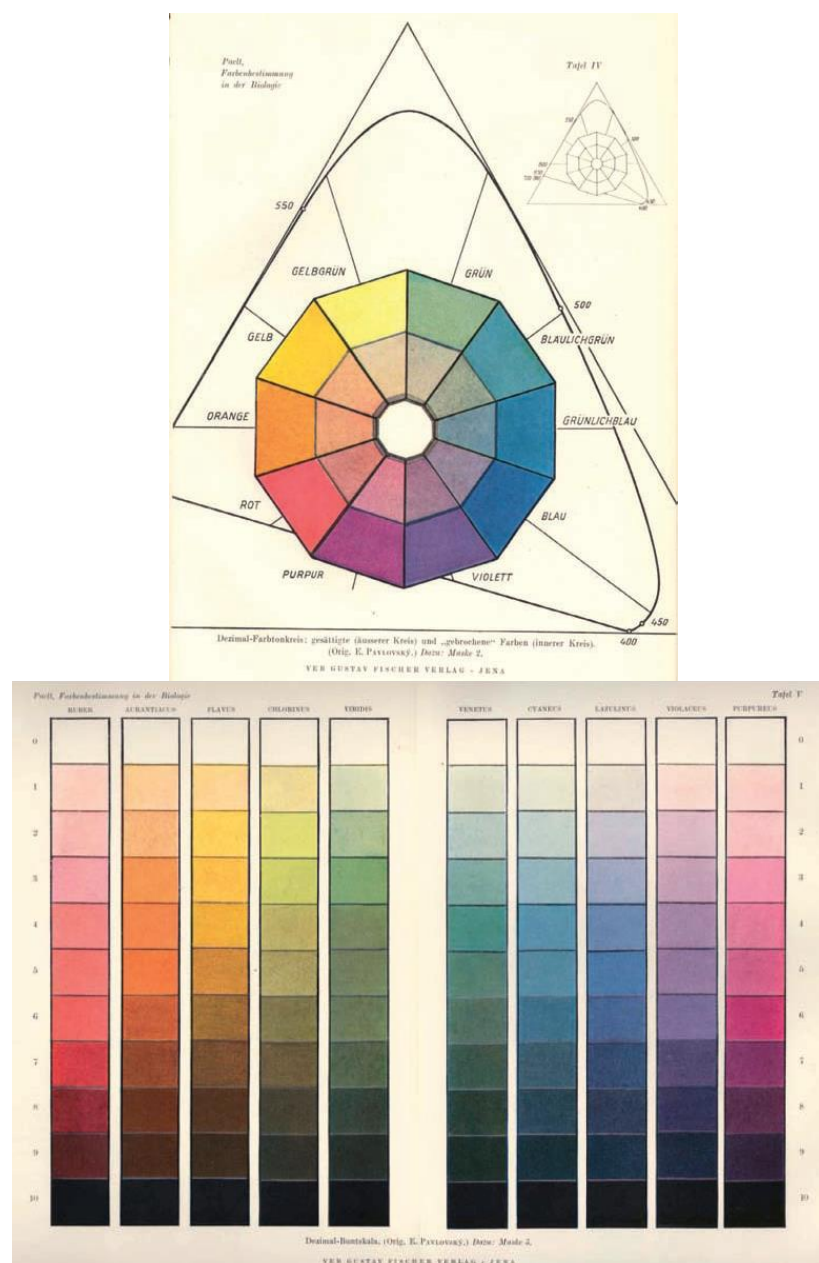

Рис. 154. Цветовой круг и шкалы И. Паклта (1958 г.)¹

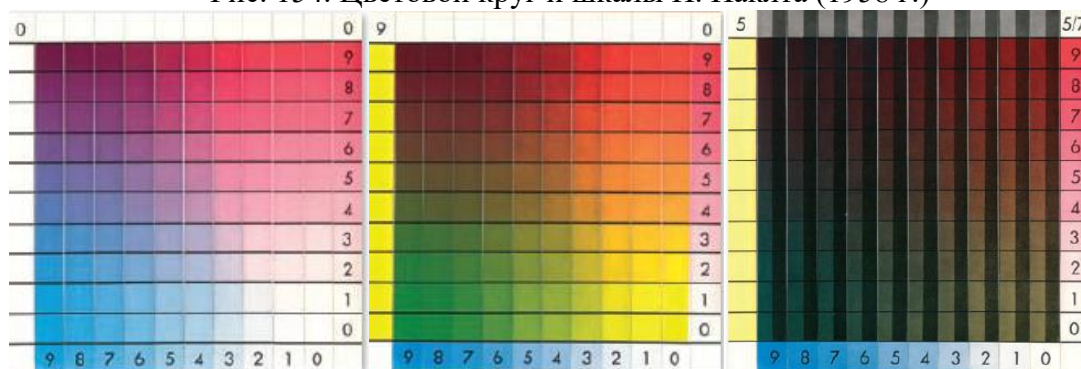

Рис. 155. Цветовые таблицы для полутонной печати, разработанные Промышленной ассоциацией по торговле графической продукцией и обработке бумаги Объединения свободных немецких проф-союзов (конец 1950-х гг.)²

¹ Paclt J. Farbenbestimmung in der Biologie. Jena: Fischer, 1958. 76 S; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 300–301.

² Ibid. P. 207.

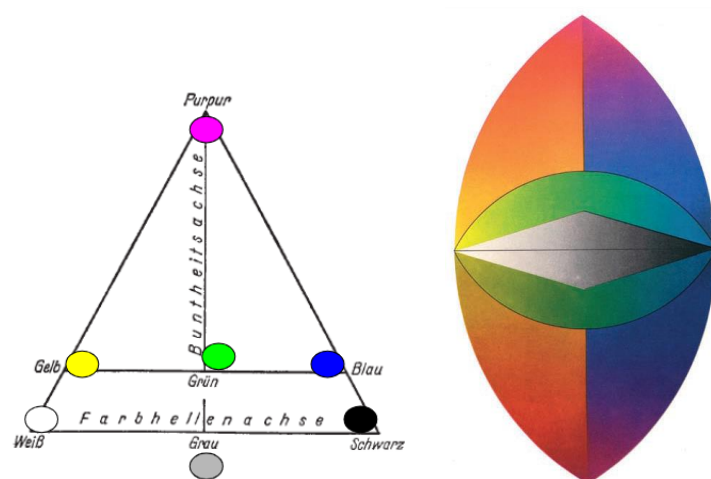

Рис. 156. Цветовой треугольник и ромбоид Э. Хеймендала (1961 г.)¹

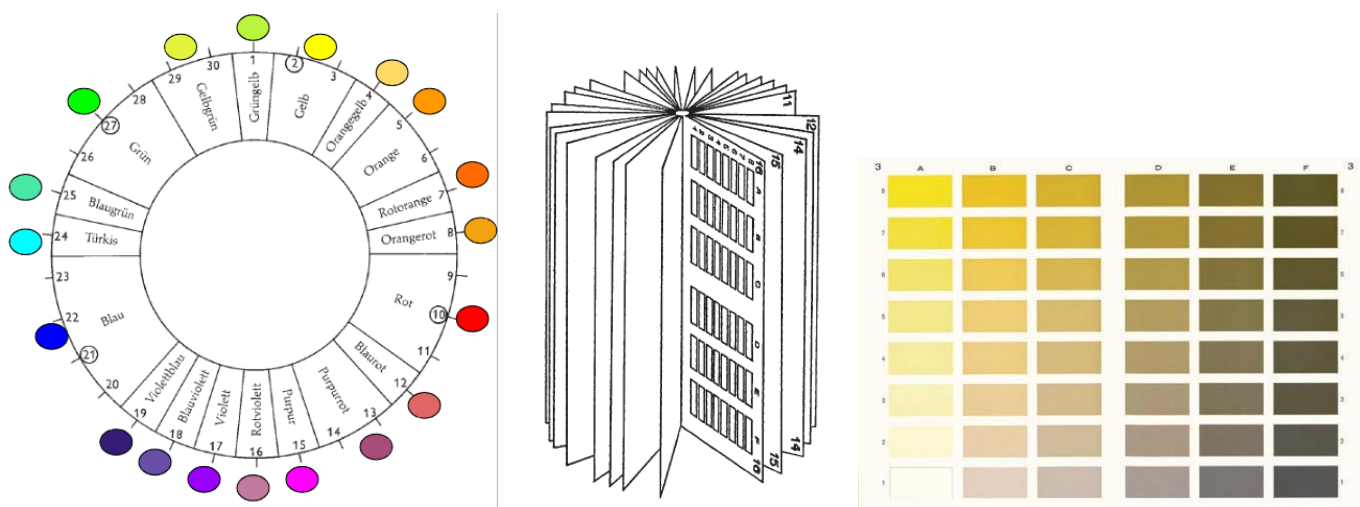

Рис. 157. Схемы цветового круга и цилиндра (1962 г.), цветные таблицы (1961 г.) А. Корнерупа, Й. Х. Ваншера²

¹ Heimendahl E. Licht und Farbe: Ordnung und Funktion der Farbwelt, Berlin: Walter de Gruyter, 1961. 284 S; реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 310.

² Kornerup A., Wanscher J. H. Reinhold color atlas. Reinhold, 1962. 224 p; Kornerup A., Wanscher J. H. Farver i Farver. Politikens Forlag, 1961. 248 p. цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 272.

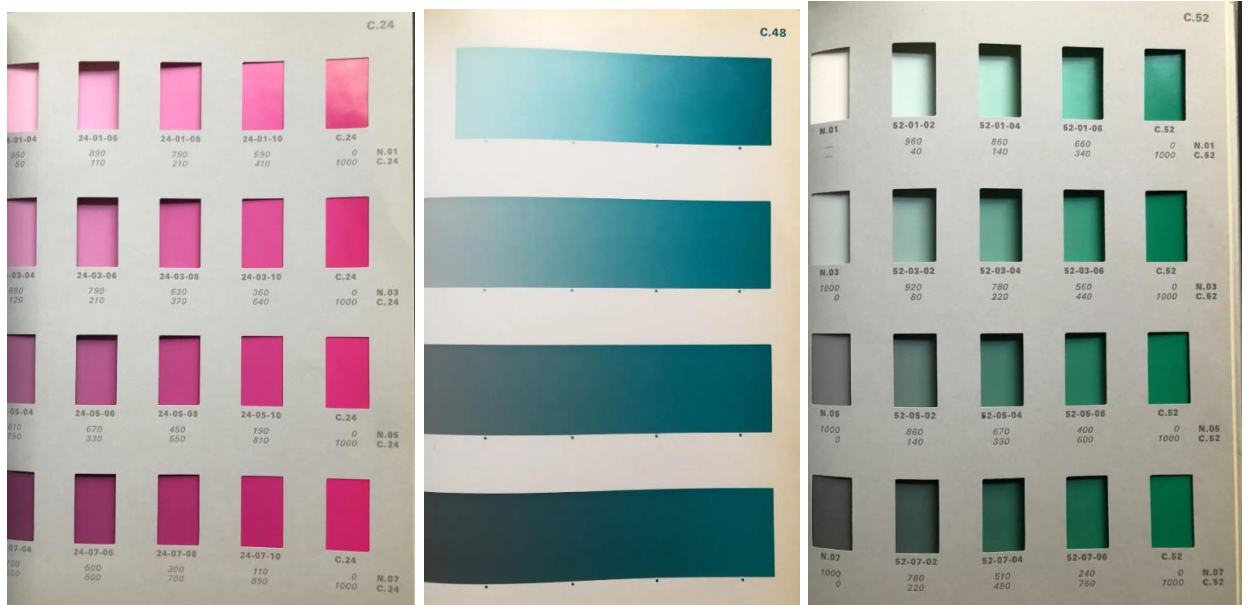

Рис. 158. Усовершенствованная система смешивания чернил (AIMS) в табличном представлении (1968 г.)¹

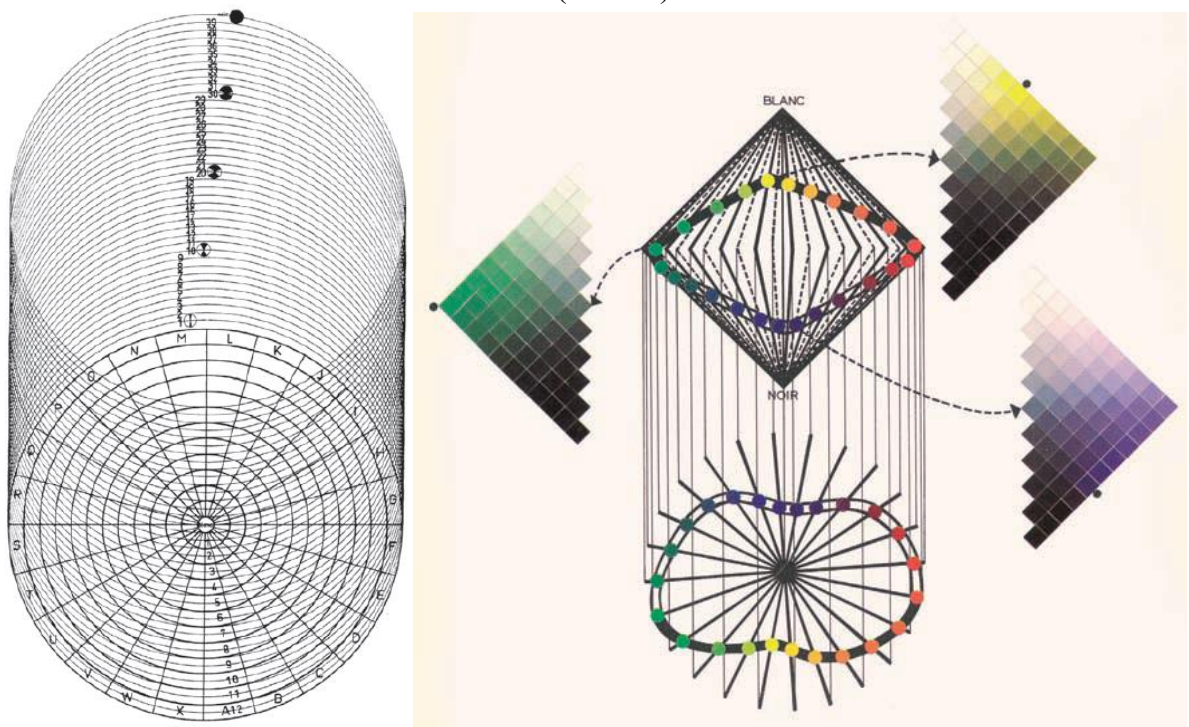

Рис. 159. Схема цветового цилиндра Ж. Филласье, Э. Лемонье (1968 г.) и цветового тела в виде двойного конуса Э. Лемонье (1976 г.)²

¹ Kornerup A. AIMS Advanced ink mixing system, Copenhagen: Danish Paint and Ink Research Laboratory, 1968. P. 24, 48, 52.

² Fillacier J., Lemmonier A. Intégrateur universel de couleur // French Patent 1,554,843. 1968; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 250–251.

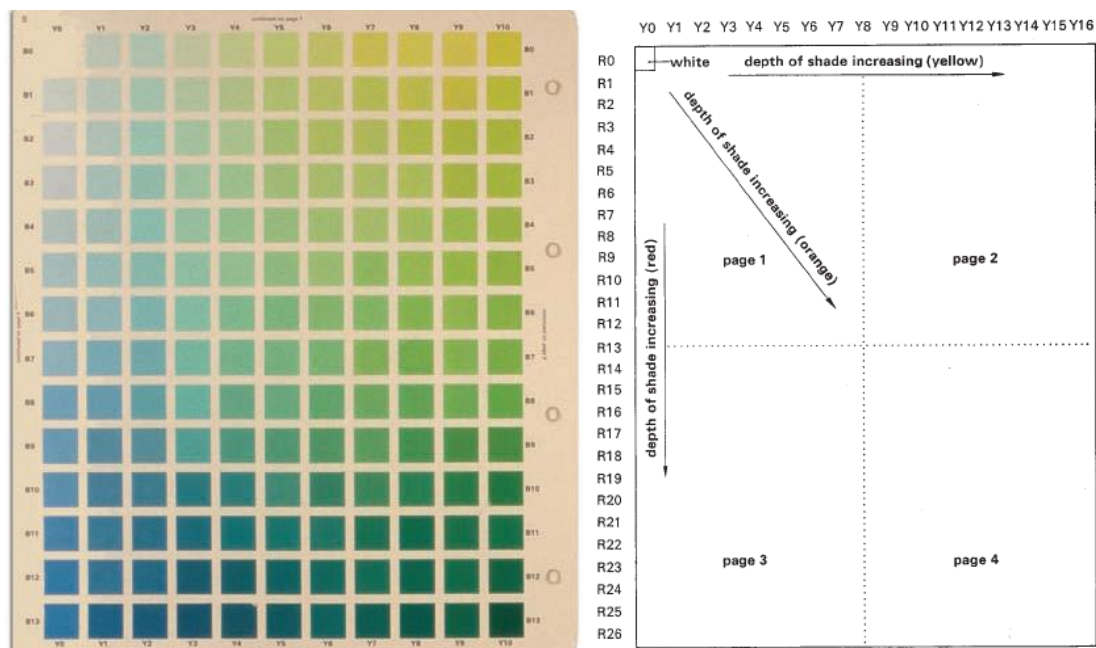

Рис. 160. Цветовые таблицы и схема цветового представления, разработанные компанией Imperial Chemical Industries (1971 г.)¹

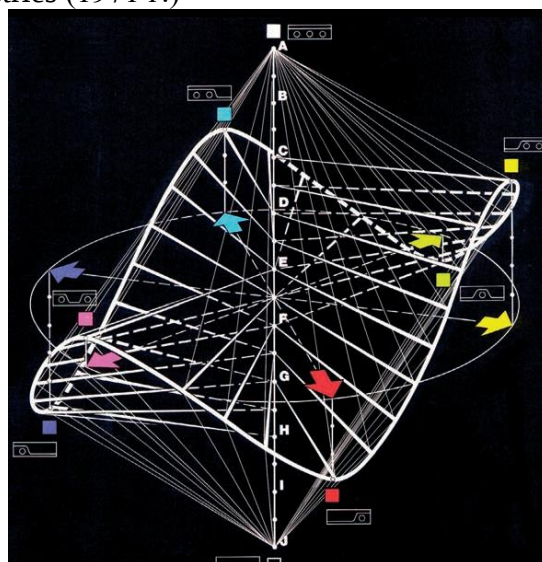
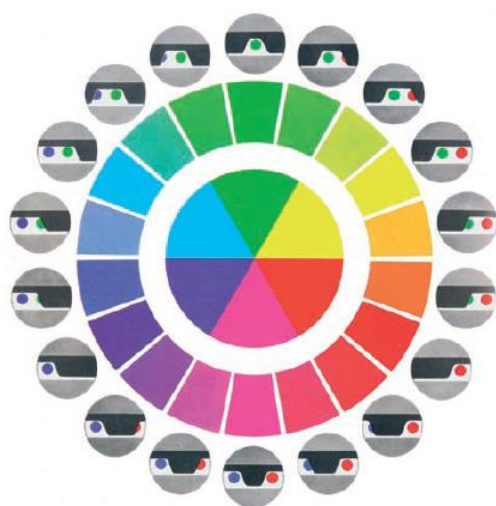
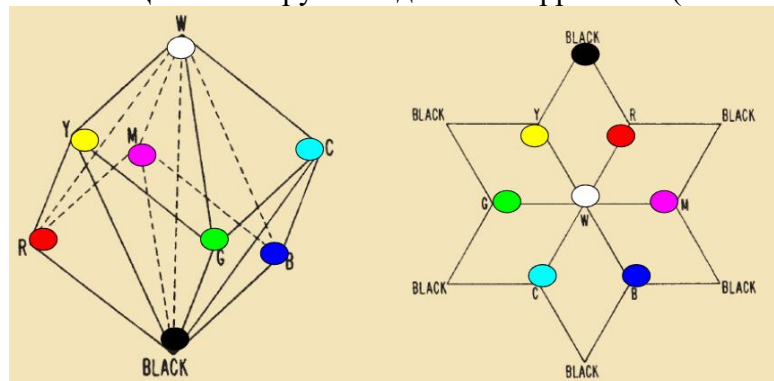

Рис. 161. Цветовой круг и модель Ф. Герритсена (1972 г.)²

¹ Imperial Chemical Industries Ltd. ICI colour atlas. Butterworths, 1971. 10 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 276.

² Gerritsen F. Farbe: Optische Erscheinung, physikalisches Phänomen und künstlerische Ausdrucksweise. Ravensburg: O. Maier, 1975. 179 S; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 319.

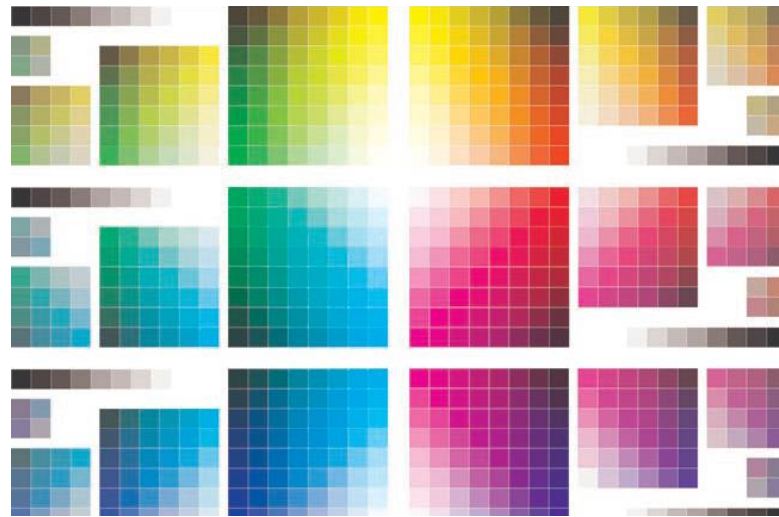

Рис. 162. Схема цветового куба и его двумерное представление виде ромбов, цветовые таблицы
К. Э. Фосса (1973 г.)¹

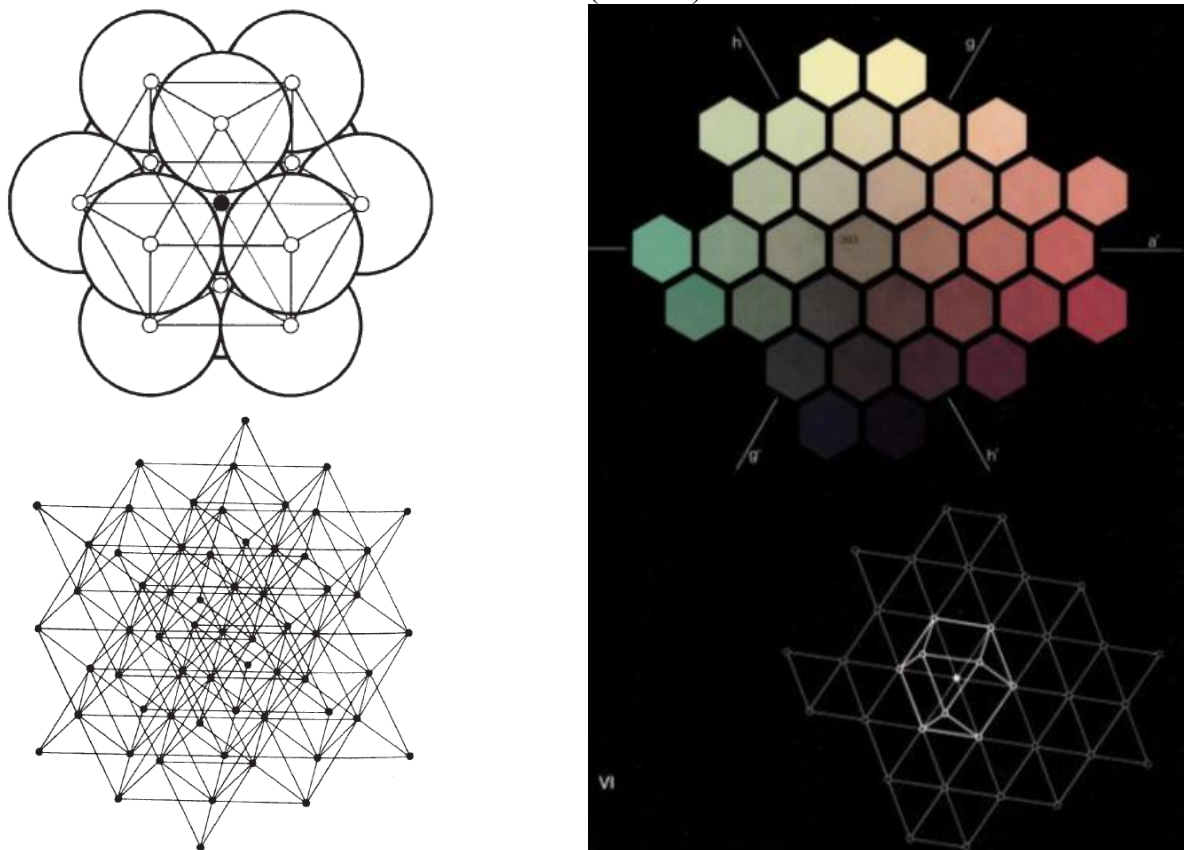

Рис. 163. Единое цветовое пространство OSA (1977 г.)²

¹ Foss C. E. Color order system // U.S. Patent 3,751,829. 1973; реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 208–209.

² Foss C. E. Space lattice used to sample the color space of the Committee on Uniform Color Scales of the Optical Society of America // JOSA. 1978. Vol. 68, No. 11. P. 1616; Gerstner K. The forms of color. Cambridge: MIT Press, 1986. P. 24.

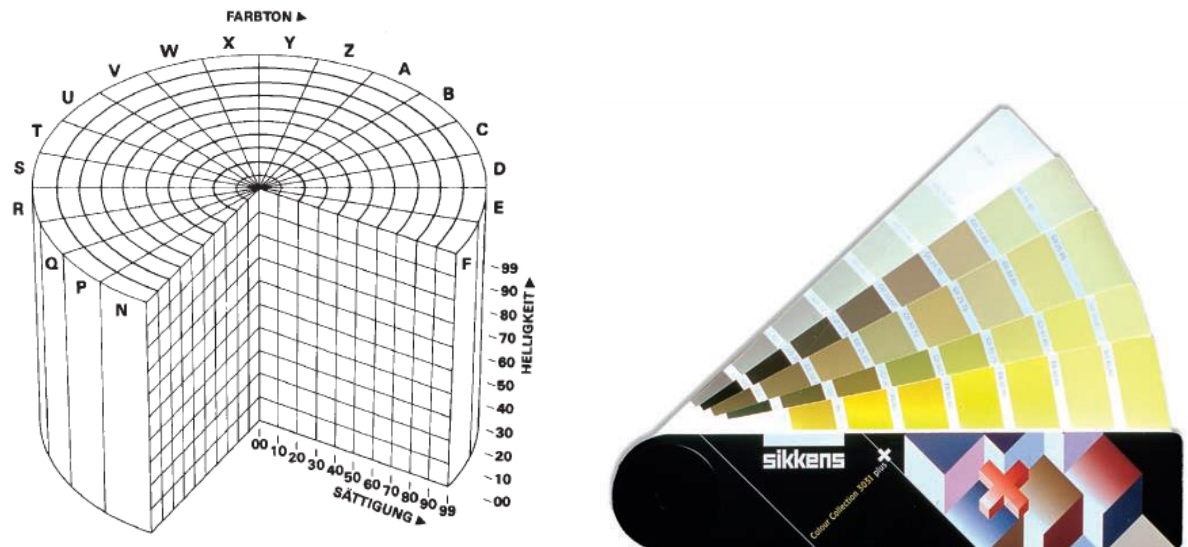

Рис. 164. Система кодификация цветов Acoast (1978 г.)¹

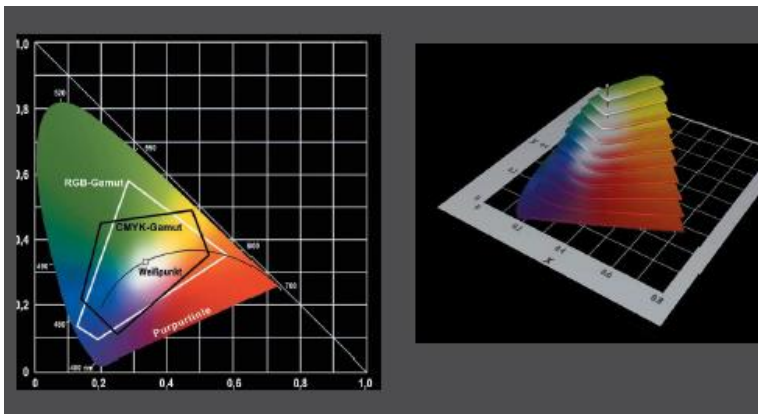

Рис. 165. Цветовое пространство CIE X,Y,C (1931 г.)²

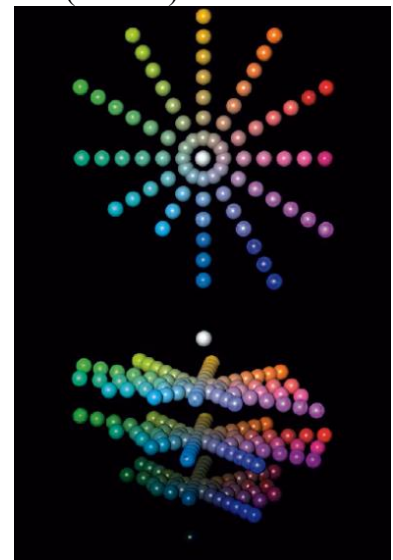

Рис. 166. Цветовое пространство CIElab (1976 г.)³

¹ Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 218–219.

² Цит. по: Welsch N., Liebmann C. C. Op. cit. S. 122.

³ Цит. по: Фершльд М. Д. Модели цветового восприятия / пер. с англ. А. Шадрина. New York: Rochester institute of technology, 2004. С. 226.

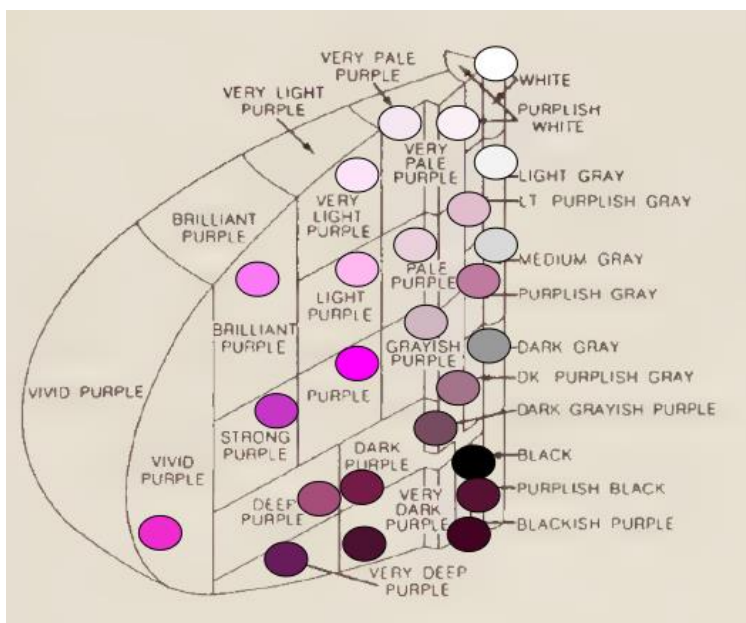

Рис. 167. Схема цветового тела, разработанного Межведомственным советом по цвету [Inter-Society Color Council] Национального бюро стандартов [National Bureau of Standards] (1955–1976 гг.)¹

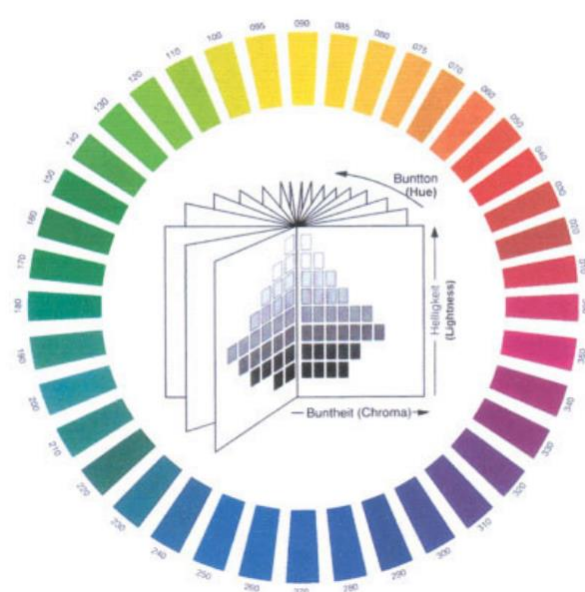

Рис. 168. Схема цветовой системы RAL [RAL Design System] (1993 г.)²

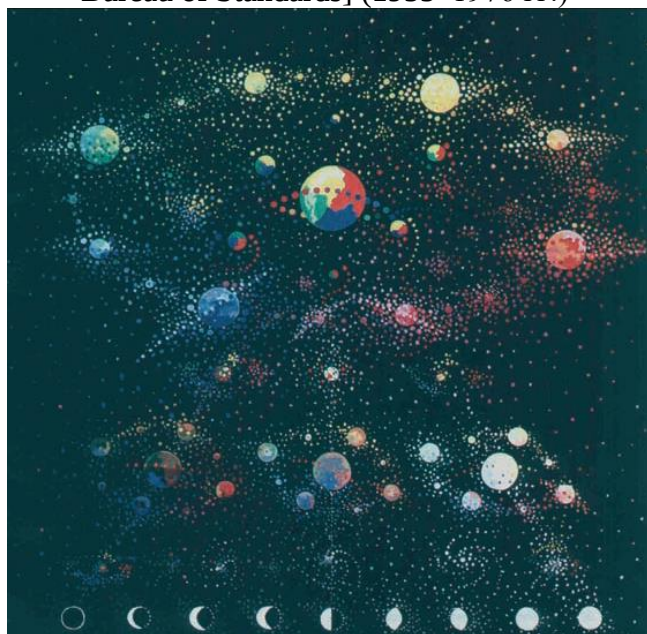

Рис. 169. Планетарная система цвета [Le Planetes-Couleur-Systeme] М. Альбер-Ванеля (1983 г.)³

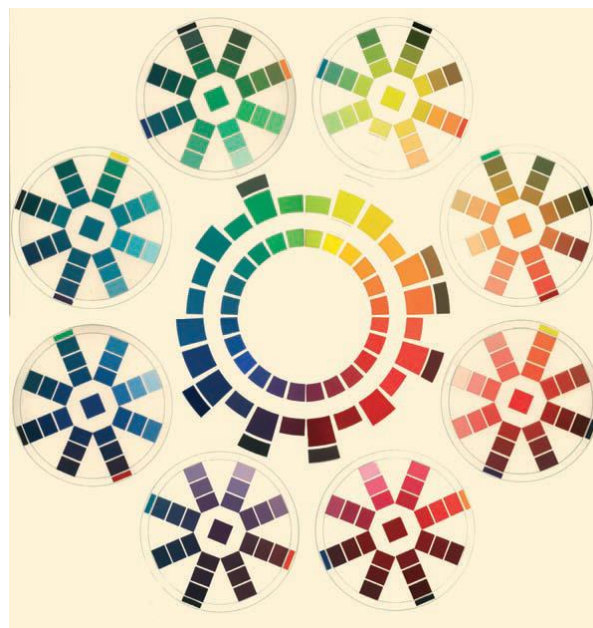

Рис. 170. Цветовая круговая схема «Планетарная система цветов» [Planetensystem] Л. Герике, О. Рихтера, К. Шоне, Р. Шумитца (1969 г.)⁴

¹ Реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: *Silvestrini N., Fischer E. P., Baumann U., Stromer K.* Op. cit. P. 183.

² Цит. по: *Öztürk L. D.* Location of Munsell colors in the RAL Design System //Color Research and Application. 2005. Vol. 30, No. 2. P. 131; *RAL Design System*: [Электронный ресурс], URL: <https://www.ral-farben.de/en/history> (дата обращения 31.08.24)

³ Цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A.* Op. cit. P. 320.

⁴ *Gericke L., Schumitz R., Richter O., and Schöne K.* Farbenkatalog für die Gestaltung. Berlin: Zentralinstitut für Gestaltung Ergänzungsteil, 1978. 56 S; цит. по: *Kuehni R. G., Schwarz A.* Op. cit. P. 314.

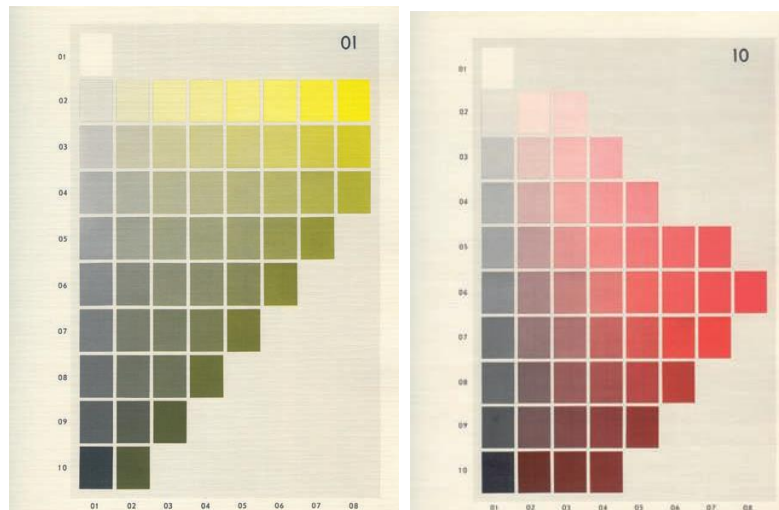
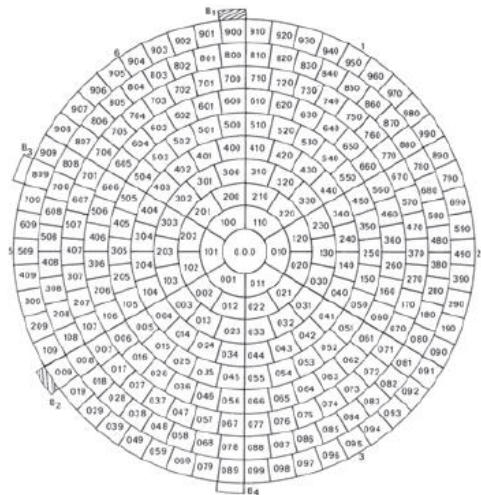
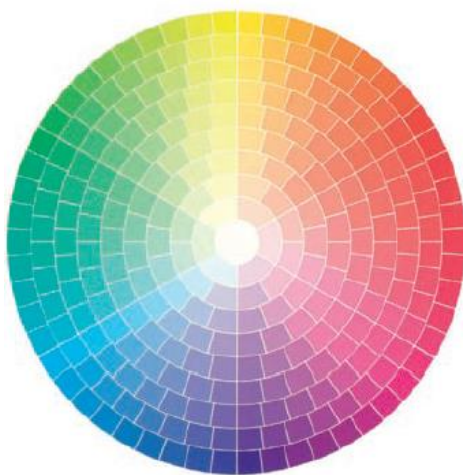

Рис. 174. Цветовые таблицы Г. П. Вишняка, И. С. Файнберга (1986 г.)¹

Rouge des 270 couleurs de même valeur que le blanc 6,0,0
(3 primaires, 24 dégradées des primaires, 243 secondaires)

Rouge des 270 couleurs de même valeur que le blanc 6,0,0
(3 primaires, 24 dégradées des primaires, 243 secondaires)

Rouge de projection des 168 couleurs
de même saturation que le gris 7,7,7
(3 primaires, 39 secondaires, 126 tertiaires)

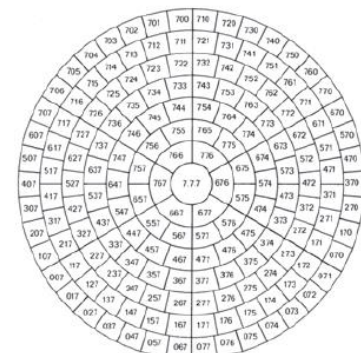

Рис. 175. Схемы цветовой модели в виде конуса К. Ришардьера (1987 г.)²

качественном отношении псевдоцветовое пространство – перевернутая версия пространства СIE. Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 145.

¹ Всесоюз. центр развития ассортимента товаров лег. пром-сти, моды и культуры одежды, ВНИИ комплекс. пробл. полиграфии. Атлас цветов. М.: ВЦАМлегпром, ВНИИ полиграфии, 1986. С. 5, 16.

² Richardière C. Harmonies des couleurs. Paris: Dessin et Tolra, 1987. 48 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 322–323.

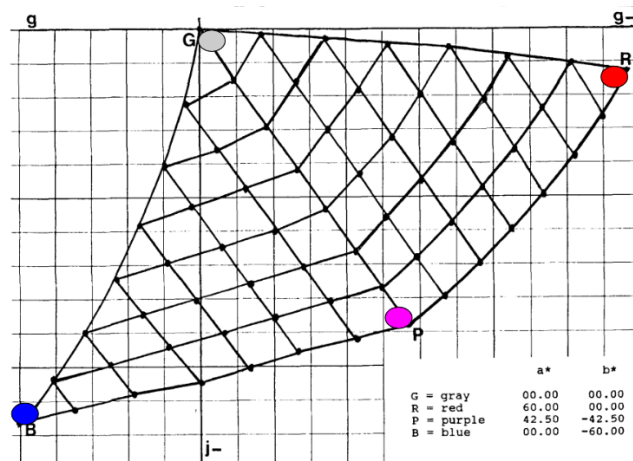
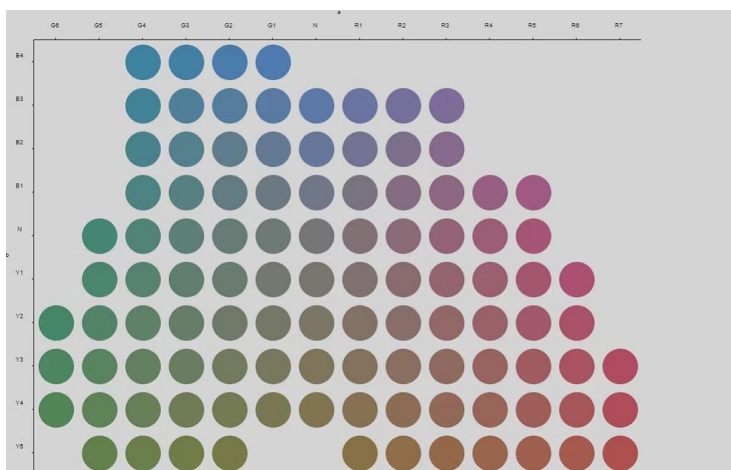
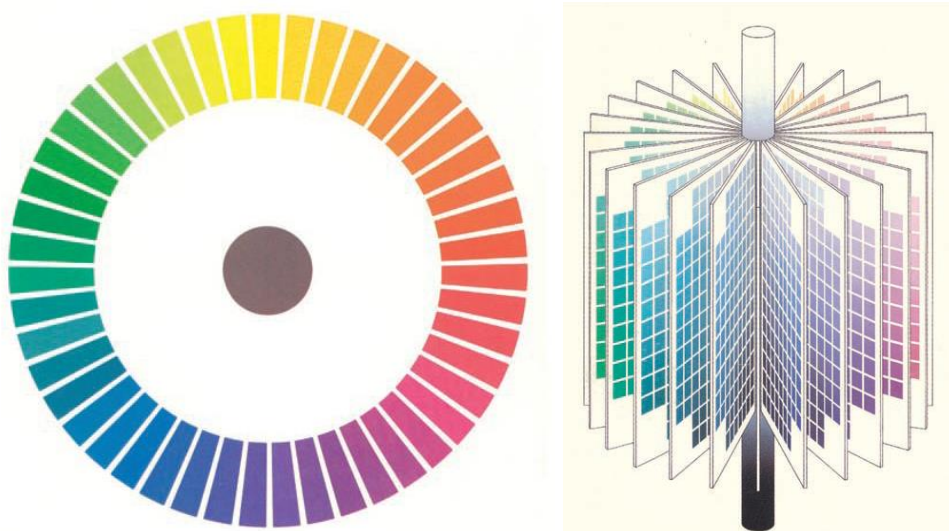
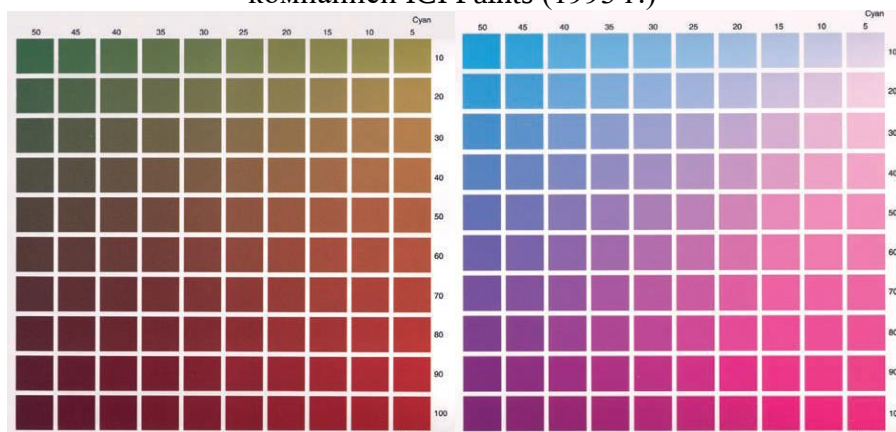

FIG. 3. Plots of 64 Colorcurve aim points in OSA space.

Рис. 176. Схема цветных образцов и график системы «Колоркерв» [Colorcurve] (1988 г.)¹Рис. 177. Цветовой круг и цилиндрическая модель «Основной палитры» [Master Palette], созданные компанией ICI Paints (1993 г.)²Рис. 178. Цветовые таблицы М. и П. Рогондино (2000 г.)³

¹ Colorcurve: [Электронный ресурс], URL: <https://www.vcsconsulting.uk/colorcurve> (дата обращения 31.08.24); реконструкция цвета на основе условных обозначений схемы в источнике: Stanziola R. The Colorcurve System // Color Research and Application. 1992. Vol. 17, No. 4. P. 266.

² Цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 280–281.

³ Rogondino M. and P. Process color manual. San Francisco: Chronicle Books, 2000. 256 p; цит. по: Kuehni R. G., Schwarz A. Op. cit. P. 210.

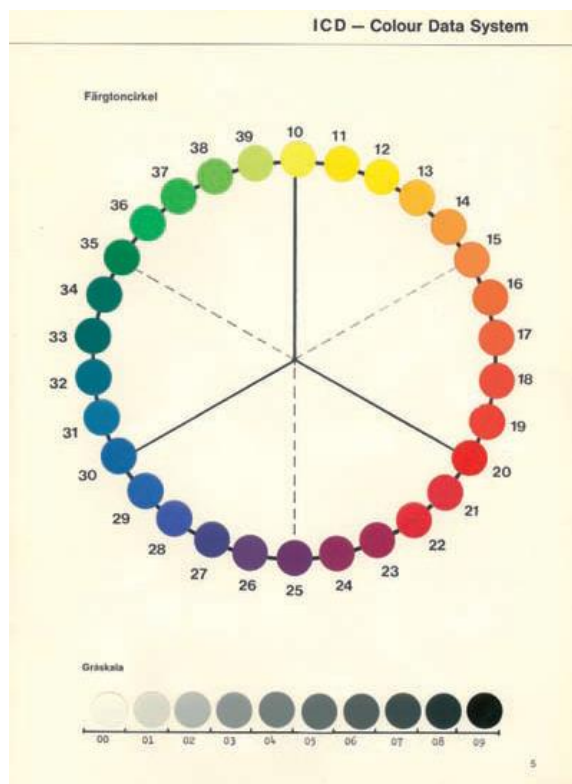

Рис. 180. Цветовой круг П. Мартина (1974 г.)¹

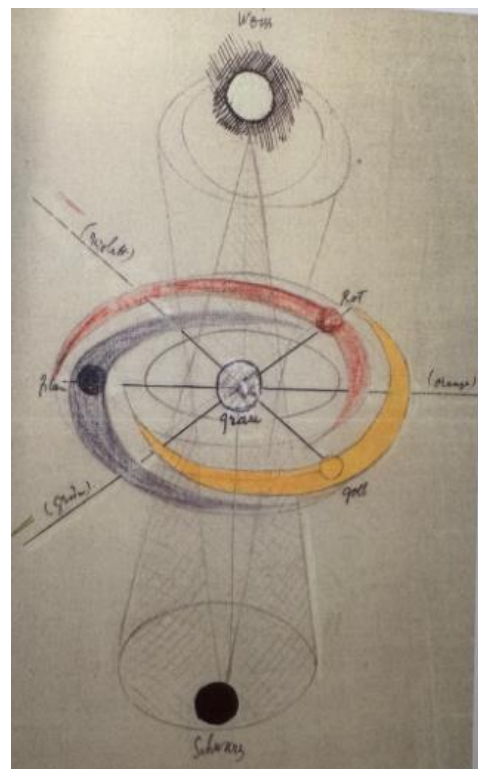

Рис. 181. Круговая цветовая схема П. Клее (1921–1922 г.)²

Рис. 182. Цветовой круг Р. Ф. Уилсона (1938 г.)³

BEGONIA		619
EQUIVALENT TO		
BRITISH COLOUR COUNCIL	Begonia B.C.C. 183	
RIDGWAY	Nil	
REPETOIRE	Laque de Garance 122/2	
OSTWALD		
History :		
A colour name which has been used in the textile trades since the latter part of the 19th century. Standardised in the British Colour Council Dictionary of Colour Standards.		
Foreign Synonyms :		
Dutch :	Begonia	
French :	Begonia	
German :	Begonienrot	
Italian :	Begonia	
Latin :	Begoninus	
Spanish :	Begonia	
Horticultural Examples :		
619 / 1	<i>Popaver alpinum laciniatum</i>	
619 / 2		
619 / 3		
619	Rose "Mme Edouard Herriot"	
	<i>Begonia coccinea</i>	

¹ Marthin P. Praktisk färglära med övningar. Stockholm: Ltsförlag, 1974. P. 5.

² Цит. по: Spillmann W. Op. cit. S. 127.

³ Wilson R. F. Horticultural colour chart I and II. London: The British Colour Council and The Royal Horticultural Society, 1938–1941. 200 p; цит. по (слева): Spillmann W. Op. cit. S. 168.